

П. РАДЧЕНКО

НА ЗАРЕ

РОМАН

КНИГА 3

ПОД КРАСНЫМ СТЯГОМ

Третье издание

КРАСНОДАРСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
1989

ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ

I

Части Красной Армии накапливались у общественно-го леса. Пехотинцы рыли окопы, чистили оружие. Кавалеристы, надев саквы на морды лошадей, кормили их овсом. Полуденное солнце обдавало землю жаром, изнывающие от зноя бойцы старались укрыться в тенистых зарослях леса.

Корягин возвращался из Кавказской в отряд. В запыленной фуражке, в потемневшей от пота гимнастерке, с шашкой и парабеллумом на поясе, он медленно ехал на тонконогом скакуне вдоль опушки леса и, казалось, не замечал ни духоты, ни зноя.

Здесь, на дороге, его встретил Ропот. Резко остановив разгоряченного коня, он крикнул:

— Петр Владиславович! Тебя кличут в штаб.

Корягин неторопливо достал из нагрудного кармана трубку, набил ее табаком, закурил.

Ропот заметил на лице его тень душевной тяжести, спросил:

— Уж не приболел ли ты, Петр Владиславович? Что-то вид у тебя квелый, не дюже мне нравится... Вот.

— Нет, ничего,— ответил Корягин.— Я здоров. Дома только неважные дела.— Он ощутил во рту неприятную горечь, откашлялся и сказал: — Просьба у меня к тебе, Логгин Прокофьевич. Побывай в отряде и передай Галине Калите, чтобы она съездила в Кавказскую к Елене Михайловне: помочь ей надо... Игорек заболел.

— Хорошо, Петр Владиславович, передам! — сказал Ропот.— Я сейчас прямо к ней.

Он стегнул коня плетью, понесся к Краснодольскому чоновскому отряду, занимавшему позиции между лесом и оборонительной полосой, проходившей по полю. За старым, густо заросшим валом начиналось открытое поле. Впереди, из-за бугра, виднелись верхушки тополей станицы Краснодольской. С тоской смотрел на них Ропот. Сердце его рвалось к родному углу...

Из перелеска донесся голос певучей тальянки. Миновав кусты, Ропот увидел группу чоновцев, лихо отплясывавших казачка. Среди них по широкому кругу носилась

Галина, выбивая каблуками дробь. Василий Норкин сидел на бедарке, задорно рвал мехи гармошки, и звуки казачьего танца растекались над землей, плавилась в горячем воздухе.

Ропот окликнул Галину. Она подбежала к нему, раскрасневшаяся, еще охваченная огнем танца, крикнула призывно:

— А ну, Логгин Прокофьевич, к нам в круг!

— Не до плясу мне, — ответил Ропот. — Да и тебе придется оставить эту затею.

И он передал ей просьбу Корягина...

Через несколько минут Василий и Галина уже катили на бедарке в сторону Кавказской.

* * *

Командный состав собрался под огромным тенистым дубом, одиноко росшим среди солнечной лесной поляны. Ждали командующего.

Левандовский прибыл на легковой автомашине вместе с Орджоникидзе и двумя ординарцами.

— Ну что ж, товарищи, — сказал он, обращаясь к командирам. — Добрые вести привезли мы вам. Разгром врангелевских десантов в районе Ачуева и на Таманском полуострове завершён IX Красной армией успешно. Завтра главные ее силы будут переброшены сюда для ликвидации банд...

Над поляной пронеслось дружное «ура».

В круг вышел Орджоникидзе. Весело поблескивая черными глазами, он снял кожаную, изрядно поношенную фуражку, одобрительно тряхнул густой смолистой шевелюрой:

— Да, дорогие товарищи, наши успехи неоспоримы. Сегодня мы можем с уверенностью заявить, что враг на Кубани потерпел полное поражение. Но... и обольщаться успехами нам, большевикам, не пристойно. Впереди еще бои с лютыми, хорошо вооруженными бандами Хвостикова. Сложность этой борьбы заключается в том, что она будет в горах, которые неприятель, безусловно, постарается использовать... — Орджоникидзе достал из кармана гимнастерки листок бумаги, развернул его и поднял над головой. — Вот, товарищи, телеграмма от Владимира Ильича Ленина.

Воцарилась такая тишина, что было слышно, как шуршат под ветром травы.

— Владимир Ильич придает важное значение нашему фронту,— продолжал Орджоникидзе.— В телеграмме говорится:

9 сентября 1920 г

РВС Кавказского фронта

Орджоникидзе

Быстрейшая и полная ликвидация всех банд и остатков белогвардейщины на Кавказе и Кубани — дело абсолютной общегосударственной важности. Осведомляйте меня чаще и точнее о положении дел.

Ленин.

Корягин взволнованно слушал Орджоникидзе, крепко стиснув зубами потухшую трубку, вспоминал июль 1918 года, когда впервые встретился с товарищем Серго во Владикавказе. Орджоникидзе тогда решительно отверг тактику блока с левыми эсерами и меньшевиками-интернационалистами. Вспомнилась Корягину и ночь с 5 на 6 августа, когда во Владикавказ внезапно ворвались отряды белогвардейцев, возглавляемые двумя полковниками денкинской армии. В городе зашевелилась контрреволюция, открыла винтовочный и пулеметный огонь по красным. Положение стало критическим. Инициатива оказалась в руках врага...

Красноармейские части вынуждены были отойти к вокзалу и подвергнуть орудийному обстрелу центр Владикавказа...

Четверо суток продолжался бой. На пятые — части XI Красной армии, оставшись без воды и продовольствия, отступили к слободкам Курской и Молдавской. Лишь на шестой день прибыло подкрепление. Враг не выдержал натиска и оставил город.

В тех боях Орджоникидзе показал себя умелым и стойким военачальником. Он всегда был на переднем крае и снискал всеобщую любовь красноармейцев.

Позже Корягину не раз приходилось бывать с Орджоникидзе на самых тяжелых участках борьбы с белогвардейщиной.

Корягин, слушая его речь, не сомневался, что с армией Хвостикова будет покончено в ближайшее время...

После совещания Орджоникидзе подошел к Корягину.

— Ну, здравствуй, Петр Владиславович. Как дела, как здоровье? — Он задержал взгляд на шраме, пересекающем лицо Корягина.— Это у тебя, кажется, владикавказская отметка?

— Верно, Григорий Константинович, владикавказская. Память у вас отличная.

Орджоникидзе весело сощурился.

— Э, дорогой мой, память у меня так себе.

Почувствовав на себе чей-то взгляд, Корягин обернулся и увидел на краю поляны жену и Галину. Лицо его побледнело, губы дрогнули.

Орджоникидзе заметил это, спросил обеспокоенно:

— Что с тобой, Петр Владиславович?

— Недоброе чую,— хриловато промолвил Корягин.

Предчувствие не обмануло его. Елена Михайловна, подбежав, с глухими рыданиями бросилась к мужу.

— Игорек... наш Игорек.

Корягин понял, что случилось самое страшное.

— Нет сыночка нашего... Я не переживу этого горя!

Орджоникидзе взял ее под руку, сказал Корягину:

— В машину. Поезжай, Петр Владиславович.— Он помог Корягину и Елене Михайловне сесть в автомобиль, положил руку на плечо шофера: — Быстро, на хутор!

Прижав голову жены к груди, Корягин ничего не видел перед собой. Ему казалось, что он никак не может проснуться от кошмарного сна.

— Успокойся, Еля, успокойся! — повторял он, а сам задышался от бесслезного плача...

На окраине хутора к автомобилю подскочил на Кристалле Вьюн.

— Здравствуйте, Петр Владиславович! — закричал он пронзительно.— Я с вокзала. Эшелон разгружается. Все наши приехали... Виктор, Соня...

Корягин окинул его затуманенным взглядом, пробормотал, кивая:

— Хорошо, хорошо.

Веселость вмиг слетела с лица Вьюна. Он понял, что Корягину сейчас не до него, резко осадил коня и, пропустив машину, долго растерянно смотрел ей вслед.

* * *

Прошла ночь.

На рассвете Орджоникидзе и Левандовский еще раз провели смотр боевой готовности войск, занимавших позиции вдоль опушки общественного леса.

Почти всю ночь Лаврентий Левицкий провел с сыном на бугре, с гневом и болью глядя на огненные языки пожаров, полыхавших над Краснодарской. Утром станица

скрылась за пеленой густого дыма. Лаврентий тщетно пытался разглядеть в бинокль дома и улицы.

— Все спялят, гады,— сказал он, горестно качая головой.— Батьку убили, теперь и хаты родной не найдешь.

На бугор к Левицким поднялись Петька Зуев, Аншамаха и Шмель.

— Не горюйте, Лаврентий Никифорович.— Зуев лихо сбил фуражку на затылок...— Скоро будете дома. Смотрите, атамана не упустите. Говорят, это он у вас в станице первая сволочь и поджигатель.

— Что сволочь, то верно,— поддакнул Виктор.— Такого ката поискать!

— Ничего, будет какюге по заслугам,— вставил Шмель.— Только бы удрать не успел.

Аншамаха окинул взглядом широкое поле, бугристое, пересеченное оврагами.

— Здесь, это самое... гнались за мной и Перевертайлом хвостиковцы. Хорошую лошадь запалил я тогда...

Петька Зуев указал на всадников, быстро приближавшихся к бугру.

— Начальство едет.

Орджоникидзе и Левандовский остановили коней у перекрестка дорог. К ним подъехали Воронов, Демус, Жебрак и Корягин. На груди Воронова сверкал орден, полученный за взятие Приморско-Ахтарской.

Увидев Корягина, Лаврентий растерянно оглянулся по сторонам, как бы выскивая место, куда спрятаться, но тут Корягин заметил его, воскликнул удивленно:

— Кого я вижу! Неужто ты, Никифорович?

Лаврентий спустился к нему с бугра.

— Я, Петр Владиславович. Ей-богу, я! Не ожидали, что вернусь?

— Наоборот, ждал, верил! — Корягин сжал его руку.— Ну, здравствуй, Лаврентий Никифорович. Будем вместе Краснодарскую освобождать.

— Спасибо, что не попрекаете прошлым,— промолвил растроганно Лаврентий.

— До встречи в станице! — попрощался Корягин.

Командующий и Орджоникидзе остались довольны смотром. Тут же, под бугром, на коротком совещании приняли решение атаковать Краснодарскую на рассвете следующего дня.

— А теперь, товарищи, разрешите расстаться с вами,— сказал в заключение Орджоникидзе.— Еду на Те-

рек! — Он вырвал из блокнота листок, протянул Левандовскому. — Попрошу вас, Михаил Карлович, сегодня же отправить эту радиogramму в Москву.

Левандовский пробежал ее глазами. В телеграмме сообщалось:

10 сентября 1920 г.

Москва. Кремль. Ленину

Ни одного солдата из десанта Врангеля на Кубани нет. Банды генерала Хвостикова и Крыжановского частью истреблены, частью прижаты к горам. Операция еще не закончена. У нас безусловно превосходство людских и технических сил, но сильно затрудняют операцию условия горной войны. Сегодня выезжаю на Терек для проведения ряда народных съездов горцев.

Орджоникидзе.

— Надеюсь, Михаил Карлович, что мы сможем в ближайшее время доложить Владимиру Ильичу о полной ликвидации банд Хвостикова, не так ли? — спросил Орджоникидзе.

— Будет так, и только так! — заверил его Левандовский.

II

В штабе хвостиковской армии, разместившемся в монастыре, на военный совет собрались генералы и офицеры. Хвостиков сообщил им о «печальной участи» десантов на побережьях Азовского и Черного морей, о концентрации частей Красной Армии под Кавказской.

— Таким образом, над нами нависла смертельная угроза, господа, — сказал он в заключение. — Поэтому я принял решение отвести армию в Тебердинское ущелье и через Клухорский перевал уйти в Грузию. Уходить надо немедленно, сегодня же. — Он остановил взгляд на Бородуле. — На вас, господин есаул, я возлагаю ответственность за организацию отхода наших частей из Краснодарской.

— Слушаюсь, ваше превосходительство! — козырнул Бородуля.

Магяш с потупленной головой сидел рядом с Гусочкой. Он готов был броситься на генерала, которого считал прямым виновником разгрома врангелевских десантов на Кубани.

Хвостиков обернулся к нему:

— А вы, господин хорунжин, с подъесаулом Мина-

ковым и корнетом Джентемировым будете прикрывать отступление из станицы.

Матяш медленно поднялся. Черная ненависть разьедала ему душу, мутила разум. Сверкнув исподлобья глазами, он сухо выдал:

— Слушаюсь!

Гусочка хотел что-то сказать, но Хвостиков не дал ему рта раскрыть, ткнув в его сторону пальцем:

— А ты, атаман, постарайся выжечь все большевистские гнезда в Краснодарской.

Гусочка подхватился с дивана, выпалил:

— Будет сделано, господин енерал-майер!

В приемную игуменьи, где шел совет, заглянул Валерьян, перекрестился и доложил с порога:

— Алексей Иванович, там какой-то полковник к вам...

— Это господин Жуков,— оживился Хвостиков.— Просите его!

В приемную вошел низкорослый, плотный мужчина в темно-серой черкеске с погонями полковника. Стукнув каблуками, он вскинул руку к кубанке и, облизнув пересохшие губы под черными усиками, отрапортовал:

— Прибыл по вашему приказанию, господин генерал-майор!

Хвостиков кивнул ему в знак приветствия и тут же объявил:

— Все, господа! Можете быть свободны.

Офицеры вышли.

Хвостиков указал полковнику на кресло:

— Прошу садиться.

Жуков сел. Хвостиков опустился на диван и, помедлив немного, сказал:

— Вызвал я вас, господин полковник, по очень важному делу, но прежде всего хочу познакомиться с вами поближе... Расскажите о себе... о своих планах на будущее...

Смуглое, полнеющее лицо Жукова передернулось.

— Что вам сказать?— промолвил он усталым голосом.— Я коренной кубанец. Прибыл с десантом генерала Улагая... После неудачного похода нашей экспедиции добровольно изъявил желание остаться на Кубани и готовить вооруженное восстание казаков против большевистской совдепии.

— Это благородная, но весьма трудная задача,—

заметил Хвостиков. — Основная масса казачества не протянула нам руку помощи, хуже того — предала нас.

— А мы, по существу, ничего не сделали для того, чтобы заинтересовать казачество и привлечь его на свою сторону, — сказал Жуков. — Туманные лозунги, расправа над вождями самостийников Рябоволом и Калабуховым, разгон Кубанской рады. Все это оттолкнуло казаков от деникинской армии. Ошибка за ошибкой, просчет за просчетом. И все же я не теряю надежды. На Кубани существуют и действуют антибольшевистские подпольные организации. Это моя главная опора.

— Ну и что же вы намерены предпринять сейчас? — спросил Хвостиков.

— Начну с духовенства, — сообщил Жуков. — Завтра-послезавтра буду в Екатеринодаре, у епископа Иоанна...

— Одну минуточку! — прервал его Хвостиков. — Мне кажется, вам будет не бесполезно познакомиться с одной особой. — Он окликнул в окно мать Иоанну и, когда та явилась в приемную, сказал ей: — Будьте любезны, пригласите ко мне мать игуменью.

Старуха отвесила низкий поклон и молча удалилась.

Игуменья не заставила себя долго ждать. Хвостиков представил ей Жукова, объяснив при этом о намерении последнего побывать у епископа Иоанна.

В глазах игуменьи мелькнул испуг.

— Зачем вам Иоанн? О чем вы собираетесь говорить с ним, Диомид Илларионович? — спросила она.

— Мне надо пробраться в Черноморскую Екатерино-Лебяжскую Николаевскую пустынь и там определиться в «монахи», — ответил Жуков. — Но прежде всего я решил получить благословение от владыки.

— Боже вас сохрани! — категорически возразила игуменья. — Ни в коем случае не связывайтесь с епископом Иоанном.

— Почему? — насторожился Жуков.

— Извольте, объясню, — сказала игуменья. — Вам, должно быть, известно, что еще при Деникине сюда, на Кубань, со всех концов России прибыло много духовенства, настроенного враждебно к Советской власти. В Ставрополе под председательством священника Шавильского был созван Южно-Русский церковный собор, на открытии которого присутствовал сам Антон Иванович Деникин. Этот собор вынес решение об объединении всего ду-

ховенства юга России в духовные союзы для отпора всяких покушений на церковь и для открытой борьбы против Советской власти. Собор установил тесную связь с Москвой, с двором патриарха Тихона. Однако епископ Иоанн уже тогда высказался против этих начинаний, а когда Советская власть пришла на Кубань, он встал на путь раскольников, начал призывать духовенство области к непротивлению злу, то есть смириться с Советами, и мы... в последнее время совершенно перестали с ним общаться.

— Выходит, Иоанн пошел наперекор указаниям святейшего синода? — недоверчиво спросил Жуков.

— Времена меняются, Диомид Илларионович, — тяжело вздохнула игуменья. — Сейчас среди духовенства явно наметился раскол. Однако связь с патриархом Тихоном у нас существует, и мы выполняем неукоснительно все его указания. Кстати, мы со дня на день ждем к себе в область нового викария¹ из Москвы. Думаем, что патриарх Тихон пришлет нам человека, который будет на Кубани проводить нашу политику.

— А епископат, епархия? Неужели все согласны с Иоанном?

— Безусловно, нет. Но власть-то в его руках.

— Странно, — протянул Жуков. — Спасибо, что вы предупредили меня. А то я мог бы попасть в неприятное положение. К кому же мне обратиться там, в Екатеринодаре?

— Свяжитесь со священником Ильинской церкви Пенязь-Забелиным, отцом Александром, — посоветовала игуменья. — Это ярый противник епископа Иоанна. С ним вы можете встретиться у моей знакомой, Веры Романовны Лихачевой: я дам вам ее адрес. Что касается поездки в Лебяжскую пустынь, то я могу и в этом деле посодействовать вам... напишу письмо игумену Дорофею, и он вас с удовольствием примет.

— А вы бывали когда-нибудь в тех местах, господин полковник? — поинтересовался Хвостиков.

— К сожалению, нет, — ответил Жуков. — Я из Баталпашинского отдела.

— Лебяжский монастырь — один из самых крупных монастырей на Кубани, — подчеркнула игуменья.

¹ Викарий (церк.) — в православной церкви епископ, подчиненный епархиальному архиерею.

— История его мне отлично знакома,— ответил Жуков.— Он был построен еще при Екатерине II и атамане Котляревском.

— Чудесные там места,— заметила игуменья.— Монастырь стоит на острове в Лебяжьем лимане и соединяется с землей только узкой дамбой. Тамошние лиманы очень богаты рыбой, раками и разной дичью. Особенно много там диких лебедей.

Жуков задумчиво погладил черные усыки, промолвил:

— Признаться, я никак не ожидал от епископа Иоанна подобного отступничества. Он же клятву давал в семнадцатом году на Карловицком соборе, когда патриарх Тихон заявил по поводу свержения династии Романовых: «Мы, русские, совершаем более тяжкий грех, чем отцеубийство. Подняли руку на помазанника божия... Надо молить вседержителя, чтобы он простил нам наш грех и вернул нашего общего отца...» Неужели Иоанн приспособляется к новой власти?!

III

Бородуля, Матяш и Гусочка в сопровождении группы верховых казаков скакали по лесной дороге. Черное небо хмурилось. В разрывах медленно плывущих туч изредка мерцали звезды. Лес был переполнен хвостиками цапи. Повсюду слышались дозоры.

На мосту перед Краснодольской Бородуля предупредил Гусочку:

— Ты, Иван Герасимович, не трогай больше ни одного двора в станице.

— Это ж почему, Игнат Власьевич?— уставился на него Гусочка.— Вы же слышали приказ?

— Слышал,— бросил раздраженно Бородуля.— Но я не позволю тебе чинить насилие над станичниками.

— Не согласен,— возразил Гусочка.— Это будет измена.

— А ежели ослушаешься, тогда пеняй на себя!— пригрозил ему Бородуля.— До новых веников будешь помнить.

Гусочка покачал головой.

— Э, Игнат Власьевич, негоже страшать меня. Цебто я, по-вашему, не атаман в своей станице? Я ить палю токо большевистские хаты. И вы здра...

— А ты слушай нас!— прервал его Матяш.— Будешь делать то, что мы тебе приказываем! Не по пути нам с Хвостиковым, завел он нас в тупик. Политику Врангеля, немецкого барона, он защищает и этим оттолкнул от себя казачество Кубани!

Гусочка погрозил ему плетью.

— Эге-ге, Андрей Филимонович, не туда гнешь. Неверно понимаешь нашу политику.

— Андрей прав!— повысил голос Бородуля.— Хвостиков во всем виноват. Почему за ним население Кубани не идет? Да потому, что он зверь! За малейшую провинность расстреливает даже своих солдат. Зачем он загубил Данилку Конотопа? Ну, ошибся хлопец по неопытности, так сразу и голову долой? Кто же пойдет за таким людом?!

— Енерал Хвостиков, как я понимаю, человек железной дисциплины,— заметил Гусочка.— И Конотоп пострадал из-за того, что понапрасну всполошил станицу.

— А грабежи зачем допускает Хвостиков?— спросил Бородуля.— Сам он золота нахапал через край, и все ему мало!

— А как же без грабежей, Игнат Власьевич,— возразил Гусочка.— Тогда совсем никто воевать у него не захочет. Я первый отказался бы.

— Ну так вот, запомни, что я сказал,— повторил Бородуля и вместе с Матяшом направился мимо ветряка...

* * *

Было уже за полночь, когда Гусочка закончил составлять список дворов, которые решил предать огню. Этот список он передал дежурному, сказал повелительно:

— Вот для изничтожения. Шоб без промедления.

— Есть без промедления! — приложил тот руку к папаше и выскочил в коридор.

Над станицей запыльхало зарево пожаров. Гусочка долго стоял у открытого окна, прислушиваясь к отчаянным воплям женщин и детей, упивался своей атаманской властью.

Во втором часу ночи он наконец решил отправиться домой, уселся на Анархию и выехал со двора станичного правления.

Дома он завел кобыленку в конюшню, остановился у

колодца и, посмотрев на хаты Калиты и Белозеровой, злобно пробормотал:

— Ач, вылезли на ряску!.. Под самым боком прилепились. И спалить нельзя, сам сгорю...

Из конуры вылез Дурноляп, зевнул сладко, кинулся к хозяину, завизжал, запрыгал от радости. Гусочка присел на ступеньку крыльца, взял пса за уши, заглянул в доверчивые глаза.

— Дурачок,— сказал он.— Скулишь, а ничего не знаешь... Бачу... по морде твоей бачу. Понимаешь, скотина? Я атаман станицы!.. Ты теперички можешь всей своей своре в станице прямо гавкнуть: «Слушаться меня и повиноваться!» — «А почему?» — спросят тебя. Ты им ответишь: «Да потому, дурьи ваши головы, что мой хозяин — а-таман!» Так и скажешь, понимаешь?— Гусочка вдруг надулся, вздохнул тяжело: — Эх, Дурноляпик, Дурноляпик! А нам с тобой все ж таки придется расстаться... Не понимаешь... Мозга пуста? Так послухай. Завтра не будет меня в станице. Мы в горы уйдем. Ты останешься на хозяйстве один...

На веранде послышалось шлепанье босых ног, трескрипела дверь, и на пороге в отблеске зарева пожаров показалась простоволосая Василиса в нательной рубаше. Почесывая бока, она громко зевнула, обратилась к мужу:

— Ты чего раскалякался? Нашел себе приятеля.

— Нет, Васенька,— возразил Гусочка.— Это божья тварь. Любит ласку. Видишь, как морду ко мне протягивает.

У ворот неожиданно раздался чей-то голос, зовущий Гусочку. Дурноляп поднял лай.

— Кто там? — робко выглянув из-за дома, спросил Гусочка.

— Свои, Иван Герасимович,— отозвался Молчун.— Скорее, тут срочное дело!

— Что случилось, Федот Давыдович? Беда какая?

— Уходить надо немедля из станицы,— сообщил Молчун.— Только что Баксанук и Дауд от Хвостикова распоряжение привезли.

Гусочка засуетился, крикнул жене:

— Коня. Чуешь, Васенька?

— Куда это ты? — удивилась та.— Надолго?

— Не знаю,— буркнул Гусочка.— Коня, говорю, выводи.

Усевшись на Анархию, он помчался с Молчуном к правлению. Там к ним присоединились Бородуля и Ма-

тяш. Около вальцовой мельницы все разъехались в разные стороны, чтобы сообщить командирам частей приказ об отступлении.

* * *

Светало. Седые хлопья утреннего тумана ползли в балках и по реке Кубани. Бородуля, Матяш и Молчун галопом мчались к ветряку, где, несмотря на ранний час, толпилось много станичников. Все смотрели на Гусочку, повешенного на высоко вздернутом крыле мельницы. Увидев верховых, толпа бросилась врассыпную. Прискакали сюда и братья Крым-Шамхаловы, а за ними десятка три белогвардейцев из карательного отряда.

Гусочка висел точно на громадном черном кресте, опустив на оголенную грудь голову. Щуплое тело его под дыханием ветра, как пушинка, поворачивалось то направо, то налево.

— Не послушался нас, вот народ его и того... — буркнул Бородуля Матяшу.

К ветряку подскочил Минаков.

— Господа офицеры, поглядите туда! — закричал он, указав плетью на общественный лес, и во весь дух пустился к Кубани.

Все увидели красную кавалерию, несущуюся грозной лавиной по просторному полю.

Задержавшиеся в станице хвостиковцы мчались по всем улицам к мосту, и лошади их, грохоча копытами о дощатый настил, исчезали в закубанском лесу.

Мимо ветряка промчалась Оксана на Кокетке. Увидев ее, Матяш махнул рукой с моста:

— Быстрее, Ксения, быстрее!

Оксана ударила Кокетку плетью и через несколько минут уже была за Кубанью.

Бородуля, Молчун, Матяш и два княжича подожгли солому под настилом левобережного пролета моста, и бурый дым, охватывая все деревянное сооружение и стеясь по воде, потянулся к Краснодарской.

На западной окраине станицы нарастала винтовочная и пулеметная стрельба. Это арьергардные заслоны хвостиковцев вступили в бой с красноармейскими частями.

Корягин со своими бойцами атаковал белоказачков, и сабля в его мускулистой руке заискрилась, как молния. Вдруг конь под ним споткнулся, громко застонал и повалился на пыльную дорогу. Корягин выскочил из седла,

побежал по улице. Белоказаки, опрокинутые чоновцами, скрылись за углом перекрестка. Корягин остановился, машинально закурил трубку, зашагал к реке и тут неожиданно увидел трех верховых офицеров, бешено несшихся на него с обнаженными шашками. Невдалеке, у высокого дощатого забора, стояла кем-то брошенная тачанка в упряжке. Корягин взлетел на нее, погнал лошадей по улице, но офицеры, к которым присоединилось еще несколько белогвардейцев, стали его преследовать. Он открыл огонь из парабеллума, однако отстреливаться и одновременно управлять лошадьми было неудобно...

Тачанка налетела на столб, закопанный на углу квартала, разбив вдребезги два боковых колеса. Одна лошадь убилаь насмерть, две, вырвавшись из упряжки, умчались, а четвертая, раненая, повернулась мордой назад, остановилась с испуганными глазами.

Корягин, зажав зубами трубку, стоял одной ногой на подножке, а другой в ящике тачанки, продолжал отстреливаться. Теперь его огонь был меткий. При каждом выстреле один из офицеров вздрагивал всем телом и вылетал из седла, точно выброшенный пружиной. Корягин снял троих, под четвертым убил лошадь. Патроны в парабеллуме кончились. Пятый казак приближался. В оцепенении Корягин не побежал, выронил из руки парабеллум и, опустившись на сиденье, смотрел широко раскрытыми глазами на врага. Поравнявшись с тачанкой, белоказак обрушил удар шашки на голову Корягина. Тот упал навзничь, затылком на борт ящика. Трубка два раза качнулась в его зубах, выпала изо рта...

В улицу вихрем влетел эскадрон Виктора Левицкого. Вьюн пустился вдогонку за белоказакон, выстрелом из карабина вышиб его из седла. Левицкий спешил, бросился к тачанке и, приподняв окровавленную голову Корягина, закричал в отчаянии:

— Петр Владиславович! Как же это?

Подъехали Аншамаха и Шмель с чоновцами, молча сняли шапки... Вьюн увидел на земле трубку.

— Смотрите, — проговорил он сквозь слезы. — Это его... Ишо дымится...

IV

Вороновцы собирались на площади. Пахло лошадиным потом, гарью пожарищ. В душном воздухе плыл

сплошной гул людских голосов, конского ржания. Краснодольцы высыпали из домов и хат, приветливо встречали бойцов.

Лаврентий Левицкий, возглавлявший охрану обоза, въехал в родную станицу позже других. Увидев на площади Шкрумова, крикнул:

— Ну, Иван Степанович, я уже дома! Просю ко мне в гости.

— Управляюсь с делами, обязательно загляну,— пообещал Шкрумов.

Пожары продолжали бушевать по Краснодольской. Лишь после того как с ними было покончено, Лаврентий направился домой. Ехал он по улице и чувствовал, как все больше ныло сердце от мысли, что батьки уже нет в живых. Встречавшиеся станичники кланялись ему, провожали недоуменными взглядами, шептались о чем-то.

Виктор был уже дома. Поставив Ратника в конюшню, он крепко обнял мать, долго целовал ее в шершавые губы. Мироновна не могла слова вымолвить от радости.

Во двор набежали соседи. Ребятишки окружили Виктора, заглядывали ему в лицо, щупали оружие. Женщины всхлипывали, вытирали слезы. Мироновна, припав к груди сына, вдруг разрыдалась:

— Витенька, дедушку нашего убили. Нет его, нет, сыночек!

— Знаю, маманя,— глухо вымолвил Виктор.

В распахнутые ворота въехал Лаврентий. Мироновна от неожиданности всплеснула руками, воскликнула растерянно:

— Ой, лышенько! Видкиля ты взялся?

Лаврентий слез с коня, прижал ее к себе.

— Не ждала, Паша? А я тут. Ну, успокойся, пойдём в хату.

В кухне Виктор жадно вдохнул запах родного крова: дух выпеченного хлеба, кваса, сушеных и свежих груш и яблок. Здесь, как порывистый ветер, прошумело его детство. Здесь он вырос и возмужал, познал первые радости и горе. Все здесь было знакомо и дорого, все живо воскрешало в памяти прошлое. На глаза невольно набежали слезы, а лицо светилось счастливой улыбкой. Обернувшись к отцу, он сказал дрогнувшим от волнения голосом:

— Батя, а ведь мы снова дома! Просто не верится. Лаврентий нерешительно переступил порог, судорож-

но ждал эфес шашки. Его взгляд остановился на отцовской люльке, лежавшей на подоконнике.

— Батько! — прошептал он, и губы задрожали от душевной боли. Он схватил люльку, прижал к сердцу.— Бедный мой батько!.. Загубили тебя катюги!..

Мироновна притронулась к его руке.

— Горько, Лавруха. Ох как горько! Да шо ж теперь делать? Не вернется наш дедусь, царство ему небесное.

Лаврентий бессильно опустил на скамью.

— Знаю, ничего не сделаешь. А вот душа разрывается. Слава богу, что ты, Паша, в живых осталась.

Виктор, увидев в печи пирожки с мясом, потянул носом:

— Ох и вкусно ж пахнут!

Мать засуетилась:

— Что ж это я стою... Зараз соберу вам поесть.— И начала быстро накрывать стол.

Отец и сын сняли с себя оружие, повесили у двери, умылись.

В дверях показалась Молчуниха, низко поклонилась.

— Час добрый, Лавруха. И... и Витя тоже дома... Пришла проведать вас.

— Спасибо, Меланья Аристарховна, что не позабыли,— усаживаясь за стол, ответил Лаврентий.

Молчуниха вдруг шлепнулась на колени перед ним и, умоляюще глядя ему в глаза, заголосила:

— Лавруха, заступись за меня! Мой же Федот вызволил твою Параску, когда Гусочка хотел убить ее.

Лаврентий испуганно взглянул на жену:

— Как?.. Неужто правда, что поганец Гусочка руку на тебя поднимал?

— Правда! — тяжело вздохнула Мироновна.— Хвостиков поставил того Гусочку атамановать. Натерпелись мы от него лиха.

— Ты, Меланья Аристарховна, не беспокойся,— промолвил Лаврентий.— С бабами большевики не воют. Тебя никто не тронет.

— Добрый ты человек, Лавруха! — снова поклонилась Молчуниха.

— Ну, квит,— прервал ее Лаврентий.— Мы еще встретимся, потолкуем, а зараз, бачишь, какая тут стория. Свои дела... Только прибыли.

Молчуниха вытерла глаза, проговорила:

— Я пойду...— Она постояла еще с минуту, грустно

добавила: — А наш Гриша помер... Схоронили мы его тут на кладбище... Прощевай, Лавруха.

— Прощевай, Меланья Аристарховна, — ответил Лаврентий.

* * *

Церковная площадь запружена войсками и жителями Краснодольской. У братской могилы — глубокая яма.

Сюда, на свежий холм земли, Жебрак, Воронов, Демус и Ропот принесли на плечах гроб с телом Корягина. Люди обнажили головы, наступила скорбная тишина.

Жебрак остановился перед своим погибшим другом и срывающимся от волнения голосом обратился к бойцам и станичникам:

— Дорогие товарищи, красноармейцы! Сегодня пал геройской смертью наш боевой товарищ, славный большевик Петр Владиславович Корягин. Он сражался за счастье трудового люда, за Советскую власть и всего себя без остатка отдал великому делу...

Аншамаха, слушая комиссара, все еще не верил, что Корягина нет в живых. Вспомнилось ему, как на этой самой площади он, Аншамаха, «гулял» на банкете, устроенном Хвостиковым в честь избрания атамана станицы, как потом с Перевертайлом выкрал начальника штаба «армии возрождения России», как уходил по краснодольскому полю от погони хвостиковцев...

Рядом с Аншамахой стоял Василий Норкин, нервно мявший в руках баранью шапку. Плечи его были низко опущены, будто придавлены каменной глыбой.

Краснодольские девчата, окружив плотным кольцом Аннушку, Аминет, Соню, Марьяну и Галину, поглядывали сквозь слезы на рыдавшую Елену Михайловну, которую поддерживали под руки Виктор Левицкий и Шкрумов.

Жебрак склонил голову, отдавая последний долг Корягину, промолвил сдавленным голосом:

— Так пусть же будет пухом сырая земля тебе, дорогой Петр Владиславович, наш друг и товарищ. Прощай! — Он медленно отошел от могилы, стал около Левандовского и Воронова.

Елену Михайловну подвели к гробу, пахнущему смолистой сосной. Обезумевшая от горя, она упала на колени перед телом мужа, припала губами к его высокому холодному лбу, закричала в горестном иступлении:

— Петенька, родимый! Встань!

Над толпой пронесся единый тяжелый вздох.

Затуманенными глазами смотрел Виктор на лежавшего в гробу Корягина, на его заостренный, с синими прожилками нос, на опущенные веки, и ему вдруг показалось, что на лице умершего застыла горделивая улыбка, как бы говорящая: «Не оплакивайте меня... Я не дешево отдал свою жизнь, не остался в долгу перед врагами! Семерых уложил, прежде чем пал!»

Гроб закрыли крышкой, заколотили гвоздями и под грохот пушечного салюта, смешавшегося с печальной мелодией траурного марша, начали опускать в могилу.

Небо мутнело от зноя, земля дышала жаром, и лишь в закубанском лесу было прохладно. На полях, будто огромные бородавки, горбились почерневшие от непогоды копны хлебов. Они дрожали в душном мареве, пропитанном горьковатым запахом прели.

Хвостиковцы залегли по изволоку, притаились за деревьями и, сдерживая натиск чоновцев и частей IX Красной армии, вели ожесточенный огонь.

Матяш злобно поглядывал на монастырь, скрежетал зубами... Бородуля и Молчун ползали между окопавшимися цепями казаков и, подбадривая их, твердили:

— Без паники, хлопцы! Ни шагу назад!

Матяш смахнул рукавом рубашки пот с лица и закричал в бешенстве на своих солдат, которые начали вдруг пятиться под нажимом красных. Проворно сиганув в овражек, промытый вешними водами, он прижался к суглинистому откосу, беспрестанно стреляя в надвигавшиеся отряды красноармейцев. К нему подполз Бородуля.

Издали донеслись крики «ура». Матяш увидел, как красноармейцы и белоказаки схлестнулись в штыковой атаке.

— Поганое дело,— помотал головой Бородуля.

— В монастырь бы пробраться,— пробормотал Матяш.— Пора кончать...

— погоди, Андрей, успеется,— сказал Бородуля.— Вчерашнего дня не воротишь, а от завтрашнего — не уйдешь.

Минаков со своими солдатами засел в монастырской церкви. Пристроившись на подоконнике, он строчил из

пулемета по красным, а его солдаты палили из винтовок в сторону леса, откуда быстро приближались вороновцы.

— Пожалуй, тут нам всем будет крышка,— подумал вслух Минаков и решил оставить церковь.— За мной! — крикнул он и бросился к двери, выбежал на паперть.

В этот момент монастырские ворота широко распахнулись, и красноармейцы ворвались во двор, смешались с хвостиковцами. Минаков перемахнул через загородку паперти, ринулся в сад, к отряду, которым командовал, и тотчас пропал за кустами.

Бандиты в панике, беспорядочно отходили к лошадям, укрытым в лесу, за болотом. Хвостиков, Минаков и Джентемиров, окруженные конвоем во главе с братьями Крым-Шамхаловыми, уже мчались по узкой лесной тропе, нещадно хлестали лошадей. За ними неслись белогвардейцы, с ходу влетали в трясины, застревали...

Воронов приказал Юдину обогнуть болото с восточной стороны и зайти отступающему противнику в тыл.

Вскоре вражеская группа, зажатая со всех сторон в монастыре, была разгромлена, и бой затих.

— Ну вот и все! — устало улыбнулся Аншамаха.

Неожиданно из окна церкви хлопнул револьверный выстрел. Пуля ударилась в стену колокольни и рикошетом угодила в спину Аншамахи, но не ранила, а только стеганула, как плетью. Аншамаха передернул плечами от боли и, скинув карабин, пальнул в бандита, засевшего у окна, затем с чоновцами кинулся на паперть, но дверь в церковь оказалась запертой.

— Открывай! — закричал Аншамаха, забарабанив прикладом в дубовую дверь.

Изнутри никто не отозвался. Шмель принес лом. Сорвав дверь с петель, бойцы во главе с командиром, держа винтовки наперевес, вошли в церковь. На каменном полу, выстланном узорчатыми плитками, валялись стреляные гильзы. Аншамаха открыл царские ворота и в алтаре увидел Валерьяна, стоявшего на коленях перед иконой.

— Молишься, святой отец! — бросил Аншамаха.— Мы, кажись, это самое... малость были знакомы с тобой.

Поп еще чаще начал класть на себя кресты, бить земные поклоны, бормоча:

— О всеильный, всемогущий боже наш, защити нас!..

Аншамаха схватил его за рясу, в злобе потянул к себе:

— Ты что же, патлатый дьявол, забыл Моисееву заповедь: «Не убий»?

Валерьян дрожал как в лихорадке. Губы беззвучно шевелились. С трудом приподняв руку, он донес ее до бледного лба, видимо, хотел перекреститься, но затем вдруг вырвался из рук Аншамахи и с диким воплем выбежал во двор...

* * *

5-й казачий эскадрон, преследуя противника, шел на рысях по выутюженной колесами грунтовой дороге. Кони дружно отбивали звонкую дробь копытами.

Виктор сидел на Ратнике, окидывая взглядом дорогие ему места. На душе у него было радостно и легко. Рядом с ним скакал на Кристалле Вьюн. В хвосте эскадрона двигались 1-й Афипский полк и два чоновских отряда — Аншамахи и Ропота. Едкая дорожная пыль бурным слоем покрывала лица верховых, тучей висела над конницей.

Но вот всадники пустили лошадей шагом. Кто-то тенором затянул:

Из-за леса, из-за гор, гей-гей!

Едет сотня казаков-лихачей.

И едва голос запевалы достиг высшей ноты, как песню подхватили сотни других голосов, дружно, могуче:

Гей, гей, гей, говорит,—

Едет сотня казаков-лихачей!

Аминет ехала на пулеметной тачанке позади 1-го Афипского полка. Прислушиваясь к песне, она с тоской поглядывала в ту сторону, где за лесом лежала родная коммуна. Не довелось ей нынче побывать там, свидеться с любимым. А ей очень хотелось заглянуть в его глаза, поговорить с ним о многом.

И тут кто-то окликнул ее. Она обернулась и в первое мгновение не поверила своим глазам. Это был он — Мечев...

— Гаврюша!

— Аня! — Мечев бросился с коня на тачанку, обнял Аминет и, не обращая внимания на бойцов, начал целовать ее.

Пожилой донской казак, сидевший на облучке, слегка тронул Мечева за плечо, проговорил с лукавой усмешкой:

— Ты не тово, хлопец?

Мечев с улыбкой оглянулся:

— Нет, батя, все в порядке.

— Кто же будешь нашей пулеметчице? — поинтересовался донец.— Сродственник, братеник али так просто озоруюшь?

— Люблю ее, батя, люблю! — крикнул Мечев.— Невеста моя, понимаешь.

— А...— протянул казак и, подмигнув, добавил: — Тады я отвернусь.

Мечев привязал своего коня к тачанке, сел рядом с Аминет... Донец ударил лошадей вожжами:

— Ну, пошли вы, удалые!

VI

Жуков, в ту же ночь покинув монастырь, к утру добрался до Тифлисской, прибыл поездом в Екатеринодар. Взяв извозчика, он направился к Лихачевой. Ему хотелось поскорее встретиться с Верой Романовной и Зоей Львовной, о которых так похвально отзывалась игуменья. Фаэтон, мягко шурша резиновыми шинами по булыжной мостовой, слегка подпрыгивал на ухабах. Полуприкрыв усталые глаза, Жуков предался размышлениям. Ему вспомнился погибший в 1918 году под Царицыном екатеринодарец генерал Пышный, у которого он служил в дивизии.

«Странное совпадение фамилий!..— подумал он.— Или, может быть, покойный генерал был мужем Зои Львовны?»

Извозчик въехал в переулочек, объявил:

— Приехали. Где прикажете остановиться?

— Ты, голубчик, свободен,— ответил Жуков и, расплатившись за проезд, дальше направился пешком, завернул за угол и, пройдя еще полквартила, остановился у зеленых ворот. Они оказались незапертыми. Жуков вошел во двор, вытер с лица обильный пот.

Из сада вышла стройная, красивая женщина с корзиной, наполненной яблоками, грушами, сливами. Жуков поклонился ей, спросил:

— Простите, уж не вы ли будете Вера Романовна?

— Да, это я,— ответила Лихачева, настороженно глядя в лицо незнакомого человека.

Жуков достал из внутреннего кармана пиджака записку.

— Это вам от Веры Аркадьевны.

Лихачева прочла записку, улыбнулась приветливо.

— Добро пожаловать, Дномид Илларионович! Прощу в дом.

В просторном зале Жуков снял фуражку, опустился в кресло у круглого стола, спросил:

— Простите. А где же Зоя Львовна?

— Она скоро вернется... Уехала в город к двоюродному брату — Забелину.

— Пенязь-Забелину? — переспросил Жуков. — Священнику Ильинской церкви?

— Да, к нему. Но мы называем его просто Забелин.

— Кстати, мне надо с ним встретиться, — сказал Жуков, с трудом сдерживая зевоту.

— Сегодня вечером он будет здесь, — сказала Лихачева. — А сейчас я покормлю вас.

— Нет, нет, — учтиво отказался Жуков. — Мне бы отдохнуть с дороги. Я всю ночь не спал.

— Сию минуточку, — сказала Лихачева. — Я приготовлю вам постель. — И она направилась в спальню.

Зоя Львовна возвратилась с Забелиным поздно вечером. Вслед за ними пришел и Губарь. Когда все уселись в портретной, Вера Романовна объявила:

— Друзья, к нам прибыл гость.

Губарь с опаской взглянул на нее, но промолчал, затем его раскосые глаза остановились на Забелине, сидевшем под образами. Это был довольно молодой поп, лет тридцати пяти, не больше. Через всю его голову тянулась широкая лысина, тускло поблескивающая при свете лампы. Жидкие косички свисали на угловатые плечи и сутулую спину. Костлявое лицо Забелина с острым длинным носом было похоже на маску. Право, не зря прихожане Ильинской церкви называли этого жилистого, худосочного попа «шкуратком».

Лихачева ввела в портретную Жукова. Он любезно отрекомендовался и занял место у столика. Губарь некоторое время держался настороженно, но, узнав, с какой целью прибыл Жуков и куда держит путь, успокоился.

— Лебяжский монастырь — вполне подходящее место, — сказал он. — Я убежден, что вы, Дномид Илларионович, найдете там надежных помощников.

— Меня крайне волнует одно обстоятельство, — вздох-

нул Жуков и взглянул на Забелина.— Что вы думаете, отец Александр, о расколе кубанского духовенства?

— К великому сожалению, раскол начался,— ответил густым басом Забелин.— Наш владыка Иоанн уподобился лукавому и коварному дьяволу, который искушает праведников и старается даже добрые дела наши превратить в грех. Поэтому мы, как христиане, должны позаботиться о спасительных средствах!

— Мы ждем vicария,— вставил Губарь.— На него у нас теперь вся надежда.

— Когда же он придет? — поинтересовался Жуков.

— Завтра ночью,— ответил Забелин.— За ним поехал протоиерей Делавериди.

— А что за человек этот Делавериди? — спросил Жуков.— На него можно положиться?

— Не верю я ему,— мотнул головой Забелин.

— Почему?

— Он сторонник Иоанна. Хитрый, коварный, пронырливый. Боюсь, как бы он не выведал все наши тайны.

— Может быть, именно с этой целью владыка и послал Делавериди в Москву? — заметил Жуков.

— Все возможно,— согласился Забелин.

Лихачева насмешливо скривила губы:

— Когда костер гаснет, от него только едкий дым идет. Так и от нашего владыки...

Жуков случайно взглянул на портрет, висевший на стене, воскликнул с приятным изумлением:

— Господа, да это же мой бывший командир! Честное слово, он! Я у него служил в дивизии... генерал Пышный.

На улице Соборной, у перекрестка с улицей Котляревского, в обширном дворе с несколькими домами, тонувшими в пышной зелени фруктового сада, находилась резиденция епископа Иоанна. Некогда это подворье принадлежало богатой купчихе, после ее смерти оно было передано по завещанию Лебяжскому монастырю. Иоанн занимал дом из пяти комнат, переименованных в кельи. Вместе с ним здесь же жили келейники Борис и Артемий, горький пьяница-повар — отец Анатолий и казначей — отец Геннадий.

В трех изолированных комнатах того же дома размещалась и епархия.

Дряхлый, восьмидесятилетний владыка, широко рас-

ставив отечные ноги, сидел в глубоком кресле, откинувшись на спинку и положив на подлокотники выхоленные, мягкие, как подушки, руки. Он только что приехал из собора, где правил обедню, присел отдохнуть и задремал. Мягко ступая по персидскому ковру, закрывавшему весь пол комнаты, к епископу подошел Борис, молодой рослый келейник, и тихо доложил:

— Владыка, трапеза уже готова.

Келейники усадили владыку на приготовленный для него стул, и сами уселись рядом: Артемий — одесную¹, Борис — ошуюю². Сотворив молитву, они начали есть. Отец Анатолий налил себе в большую рюмку водки, выпил, крикнул и, понюхав корочку хлеба, принялся за еду.

В прихожей громко прозвенел звонок. Артемий выбежал на крыльцо и, возвратясь, сказал:

— Владыка, к вам председатель церковного совета поп Ратмиров.

Епископ недовольно махнул рукой:

— Пусть подождет в прихожей!

Артемий вышел, передал священнику слова владыки и снова вернулся в столовую.

— Зачем он пришел? — спросил епископ.

— Видимо, насчет встречи vicария, — отозвался отец Геннадий.

— А я уже распорядился! — скрипуче промолвил епископ. — Чего тут еще добиваться?

Отец Анатолий налил себе вторую рюмку, сказал заплетающимся языком:

— Многие отцы обижаются на вас, владыка, что вы не включили их в список встречающих.

— Пусть обижаются! — раздраженно бросил епископ. — Будет так, как я приказал! — Швырнув вилку на тарелку, он встал из-за стола и, направляясь в зал, распорядился: — Пригласи его, белец!

Артемий направился в прихожую, но попа Ратмирова уже не было там — ушел.

— Негодник! — тяжело опускаясь в кресло, гневно прохрипел епископ. — Он, видимо, затем и приходил, чтобы разволновать меня.

— Не обращайтесь на него внимания, ваше преосвященство, — посоветовал отец Геннадий. — Это злодей,

¹ Одесную — по правую сторону.

² Ошуюю — по левую сторону.

провокатор. В прошлое воскресенье у себя в церкви про-
износил проповедь. Уж так говорил, так говорил, переда-
ют, инда у всех прихожан слезы проступили...

— О чем же это? — спросил епископ.

— Будто бы о еретиках,— ответил отец Геннадий.—
Сказывают, намекал на ваше отступничество и непра-
вильное толкование канонов. А вообще, такие попы, как
Ратмиров и Пенязь-Забелин, в тесном своем кругу назы-
вают вас просто раскольником.

— Сами они раскольники! — вспыхнул от возмуще-
ния Иоанн, затрясая всем телом.— Они толкают меня на
преступление, зовут против новой власти, а я хочу жить
мирно! Забыли они призывы всевышнего: «Перестаньте
делать зло; научитесь делать добро; ищите правды; спа-
сайте угнетенного; защищайте сироту; вступайтесь за
вдову!»

Отец Анатолий промычал:

— Другое запомнили они: «Перелом за перелом... око
за око, зуб за зуб...»

Не слушая его, епископ продолжал:

— Апостол Павел в своем послании к римлянам
писал: «Всякая душа да будет покорна высшим властям,
ибо нет власти не от бога; существующие власти от бога
установлены! Посему... противящийся власти противится
божью установлению!..» — Он встал и медленно пошел в
спальню.

VII

Угасала вечерняя заря. Дневная жара спадала.

У главного входа в Красный собор собралось духовен-
ство города. Шли сюда и горожане: одни из простого лю-
бопытства, чтобы увидеть нового vicария; другие, осо-
бенно перезревшие мещанки, узнав, что ему всего три-
дцать шесть лет, решили проведать, каков он собой: хо-
рош или дурен...

Из собора вынесли кресты, хоругви, иконы, зажжен-
ные фонари, и шествие, возглавляемое Гангесоном, на-
правилось на Борзиковскую улицу и, пройдя через «Триум-
фальные ворота», потянулось на вокзал.

Среди попов и монахов оказался и Жуков. На нем
так же как и на всех «святых отцах»,— черная ряса
колпак, в руках деревянный крест с распятием. Он же

рядом с Забелиным. За ним грузно вышагивал здоровенный монах с черной окладистой бородой и длинными патлами, падавшими на широкие плечи. Это был архимандрит Дорофей, игумен Черноморской Екатерино-Лебяжской общежительной пустыни. За Дорофеем поспешал низенький поп Ярон из того же монастыря.

С Гангесоном поравнялся священник Столяревский, украдкой спросил:

— А что, отец Никандр, этот викарий, ежели чего... не возьмет нас в свои «ежовые рукавицы»?

Гангесон метнул на него недовольный взгляд, прошептал:

— Говорение — серебро, а молчание — золото...

Он был человеком неразговорчивым, не любил болтать лишнего.

Шествие приближалось к вокзалу.

У перрона остановился курьерский поезд. Из второго вагона вместе с пассажирами вышли двое в поповском одеянии. Это были викарий Рождественский и священник Делавериди.

У выхода в город они повстречались со священником Столяревским и еще двумя попами Покровской церкви, обменялись рукопожатиями, направились на привокзальную площадь, где викария ожидало духовенство города. Забелин неожиданно выбежал вперед, стал рядом с Гангесоном. Тот метнул на него уничтожающий взгляд, поморщился и поспешно отошел в сторону.

Вера Романовна и Зоя Львовна стояли среди мешанок у входа в здание вокзала. Увидев Евсевия Рождественского, остановившегося в полосе света, падавшего от фонарей, Лихачева шепнула Зое Львовне:

— А он недурен!

Высокий, стройный, как гусар, с величавым лицом, обрамленным каштановыми волосами, ниспадающими локонами из-под черной бархатной скуфейки на покатые плечи, Евсей по-мужски был красив. Небольшая борода и усы придавали ему холодную строгость. На его широкой груди поблескивал золотой крест с распятием.

Зоя Львовна устремила на него свои обворожительные карие глаза, чуточку наклонила голову. Однако Евсей не заметил ее долгого взгляда: уж слишком много в эту минуту смотрело на него умиленных, взволнованных глаз

Наступила тишина. Гангесон сделал шаг вперед, произнес от имени духовенства области короткую приветственную речь, пригласив новоприбывшего пастыря в свою братскую семью.

С ответным словом выступил Евсей... Едва он произнес «аминь», как со всех сторон к нему бросились дамочки. Хватаясь за длинные полы и просторные рукава его рясы, они начали целовать ее, креститься, бить земные и поясные поклоны. Зоя Львовна с трудом протиснулась сквозь толпу, схватила Евсея за руку и, припав к ней губами, прошептала: «Слава тебе, владыка, слава!..»

Подали карету, Евсей трижды осенил женщин крестным знаменем, устроился на мягком сиденье экипажа между Делавериди и Гангесоном и уехал в город...

Дул восточный порывистый ветер, гнал по небу черные дождевые тучи. Невдалеке от города уже бушевала гроза с белыми молниями и раскатами грома. Солнце, прорвавшись на несколько мгновений из-за туч, залило алым светом белые купола и позолоченные кресты Красного собора и тут же снова скрылось.

В доме епископа Иоанна стояла тишина. Лишь на кухне отец Анатолий, шурша по полу шлепанцами и бряцающая посудой, стряпал завтрак. Из раскрытой двери в залу тянулся душистый запах жарившихся сырников.

Владыка с закрытыми глазами сидел в своем излюбленном кресле и сквозь полудрему прислушивался к гулу приближавшейся грозы. На коленях у него лежал раскрытый журнал «Русский паломник».

В залу бесшумно вошел Борис, остановился в нерешительности, словно боясь нарушить покой старика.

Иоанн открыл глаза.

— Что там?

— Протоиерей Делавериди пришел, — доложил Борис

— Проси его сюда!

Вошел Делавериди, перекрестился, отвесил поклон.

Иоанн, подавшись вперед и опираясь руками о подлокотники, спросил:

— Ну, как ездилось, отец протоиерей? Что нового в Москве? — Он указал на кресло: — Садитесь и рассказывайте!

Делавериди подобрал полы рясы, занял место у стола.

— Положение святейшего синода, а также и всех московских церквей весьма и весьма шаткое, владыка... хо-

тя патриарх Тихон и принимает все необходимые меры, чтобы восстановить былую силу церковей российских, но на этом пути, как вам уже известно, у него много противников. Мне лично пришлось беседовать с ним... Очень уж он обеспокоен тяжелым положением барона Врангеля в Крыму... призывает нас, все духовенство Кубани, выступить в его защиту.

— Какая теперь может быть защита? — Иоанн безнадежно махнул рукой.

Делавериди заерзал на стуле.

— Патриарх решил начать открытую борьбу с большевиками. В разговоре со мной он высказал недовольство вами, владыка. Считает, что вы относитесь к Советской власти не так, как желательно ему.

Иоанн отбросил журнал на столик, и его лицо, обросшее седыми волосами, покрылось лилово-красными пятнами.

— В этих делах я ему не помощник! — сказал он с нескрываемым раздражением.

— Видимо, с этой целью патриарх и прислал нам отца Евсевия, — осторожно добавил Делавериди. — Полагаю, Евсевий получил указание навести здесь порядок, угодный патриарху, и не допустить среди духовенства области раскола.

— И патриарх, и Евсевий решили действовать в лоб, но из этой затеи у них ничего не выйдет, — заявил Иоанн.

— И тем не менее патриарх надеется на вас, владыка, — подчеркнул Делавериди. — Сейчас он стремится объединить вокруг себя распыленные силы контрреволюции, воздействовать своим авторитетом на верующих и таким образом восстановить Россию — единую, неделимую, с монархом и со всеми старыми порядками.

Иоанн задумчиво потеревил бороду.

— Ну, а как настроен Евсевий?

— В дороге мы с ним не беседовали на эту тему, — ответил Делавериди. — А вот в Ростове, например, в номере гостиницы, он прямо сказал мне, что Советская власть послана нам в наказание божие.

Иоанн поморщился, проговорил хрипло:

— Ну хорошо, пригласите его ко мне на трапезу и сами приходите...

Евсевий принял приглашение Иоанна и вместе с Делавериди явился к владыке на завтрак.

Стол, покрытый черной скатертью, не отличался раз-

нообразием яств: сырники, молоко, простокваша и бутылка кагора. Иоанн был внимателен к своему новому заместителю и не сразу начал разговор о главном.

Как бы давая понять, что ему многое известно о прошлом Рождественского, он сказал:

— Значит, вы родом из Вятки... Слышал я о вас...

— Да, я служил у епископа Никандра викарием по Уржумской кафедре, затем состоял профессором в Казанской духовной академии,— ответил Евсевий.

— А почему же вы оставили должность профессора? — спросил Иоанн.

Евсевий немного замялся, но, быстро овладев собой, ответил:

— Видите ли... я был смещен... Против меня восстали академисты-студенты... Дескать, я деспотичен и крайне жесток... Это, разумеется, ересь. Просто я требовал от них порядка и знаний. Основная же причина кроется в другом: меня обвинили в контрреволюционной пропаганде... После этого патриарх Тихон предложил мне поехать на Кубань для оказания помощи вам.

— А как вы относитесь к обновленческому движению? — поинтересовался Иоанн.

Евсевий прямо посмотрел ему в глаза, заявил открыто:

— Я сторонник патриарха Тихона.

— И в отношении Советской власти придерживаетесь взглядов патриарха?

— Этот вопрос весьма щепетилен, ваше преосвященство,— сказал Евсевий.— Советские законы не так уж и плохи... Советская власть обеспечивает свободу вероисповеданий. Каждому вольно верить как угодно. И на этом основании мы будем верить по-тихоновски. Вот и все.

В дверях появился келейник Артемий, доложил Иоанну, что прибыли игумен Лебяжского монастыря Дорофей с попом Яроном и еще каким-то незнакомым монахом.

— Пусть войдут,— сказал епископ.

В залу ввалился тучный Дорофей. Размахисто осенил себя крестом, пробасил:

— Доброе утро, святые отцы.

Вслед за ним вошел поп Ярон. Незнакомец задержался на пороге. Иоанн пристально уставился на него.

— Это господин Жуков,— сказал Дорофей.— В про-

шлом офицер. Остался здесь, на Кубани, после разгрома врангелевских десантов.

Епископ пригласил всех к столу. Жуков тут же изложил цель своего пребывания на Кубани и в заключение сказал:

— А теперь я прошу вашего благословения, владыка. Разрешите мне начать свою деятельность в монастырях среди монахов. Прежде всего я хочу поехать в Екатерино-Тебяжскую пустынь.

Епископа бросало то в жар, то в холод. Он неторопливо вынул из кармана подрясника платок и, приложив его к вспотевшему лбу, промолвил:

— Вы ставите меня, господин Жуков, в затруднительное положение. Запретить вам вашу работу я не могу, но... и благословлять не имею права... Сами понимаете, какое нынче время...

Заявление Жукова обрадовало Евсевия, но он постарался внешне ничем не выдать этой радости.

— Как же мне быть? — спросил Жуков.

Ему ответил Евсевий, отнюдь не ободряюще:

— Весьма сожалеем, но... мы сейчас должны придерживаться нейтралитета. Естественно поэтому, что их пресвященство не могут дать вам своего благословения. Действуйте самостоятельно, без нашей помощи...

VIII

Потерпев поражение у монастыря, Хвостиков в тот же день выехал на легкой автомашине с братьями Крым-Шамхаловыми и Матяшом в горы.

За ночь он проскочил через станицы Зеленчукскую и Кардоникскую и на рассвете был уже в Тебердинском ущелье. Слева и справа громоздились лесистые горы, окутанные густым утренним туманом. Над дорогой свисали скалистые глыбы, а по дну ущелья с ревом и гулом, вся в хлопьях пены, мчалась река Теберда.

Вдали на фоне голубого неба четко проступали ледниковые шпили Ульгена, внизу, между ними, тянулась дорога к Клухорскому перевалу.

Матяш сидел между Баксануком и Даудом. Хвостиков занимал место рядом с шофером. Как ни горько было на душе у Матяша от сознания, что ему приходится бежать из родных мест, он невольно любовался суровой и величественной горной природой.

Наконец на левом берегу Теберды показался белокаменный Спасо-Преображенский (Сентийский) женский монастырь. Над ним вздымалась высокая скала, увенчанная малым храмом святого мученика Агафодора; под скалой, сажень на сто ниже, стояли еще два каменных храма: один — того же святого, другой, чуть поменьше, — святого апостола Андрея. Вокруг храмов лепилось множество всяких построек.

Машина переехала мост и остановилась у небольшого домика, обнесенного деревянным частоколом, за которым раскинулся фруктовый сад с аллеями и цветниками. Здесь все дышало прохладой, царил идеальная чистота.

Во дворе — ни души, тихо.

Дауд проворно вылез из автомобиля и открыл дверцу Хвостикову.

На ступеньках крыльца появилась тучная, немолодая женщина, одетая по-домашнему. Хвостиков и Крым-Шамхаловы сразу узнали в ней игумению Сентийского монастыря. Она поспешила навстречу гостям, радушно пригласила генерала к себе в дом. Пока Хвостиков умывался, она сменила свой домашний наряд на просторную черную мантию и черный клубук.

— Какие новости привез, Алексей Иванович? — спросила она.

— Я по очень важному делу, мать Раиса, — ответил Хвостиков. — Есть у меня в Кардонике кое-какие ценности. Хочу сдать их вам на хранение. В основном золото. Ну и прочие драгоценности.

— И много у тебя золота? — спросила игумения.

— Как вам сказать. — Хвостиков пожал плечами. — Я его не взвешивал... Пожалуй, пудов пятнадцать — двадцать.

— Изрядно, изрядно набралось его у тебя, — улыбнулась игумения и, помолчав, добавила: — Что же, Алексей Иванович, привози... Я дам тебе сохранную расписку.

Баксанук и Дауд, поджидая генерала, стояли под развесистой яблоней. Матяш сидел на скамье у забора, курил сигарку за сигаркой и исподлобья, хмуро поглядывал по сторонам. Подозвав к себе княжичей, он спросил:

— Далеко отсюда до вашего имения?

— Верст пять будет, — ответил Дауд.

— Может, пешком пойдём? — предложил Матяш.

— Это корошо пешком! — одобрил Баксанук. — Горы наши вай какие кирасивые.

На крыльцо вышли Хвостиков и игуменья. Матяшу очень хотелось рассеяться, отойти от тех кошмаров, которые одолевали его в последние дни, не давали покоя. Он попросил генерала, чтобы тот разрешил ему и княжичам остаться в монастыре еще на два-три часа. Хвостиков не возражал, однако велел долго не задерживаться. Простившись с игуменьей, он уехал на автомобиле.

Матяш закинул карабин за плечи, кивнул княжичам: — Пошли!

Игуменья согласилась проводить их до верхнего храма, взяла зонтик и, поддерживаемая под руку Матяшом и Даудом, вышла на каменистую, круто поднимающуюся вверх дорогу, пояснила:

— Эта дорога называется задней, обходной. По ней мы и дойдем до верхнего храма. — Она медленно опустилась на скамью, скрывавшуюся в тени орехового куста, продолжала: — Когда в девятисотом году ее строила моя предшественница монахиня Екатерина, то сестры-работницы разбежались из монастыря. Осталось только семь душ.

— Почему же они разбежались? — полюбопытствовал Матяш.

— Работа была слишком тяжелой. Дорога прокладывалась вручную. Сестры рвали порохом скалы, сооружали мосты, рубили деревья. На себе носили камни и лес в гору и воздвигали храмы. Так был построен этот монастырь. Освятил его преосвященный Агафодор, именем которого были позже названы верхний малый храм и нижний большой.

Дорога, вырубленная в скалах, под нависшими утесами, то и дело круто поворачивала вдоль бездонных пропастей. У одного из таких поворотов игуменья указала на остатки склепа, сложенного из больших, хорошо отесанных каменных плит в выступе горы:

— Здесь, в скалах и пещерах, много таких склепов...

Наконец с трудом поднялись к храму, обнесенному железной решетчатой оградой. Слева от входа в храм стоял дольмен.

— Здесь мы храним несколько черепов и старинные сосуды, найденные в земле при постройке храма, — сказала игуменья. — Хотите взглянуть на них?

Братья Крым-Шамхаловы мало интересовались содер-

жимым усыпальницы и остались на уступе скалы, а Матяш вслед за игуменьей вошел в дольмен, в углу которого, перед образами, трепетно шевелился огонек лампы. На столе, под стеклом, лежали «таинственные кости». Над ними на серой стене высечена надпись:

С любовью просим вас, посмотрите на нас. Мы были как вы, а вы будете как мы. Некогда и мы услаждались земными удовольствиями, но смерть безразлично всех похищает и в землю скрывает. Вот где наши мирские мечты! Слава, богатство и честь скрыты в тесных гробах. Просим вас, братья и сестры, не забывайте нас, когда молитесь. Вы будете помнить нас, а мы будем встречать вас — господи, упокой души их.

Прочитав эту надпись, Матяш почувствовал, как в его сердце пахнуло холодком. Ему подумалось, что скоро пробьет и его последний час, что и он уйдет туда, куда ушли эти таинственные люди, превратится в прах и тлен. И именно в эти минуты он с особой силой ощутил лютую ненависть к Хвостикову, который спасался бегством, оставив на произвол судьбы свою армию, обрек на гибель тысячи людей. Окажись Хвостиков сейчас здесь, Матяш без колебаний пустил бы ему пулю в лоб.

— А вы давно знаете Алексея Ивановича? — неожиданно спросила игуменья.

Матяш вздрогнул.

— Нет, недавно. С июня этого года.

Игуменья смахнула кружевным платочком пот с жирного подбородка, снова завела речь об истории монастыря:

— Здесь в шестом году свершилось чудесное исцеление двенадцатилетнего казачонка Иллариона Рогожина из Кардоника. После акафиста мальчик смог ходить самостоятельно. Об этом чуде все знают.

— А какого вы мнения об Алексее Ивановиче, матушка? — осторожно прервал ее Матяш.

Подумав немного, она ответила:

— Жена у него... Нина Гавриловна, хорошая... а он... какой-то странный. Запутался в революции и вот очутился на грани гибели, зря только людей губит...

Они вышли из дольмена. Братья Крым-Шамхаловы по-прежнему стояли на краю уступа, откуда открывался вид на широкую долину и живописную панораму гор Канделяпляр.

— Вот наше имение! — указал Дауд на башню, проступавшую сквозь дымку утреннего тумана.

Матяш обратился к игуменье:

— Я слышал, что этот храм построен греками.

— Да,— подтвердила игуменья,— когда Карачай был присоединен к России, то русские сразу же заинтересовались этим храмом. Тогда в одном из владикавказских госпиталей работала сестрой милосердия воронежская крестьянка Евдокия Макарова, участница войны 1877 года. Она случайно узнала от одного зеленчукского инока об этом таинственном храме на скале среди магометанских земель и пришла в Сенты для основания монастыря. В первую же ночь Макарова услышала долгий загадочный звон большого колокола, разливавшийся по глубоким ущельям. А в 1881 году она вместе с сестрами начала очищать этот храм от навоза, мусора и камня... Сентийцы мешали ей отстраивать монастырь. И все же монастырь был построен.

После беглого осмотра храма Агафодора Матяш распротился с игуменьей и вместе с княжичами двинулся вниз, к долине, где в имении Крым-Шамхалова их ждал Хвостиков.

Узкая извилистая тропа петляла по крутому склону хребта, терялась в густых зарослях. Верстах в двух от монастыря путники вдруг услышали басовитый мужской голос, долетавший откуда-то снизу. Баксанук вынул наган из кобуры, Дауд крепко сжал рукой эфес кинжала, а Матяш взял карабин наперевес. Осторожно продвигаясь вперед, они приблизились к тому месту, откуда доносился голос, залегли в кустах папоротника и, раздвинув ветки, увидели потешное зрелище. На маленькой поляне под тенистой чинарой плясали две молодые монашки и один монах. На валуне, накрытом черной шалью, лежала закуска и стояли две бутылки. Баксанук сразу узнал монаха Луку из Шоанинского монастыря¹— высокого, широкого в плечах, с хищным носом и длинными космами. Монахини, видимо, уже изрядно выпили, задрали подрыски, прыгали вокруг камня и пели:

Мы телички,
Мы чернички...

Лука, точно так же подобрав широкие полы, следовал за ними вприпрыжку на тонких длинных ногах, гудел басом:

¹ В нескольких километрах к северу от Спасо-Преображенского женского монастыря на отроге скалы Шоана находился мужской монастырь, носящий название упомянутой скалы.

А я ваш бугай!
А я ваш бугай!

Этот пляс «святош» вызвал у Матяша омерзение. И он гаркнул во все горло:

— А я ваш пастух, матери вашей черт!

И пальнул в воздух из карабина.

Плясуны бросились наутек и исчезли в зарослях. Матяш подошел к камню, брезгливо сшиб ногой закуску и выпивку.

«Вот они, мирские наслаждения! — подумал он. — Какая гадость!»

Баксанук и Дауд покатывались со смеху.

IX

В узком ущелье, у подножия высокой снеговой горы Кобчик, с вершины которой шумно сбегает серебристой лентой водопад, получивший год тому назад название «Слезы Фати», разбросались постройки, сады и парки имения князя Мурзакулы Крым-Шамхалова. Шагах в восьмидесяти от водопада, у двадцатисаженого обрыва над притоком Безымянным, возвышается старинная башня, некогда служившая предкам князя Крым-Шамхалова для наблюдения за набегами неприятеля. Вся усадьба, примыкавшая роскошным садом к красивому озеру Кара-Кель, была обнесена высокой каменной стеной. На притоке — лесопильный завод и маленькая электростанция.

В центре усадьбы, выглядывая сквозь тенистые ветки платанов узкими стрельчатыми окнами с ажурными переплетами, красовался трехэтажный рубленый дом, выкрашенный в голубой цвет. Рядом, в ореховых кустах, кухня и столовая для гостей. От главного дома в парк и сад в густой зелени стройных и высоких сосен шла широкая мраморная аллея к озеру.

На хозяйственном дворе — склады, конюшни, коровники, бараки для батраков и рабочих.

За усадьбой, вдоль озера, версты на три тянулась ровная долина Наротлы-Кол, упирившаяся в Лысую гору, на склоне которой ютился аул Али-Бек.

В ущелье повсюду стояли усиленные дозоры, разъезжали верховые патрули из Карачаевского конного полка, находившегося под командованием генерала Султан-

Клыч-Гирея. Усадьба князя также охранялась часовыми. На башне маячил караульный, который время от времени озирает в бинокль всю округу и потом мерно, с винтовкой за плечами вышагивал по площадке.

Сегодня с самого утра в усадьбе суетно: здесь готовились к встрече гостя, богатого князя Барисбия Дудова, жителя аула Хузрук, зятя Мурзакулы Крым-Шамхалова.

На увитое виноградными лозами крыльцо главного дома вышел «правитель» Карачая, полковник Крым-Шамхалов. Несмотря на его шестидесятилетний возраст, в жестких черных волосах — ни одного седого волоса. Горбоносое лицо аккуратно выбрито, на щеках — едва заметные розовые прожилки.

Спускаясь по ступенькам, он отбросил полу легкого белого бешмета, достал из кармана красных галифе серебряный портсигар, закурил папиросу. В это время караульный оповестил с башни о приближении автомобиля Хвостикова. Князь радушно встретил неожиданного гостя. Хвостиков в свою очередь высказал немало лестных слов в адрес гостеприимного владельца имения.

К ним подбежал младший сын князя — Исмаил... Первая жена Мурзакулы — балкарка — умерла в девятьсот третьем году, оставив ему троих детей: Баксанука, Дауда и дочь Фатиму. Второй раз князь женился в Петербурге на вдове русского полковника, погибшего в русско-японскую войну. Четырнадцать лет тому назад вторая жена родила Исмаила... Мурзакула представил его Хвостикову. Отрок по-молодецки вскинул руку к бело-снежной бараньей папаше с малиновым верхом, крикнул звонко:

— Саям алейкум, господин генерал!

Мурзакула довольно улыбнулся, сказал:

— Поезжай, сынок, в аул Али-Бек и объяви там жителям, что я приглашаю их к себе на большое гулянье! Скажи, лучшим джигитам будут вручены призы. Ну, живо!

Исмаил затрепетал от радости, рванулся на хозяйственный двор с такой быстротой, что полы его кремового бешмета раскрылись, как крылья.

Мурзакула подозвал к себе конюха, сказал:

— Аскерби, зарежь бычка и мясо отправь на кухню.

— Слушаюсь, князь! — промолвил Аскерби и побрел к скотному двору.

Хвостиков обратил внимание на батрака, сказал:

— Что-то больно независимый вид у этого холопа. Мурзакула хищно прищурился.

— Это тот самый Карабашев, из-за которого я силой выдал Фатиму за Дудова.

— Вообще-то он недурен собой,— заметил Хвостиков. В просторной кунацкой стояли кожаный диван в темно-синем бархатном чехле, несколько кресел, стол, большое трюмо, гардероб, блестящий черной полировкой. Стены завешаны дорогими персидскими коврами. Вместо вешалки -- рога тура.

На полу лежал намазлык — маленький ковер для молитвы.

Мурзакула настежь распахнул два занавешенных гардинами окна, обращенных в сторону гор, и, пригласив гостя к столу, промолвил угрюмо:

— Слышал я, Алексей Иванович, что дела у вас на фронте неважные.

— Неважные — это не то слово,— поморщился Хвостиков.— Вернее сказать, катастрофические. Армия моя не выдерживает натиска красных, бежит в панике. Теперь единственная надежда на горы. Мы должны остановить противника, во что бы то ни стало удержать в своих руках Тебердинское ущелье, чтобы можно было отойти через Клухорский перевал к морю, под защиту английских и американских сил. Но меня очень беспокоят ваши абреки, князь. Они грабят кабардинцев и казаков, среди бела дня нападают у меня в тылу на села и угоняют скот.

— А что я поделаю? — беспомощно развел руками Мурзакула.— Это же настоящие башибузуки. Горы кишат ими. Тут недалеко действует банда Хубиева.

— Суший разбой,— продолжал с гневом Хвостиков.— На днях абреки завели партию донцов в горы, обобрали их и пустили в одном белье. Каменноостыцы устроили засаду моим казакам под Бургустанской и всех уничтожили. Словом, карачаевцы ведут себя возмутительно. Надо кончать с этим, князь. Ведь у вас здесь два полка под вашим личным командованием и командованием генерала Султан-Клыч-Гирея. Неужели вы не можете одолеть бандитский сброд?

— Увы, мы бессильны,— вздохнул Мурзакула.— Народ наш говорит уже открыто: «Аллах, если ты лишил нас веры, то не лишай айрана...»

Хвостиков бросил на него ледяной взгляд.

— Я прихожу к убеждению, что карачаевцы только вредят мне. Видимо, им по душе большевики!

— Не знаю, кто им больше по душе,— пожал плечами Мурзакула.— Но на сборе в Большом Карачае они прямо заявили мне: «Пусть Хвостиков и красные дерутся между собой, а мы посмотрим, что из этого выйдет».

— Так это же бунт, предательство! — вскипел Хвостиков и яростно стукнул кулаком по столу.

— Да, похоже что так,— подтвердил Мурзакула.— Когда мы с Султан-Клыч-Гиреем возвратились сюда из Грузии в первой половине августа, то сразу почувствовали, что нам здесь будет нелегко. Сейчас карачаевцы отошли от нас и чинят козни не только вам, но и мне. Вчера, например, абреки угнали в горы стадо моих коров и лошадей.

— Даже так? — Хвостиков скривил губы.

— Вся беда в том,— продолжал Мурзакула,— что карачаевцы не грабят мирных жителей, как вы говорите, а нападают на богатых людей и на мелкие подразделения наших войск, обезоруживают их, забирают амуницию и продовольствие.

Хвостиков резко встал и, заложив руки за спину, подпрыгивающей походкой зашагал по кунацкой, затем остановился у окна, сказал с раздражением:

— Войну мы уже проиграли!.. Теперь надо думать, как уйти за границу...

На лесистом склоне горы появились три человека в белом. Они спустились по тропинке к мосту через приток Безымянный.

Хвостиков указал на них:

— Что это за люди?

Мурзакула поднес к глазам бинокль.

— Да это же Баксанук и Дауд!.. А вот третьего не знаю... Но почему они в одном белье?!

Он выбежал из кунацкой. Хвостиков последовал за ним. В аллее сада они встретились с княгиней. Она удивленно округлила глаза:

— О, да у нас гость! Здравствуйте, генерал!

— Здравствуйте, Анна Петровна! — поклонился Хвостиков.

Княгиня, чуть приподняв белое платье, неторопливо спустилась с каменных ступеней на небольшую площадку, с улыбкой обратилась к генералу:

— А вы нас не забываете, Алексей Иванович.

— Старых друзей нельзя чураться, Анна Петровна. Мурзакула указал жене на людей в белом, уже переходивших мост.

— Видишь, кто там? Дауд и Баксанук!

— И мой офицер Матяш,— добавил Хвостиков.

— Боже, да они же раздеты! — воскликнула княгиня.— Нет, нет, я должна уйти.— И она быстро зашагала к дому.

Первым к отцу подбежал Дауд в кальсонах и нижней изодранной рубашке.

— Видал, какой бандит на гора! — вскричал Дауд.— Двадцать аскерчи¹ хватал! Карачи, кабарда и рус.

— Что и говорить, славно встретили нас здесь, в глубоким тылу! — язвительно бросил Матяш.

Мурзакула побагровел.

— Черт знает что творится! Идите оденьтесь.

Княжици с Матяшом направились к особняку.

— Этак абреки скоро и до нас доберутся,— заметил Хвостиков.

Мурзакула в злобе потряс сжатым кулаком.

— Я не прощу им этой подлой выходки!

Мимо ворот проскакал верховой. Мурзакула узнал в нем Абрекова, бедняка-карачаевца из аула Али-Бек, выбежал со двора и закричал:

— Эй, Таго!.. Ты нарушаешь закон адата. Остановись и объясни мне, в чем дело?

Но Абреков еще быстрее пустился по дороге, хотя по мусульманским обычаям он обязан был слезть с коня и провести его в поводу мимо княжеской усадьбы. Мурзакула хотел послать за ним вдогонку своих солдат, но тут издали донесся звон бубенчиков: на дороге из Тебердинского ущелья показался щегольской фаэтон. На козлах, управляя тройкой лошадей, сидел кучер, а в кузове с открытым кожаным верхом восседали супруги Дудовы — Барисбий и Фатима.

Барисбию было уже под шестьдесят, и выглядел он, по меньшей мере, лет на тридцать пять старше своей жены. Широкое лицо его лоснилось, как подгорелый масляный блин, поблескивали заплывшие жиром маленькие глаза. Черные волосы, густо пересыпанные сединой, топорщились в разные стороны, словно щетина у дикого кабана.

¹ Аскерчи (карач.) — солдат.

Бледное лицо Фатимы все еще хранило красоту молодой горянки. Карие, широко открытые глаза с темными ресницами тоскливо глядели из-под узких, соболиных бровей. Казалось, что вот-вот брызнут слезы и она разрыдается горько, безутешно.

Ровно год назад ее силой выдали замуж за Барисбю. Теперь она ехала с ним к отцу и мачехе. Ехала потому, что по законам адата после годового срока замужества должна была навестить своих родителей. Всю дорогу в ее сердце не утихала мучительная боль. Аскерби, тот, кого она любила, все еще служил в батраках у ее отца, и она тянулась к нему еще больше, чем прежде. Любовь пришла к ним давно, еще до того, как Фатима окончила университет. Бывая на каникулах дома, девушка заглядывалась на Аскерби, и однажды, нарушив «священный» закон корана, утром, в великий пост рамазана, в момент наступления уразы, то есть тогда, когда стало возможным отличить в сумерках белую нитку от черной, она открылась Аскерби в своей горячей любви...

С мыслями о нем Фатима и не заметила, как фаэтон въехал во двор ее отца.

Кучер натянул вожжи, крикнул:

— Тпру, приехали!

Фатима вздрогнула, подняла голову. Перед нею стояли отец, мачеха, Хвостиков и большая толпа батраков.

К Барисбю подбежали Баксанук и Дауд, уже одетые в светло-серые бешметы, черные брюки, кавказские сапоги и белые войлочные шляпы. Взяв зятя под руки, они помогли ему выбраться из фаэтона. Барисбий в свою очередь, грузно переваливаясь с ноги на ногу, помог жене сойти вниз. Со всех сторон летели приветствия, радостные возгласы. А Фатима искала глазами Аскерби. Не найдя его, она с трудом сдержала плач, опустила глаза и на приветствия не отвечала.

Х

Пока в столовой готовились к обеду, в зале собрались хозяева и гости. Анна и Фатима, оставив общество, скрылись в спальне.

Прибыл генерал-лейтенант Султан-Клыч-Гирей, высокий поджарый черкес с хищными блестящими глазами и горбоносый смуглым лицом, обросшим черной бородой и усами. Войдя в зал, он воскликнул:

— Салям алейкум, господи!

— Алейкум салям,— хором ответили собравшиеся.

Султан-Клыч-Гирей снял с себя мохнатую баранью папаху, повесил ее на клык вепря, затем подошел к Хвостикову.

— Ну что, Алексей Иванович? — спросил он с заметным кавказским акцентом.— С чем приехал к нам?

Откинув полы темно-синей черкески, он сел на диване в дальнем углу зала. Хвостиков поместился рядом, посвятил его в свои незавидные дела и тут же заговорил о критическом положении белых в Карачае. Султан-Клыч-Гирей хмурился, нервно поглаживал бороду.

Барисбий прошелся перед трюмо, поправил свои вихрастые волосы и наконец остановился перед тестем:

— Не хапар? ¹

— Да что нового,— угрюмо ответил Мурзакула и, покосившись на Хвостикова, добавил: — Плохие новости. Наши люди говорят: два орла дерутся — охотнику перья летят.

Матяш исподлобья поглядывал на Хвостикова и очень жалел, что сейчас не имел при себе оружия. Ненависть к генералу распирала его, в голове назойливо повторялась одна и та же мысль: «Надо кончать с ним. Кончать как можно скорее!»

По лестнице в зал стремительно влетел Исмаил, бросился в спальню к матери, повис на шее сестры.

Фатима крепко прижала его к груди, по которой рассыпались ее черные волосы.

— Здравствуй, братец! Здравствуй, дорогой!

— Ай, машалла ², егеч ³. Я так соскучился по тебе.

— Ну, бар ⁴, бар,— строго сказала мать.— Фатя будет переодеваться.

Исмаил еще раз чмокнул сестру в лоб, выскочил в зал и, метнув взгляд на Барисбия, недовольно фыркнул.

— Ты что, уже съездил в аул? — обратился к нему Мурзакула.

— Уже, уже, ата ⁵! — воскликнул Исмаил.— Все будет на гулянье!

— Ну, иди, иди,— махнул рукой Мурзакула.

¹ Что нового?

² Машалла — молодец.

³ Егеч — сестра.

⁴ Бар — иди.

⁵ Ата — отец.

Исмаил вихрем пустился по лестнице.

Вошел седовласый слуга, объявил, что обед уже подан. Мурзакула пригласил гостей вниз.

В просторной столовой все окна были распахнуты настежь. Голубоватые тюлевые гардины чуть шевелились от легкого ветерка. По краям длинного стола были расставлены приборы на восемь персон, а в центре на хрустальной вазе лежал нарезанный тонкими ломтиками кырджын¹. На позолоченных блюдах — жареная баранина, шашлык; в глубоких мисочках — тузлук² и айран³, в графинах — вино сорокалетней давности из крым-шамхаловских погребов.

Не успели гости занять места за столом, как на пороге столовой появилась игуменья Сентийского монастыря в сопровождении монаха Луки. Опираясь на посох, она пристально оглядела присутствующих, обиженно сказала князю:

— Что же это ты, Мурзакула, не оповестил меня, что у тебя сегодня пиршество? Или тебе уже не нужны старые друзья?

Мурзакула поспешил ей навстречу:

— Извиняюсь перед вами, мать Раиса! Виноват... закрутился тут. Добро пожаловать! Я очень рад вам.

— Сюда, сюда пожалуйста, матушка,— позвала игуменью Анна Петровна, указав на место рядом с собой.

— Нет, уж я рядом с Алексеем Ивановичем сяду,— ответила игуменья.

Лука снял колпак, пригладил ладонями длинные волосы и, не дождавшись особого приглашения, занял место между Баксануком и Даудом.

Мурзакула наполнил бокалы, объявил первый тост:

— Господа! Предлагаю выпить в честь нашей дорогой четы князя Барисбия и моей любимой дочери Фатимы. Сегодня исполнился год, как она соединилась с князем в нерушимый брачный союз. Так осушим же свои бокалы за их семейное счастье!

Все выпили, потянулись к закускам.

Мать Раиса проглотила кусок баранины, вытерла салфеткой жирные губы и, наклонясь к генералу, прошептала:

¹ Кырджын — хлеб.

² Тузлук — кислое молоко, приготовленное особым способом.

³ Айран — ряженка.

— Я забыла спросить у тебя, Алексей Иванович, что я буду иметь за хранение?..

Хвостиков недовольно пожевал губами.

— Потом, потом, мать Раиса.

— Ишь ты! — вздохнула игуменья и, помолчав, добавила: — Ну, хорошо. Потом так потом.

В долине Наротлы-Кол шло приготовление к атчаптуру — скачкам. На хозяйственном дворе батраки чистили и мыли лошадей. На общей кухне для приглашенных аульчан жарился целый бык.

В усадьбе только и было разговоров, что о призах, выделенных князем для победителей на скачках. Один лишь Аскерби держался особняком и хранил угрюмое молчание. Нынче все валилось у него из рук. Мысли и сердце его были заняты только Фатимой. Он хотел свидеться с ней и боялся этой встречи, твердил себе: «Зачем она мне теперь? У нее муж». А в памяти снова и снова оживало последнее свидание с Фатимой у водопада, когда она сказала ему: «Давай убежим, любимый, и будем навеки вместе!» Тогда он струсил, убоился братьев и отца Фатимы. Теперь же проклинал свою трусость.

Исмаил нашел его у водопада, крикнул:

— Аскерби, а ты знаешь, какой первый приз назначил ата? Лучшую лошадь из своей конюшни, седло и посеребренную сбрую. Аскерби, ты должен взять первый приз!

Аскерби грустно покачал головой:

— Нет, мальчик, приз достанется другому. Я не буду участвовать в скачках.

— Почему? — опешил Исмаил. — Ты же лучший джигит в округе...

— Тебе этого не понять, — печально сказал Аскерби.

Исмаил во весь дух помчался назад, вбежал в столовую и бросился к отцу:

— Ата, ата! Аскерби не будет участвовать в скачках!

Услышав эти слова, Фатима побледнела, опустила глаза. Барисбий нахмурил брови. Мурзакула уставился на Исмаила:

— Не болтай чепухи, Карабашев будет скакать.

— Нет, не будет! — повторил Исмаил. — Он не хочет.

— Почему?

— Говорит, что мне этого не понять. — Исмаил вдруг запнулся, остановил растерянный взгляд на Фатиме.

В столовой наступила тишина. Баксанук что-то шепнул Матяшу и остановил взгляд на младшем брате. Исмаил рванулся к выходу, в одно мгновение исчез за дверью.

— Ишь ты! — усмехнулась игуменья. — Батрак с прихотями...

— А разве Карабашев до сих пор у тебя? — спросил Дудов у тестя.

— Аскерби — лучший наш батрак, — вмешалась в разговор Анна Петровна. — Я очень ценю его за старание. Таких работников теперь мало.

— А... — злобно осклабился Дудов. — Понимаю, княгиня — жарлыланы ёкюлю¹.

— Не совсем так, — улыбаясь, пожала плечами Анна Петровна. — Я защищаю не вообще бедняков, а золотые руки своего батрака.

— А если я убью его? — хищно сощурился Дудов. — У меня есть свои счета с вашим Карабашевым.

— Полно вам, князь, — сказала Анна Петровна. — Зачем все это?

Фатима метнула презрительный взгляд на мужа, подумала: «Молчал бы... Куда тебе, дохлый ишак, до волка!»

Во дворе послышался шум. Дауд взглянул в окно, сообщил отцу, что прибыли старейшины из аула.

Мурзакула, слегка покачиваясь от опьянения, вышел на крыльцо. Перед ним стояло десятка полтора седобородых стариков, одетых по-праздничному. Князь спустился к ним и, пожав каждому руку, пригласил в парк.

XI

В парке на площадке, окруженной плакучими ивами и дикими каштанами, гуляли аульские парни и девушки. Среди них выделялась своей красотой Фердаус, родная сестра Абрекова, того самого, который не слез с коня, проезжая мимо усадьбы князя. Палящие лучи полуденного солнца играли и плавились на ее красивой островерхой шапочке, обшитой параллельными блестящими полосками, и белом атласном бешмете, сверкавшем серебряным позументом в форме листьев и цветов. Узкий

¹ Жарлыланы ёкюлю — защитник бедноты.

золотистый пояс, обвитый вокруг тонкой талии, придавал особую красоту девушке.

Княжичи, Матяш и Лука направились к озеру.

— А ми тебя уже видал сегодня, — лукаво подмигнул Дауд монаху. — Твоя, шайтан, карашо девичкам пела: «А я ваш бугай!»

Лука надулся, промолвил с присвистом (у него была щербина в зубах):

— Непотребное говоришь. Это вам привиделось.

— Не валяй дурака, святоша! — грубо бросил ему Матяш. — Патлы зря носишь, скотина!

— Чего ты пристал? — огрызнулся Лука. — Не святоша я, а такой же смертный, как и все.

— Ай машалла! — рассмеялся Дауд. — Устала твоя богу молиться, можно ниминожка с бабами играть.

— Ладно уж! — отмахнулся Лука. — Пялите око свое не туда, куда следует, потому и проглядели бандитов. Здорово они вас того, обчистили.

— Может, и ты с ними заодно? — спросил Матяш.

— Говори, где бандит? — потребовал Баксанук.

Лука указал рукой на север.

— Там они, в Канделяплярах. У них на реке Маре целый отряд.

Баксанук остановился.

— Надо назад ходить, генерала и отца докладывать.

— Я уже доложил, — сказал Лука.

Спустились по ступенькам к берегу озера. Баксанук и Дауд с Матяшом и Лукой сели в лодку, подняли парус и затянули какую-то заунывную песню. Матяш не знал, о чем говорится в песне, но ее мелодия, похожая на стон и плач, снова и снова возвращала к мрачным мыслям. Остановив свой взгляд на кинжале Дауда, он опять вспомнил о Хвостикове и, когда песня затихла, воскликнул:

— Хороший у тебя кинжал, Дауд! Я таких еще не видывал. Старинный, наверно.

Дауд натужно улыбнулся, растерянно посмотрел на брата. Ему очень не хотелось расставаться с дорогим оружием, но, подчиняясь горским обычаям, он снял кинжал с пояса и, подав Матяшу, сказал:

— На. Теперь он твоя... Дарю, бери!

Матяш с благодарностью принял подарок, вынул кинжал из ножен, отделанных искусной насечкой, и долго рассматривал лезвие.

Гулянье состоялось на центральной площадке парка. На специально устроенном помосте, закрытом с трех сторон нависшими густыми ивами, в глубоком бархатном кресле восседал юбиляр — князь Дудов. По сторонам — Хвостиков и Султан-Клыч-Гирей.

Мурзакула произнес юбилейную речь, затем подошел к Фердаус; которая, держа на коленях гармошку, занимала кресло на самом видном месте, и, положив руку на ее плечо, объявил:

— Сейчас мой сын Исмаил станцует шамиля!

Все захлопали в ладоши, и на середину площадки выбежал Исмаил. В руках Фердаус гармоника залела медленно и протяжно. Исмаил упал на левое колено и, как бы молясь аллаху, в такт музыке наклонял и поднимал голову, делал плавные движения руками, извивался гибким станом, а когда танец перешел к быстрому темпу, он, точно на пружинах, вскочил на упругие ноги, выхватил из ножен кинжал и пустился по кругу с такой легкостью, что, казалось, взвился в воздух на полях своего бешмета...

Мурзакула громко закричал:

— Асса! Асса! Каков у меня сын, черт возьми! Асса, асса!..

На площадке показались Матяш, Лука, Баксанук и Дауд, протиснувшись сквозь толпу вперед. Матяш хмуро смотрел на Хвостикова, держа руку на эфесе кинжала. Лука, словно догадываясь, о чем думал Матяш, не спускал с него взгляда и время от времени нервно почесывал кончик носа...

Дудов наклонился к тестю, что-то шепнул ему на ухо. Музыка умолкла. Мурзакула велел играть кабардинку и, указав на Карабашева и Абрекова, сказал:

— Танцевать будете вы! Девушек выбирайте по своему желанию.

Карабашев хорошо знал, что не имеет права отказаться от назначенного князем танца, но, понимая, что имя его названо в угоду и по настоянию Дудова, способного на любую подлость, он смело заявил хозяину:

— Хорошо, я выполню твою волю... Но запомни: то, что знает князь, знает и его раб, но сказать про то не имеет права.

— Что? — взъярился Мурзакула. — Как ты смеешь говорить так со мной? Делай то, что тебе велено.

Фердаус растянула мехи гармоники, и пары под музыку пустились в пляс по широкому кругу. Дудов, пошатываясь во хмелю, грузно опустился на помост, вынул наган из кобуры и, промычав что-то, приготовился к «увеселению». То же самое сделал и Мурзакула.

Анна Петровна и Фатима, оставив игуменью в спальне, отведенной ей для отдыха, устроились у распахнутого окна зала, откуда была хорошо видна площадка. Увидев в руках отца и Барисбия оружие, Фатима испуганно вскрикнула:

— Что они надумали?

— Успокойся, милая,— проговорила Анна Петровна.— Они только постреляют мимо ушей танцующих.

Танцоры носились по кругу с быстротой молнии. Барисбий и Мурзакула палили из наганов. С замиранием сердца Фатима следила за этой дикой игрой. Она заметила, что ее муж, вместо того чтобы стрелять в воздух, мимо уха Карабашева, каждый раз старательно целился в голову Аскерби. Но тот ловко увертывался и оставался невредимым.

И вдруг один из танцующих упал. Фатиме показалось, что это был Аскерби. Ужас обуял ее, и она, не помня ничего, выбежала из зала, понеслась в парк. Анна Петровна последовала за ней.

Посреди площадки лежал Абреков, тяжело раненный в голову. Фердаус, припадая к его груди и обливаясь слезами, отчаянно причитала:

— Несчастный Таго! Зачем мы пришли сюда?

Мурзакула, оправдываясь перед стариками, твердил:

— Не хотел я этого... Не знаю, как получилось...

— Всякое бывает,— сказал в защиту тестя Дудов.— Помните, как во время танца был убит князь Алиев? Тоже нечаянно.

Оглянувшись, он увидел Фатиму, стоявшую у помоста, хотя адатом ей строго запрещалось появляться среди мужчин. Ее лицо было мертвенно бледное, а взгляд тянулся к Аскерби.

— Ты зачем здесь, бесстыдница? — прохрипел Барисбий, схватив жену за руку.— Опозорить меня решила?

У Фатимы подкосились ноги, и она едва не упала. Баксанук подхватил ее и понес к дому.

Анна Петровна подошла к мужу, спросила гневно:

— Зачем ты это сделал?

— Нечаянно я, понимаешь? — Мурзакула развел руками.

— Не верю! — бросила Анна Петровна.

Глядя на парня, лежавшего с простреленной головой на горячих камнях, Матяш никак не мог понять, во имя чего Мурзакула учинил эту расправу.

На площадку приковыляла игуменья. Указав посохом на Абрекова, спросила Фердаус:

— Кто он?

— Мой брат, — ответила, рыдая, Фердаус.

— Ишь ты, — буркнула игуменья и взглянула на Мурзакулу. — Надо бы в больницу его ко мне отвезти.

Мурзакула приказал Карабашеву подать мягкую, рессорную линейку. Вскоре Абрекова увезли в монастырь.

Старики и молодежь, не желая дольше оставаться на гулянье, почти покинули двор князя. Парк опустел.

* * *

Фатима лежала в спальне на постели. Анна Петровна прикладывала к ее груди мокрое полотенце. Давала нюхать лавровишневую настойку. Наконец Фатима открыла глаза, прошептала:

— Где Барисбий?

— В кунацкой, с гостями, — ответила Анна Петровна. — Позвать его?

— Нет, нет, я не хочу его видеть, — простионала Фатима.

— Ну, поспи, поспи, милая! — ласково сказала Анна Петровна. — А я пойду. — Она вышла из спальни, тихо прикрыла дверь.

Через несколько минут в спальню заглянул Исмаил.

— Заходи, заходи! — сказала Фатима.

Исмаил подошел к ней.

— Тебе плохо, Фатя?

— Нет, карнаш¹, все уже прошло. — Фатима приподнялась, заглянула в глаза брата. — Скажи, ты любишь меня?

— А как же! — воскликнул Исмаил. — Очень, очень люблю! Знаешь тот водопад, что на Кобчике?

— Знаю, конечно.

— Так вот, я назвал его в твою честь «Слезы Фати»! — сообщил Исмаил. — Назвал после того, как тебя выдали за Барисбия. Ты сильно тогда плакала.

¹ Карнаш — брат

Фатима погладила его черные волосы.

— Сможешь ты выполнить одну мою просьбу?

— Я все сделаю для тебя, Фатя!

Фатима протянула брату свернутый в трубочку листок бумаги.

— Отнеси это Аскерби, но так, чтобы никто не видел!

— Клянусь, все сделаю, как только Аскерби вернется из монастыря!

В спальню донесся далекий заунывный вечерний звон колоколов. Исмаил прислушался к нему, поцеловал сестру, выбежал из спальни.

Солнце уже зашло за Лысую гору. Легкие сумерки медленно поднимались из долины к вершинам гор.

Исмаил с нетерпением ожидал возвращения Аскерби, то и дело бегал к озеру, на дорогу, ведущую в монастырь. Из любопытства он заглянул через окно в кунацкую, увидел Барисбия. Тот только что сделал омовение¹, стал босыми ногами на намазлык, опустился на колени и, прижав большими пальцами уши, принялся читать ашхам-намаз². Исмаил глядел на него с неприязнью и думал: «Куда тебе, старый облезлый шакал, до Аскерби! Неужели ты надеешься, что Фатя когда-нибудь сможет полюбить тебя?»

К нему украдкой подошел Матяш.

— Ты что здесь делаешь? Подглядываешь? Нехорошо такими делами заниматься.

— А я не подглядываю,— ответил Исмаил.— Просто смотрю, как Барисбий молится аллаху.

Во двор въехала линейка. Это вернулся из монастыря Аскерби. Исмаил бросился к нему, вскочил на подножку линейки. Так они и доехали до конюшни. Когда Аскерби выпряг лошадей, Исмаил отдал ему записку и шепнул, широко улыбаясь:

— Это тебе, от Фати!

Ни Карабашев, ни Исмаил не заметили Баксанука, наблюдавшего за ними из-за орехового куста.

Дрогнувшими руками, задыхаясь от волнения, Карабашев развернул записку. Фатима писала:

Дорогой Аскерби!

Нам нужно поговорить. Когда все уснут, приходи ко мне в спальню. Буду ждать тебя.

¹ Омовение — обмывание рук, лица и ног перед молитвой.

² Ашхам-намаз — вечерняя молитва.

Наступила ночь. В усадьбе зажглись фонари. После сытного ужина гости и хозяева разместились на ночлег в шести спальнях особняка.

Карабашев не знал, как поступить. Целый год он не видел Фатиму, думал, что она смирилась с замужеством, не посмеет нарушить жестокие законы адата. И вдруг — записка. Значит, Фатима не смирилась, не вытравила из сердца прошлое.

В Сентийском монастыре колокол пробил половину третьего. Карабашев уже не колебался. Надев черкеску и шапку и подпоясавшись кавказским поясом, он бесшумно выпрыгнул из окна барака и осторожно двинулся к восточной стене особняка. Во дворе полнейшая тишина. Из-за вершины Кобчика выглянула ущербная луна и, тускло просвечиваясь сквозь листву платанов, изрыбила бликами дом. С минуту Аскерби стоял, прижавшись спиной к стене, затем по-кошачьи ловко взобрался на дерево и по ветке, тянувшейся к раскрытому окну второго этажа, проник в спальню любимой. Фатима стояла у окна, ждала. Она припала к груди Карабашева, глухо зарыдала:

— А я боялась, что ты не придешь...

Аскерби обнял ее, прошептал:

— Мог ли я не прийти, Фатя?

В соседней комнате — спальне Анны Петровны — слышались легкие шаги, Фатима замерла, прислушалась. Сердце ее, казалось, вот-вот выскочит из груди...

И тут грянула беда.

В зал ворвались Мурзакула и Дудов, забарабанили кулаками в дверь спальни.

— Фатима, открой! — заорал Барисбий. — Слышишь, открывай сейчас же. Это я.

Ужас сковал Фатиму. Аскерби выглянул в окно. Внизу, под деревом, маячили три офицера.

— Нет, не уйти, — промолвил с отчаянием Аскерби.

Его слова мгновенно сбросили с Фатимы оцепенение. Она судорожно схватила Аскерби за руку, шмыгнула с ним в спальню мачехи. Анна Петровна точно ждала этого. Молча она закрыла Карабашева в гардеробе. Фатиму уложила на кровать и открыла дверь.

Дудов и Мурзакула ворвались в спальню Фатимы,

зажгли свет. К их большому удивлению, кровать Фатимы оказалась даже неразобранной.

— Где моя катыны¹? — гневно спросил Барисбий.

— У меня. Спит со мной, — спокойно ответила Анна Петровна. — А что случилось?

— Как что? — вскричал Мурзакула, заглядывая во все углы. — У нее только что был Аскерби! Где он?

— Да ты в своем уме? — возмутилась Анна Петровна.

Мурзакула шагнул в спальню. Фатима, укутанная в одеяло, лежала в постели ни жива ни мертва. Дудов бросился к Баксануку и Дауду, стоявшим в зале.

— Где, где этот батрак? Упустили?

— От нас никто никогда не уходил, — мотнул головой Дауд.

— Мы смотрим в оба, — добавил Баксанук. — Аскерби где-то здесь.

Мурзакула задержал взгляд на гардеробе и с силой рванул дверцу.

— А, вот где ты, голубчик! — злорадно оскалился он. — Ну-ка, выходи!

Баксанук и Дауд свирепо набросились на Аскерби, выволокли его из гардероба. Дудов наотмашь ударил его кулаком по лицу. Фатима, сбросив с себя одеяло, вскочила с постели, схватила мужа за руки:

— Не тронь его, толстобрюхий кабан!

Дудов попятился. Тем временем Аскерби вырвался из рук княжичей, выхватил кинжал:

— Не подходите! Убью!

Внезапно на пороге спальни появился Султан-Клыч-Гирей. Подняв руку, спросил:

— Что здесь происходит, господа?

Все обернулись на его властный голос. Воспользовавшись этим, Аскерби стремительно пустился через зал и в одно мгновение исчез на лестнице.

Дудов затряс кулаками перед лицом Фатимы:

— Я тебя проучу, распутница! Сейчас же собирайся домой!

— И не подумаю, — гордо ответила Фатима. — Можешь убираться отсюда!

— Ах, так? — побагровел Дудов, готовый лопнуть от злости. — погоди, тебя в цепях доставят ко мне.

Несколько минут спустя он уже ехал к себе в Хурзук.

¹ Катыны — жена.

В ту ночь в усадьбе князя Крым-Шамхалова произошло еще одно событие. Когда в доме воцарилась тишина, Матяш решил совершить то, что уже много дней не давало ему покоя. Перед рассветом он вошел в спальню Хвостикова, обнажил кинжал и, остановившись перед спящим, взмахнул рукой, чтобы нанести смертельный удар. И вдруг кто-то цепко схватил его за руку. Матяш оглянулся, увидел за своей спиной монаха Луку.

Началась упорная борьба.

Шум разбудил Хвостикова.

— Кто здесь? Что случилось? Опять этот Карабашев? — заорал он спросонья.

— Алексей Иванович, помогите, — тяжело дыша, отозвался Лука. — Вас хотел убить этот иуда... Матяш, но я помешал ему.

— Как убить? Зачем убить? — оторопело переспросил Хвостиков и, вместо того чтобы помочь монаху одолеть Матяша, вылетел в исподнем белье в зал, закричал: — Эй, люди! Скорее сюда!

Лука был намного сильнее Матяша, и все же Матяш, обуянный яростью, чуя смертельную опасность, сбил монаха с ног, выпрыгнул из окна второго этажа и слился с темнотой.

Карабашев все дальше уходил в глубь леса, к скалистым отрогам Канделяпляр. Обессиленный, он наконец добрался до узкой звериной тропы, тянувшейся вдоль отвесной скалы над пропастью. И здесь, на тропе, ему попался навстречу бурый пестун¹. Карабашев, чтобы не сорваться в пропасть, левой рукой ухватился за ветви куста, торчавшего из расщелины скалы, а правой, с кинжалом, оперся о камень. Медведь сел на задние лапы и уставился на человека. Стоило Карабашеву чуть пошевелиться, как медвежонок оскаливал острые клыки, готовый броситься на него. Потянулись долгие минуты. Руки и ноги Карабашева немели от неудобного положения, но он старался висеть совсем неподвижно. Шерсть на звере постепенно опускалась. Наконец медвежонок осторожно поднял лапу, начал опускать ее на

¹ Пестун — медвежонок старше одного года, оставшийся при матери.

камень, где лежала рука Карабашева, но, видимо не совсем уверенный в том, что противник не тронет его, сразу же отдернул лапу назад. Прошло еще несколько минут. Видя, что на него не собираются нападать, медвежонок набрался смелости, поставил сперва одну, затем другую лапу на камень и, все так же не спуская глаз с Карабашева, стал продвигаться вперед. Вот они поравнялись. Медвежонок судорожно повернул голову, рывкнул почти в лицо Карабашева, затем легко прыгнул на следующий камень и уже без оглядки побежал в лес.

Карабашев направился по тропе дальше.

В ущелье, по которому пролегал старая военная дорога, путь ему преградили три всадника, неожиданно появившиеся из-за скалы. Они отобрали у него кинжал и, не спрашивая, кто он и зачем в горах, обшарили его карманы, затем приказали следовать за ними.

Карабашева привели на берег реки Джингирик, где стояло несколько шалашей. Под деревьями возле оседланных коней располагались вооруженные горцы — все в пестрой, оборванной одежде. Они тотчас же окружили дозорных и пленника. Посыпались вопросы:

— Что это за птица?

— Откуда?

— Эй, вы! Расступитесь, дайте дорогу! Кто и куда идет он — мы не знаем.

Карабашева повели к одному из шалашей.

Предводитель отряда в нательной рубашке и сапогах лежал на душистом сене. Карабашев сразу узнал в нем своего давнишнего товарища Шагонба Хубиева. Тот вскочил на ноги и, не веря своим глазам, воскликнул обрадованно:

— Ты ли это, Аскерби? Друг мой!

Они обнялись, как братья.

— Как ты попал сюда? — спросил Хубиев, вглядываясь в лицо друга. — Кто тебя избил? Уж не мои ли разбойники?

— Нет, твои люди не тронули меня, — ответил Карабашев. — Это следы княжеской «ласки». — И он рассказал, что произошло с ним в усадьбе.

Хубиев гневно потряс кулаком.

— О, я доберусь до Крым-Шамхаловых и Дудова. Доберусь! Я знаю, они хотели убить тебя на танцах, погубили Таго.

— Ты все знаешь? — удивился Карабашев.

В шалаш вошла Фердаус.

— Салям алейкум, Аскерби!

— Не удивляйся, друг,— заметил Хубиев.— Прешлой ночью мои дозорные встретили Фердаус в горах, когда она искала меня. И да будет тебе известно, что отныне — это моя жена.

— А моя Фатима...

Хубиев положил руку на плечо друга.

— Не унывай, Аскерби, не сегодня-завтра мы побываем в гостях у князя. Надо расквитаться с ним за Таго.

XIII

Рано утром Хвостиков с Баксануком и Даудом выехали на автомобиле за своими сокровищами в Кардоник. В полдень он уже был в Спасо-Преображенском монастыре с адъютантом Бабулой Кочкаровым, который охранял золото.

— Уже привезли? — удивилась игуменья, увидев Хвостикова на пороге своего дома.

— Озолочу вас, мать Раиса,— ответил генерал.— Сейчас главное — хранилище хорошее найти.

— Есть у меня такое место, есть,— заверила игуменья.— Куда уж надежнее!

Автомобиль подъехал к храму святого апостола Андрея. Вместе с генералом игуменья спустилась в усыпальницу, находившуюся глубоко под храмом, отперла железную дверь и зажгла лампадку у образов. Вдоль каменных стен стояло несколько высоких гробов, окованных железом. Посредине усыпальницы на столе, покрытом черной скатертью, лежали евангелие и псалтырь.

Хвостиков окинул взглядом гробницу, спросил:

— Тут еще подземелье есть? Я имею в виду тайник...

— Вот они, тайники,— указала игуменья на гробы.— Пустые они: в них и спрячем золото.

— Мудрая голова у вас, матушка! — улыбнулся Хвостиков.— Местечко действительно подходящее.

С помощью Кочкарова он перенес сокровища в усыпальницу. Поставил на тюках свою фамилию и уложил их в гробы. Тяжелые крышки захлопнулись, и мать Раиса заперла их на замки.

— Ну, вот и все! — перекрестилась она.— Как зеницу ока буду беречь твоё добро, Алексей Иванович.

Хвостиков попросил игуменью и Кочкарова оставить его на несколько минут в усыпальнице одного и, когда они вышли, опустился на колени перед иконой Георгия Победоносца, начал торопливо читать молитву:

— Святой, славный и всехвальный великомучениче Георгие! Перед иконою твоею святою молим тя, святой победоносче, разруши силы восстающих врагов, да постыдятся и посрамятся, и дерзость их да сокрушится, и да увидят, яко мы имеем божественную помощь.

Он встал с какой-то неодолимой тяжестью во всем теле, еще раз взглянул на гробы и медленно вышел. Игуменья ждала его у железной двери. Лязгнув засов, ключ со скрежетом дважды повернулся в замке.

Выйдя из подземелья, Хвостиков спросил:

— Скажите, матушка, каков человек монах Лука?

— Зачем он тебе? — полюбопытствовала игуменья.

— Видите ли... — Хвостиков замялся. — Добрую услугу оказал мне этот человек прошлой ночью. Хочу его с собой взять, в охрану личную.

— Ишь ты, даже в охрану! — воскликнула игуменья. — Что ж, на Луку можно положиться. Благочестив и силы медвежьей.

* * *

Фатима лежала в своей спальне на диване, охваченная горем, тоской и тревогой. Из зала долетали пьяные голоса. В открытое окно врывался вечерний ветерок, наполнявший спальню прохладой и медовым запахом горных трав. Он ласково поглаживал обнаженные плечи Фатимы, шевелил ее распущенные черные косы.

Дверь в соседнюю комнату была открыта. За столом у окна сидела Анна Петровна.

К Фатиме подкрался Исмаил, чмокнул в щеку.

— Испугалась?

— Нет, карнаш, — грустно вздохнула Фатима. — Самое страшное и горькое позади.

— Значит, ты теперь не поедешь к Барисбию? — заглянул в ее глаза Исмаил.

— Никогда!

— Здесь будешь жить?

— Если отец не прогонит...

Исмаил погладил руку сестры.

— Не прогонит. Мама не позволит ему. А он боится маму. И я упрошу его. — Он вдруг насупился, прошеп-

тал: — Хочешь, я убью Барисбия? И ты будешь с Аскерби.

На глаза Фатимы навернулись слезы.

— Глупенький мой защитник. Кто знает, где теперь Аскерби? И жив ли он?

— Я поеду в горы, найду его, приведу к тебе. Хочешь?

— Куда тебе! Ты еще маленький.

— И совсем не маленький,— обиделся Исмаил.— Возьму коня, кинжал...

Из зала донесся какой-то грохот. Исмаил вздрогнул, хотел было рвануться на шум, но не успел сделать и шага.

В усадьбе уже шла перестрелка.

Дверь из зала в спальню Фатимы широко распахнулась. На пороге, как видение, появился Аскерби с пистолетом и кинжалом в руках.

— Фатя! — вскрикнул он.— Собирайся, не медли!

Фатима от страха прижала руки к груди и, затаив дыхание, смотрела на него.

В спальню вошла Анна Петровна. Фатима растерянно взглянула на нее. И тут произошло то, чего никак не ожидал Аскерби. Анна Петровна подбсжала к Фатиме, бросила ей полушалок со своих плеч:

— Одевайся, беги! Да благословит тебя бог!

Фатима с лихорадочной поспешностью собрала в узелок свои вещи, накинула полушалок и, поцеловав мать и брата, последовала за Карабашевым.

Посредине зала в окружении абреков стояли обезоруженные Мурзакула и его приближенные. Они озирались по сторонам. Стрельба в усадьбе не стихала ни на минуту.

Когда Фатима и Аскерби сбежали по лестнице к выходу, к Мурзакуле подошел Хубиев, сказал с презрительной усмешкой:

— Моли аллаха, что мы застали тебя в доме! Только это спасает тебя.— Он задержался у двери, добавил: — Но мы еще встретимся с тобой, собака! И не вздумай гнаться за нами!.. Сау-бул, бий!¹

* * *

В Карачаевском конном полку, дислоцированном в Осетиновке (против Шоанинского монастыря) и Ниж-

¹ Будь здоров, князь!

нетебердинском ауле (рядом со Спасо-Преображенским монастырем), в ту же ночь вспыхнуло восстание. Султан-Клыч-Гирей и Крым-Шамхалов вынуждены были отказаться от погони за Хубневым и срочно выехали в Тебердинское ущелье.

Мятежники встретили конницу, прибывшую с Султан-Клыч-Гиреем, винтовочным и пулеметным огнем, выбили ее из ущелья.

А к утру туда прибыл отряд Хубнева. Восставший полк решил объединиться с ним и единодушно перешел под командование Хубнева.

На следующий день Султан-Клыч-Гирей подтянул к району, занятому повстанцами, несколько белогвардейских эскадронов и начал готовиться к решительной атаке на Спасо-Преображенский монастырь и Нижнетебердинский аул. Восставшие также приступили к перегруппировке своих сил.

То там, то здесь в горах завязывались перестрелки разведывательных групп и дозорных.

Монахини во главе с игуменьей заперлись в верхнем храме. Дрожа от страха, они били земные поклоны, молили бога уберечь их от «красных разбойников». Опасения их были, однако, напрасными: Хубнев отдал строгий приказ не допускать никаких бесчинств и насилий в монастыре.

Фатима и Фердаус готовили кельи для приема раненых. Почти все монахини — молодые и старые — хорошо знали дочь князя Крым-Шамхалова. Ее присутствие в стане мятежников, среди абреков, порождало самые невероятные кривотолки у святых сестер. Но Фатима не обращала на них внимания. Аскерби был с нею — и большего счастья она не желала.

Бой начался во втором часу дня, в самую знойную пору. Султан-Клыч-Гирей повел своих конников в атаку. Рядом с ним мчался Крым-Шамхалов.

Повстанцы не дрогнули. Встретив врага огнем, они сами ринулись в контратаку. Смерчевыми тучами схлестнулись лавины противников. Горы оглашались ревом и гулом. Стонала земля под копытами лошадей. В разгар боя конники Крым-Шамхалова начали вдруг переходить на сторону повстанцев. Это ускорило развязку. Султан-Клыч-Гирей, видя, что его части вот-вот будут окружены, дал приказ к отступлению. Под прикрытием орудийно-

го огня белогвардейцам удалось оторваться от повстанцев и уйти в горы.

Батраки Крым-Шамхалова сообщили Хубиеву, что Султан-Клыч-Гирей и князь еще с вечера увели свое войско к Клухорскому перевалу.

XIV

3-я Отдельная казачья кавбригада и 12-я кавалерийская дивизия, входившая в состав левофланговой группы, после упорных боев с хвостиковскими частями захватили Курганную и на рысях двинулись по Чамлыку к юго-востоку, чтобы перехватить пути отступления корпуса генерала Крыжановского, отходившего из Беломечетской по Большому Зеленчуку в горы.

Впереди в качестве проводника с винчестером за плечами на гнедом скакуне неся Шкрумов. За ним скакал Воронов со своим лихим ординарцем, дальше шли наметом конные полки. Однако Крыжановский опередил их и двумя часами раньше, на закате солнца, проскочил те населенные пункты, где должны были его встретить красные.

Красные части прошли через станицу Баталпашинскую и, поднимаясь вверх по реке Кубани, в середине ночи подошли к ущелью Кардоникская — Хумара, закрыв врагу путь к Клухорскому перевалу.

На рассвете сюда самолетом прибыли Левандовский и Жебрак. Узнав о восстании в Карачаевском конном полку, они выехали на автомобиле в Сенты.

После стремительного броска к Кардоникскому ущелью кавалеристы наконец получили отдых.

Лаврентий, сладко позевывая, привязал коня к бесресклету, свернул сигарку и, сев на высоком берегу Кубани, закурил. Внизу бушевала река, гнала пенистые воды по неровному каменистому руслу.

У подножия горы, под соснами, расположился на бурке Виктор. К нему подошли Соня Калита и Клава Белозерова.

— Садитесь, девчата, расскажу вам одну байку! — весело сказал Виктор.

— Если смешную, то сядем, послушаем, — отозвалась Клава.

Девушки опустились на бурку, и Виктор начал рас-

сказ про попа, что с чертом сдружился. Соня и Клава смеялись до слез. Клава даже про зеркальце свое забыла, ни разу не заглянула в него.

Воронов с ординарцем Митрофаном поднялся на голую вершину горы, и перед ним, за Кубанью, раскрылась мрачная теснина, ведущая к Кардоникской. Из-за дальних хребтов показалось солнце, озарившее лесистые склоны перевала и суровые скалы.

Хлесткий ветер по-волчьи завывал в глубине ущелья, яростно шумел в густых соснах.

Митрофана клонило ко сну, но он старался держаться бодро: раз командир не спит, то и ординарцу спать не положено. В конце концов он решил прибегнуть к хитрости, сказал:

— Вам бы, Елисей Михайлович, отдохнуть надо. Как-никак всю ночь в седле.

Воронов разгадал его уловку.

— А я на скаку выспался.

Митрофан почесал затылок.

— У меня не получается так.

— Ну, тогда ложись и спи, — улыбнулся Воронов.

Митрофан лег на камни, сладко сомкнул отяжелевшие веки, но не уснул: где-то рядом назойливо кричала сойка.

— А, чтоб тебя разорвало! — не выдержал Митрофан и, приподняв голову, оглянулся вокруг, чтобы запустить в сойку камнем. — Кыш ты, цокотуха!

Из-за уступа скалы вышел Шкрумов.

— Э, брат, от сойки теперь не отвяжешься, — бросил он. — Это хитрая хищница. Она всегда сопровождает либо зверя, либо человека, которые помогают ей вспугнуть птиц в кустах. Тогда она находит чужие гнезда и пожирает в них яйца или птенцов.

— Ах она стерва этакая! — Митрофан выхватил из кобуры наган, прицелился в сойку.

Воронов погрозил ему плетью.

— Ну, ну, без стрельбы!

Митрофан досадливо поморщился, спрятал наган.

Шкрумов подошел к Воронову, указал на балку, тянувшуюся левее ущелья.

— Особливо надо за этой очхаздой следить. Враг может по ней в тыл нам зайти.

Комбриг поднес к глазам бинокль, заскользил взглядом по балке

— Да, пожалуй, вы правы, Иван Степанович...
Из ущелья донеслись гулкие винтовочные выстрелы. Воронов увидел там десятка полтора всадников.

— Это наши разъезды,— определил он и крикнул Митрофану: — Живо вниз, объявляй тревогу!

Митрофан вскочил на ноги и, перепрыгивая через глубокие промоины и трещины, спустился с горы. Воронов и Шкрумов последовали за ним.

Через несколько минут бойцы заняли огневые рубежи. Опасения Воронова подтвердились: конный разъезд доложил о наступлении вражеской кавалерии и пехоты.

Виктор со своим эскадроном занял позиции справа от выхода из щели, за ореховыми кустами. Все его внимание было приковано к теснине, откуда с минуты на минуту должен появиться неприятель. Чуть выше на склоне горы среди бойцов 1-го Афинопского полка находился Лаврентий.

Первую атаку хвостиковцы обрушили на аул, расположенный в двух верстах выше по течению реки.

12-я кавалерийская дивизия сорвалась с места, спеша на подмогу своим подразделениям, вступившим в бой с прорвавшимся через хребет противником. Пехота белых была обращена в бегство, но конница Хвостикова все дальше углублялась в Кардоникское ущелье, пытаясь пробиться к Кубани. Воронов сдержал ее натиск и, отбив все атаки, сам развернул наступление.

В Хумару прибыл Левандовский. Выскочив на ходу из машины, он приказал Воронову спешить 3-ю Отдельную казачью кавбригаду и продолжать продвижение в пешем строю.

5-й казачий эскадрон Виктора Левицкого получил задание встретить врага на вершине хребта. Вел эскадрон туда Шкрумов. Всего на несколько минут он опередил хвостиковцев, двигавшихся вверх по западному склону горы. Эскадрон залег за камнями в трещинах, открыл частую пальбу по неприятелю. Хвостиковцы вынуждены были перейти к обороне.

Виктор подполз к Шкрумову.

— Иван Степанович, а что, если заложить под эту скалу пироксилиновые шашки? Ведь она висит прямо над цепью врага.

— И то верно! — согласился Шкрумов.

Взрывчатка была заложена в расщелины. Виктор приказал своим бойцам отходить. Хвостиковцы приняли

их маневр за отступление, поднялись во весь рост и с криком «ура» полезли вверх. Раздался оглушительный взрыв. Скала оторвалась и, рухнув вниз, дробясь на огромные глыбы, загромыхала по склону горы, сметая все на своем пути.

Южный склон горы был очищен от противника. Не потеряв ни одного бойца из своего эскадрона, Виктор двинулся в ущелье, чтобы зайти врагу в тыл. Это ему удалось. Хвостиковцы наткнулись на засаду и попятились к Кардоникской. Здесь они заняли горы и ущелья и начали отчаянно огрызаться.

Воронов доложил командующему о создавшемся положении.

— Ну что ж, надо перегруппировать силы, — распорядился Левандовский. — Перед новой атакой следует обработать позиции противника массированным артиллерийским огнем!

Передышка продолжалась около двух часов.

И снова красные приготовились к атаке. 12-й кавалерийской дивизии было поручено наступать на район Клухори на позиции противника с юго-востока.

Резервные полки 3-й Отдельной казачьей кавбригады залегли в ущелье под Кардоникской.

Сгруппировав кавалерию на флангах, Воронов открыл по селу сильный артиллерийский огонь. Над объятыми пламенем домами за клубился черный дым. Враг молчал. Казалось, в селе уже никого не было. Но как только началась атака, хвостиковцы встретили ее ожесточенной пальбой.

Цепи красных залегли, начали отстреливаться из пулеметов и винтовок. Эта огневая дуэль продолжалась больше часа.

Лаврентий, хорошо помня пословицу: «Сам не окопаешься — пуля закопает», зарылся в землю, положил перед головой камень покрупнее и, выглядывая из-за него, палил по хвостиковцам из карабина.

12-я кавалерийская дивизия пошла в обход села. Когда она внезапно появилась из-за ближайшей горы, хвостиковцы вначале растерялись, но быстро сумели перестроить боевой порядок и встретили дивизию огнем.

Комдив приказал одному полку остановиться и сбавить лошадей. Бойцы устремились вверх по кособору, скрытому от наблюдения противника. Враг усилил

стрельбу. Тем временем комдив с остальными частями бросился неприятелю во фланг. Хвостиковцы смешались.

Это заметил Воронов и командовал бойцам:

— Вне-е-ред!

Одна за другой цепи красноармейцев подхватились с земли и короткими перебежками устремились вперед. Одновременно по селу ударили пушки. Хвостиковцы выскочили на дорогу, побежали в сторону Кардоникской.

— Коня! — крикнул Воронов ординарцу и, взлетев на скакуна, махнул плетью всадникам, которые находились в укрытии: — Шашки к бою! За мной!

С белогвардейцами в селе было покончено в несколько минут, и вороновцы бросились на помощь полку 12-й кавалерийской дивизии, который вел рукопашный бой на склоне горы.

Лаврентий заметил, как пятерка дюжих казаков начала теснить Виктора и Вьюна к обрыву.

— Держись, сынку!

Он навалился на казаков сзади, сбил прикладом сразу двоих. Виктор и Вьюн быстро справились с остальными.

Хвостиковцы уходили по правому берегу реки Аксаут к Кардоникской — своему основному логову.

XV

Белогвардейцы опомнились лишь под Зеленчукской, где их ждала заранее укрепленная линия.

Солнце уже закатилось, в горах быстро сгущались сумерки.

Вся станица, забитая войском и обозами, гудела, как растревоженное осиное гнездо.

На обширной церковной площади, вдоль пеннистой реки, разделявшей Зеленчукскую надвое, стояли лучшие кавалерийские и пехотные части Хвостикова. Над ними на ветру полоскались малиновые знамена, подшитые черной бахромой. На полотнищах этих знамен были изображены волчьи хвосты.

Хвостиков только что прибыл с передовой. В отведенной ему комнате поповского дома он снял с себя оружие, черкеску и при свете настольной лампы долго рассматривал полевую карту, затем нервно, подпрыгивающей походкой зашагал взад-вперед по ковровой дорожке. Тень его металась по стенам, по иконам, как черный

призрак. Изредка он подходил к окну, прислушивался к стрельбе.

Стенные часы мелодично пробили восемь раз. Хвостикову подали ужин, но ему не хотелось есть. На душе было неспокойно.

В комнату вбежал Дауд, доложил:

— Господин генерал-майор! Твоя катыны приехал. Там, на двора!

— Ты что мелешь? — уставился на него Хвостиков.

— Да, да! — закивал, улыбаясь, Дауд. — Твоя Нина приехал.

Хвостиков выскочил из-за стола и тут увидел на пороге жену, за которой стояли с тяжелыми чемоданами Лука и Баксанук.

Нина Гавриловна вошла в комнату.

— Ну, здравствуй, Алеша!

Хвостиков поднял руки и радостно закричал:

— Bravo, Нинок, bravo! Значит, приехала. Какая молодчина, какая умница! — Он обнял ее, поцеловал в губы. И вдруг, резко оборвав смех, спросил: — Но как же так получилось? Ведь я вчера послал в Сентийский монастырь Бабулу Кочкарова, чтобы он переправил наши ценности к тебе в Кисловодск.

Черные глаза Нины Гавриловны испуганно расширились.

— Что же ты наделал, Алеша? Кочкарова надо вернуть!

Хвостиков тяжело опустил на стул, сказал упавшим голосом:

— Это невозможно. Туда теперь не пробиться: всюду красные...

Нина Гавриловна молчала.

Лука стоял перед генералом, ждал распоряжений.

Хвостиков сказал ему и княжичам:

— Можете идти.

Проводив их глазами, Нина Гавриловна с огорчением сказала:

— Значит, нам теперь не вырваться из рук большевиков.

— Вырвемся, — самоуверенно заявил Хвостиков и, помолчав, добавил: — Однако нам сейчас придется отходить в Закавказье по очень тяжелому пути. — Он сделал взад и вперед несколько резких шагов по комнате, промолвил: — Да, у нас остался только один путь к спа-

сению: идти через перевалы Псеашхо и Аишхо на Красную Поляну.

— А там что ждет нас?

— Не знаю, не знаю...— мрачно ответил Хвостиков. Он резко стиснул голову руками.— Черт побери, как же быть с золотом? Я рассчитывал, что буду отходить через Клухорский перевал, а теперь все изменилось. Уходить за границу нищим? И это в то время, когда там, в Сентийском монастыре, у нас с тобой не менее двадцати пудов золота!

— Бог с ним, Алеша! — вздохнула Нина Гавриловна.— Моли всевышнего, чтобы он сохранил нам жизнь

На церковном кресте противно заушала неясить

— Это не к добру! — промычал Хвостиков.

— Боже, каким суеверным и мнительным ты стал! — заметила Нина Гавриловна.— Нельзя же так...

К поповскому дому подлетели всадники — генерал Крыжановский со своей охраной. Хвостиков встретил его на крыльце.

— Я оставил корпус за станицей, а сам приехал узнать, какие будут распоряжения,— сказал Крыжановский.

— Сейчас соберу совещание,— ответил Хвостиков,— а пока добро пожаловать к чаю.

Увидев в комнате жену главнокомандующего, Крыжановский почтительно поклонился:

- Здравствуйте, Нина Гавриловна! Значит, и вы уже здесь?

— Как видите! - подавая ему руку, улыбнулась она. Едва не погибла от тифа, но, слава богу, обошлось.

- Красные - пострашнее тифа, - горько усмехнулся Крыжановский.

Хвостиков распорядился вызвать начальника штаба Васильева

— Да, кстати, я захватил в Беломечетской нестроевую часть красных,— сообщил Крыжановский. Так, всякий сброд: старики, женщины и даже дети. Человек гриста.

- Где же они сейчас? оживился Хвостиков

К утру конвойные пригонят их в Зеленчукскую

- Коммунисты среди них есть?

- Не успел допросить. Пришлось отступить

Глаза Хвостикова холодно заблестели

Ну ничего, мы их здесь допросим

Пришел Васильев, приземистый казак с рыжеватыми усами, положил перед Хвостиковым папку с бумагами.

— Вот, господин генерал-майор, донесения командиров полков и сведения о наличии боеприпасов.

— Ладно, позже посмотрю,— отодвинул папку Хвостиков.— Садитесь, сотник, потолкуем...

Начальник штаба сел на краешек стула, подкрутил усы и, взяв карандаш, раскрыл блокнот. Хвостиков закурил, склонился над картой.

— Скажу прямо, господа, положение наше критическое,— проговорил он, морщась от табачного дыма.— Задерживаться здесь нам никак нельзя. Завтра утром двинемся в сторону Псебайской. Оттуда по Малой Лабе выйдем к Черному морю, а потом направимся в Грузию.— Он указал карандашом на карте маршрут вдоль реки Большой Зеленчук.— Отходить будем вот так — через станицы Исправную, Передовую, Удобную, Спокойную, Бесстрашную, Ахметовскую до села Курджинова, потом повернем на запад до реки Андрюки и дальше по ущелью в станицу Андрюковскую и, наконец, в Псебайскую.

— Это примерно верст двести будет,— прикинул Крыжановский.— Выдержим ли?

— А что поделаешь? — Хвостиков дернул плечом.— Другого пути у нас нет. Причем этот путь может оказаться роковым. Если красные пронюхают маршрут нашего движения, то нам не пробиться к морю. Поэтому нужно блюсти особую секретность наших решений.

— Понятно,— проговорил Васильев.

— Все перечисленные мною станицы будут нас поддерживать,— убежденно заверил Хвостиков.— Кроме того, в горах действуют мелкие и крупные наши отряды. Под Передовой, на реке Куве, отряд сотника Волошко, под Ахметовской — отряд Козлова... Таким образом, у нас есть все основания рассчитывать на успех организованного отхода.

— И все же чертовски печально уходить с Кубани,— угрюмо промолвил Крыжановский.— Лично я глубоко убежден, что мы не имеем права оставлять ее на произвол судьбы. Верю к тому же, что совдепия долго не просуществует. Поэтому предлагаю оставить здесь в горах боевые группы, как это сделал генерал Улагай при отступлении из плавней. Они должны продолжать борьбу с большевиками до нашего возвращения.

— Сергей Иванович, а не слишком ли иллюзорны наши надежды на падение Советской власти? — спросила Нина Гавриловна. — Я добиралась из Кисловодска сюда через многие хутора и станицы, где властвуют большевики. И представьте себе, население относится к красным с большой симпатией.

Хвостиков взглянул на жену со снисходительной улыбкой.

— Вы, женщины, склонны к гиперболизации. Народ — это стадо. Тут надо действовать кнутом и приманкой. Сейчас он поддерживает красных лишь только потому, что те стегают его кнутом.

— Нет, Алеша, по-моему, ты ошибаешься, — заметила Нина Гавриловна. — Смотря какой народ!..

— Ваша правда, Нина Гавриловна, — сказал Васильев.

Хвостиков недобро покосился на него.

— Я полностью разделяю надежду и веру Сергея Ивановича. Большевицкая революция продержится недолго, и мы вернемся в свои края.

XVI

На рассвете в Зеленчукскую пригнали пленных — изнуренных, измученных. Мужчин выстроили около школы, а женщин и детишек вдоль берега реки.

В горах и над станицей стояла жуткая тишина.

В седьмом часу утра на крыльцо попковского дома вышел Хвостиков. За ним остановилась Нина Гавриловна в светло-серой черкеске, черной кубанке, брюках и сапогах. На площади командующего уже ждали Крыжановский, Васильев, Минаков, Джентемиров, Лука и братья Крым-Шамхаловы.

Хвостиков остановился перед шеренгой пленных мужчин, сказал:

— Братцы, признавайтесь, кто среди вас коммунисты?

Никто не отозвался. Хвостиков зло усмехнулся, выхватил из кобуры браунинг.

— Что?! Молчите, собаки! — Он отсчитал двух пленных с правого фланга, остановился перед стариком, стоявшим третьим в шеренге. — Ну, говори, кто коммунист?

Старик задрожал от страха, с трудом вымолвил:

— Не знаю...Ей-богу, не знаю, ваше высоко...

Хвостиков выстрелил ему в грудь и, снова отсчитав двух, обратился к третьему:

— А ты что скажешь?

— Катюга ты, вот что! — бросил ему в лицо высокий черноглазый бородач.

Снова прозвучал выстрел. Хвостиков продолжал допрос, расстреливая каждого третьего. Пленные упорно молчали.

— Пора кончать с этой сволотой! — сказал наконец Хвостиков и, обернувшись к Джентемирову, указал на пленных: — Корнет, займитесь ими!

Джентемиров рванулся к «дикой» сотне, скомандовал:

— В ружье! Приготовиться!.. Огонь!

Прогремел залп. Хорошая половина шеренги была срезана пулями. Пленные бросились врассыпную, побежали к реке. За ними помчались конники. Озверелые палачи рубили пленных шашками, топтали лошадьми.

Баксанук и Дауд вывели из толпы простоволосую женщину, которая прижимала к груди белокурого малыша.

Джентемиров подтолкнул ее к Хвостикову:

— Господин генерал-майор, это жена красного комиссара!

Хвостиков махнул плетью:

— В расход! Обоих!

Женщина прикрыла рукой голову ребенка.

— Не дам его! Не дам! О господи, хоть дитя пощадите! — Она рванулась к Нине Гавриловне, таща за собой Баксанука и Дауда, закричала с мольбой: — Родная, заступитесь за малютку. Спасите моего мальчика!

Ребенок, уткнувшись лицом в ее шею, завизжал. Лука вырвал его из рук матери, схватил за ноги и швырнул в реку.

Женщина упала на землю, завывала безумно.

Баксанук ударил несчастную саблей по лицу. Лука и Дауд поволокли ее к реке, бросили в воду. Голова женщины раз-другой вынырнула, затем навсегда скрылась в волнах.

* * *

Кавбригада Воронова укрепилась на площадке между притоком, впадающим в Большой Зеленчук на се-

веро-востоке Зеленчукской, и притоком Маруха, впадающим в Малый Зеленчук.

Сам Воронов выехал в село Подгорное, расположенное в трех верстах к югу от Зеленчукской, на совещание к командующему.

В пути его догнал Вьун и сообщил о расправе, которую учинили хвостиковцы в Зеленчукской.

— Откуда эти сведения? — спросил Воронов.

— Только что из станицы прибег один человек. Рассказал про все. Ну, дядько Лавро сразу мне: «Дуй за командиром! Надо людей выручать».

Воронов посмотрел в сторону Подгорного.

— Вот что, Вьун. Скачи в село. Передай там командующему, что я решил немедля атаковать Зеленчукскую. Пусть подмогу высылают. Понял?

— Так точно! — Вьун приложил руку к кубанке. — Я мигом смотаюсь.

Он помчался в Подгорное, а Воронов погнал коня назад.

Неожиданная атака спешенных полков кавбригады застала хвостиковцев врасплох. Не выдержав рукопашной схватки, они начали отступать к Зеленчукской.

Воронов продвигался с 1-м Афипским полком по правому берегу Большого Зеленчука, с ходу овладел окраинной станицы. Туда же устремились подоспевшие на помощь части 12-й кавалерийской дивизии.

Спасенные дети и женщины обнимали красноармейцев. За рекой еще гремела стрельба, а Соня и Клава уже организовали в школе медицинский пункт.

Более тридцати верст удирали полки «армии возрождения России», надеясь укрыться в горных станицах, но под Передовой в тыл им неожиданно ударил чоновский отряд Юдина.

Хвостиков приказал любой ценой смять чоновцев и обеспечить отход своим полкам через Урупское ущелье на Преградную.

«Дикая» сотня Джентемирова и полк Минакова начали обходить отряд Юдина. Мост Климанова через Большой Зеленчук взорвали, чтобы не дать возможности кавбригаде Воронова и коннице 12-й кавдивизии соединиться с чоновцами.

Юдин понял, какая опасность нависла над его отрядом: вражеское кольцо должно было вот-вот сомкнуться. Оставался единственный путь — отход по Урупскому

ущелью. Юдин повел отряд туда и вдруг попал в засаду. Белогвардейцы сбили чюновцев с дороги, загнали в трясиносное болото.

Люди и лошади гибли от пуль, тонули в вязкой пучине. Сопротивление юдинцев слабело. Положение их казалось безнадежным, но Иван Градов и Мечев вдруг нащупали твердую тропу через топь.

Прежде чем белогвардейцы спохватились и успели перекрыть эту тропу, отряд Юдина сумел вырваться из западни.

* * *

В Передовой Хвостиков остановился в доме местного богатея Жигайло. Хозяин из кожи вон лез, чтобы угодить генералу и генеральше, велел накрывать стол.

— С обедом придется немного подождать, — сказал Хвостиков. — Должны прибыть мои друзья.

«Друзья» не заставили себя долго ждать. Это были полковник Белов и сотник Волошко, действовавшие со своими отрядами в горах.

Жигайло пригласил всех к обеду.

За столом Хвостиков спросил полковника и сотника, как они намерены поступить: с ним ли будут уходить в Грузию или останутся здесь до возвращения его армии.

— Здесь останемся! — твердо заявил Белов. — Мы — казаки. Я — донец, Волошко — кубанец. Верой и правдой служили мы царю, потом Корнилову и Деникинну... Судьба нас забросила в горы. У нас сейчас нет ничего, кроме оружия. Однако мы сильны духом и будем драться до последней капли крови. Я верю, ваше высокопревосходительство, что вы скоро вернетесь, и мы готовы выполнять ваши приказы.

— Спасибо! — промолвил с напускной растроганностью Хвостиков и взглянул на Волошко. — А что скажет господин сотник?

Волошко поспешно встал, расправил усы, промолвил:

— Я со своей семьей уже определился, господин генерал-майор.

— С какой семьей? — не понял Хвостиков.

— Женой и двумя детишками, — пояснил Волошко. — Сын и дочь у меня. Ну и отряд, как вам известно, в сто человек. — Он указал на Белова. — К тому же договорились мы с полковником, что он с казаками своими ко мне в пещеру перекочет.

— А как у вас с оружием, боеприпасами?

— Слава богу, и того и другого в достатке.

— Что ж, отлично! — одобрил Хвостиков. — Я в свою очередь оставлю вам в помощь отборнейшие части под командованием офицеров Джентемирова и Миннакова. Надеюсь, вы найдете с ними общий язык?

— Общий язык у нас — ненависть к врагу! — проговорил Белов.

В столовую вошел Жигайло и поставил на стол две четверти водки.

Хвостиков хитровато сощурил глаза.

— Говорят, Лазарь Афанасьевич, что у вас живет председатель станичного ревкома Оглобля.

Жигайло развел руками.

— Что поделаешь? Силой влез в дом.

— Где же он сейчас?

— Утек куда-то, нервный дуже.

Все громко захохотали.

XVII

Бой на Большом Зеленчуке не утихал. Воронов захватил Исправную и, форсировав реку, значительно потеснил корпус Крыжановского к Передовой.

12-я кавалерийская дивизия проникла в Кяфарское ущелье, двинулась на Преградную. Передовые ее части во второй половине дня атаковали станицу с юго-востока.

Штаб Хвостикова с двумя полками рванулся на Псемен, но там натолкнулся на 14-ю кавдивизию, входившую в состав левофланговой группы. Не принимая боя, хвостиковцы начали отходить по Урупскому ущелью к Передовой. Черный дым высоко поднимался над нею, тянулся к западу, покрывая близлежащие горы.

Боясь окружения, Хвостиков приказал всем частям, находившимся в Передовой, отойти к Надежной.

Васильев об этом ничего не знал. Пройдя полпути по Урупскому ущелью, он неожиданно столкнулся с вороновской кавбригадой. Видя безвыходное положение, начальник штаба отдал распоряжение полкам занять двустороннюю оборону. Белогвардейцы рассыпались между валунами, хаотически разбросанными по крутизне левого бережного подъема, поросшего редким кустарником и отдельными деревьями.

Некоторые части 12-й кавалерийской дивизии пошли

в обход хвостиковцев правой стороной Урупского ущелья, по отлогому склону, густо покрытому смешанным лесом.

1-й Афипский полк оставил лошадей коноводам и, используя лес и валуны для защиты от пуль, устремился по правому берегу реки и через полчаса соединился с частями 12-й кавалерийской дивизии. Хвостиковцы теперь были прижаты к левой стороне ущелья. За полтораверстным крутым подъемом, на котором только что укрепился Васильев со своими полками, сразу же возвышалась угрюмая семидесятисаженная отвесная стена. В верхней ее части тянулась, как шнуром отбитая, ровная черта, свидетельствующая, что там, много тысячелетий назад, неслись студёные воды гневного и своевольного Урупа. Веками врезаясь в каменный грунт и яростно ворочая глыбы, он оставил эту черту в память начала своей титанической работы. Немного выше ее, над самой крутизной, маячили деревья. За ними — небольшие холмы и лысые скалы.

Тут же огромным полукольцом вдавалось в скалу углубление. Слева в нем — несколько навесов с гладким полом. Хвостиковцы немедленно разместили под ними лошадей, укрылись от огня.

Здесь же по стене высокого полукольца вилась тропа наверх. По приказу Васильева три роты поднялись по ней и, заняв оборону на отвесной скале, открыли винтовочную и пулеметную стрельбу по красным, наступавшим по крутому подъему.

На правой стороне углубления прямо из скалы выступали две колонны, соединенные известняковым пластом в виде арки. Между двумя «шапками», надетыми на колонны, видна лобовина горы, поросшая мшистой травой и чахлыми деревьями, а под ней — небольшая дыра — вход в обширную пещеру, в которой свободно можно разместить целую дивизию с лошадьми. Из пещеры по неглубокому ерику узенькой лентой сбегала в Уруп чистая родниковая вода.

Васильев метался между валунами, постепенно отводил белоказаков к пещере.

— Братцы! За святую Русь! За царя-батюшку и отечество! — хрипло выкрикивал он, то и дело смахивая рукавом черкески пот, застилавший ему глаза.

Из-за камня вывернулся Виктор, прицелился в него. Но сотник с быстротой тура метнулся к расщелине, ведущей наверх, в пещеру. Вьюн, примостившись выше на

валуне, как улар на вершине скалы, тоже вел прицельный огонь по противнику.

Виктор утолил жажду из родника, окинул взглядом наклон, заваленный валунами, и скалу с отвесной стеной. Ему вмиг представилось, как в далекие времена, оторвавшись от скалы, падали и с грохотом разбивались тяжелые глыбы, с гулом неслись по этому наклону к Урупу. Застряв в расселинах и оврагах, они по сей день как бы ждут той минуты, когда снова сорвутся с места и остановят бурный поток реки.

«Да... — подумал Виктор. — Какая здесь суровая природа!.. Бушующий Уруп и грозные скалы... тоже в вечной борьбе. Везде схватка... и среди людей, и в стихии...»

* * *

Между тем Васильев, теряя на поле боя убитых и раненых, быстро отходил к пещере, куда белогвардейцы тащили снаряжение, боеприпасы и продовольствие. На верху горы их становилось все больше и больше. Стрельба с той и другой стороны усиливалась.

Воронов стоял над громадным валуном и время от времени рассматривал в бинокль противника.

К нему подошел Шкрумов и, указав на арку, сказал:

— Бачите вон ту прозурину, Елисей Михайлович, что меж двумя присколками?

— Ну, бачу, — ответил Воронов, продолжая глядеть в бинокль.

— Там есть большая пещера, — пояснил Шкрумов. — Хвостиковцы уже завладели ею.

— А может, попытаться зайти им в тыл? — сказал Воронов.

— Зайти-то можно, — проговорил Шкрумов, — но лучше поднять артиллерию и шрапнелью накрыть вход в пещеру.

Воронов одобрил эту мысль. Артиллеристы выкатили на правый берег несколько пушек и начали шквальный обстрел площадки у входа в пещеру. Первые же снаряды упали у столбов. Сквозь клубы черного дыма было видно, как с тропы, словно вихрем, смело до двух десятков вражеских солдат. Оттуда донеслось дикое ржание лошадей.

Лаврентий, перепрыгивая с камня на камень, пробежал вдоль берега к артиллеристам, погрозил им кулаком:

— Эй, вы, матери вашей черт! Правее берите, а то

всех коней в расселине изничтожите! Зачем же животину зря губить!

Путь к пещере был отрезан огнем батареи, но хвостиковцы, оставшиеся на склоне, продолжали яростно сопротивляться, палили из-за каждого валуна, из каждой расщелины.

Лаврентий, шныряя между камнями, одним из первых очутился на левом берегу Урупа. Вьюн едва поспевал за ним.

— Давай, давай, хлопец, побыстрее, — поторапливал его Лаврентий. — Коней надо захватить, а то перебьют их бандиты. — Он припал к валуну и, целясь в белогвардейца, сказал Вьюну: — А ну-ка, сынок, возьми на мушку вон того супротивника, что особше ползет от беляков. То офицер. А я займусь этим.

Вьюн приложился. Раздался выстрел, и офицер уронил голову.

Васильев сорвал голос, пытаясь сохранить очаги организованного сопротивления. Перебегая с места на место, он хрипел:

— Братцы!.. Держитесь!

Пуля обожгла ему левую руку выше локтя. Зажав рану, он бросился на тропу, чтобы преградить путь солдатам, которые, стремясь проникнуть в пещеру, в панике лезли под артиллерийский огонь. Тут же, на тропе, Васильева вторично ранило — в плечо. Но он все же добежал до пещеры, в которой пряталось несколько сот белогвардейцев.

— Что же вы, мерзавцы, отсиживаетесь, когда ваши товарищи ведут бой? — гневно закричал он. — За мной!

Окровавленный, находясь в каком-то горячечном состоянии, он снова выскочил из пещеры под огонь, но мало кто последовал за ним.

Воронов, не отрываясь от бинокля, зорко следил за противником, руководил боем. Из-за выстрелов и гулкого эха не было слышно ни людских голосов, ни стонов раненых.

Васильев получил еще два ранения — в ногу и правую руку, упал на жухлую помятую траву. К нему подбежали санитары, перевязали раны. Сотник приподнялся, с трудом произнес:

— Братцы... нам теперь отсюда не уйти... Так давайте же постоим за свою честь и отечество...

Его подхватили два казака, втащили в пещеру, усадили на холодном камне. Васильев задышался. Жадно гло-

тая воздух, он открыл глаза. До слуха долетели отчаянные крики, вопли, ругань. Васильев встал и, напрягая последние силы, побрел к выходу.

Выйдя из пещеры, он с большим усилием вытер рукавом лицо и, обратясь к белогвардейцам, с дрожью в голосе произнес:

— Братцы... довольно...

Сознание покинуло его, и он упал.

XVIII

Выполняя поручение Хвостикова, Кочкаров в первый же день добрался до Канделяпляр, но в монастырь не пошел, так как в Сентах гремела пальба. На следующую ночь, как только в ауле наступила тишина, он проник в монастырь, покружил немного около дома игуменьи, затем осторожно постучал в окно.

На крыльцо вышла мать Раиса и, узнав ночного гостя, пробормотала:

— Боже! Неужто это вы, Бабула? С чем пришел, раб божий?

Кочкаров оглянулся по сторонам, прошептал:

— Моя пришла от Хвостикова.

Игуменья торопливо перекрестилась, пропустила его в дом. В передней спросила с тревогой:

— Зачем же это прислал тебя Алексей Иванович?

— Золото брать,— сказал Кочкаров.— Генерал приказал все на Кисловодск, к жене его везти.

Игуменья всплеснула руками:

— Святой угодник! Как же ты повезешь? Кругом красные! Можешь попасться. Да и мне потом несдобровать.

— Я не попадай! — мотнул головой Кочкаров.— Моя знает, какая дорога ехать надо.

Игуменья проводила его в маленькую боковую комнату с закрытыми ставнями, зажгла оплывшую свечку в подсвечнике, указала на койку:

— Ложись здесь, отдыхай.

— Моя есть хочет,— сказал Кочкаров.

— Сейчас принесу.— Игуменья пошла на кухню, подала ему на столик полбуханки хлеба и тарелку студня.

— Ты, мать Раиса, лошадь не забудь готовить,— напомнил Кочкаров.— Моя верхом будет ехать. Понимай?

— Понимаю, как не понять! — сказала игуменья.

Кочкаров жадно набросился на еду...

Игуменья спешно созвала всех мантийных монахинь, под большим секретом объявила им о приезде Кочкарова и повелела тщательным образом проверить монастырь, Сенты, Нижнетебердинский аул и узнать, где стоят часовые. Все двадцать две монахини немедля отправились в разведку и через полтора часа доложили, что никакой опасности нет и что дорога в Клухори свободна.

Игуменья растолкала спящего Кочкарова.

— Вставай. Все уже готово.

Возле дома стояли две пароконные подводы, нагруженные тюками, и оседланная лошадь. Кочкаров простился с игуменьей, сел на лошадь и выехал из монастыря. Вслед за ним тронулись подводы.

За мостом через Теберду дорога потянулась между берегом шумливой реки и цепью лысых гор.

Кочкаров рассказал возчикам, куда держать путь, а сам пустил лошадь в намет, быстро пропал в темноте.

Позади уже осталось селение Бари. Внезапно впереди, со стороны Клухори, послышалась дробь конских копыт. Возчики остановили подводы. Прятаться было некуда: справа скалы, слева высокий обрывистый берег реки. Оставалось одно — свернуть на обочину дороги и ждать.

Вскоре к подводам подъехал Хубиев, возвращавшийся со своим полком из Кардоникской в Сенты и Нижнетебердинский аул. Увидев возчиков, он крикнул:

— Салам алейкум!

— Алейкум салам, — ответил седобородый возчик

Хубиев стегнул коня плетью, пустился по звонкой каменной дороге. Пропустив полк, возчики двинулись дальше, благодаря всемогущего аллаха за удачный исход дела. За Клухори они свернули на дорогу к Кисловодску. В ночную пору здесь не диво попасть в руки абреков бродивших в горах, поэтому возчики гнали лошадей так, что с тех хлопьями падала пена. Перед рассветом подводы уже были под горою Темчир. Слева и справа от дороги, пролегавшей вдоль речушки Мары, теснились крутые лесистые скалы.

До селения Нижние Бары оставалось не больше версты, когда из лесу на дорогу выехал небольшой отряд красноармейцев. Впереди на тонконогом кабардинце сидел Карабашев. Подъехав к возчикам, он спросил:

— Не встречались вам всадники с табуном лошадей? Карабашев уже хотел было пустить коня вскачь, но тут случайно обратил внимание на тюк, торчавший из-под брезента в задке головной подводы. На тюке отчетливо виднелась надпись: «Хвостиков».

— Что это вы везете? — спросил Карабашев.

— Не знаю, что в мешках, — сказал седой бородач. — Кочкаров приказал везти, вот мы и везем.

— А ну, следуйте за нами! — приказал Карабашев. — Посмотрим, чем нагррузил вас этот шайтан Кочкаров.

* * *

Расположив свой полк в Сентах и в Нижнетебердинском ауле, Хубиев отправился с десятком конников в имение князя Крым-Шамхалова, которое уже было переименовано в «Юй джарлыланы ёкюлю», что обозначало — дом защитников бедноты.

В бывших княжеских хоромах еще спали. Хубиев спрыгнул с коня, взбежал на крыльцо и громко постучал в запертую дверь. Его жена Фердаус в длинной ночной сорочке быстро спустилась по лестнице, широко распахнула двери.

— Мой Шагоиб! — воскликнула она, сияя от счастья. — Мне сердце подсказало, что это ты!

Хубиев обнял ее, поцеловал.

— А где Аскерби? Где Фатима? Спят еще? — спросил он, улыбаясь. — Видно, в доме князя им спится по-княжески!

— Фатима здесь, а Аскерби... — Блеск в глазах Фердаус погас. — Какая-то банда угнала всех красноармейских лошадей из Учкулана. Аскерби еще вчера уехал туда...

— И до сих пор не вернулся? — встревожился Хубиев. Он гневно хлестнул плетью по перилам крыльца. — Кто, кто эти бандиты? Уж не Барисбий ли Дудов организовал эту кражу?

Фердаус взяла его под руку, промолвила ласково:

— Что же ты стоишь на пороге? Заходи в дом.

Хубиев взглянул в ее глаза:

— Я должен ехать в Учкулан и найти Аскерби. Если он окажется в руках Барисбия или Мурзакулы, то мы уже никогда не увидим его.

— Ну побудь хоть немного со мной, — попросила Фердаус. — Ведь ты страшно устал. Я вижу по твоему лицу.

— Нет, надо ехать! — ответил Хубнев и обернулся к красноармейцам: — Не расседлявайте коней.

Но ехать не пришлось. В воротах усадьбы показался Карабашев. За ним, в окружении всадников, следовали две подводы. На передней восседала игуменья — мать Ранса.

Хубнев сбежал с крыльца навстречу Карабашеву.

— Жив? Слава аллаху, вернулся! Нашел лошадей? Карабашев весело прищурился:

— Искал одно, а нашел другое, — и указал на подводы: — Тут, брат, не на один табун хватит.

Он приказал отправить возчиков в подвал, а тюки перенести в дом. Видя, что игуменья все еще сидит на подводе, крикнул:

— Слезай, матушка, приехали!

Игуменья, кряхтя, неохотно слезла с подводы.

Из дома вышла Фатима, остановила удивленный взгляд на игуменье:

— И вы, матушка, здесь? В гости пожаловали?

Старуха указала посохом на Карабашева.

— Это он, твой разлюбезный муженек, силком привез меня сюда. Арестовал! И совсем зря.

— Э нет, божья угодница, совсем не зря, — покачал головой Карабашев.

Красноармейцы перенесли тюки в зал.

Когда Карабашев рассказал, что содержится в тюках и каким образом награбленные сокровища Хвостикова попали в его руки, Хубнев покосился на игуменью, находившуюся в кресле, сказал:

— С Хвостиковым заодно действуете?

— Не возводи напраслины, — огрызнулась игуменья. — Зачем он мне, супостат такой? Не виновата я.

— Ничего, разберемся, — нахмурился Хубнев. — Не виновата — отпустим, а виновата — судить будем.

— Ишь ты, судить! — сказала игуменья, чувствуя, как ее начинает знобить от страха. — Кто посмеет судить меня, старуху, безгрешную рабу божью? Как-никак двадцать лет на игуменстве сижу.

— Двадцать лет держалась, а на двадцать первом, видно, не устояла перед соблазном дьявола! — заметил Карабашев.

Во второй половине дня в усадьбу приехал Атарбеков. Хубиев и Карабашев проводили его к тюкам.

— Что же в них? — спросил Атарбеков.

— Золото, серебро и драгоценные камни. Все в изделиях, — ответил Карабашев.

— Да, вам повезло, товарищ Карабашев. Как говорится, на охотника и зверь бежит.

Атарбеков закурил, весело сощурился.

— Между прочим, во время ареста Кочкарова произошел забавный случай. Как только были получены от вас сведения о захвате этих тюков, я отправился из Зеленчукской в Кисловодск и рассказал начальнику ЧК в Кисловодске о подводах, принадлежащих некоему Кочкарову. Ну, начальник отдал приказ об аресте помощника начальника Кисловодского отряда по борьбе с бандитизмом Барака Кочкарова. И того немедленно посадили под замок. Тотчас же в ЧК примчался сам начальник отряда и стал доказывать нам, что Барак Кочкаров честный человек. А в это время вторая группа чекистов доставила настоящего виновника — адъютанта генерала Хвостикова Бабулу Кочкарова, задержанного на квартире, в которой тайно жила жена Хвостикова. Ошибку, конечно, мы тут же исправили.

— Ну и что Бабула? — спросил Хубиев.

— Пока молчит, — ответил Атарбеков. — Его должны вот-вот привезти сюда. Думаю, здесь у него язык развяжется.

Карабашев и Хубиев начали вспарывать тюки. Фатима и Фердаус раскладывали на рояле, столах и стульях золотые и серебряные вещи. В большом ларце из слоновой кости был обнаружен пространный список всех ценностей, свидетельствовавший о том, что главнокомандующий «армией возрождения России» вел тщательный учет награбленного. Хубиев подал Атарбекову увесистую парусиновую сумку. На ней химическим карандашом было выведено: «7 фунтов 2 золотника. Зубов—723 шт., коронок — 831 шт.».

— Сколько жертв! Сколько крови пролито из-за этих вещей! — задумчиво, с душевной болью промолвил Атарбеков. — Можно ли простить такое?

Чекисты привезли Бабулу Кочкарова. Когда его со

связанными руками ввели в зал, он, покосившись на золото, опустил глаза.

— Откуда это у Хвостикова? — спросил Атарбеков.

— Моя ничего не знает, — мотнул головой Кочкаров.

— Не лги! Здесь в списке под номером первым числится «ковчег серебряный, позолоченный, на четырех ножках, вышиною 14 вершков, о двух этажах...». Вот он, на рояле стоит. Видишь? Каким образом он попал к вам?

Кочкаров пошевелил затекшими руками.

— Эта кайчеч, вот эта крест золотая и эта евангелик с алмазами брала поп Валерьян из своя церковь. Когда его помирал, генерал Хвостиков взяла себе все это.

— Ну, а вот эти серьги, кольца, броши, цепочки, браслеты откуда? — спросил Атарбеков.

— Эта Кисловодск и другой станица, — ответил Кочкаров. — Моя не знает. Все эта Джентемиров брала.

Карабашев открыл старинную шкатулку. Она была наполнена золотыми нательными крестиками.

— Тоже с убитых сняты, — заметил Атарбеков. — Привести игуменью.

Едва переступив порог, та уставилась на сокровища, размашисто перекрестилась:

— Господи Иисусе! Сколько добра тут всякого!

— Поражаетесь? — спросил Атарбеков. — Может быть, вы и не догадывались, что приняли от Хвостикова на хранение?

Игуменья покосилась на Кочкарова, ответила:

— Нет, почему же, знала. Но под страхом смерти хранила.

— Почему же вы не доложили нашему командованию? — спросил Атарбеков.

— Говорю же, Хвостиков застрашал. Смерти убоялась.

Атарбеков закашлялся, прикрыл рот платком и, с трудом поборов приступ удушья, сказал:

— Убоялись раньше времени в царство небесное попасть? А теперь мы вас будем судить за пособничество врагам Советской власти.

Игуменья снова перекрестилась, вздохнула:

— Да будет на то воля господня.

— Не господня, а народная! — заключил Атарбеков и кивнул чекистам: — Уведите арестованных.

В десятом часу утра дежурный доложил Атарбекову, что к нему хочет пройти какой-то поп, приехавший на тачанке.

— Пропустите! — распорядился Атарбеков.

Вошел Евсевий Рождественский. Отрекомендовавшись, он сообщил, что прибыл в Баталпашинский отдел по заданию епископа Иоанна для проверки состояния всех монастырей.

— А мы тут при чем? — пожал плечами Атарбеков.

Евсевий хмыкнул, помолчал немного, потом сказал:

— Вы, гражданин начальник особого отдела, прекрасно знаете, в чем дело. Мать Раиса — игуменья Сентийского Спасо-Преображенского монастыря — содержится у вас под арестом. Меня интересует, в чем состоит ее вина, и если можно, то разрешите мне поговорить с нею.

Атарбеков попросил привести игуменью и объяснил Евсевию причину ареста настоятельницы.

Дежурный ввел игуменью, Евсевий пожал ей руку

— Я — викарий епископа Иоанна Евсевий Рождественский.

— Слыхала о вас, — сказала игуменья. — Мы вас ждали. Постарел уже наш епископ, некому наводить порядки церковные на Кубани...

— Затем я и приехал, — сказал Евсевий. — К сожалению, я стал свидетелем очень печальных событий.

— Да вот... арестовали меня... — проговорила игуменья. — Застрашал меня Хвостиков. Берегла его проклятое золото, передала Кочкарову, как велено было. Теперь судить меня собираются.

Евсевий обернулся к Атарбекову.

— По-моему, гражданин начальник, строго винить мать Раису нельзя. Запугать старую, слабую женщину нетрудно.

— Степень ее виновности будет установлена следствием, в Екатеринодаре, — заявил Атарбеков.

XX

Черноморская Екатерино-Лебяжская Николаевская общежительная пустынь расположена в красивейшей местности, у так называемого Лебяжьего лимана, напо-

минающего своей формой плывущего лебедя. Это один из самых крупных монастырей на Кубани. Его многочисленные постройки, сверкающие ослепительной белизной, обнесены высокой кирпичной стеной. Посреди двора, на самом высоком месте, в голубую высь возносится позолоченными крестами девятикупольный Соборный Рождество-Богородицкий храм.

Со двора молочной фермы, что приютилась на северо-западной стороне острова, за монастырскую стену долетали мычание коров и голоса пастухов.

На главной аллее, обсаженной по сторонам желтой акацией и сиренью, показался слепой бородатый монах — искуснейший монастырский звонарь Сергей. Громко стуча каблуками сапог, он безошибочно свернул к колокольне, увенчанной золотой луковницей купола и сияющим крестом, подобрал полы рясы, поднялся по крутым лестницам к колоколам. Над лиманом поплыл гулкий звон. Отбив утренние часы, Сергей сел на скамью у решетчатого окна колокольни, уставился пустыми глазами в небо и начал бубнить молитву.

Внизу, на лестнице, заскрипели ступени. Сергей прислушался и сразу определил, что наверх с кем-то поднимается протоиерей Гурий. Кто был второй, Сергей так и не смог угадать по шагам, подумал: «Уж не тот ли это монах, что прибыл на днях?»

Действительно, с Гурием на колокольню в монашеской одежде поднялся полковник Жуков.

— Вот видите,— сказал Гурий, подойдя к барьеру окна.— Отсюда просматриваются ближайшие плавни и острова на лиманах.

— Да, места здесь отменнейшие,— заметил Жуков.— Куда ни глянешь — естественные укрепления. Не монастырь, а крепость. И вы, отец протоиерей, право, смахиваете на начальника крепости. Что-то есть в вас офицерское.

— Что-то, разумеется, осталось.— Гурий расправил огненно-рыжую бороду, лежавшую лопатой на груди.— В молодости я учился во втором кадетском корпусе в Петербурге. Оттуда вышел хорунжим; служил в конно-артиллерийской четырнадцатой батарее Кавказского линейного войска, затем при воинском штабе. Одно время даже заведовал юнкерской командой, был советником войскового правления. Позже судьба определила меня в Киевскую духовную семинарию и Московскую акаде-

мию. Был возведен в сан протопопа и назначен в Екатеринодар войсковым протоиереем.

— У вас прелюбопытнейшая биография,— сказал Жуков.— Выходит, волею судеб не я один сменил мундир на рясу.

— А вы что, брат, тоже из военных? — неожиданно спросил Сергей.

— Довелось всего испытать,— уклончиво ответил Жуков.— Устал я от мирской суеты и пришел сюда на покой.

Сергей поднялся со скамьи.

— Позвольте, брат, познакомиться с вами... пальцами лицо оглядеть.

— Что ж, давайте знакомиться,— поморщился Жуков.

Сергей провел шершавыми пальцами по его щекам, потрогал усы, нос, веки.

— А что ж без бороды, брат?

— Не успела вырасти,— улыбнулся Жуков.

Сергию хотелось еще о многом расспросить его, но Гурий прервал разговор:

— Потом наговоритесь. А сейчас нам пора идти.

Гурий и Жуков вошли в келью игумена Дорофея, который приводил в порядок седые длинные волосы перед большим овальным трюмо.

— Чем намерены заниматься сегодня? — поинтересовался Дорофей.

— Нам нужно побеседовать в тесном кругу и выработать план действий. Время не терпит,— сказал Жуков.

— А у меня хорошая весть, Диомид Илларионович,— сообщил Дорофей.— В плавнях под Новоминской скрывается большая группа казаков сотников Зубарева и Дубины.

— Это же прекрасно! — с жаром воскликнул Жуков.— Связь с ними установлена?

— Вот думаю, кого послать туда.

— А чего думать? — вставил Гурий.— Через Марфу Кузьминичну Бражникову можно. Это чепигинская купчиха. Она с мужем изображена у нас на стене в притворе храма. За дело господнее в огонь и в воду пойдет.

— А что за человек Комаровский в Гарбузовой Балке? Надежный?

— Куда уж надежнее. Он с женой тоже в святых числится. На крыле главных ворот лики их написаны.

— Воистину праведная чета,— подтвердил Дорофей.

* * *

На колокольне Сергей пробил час завтрака...

Братская трапезная разделена на две части: поварню и просфорную. Первая половина — для священнослужителей, вторая — для монахов.

Сергей быстро отыскал свое место, уселся на скрипучей скамейке у открытого окна. Дюжий монах Федор подал завтрак и подсел к столу, за которым рядом с Сергием сидели два монаха — заведующий складом и старший конюх.

— Чтой-то, братия, не видать новичка,— сказал старший конюх, окинув взглядом монашескую половину трапезной.

— Он, поди, с самим игуменом трапезничает,— промолвил Сергей.— Видать — не простая птица. В почете тут.

— Что ты буровишь, брат,— пробасил Федор.— Откуда видать тебе-то, слепому?

— Твое дело звонить,— добавил тенорком худой, длинношей заведующий складом.

— А я и звоню.

— Звони, да не перезванивай!..

Сергей промолчал. На его волосатом, изъеденном оспой лице выражалась озабоченность. Не понравился ему новый монах.

После завтрака состоялось тайное совещание священнослужителей. Его проводил игумен Дорофей в просторном зале при Зимней церкви. Первым выступил полковник Жуков, доложивший о возможностях повстанческого движения на Кубани. Затем были обсуждены вопросы, связанные с созданием подпольной контрреволюционной организации при монастыре.

После совещания Гурий с Жуковым, попом Яроном и монахом Федором отправились баркасом на хутор Гарбузовая Балка — к Комаровскому.

Осень уже успела наложить на буйную растительность лимана золотистые и багряные краски увядания. Густые камыши и кусты рогоза еще кишели дичью. На зеленоватых зеркалах просторных плесов плавали стаи уток, нырков, диких лебедей и пеликанов.

Жуков стоял у борта баркаса, прислушивался к рит-

мичному стуку мотора и, окидывая взглядом глухие, дикие места, думал о том, какие богатейшие возможности для скопления повстанческих сил открывали перед ним эти болота и монастырь.

Ярон украдкой наблюдал за ним и мысленно оценивал, на что способен этот человек, можно ли вполне рассчитывать на его организаторскую силу. Маленькие черные глаза Ярона сверлили Жукова, будто пытались заглянуть ему в душу, прочесть его мысли.

Гурий, указав на юго-восточный берег лимана, пояснил Жукову:

— Там — наша пасека. От нее идет дорога на Брюховецкую. На этой дороге мы всегда встречаем владыку из Екатеринодара.

— Теперь ждите не владыку, а викария — отца Евсевия, — ответил Жуков. — Этот сумеет повернуть церковные дела в нужное русло, вопреки указаниям строптивого и выживающего из ума старика.

— Да, наш преосвященный владыка совсем капитулировал перед большевиками, — заметил Ярон. — Этак недолго от бога к сатане переметнуться.

— Когда же отец Евсевий сюда будет? — поинтересовался Федор.

— Обещал на рождество пресвятой богородицы, — ответил Ярон.

— Да... — протянул задумчиво Гурий. — Отца Евсевия бы на место владыки.

Баркас, шумно разрезая носом спокойную гладь воды, петлял между густыми камышами, вспугивал дичь. Впереди внезапно раскрылся обширный плес, посредине которого маячила лодка с рыбаком.

— Да это, никак, Зосима Варлаамович Комаровский! — издали определил Гурий и постучал в будку моториста: — Эй, глуши тархтелку!

Баркас по инерции медленно приближался к лодке, но Комаровскому было сейчас не до него. Схватившись обеими руками за удилище, он с трудом удерживался в лодке: слишком большая рыба попалась на крючок. Леска дрожала, как струна.

Гурий сложил ладони рупором, закричал:

— Держи крепче, Зосима Варлаамович! Сорвется!

— Должно быть, пудового сазана закрючил! — сказал Ярон.

Все с интересом смотрели на борьбу между рыбаком

и сазаном, бурлившим вокруг себя воду. Удилище в руках Комаровского согнулось, и казалось, вот-вот треснет или же оборвется леса. Но тут задергался еще один поплавок. Комаровский машинально схватился за второе удилище и, потеряв равновесие, шлепнулся в воду, сразу, как грузило, пошел ко дну.

— Экая досада! — вскричал Ярон. — Такой сазан сорвался! Пожадничали, Зосима Варлаамович.

— Спасать надо человека, а вы о сазане, — гневно бросил Гурий и приказал мотористу включить мотор.

Из воды показалась голова Комаровского.

— Правее держитесь, — крикнул он, отфыркиваясь. — Тут мелко, того и гляди, застрянет ваш баркасик.

Держа над головой удилища, он двинулся к берегу, таща за собой очумелых сазанов. Нескладной фигурой он напоминал пивную бочку на двух чурбанах. Мокрая плотняная рубашка с широко расстегнутым воротником прилипла к сутулой спине, похожей на опрокинутое деревянное корыто. Грузно ступая по илистому дну, он наконец выбрался на пологий берег, вытащил сазанов и принялся снимать их с крючков.

Баркас причалил к помосту. Жуков, разглядев Комаровского поближе, мысленно воскликнул: «Отродясь не видывал такого! Ни дать ни взять — горилла!»

Гурий присел на корточки рядом с Комаровским, погладил темно-золотистую чешую сазана, лежавшего на прямой траве.

— С двухмесячного поросенка будет! Повезло вам, Зосима Варлаамович!

— И де там повезло, отец Гурий! — буркнул Комаровский. — Без мала не утоп через них, окаянных. — Он переобул сапоги, поправил веревку на животе и остановил глаза на Жукове: — А я вас чтой-то не помню..

Гурий познакомил его с Жуковым, спросил:

— А как насчет обещанного, Зосима Варлаамович? Комаровский откинул со лба мокрые волосы.

— Кое-что добыл...

— Что именно? — оживился Гурий.

— Да отето... пять винтовок, ручной пулемет и шесть ящиков патронов, — перечислил Комаровский и тут же предложил: — Токо вам немедля надоть забрать всю эту штуковину, а то отето... коли б какой неприятности не вышло.

— Где же вы все это достали? — полюбопытствовал Ярон.

— Да отето... люди позапаслись, когда здесь красные улагаевцев били. Теперича мне передали...

— А может, у кого что-либо еще найдется? — спросил Жуков.

— Боле нетути... я все собрал.

— А на других хуторах?

— Отето, я не пытал. Надоть поспросить у людей.

— Брат Федор, — обратился Гурий к монаху, — отправляйся с Зосимой Варлаамовичем на хутор, а мы тебя здесь подождем.

XXI

В день рождества пресвятой богородицы в монастыре еще спозаранку начали готовиться к встрече Евсевия.

Сюда из всех близлежащих станиц и хуторов ехали и шли богомольцы.

В одиннадцатом часу утра на греблю въехала пароконная тачанка, на которой восседала чета Бражниковых — Марфа Кузьминична и Константин Тихонович. Монах-дворник широко распахнул ворота, и Бражниковы въехали во двор. У веранды гостиницы, предназначенной для состоятельных богомольцев, Марфа Кузьминична толкнула локтем мужа в бок, сказала властно:

— Коташа, помоги мне!

— Сию минуточку, душенька! — Константин Тихонович, кряхтя, с трудом сошел вниз, подал руку жене.

К тачанке подбежал молодой послушник, проворно подхватил купчиху под локоть и промолвил ей:

— Для вас, Марфа Кузьминична, номер уже приготовлен.

— Благодарствую, дорогой, — сказала Марфа Кузьминична, обмахивая раскрасневшееся лицо платочком.

На веранде они повстречались с Комаровским.

— А... а... вот и Зосима Варлаамович! — обрадованно вскричал Константин Тихонович. — Нижайшее вам почтение!

— Так же и вам, — буркнул в ответ Комаровский.

— Где наш номер? — не останавливаясь, обратилась Марфа Кузьминична к послушнику.

Монах метнулся в коридор, открыл первую дверь слева.

— Прошу сюда. Номер самый удобный в гостинице, с видом во двор.

Марфа Кузьминична окинула суровыми глазами комнату, устланную узорчатым персидским ковром, грузно подошла к круглому столику, опустилась в кресло. Константин Тихонович уселся на мягком диване. Комаровский остановился на пороге и, взявшись руками за дверные косяки, проговорил:

— Отето, можно теперь и отдыхать.

В храме все еще продолжалась утренняя. В открытые окна номера вползало тягучее, монашеское чтение акафиста в честь пресвятой богородицы. Марфа Кузьминична вытерла платочком вспотевшее лицо и шею, вздохнула:

— Фу, какая невыносимая жара! Как в бане.— Она покосилась на Комаровского, торчавшего в дверях, махнула рукой: — Уходите, Зосима Варлаамович, я буду переодеваться!

Комаровский нехотя пошел на веранду.

Когда в храме закончилось богослужение, к Бражниковым в номер явились Ярон, Жуков и Комаровский. Марфа Кузьминична была уже в светло-серой кашемировой юбке и белой шелковой кофточке. Комаровский бесцеремонно занял место у зеркала между двумя окнами с железными переплетами, сказал:

— Отето, я недавно балакал с одним человеком, что сейчас деется в горах у генерала Хвостикова.

— И что же там делается? — спросил Ярон.

— Не доведи господи! — Комаровский махнул рукой.— Полный разгром. Хотя бы англичаны або ж американцы помогли.

— Англичане и американцы больше интересуются нашими нефтяными залежами да золотыми приисками, чем судьбой русского самодержавия,— заметил Жуков.

Марфа Кузьминична обернулась к нему:

— А вы, господин войсковой старшина, как считаете, кто же возьмет верх: белые или красные?

Жуков пощипал усики, усмехнулся.

— Видите ли, все будет зависеть от нас... Победа сама собой не придет: ее надо завоевать!.. Если мы сумеем сплотиться, то Советская власть, безусловно, падет.

— Ох,— вздохнула купчиха.— Что-то не верится мне в нашу победу. Не удержались мы за гриву, а за хвост и вовсе не удержимся!

— Что же, по-вашему, надо прекращать борьбу с большевиками? — Жуков поднял на нее хмурый взгляд.

— А где силы? — в свою очередь спросила Марфа Кузьминична. — У нас была большая армия, были такие полководцы, как Алексеев, Корнилов, Деникин и, наконец, Врангель. Ни армии, ни полководцев уже нет.

— Врангель еще в Крыму, — заявил Жуков. — У него тысячи храбрых офицеров-патриотов, и еще неизвестно, как будут развиваться события дальше.

— В том-то и дело, что ничего не известно, — вмешался Константин Тихонович. — Я, например, считаю...

— Помолчи, Коташа! — оборвала его Марфа Кузьминична. — Твое дело... маленькое.

Комаровский поглядел на нее исподлобья.

— Оттого, значит, ты, Марфа Кузьминична, думаешь, что мы совсем банкротились?

— Я говорю про то, что есть в действительности.

— Нельзя, Марфа Кузьминична, оценивать действительность так пессимистично, — сказал Ярон. — Сейчас патриарх Тихон принимает все меры, чтобы поднять православный русский народ против Советской власти. С этой целью он и прислал нам своего викария, который будет проводить на Кубани политику, угодную святейшему синоду. Да и без помощи великих западных держав никогда не взять верх... Запад непременно поможет нам, — убежденно произнес Ярон. — Патриарх Тихон ведет активные переговоры с Америкой, Англией и Францией по этому поводу. Ну, а нам нужно не выжидать, а действовать.

* * *

Федор сидел на колокольне и смотрел в подзорную трубу на дорогу, ведущую к Брюховецкой. Звонарь Сергей находился здесь же, то и дело спрашивал:

— Ну что, брат, не видать?

— Пока нет! — отвечал Федор.

Но вот против пасеки показалась тачанка. Федор, затаив дыхание, с минуту присматривался к ней, затем крикнул:

— Едут!

Он осенил себя крестом и помчался вниз докладывать игумену о приближении преосвященного гостя.

Тем временем на колокольню поднялись девушки-доярки, работавшие на черном дворе.

К звонарю подошла озорная, шустроглазая смуглянка и, притронувшись к его руке, спросила:

— Отец Сергей, хочешь выпить по случаю праздника? Самогончик есть у нас.

Сергий, услышав о самогоне, жадно проглотил слюну.

— Хе-хе, проказницы, подшутить решили над стариком?

— Да ей-богу же нет! — побожилась смуглянка, открыла бутылку и поднесла горлышко к носу звонаря. — Первачок, крепенький.

Сергий потянулся к бутылке, но смуглянка спрятала ее за спину, сказала, подмигивая подругам:

— А камаринскую отзвонишь?

— Это сейчас, что ли? — спросил Сергей и мотнул головой. — Не могу! Праздник великий, в другой раз.

— Ну, тогда и самогон в другой раз, — ответила смуглянка. — Самое в праздник и послушать такой веселый перезвон. — И крикнула подругам: — Пошли, девочки!

У Сергия засосало под ложечкой, в горле сразу пересохло.

— Погодите! — сдался он. — Давайте самогон, так и быть, уважу...

Тачанка с Евсеем и попом Забелиным уже была у Коновин. Из храма вынесли хоругви, кресты, иконы, простлали ковровую дорожку в аллее — от паперти храма до гребли.

Игумен велел звонить в колокола.

Сергий выпил полбутылки, уцепился за веревки и ударил во все двенадцать колоколов. По всему лиману пронесся гул веселого перезвона.

Услышав его, Евсеев удивленно взглянул на Забелина.

— Отец Александр, а вы не находите, что нас встречают каким-то странным звоном?

— И верно, что-то непристойное, — подтвердил Забелин, прислушиваясь.

А колокола, не унимаясь, вызванивали:

Как на улице Варваринской
Спит Касьян, мужик камаринский.
Борода его всклокочена
И дешевкою подмочена.

В глазах Евсевия засверкали огоньки.

— Да это же камаринская! Вот это звонарь! Артист, ей-ей, артист. Нет, нет, вы послушайте, что выде-

лывает шельмец.— И, взмахнув руками, начал дирижировать, подпевать тихонько:

Ах ты, милый друг, голубчик мой Касьян!
Ты сегодня именинник, значит — пьян,
Двадцать девять дней бывает в феврале,
В день последний спят Касьяны на земле.
В этот день для них зеленое вино
Уж особенно пьяно, пьяно, пьяно!

Кучер-монах расплылся в улыбке, громко чмокнул губами, ударил вожжами по коням. Тачанка, громыхая колесами о настил моста, пронеслась мимо Коновни.

А в монастыре — переполох. Вся монашеская братия, услышав игривый звон, пала на колени, начала бить земные поклоны, испуганно приговаривая: «Пресвятая богородица, спаси нас... единая, чистая и благословенная...»

Игумен Дорофей и протонерей Гурий взбежали на колокольню, накинулись на звонаря.

— Ты что делаешь, богомерзкий слепец? — закричал Дорофей.— Опозорить нас решил перед викарием?

— Прекрати немедленно, слышишь, дьявол! — затопал ногами Гурий.

Но Сергей, качаясь на веревках, как паук на паутине, продолжал носиться по колокольне, вызванивая камаринскую. Низкорослая фигура его с кривыми, косолапыми ногами проворно металась из стороны в сторону. Длинные седые волосы растрепались, косматое лицо с пустыми глазницами покрылось фиолетово-багровым цветом, а волосатые руки, как рычаги, дергали за веревки.

Дорофей схватил звонаря за патлы, стукнул кулаком по затылку, и только тогда Сергей опомнился, с ходу перешел на погласицу. Дорофей тяжело плюхнулся на скамейку, перевел дух, погрозил пальцем звонарю:

— Ну погоди, слепень! Наложу на тебя такую епитимью, что век помнить будешь!

— Позор, позор! — качал головой Гурий.— Что теперь подумает о нашей обители Евсевий!

XXII

Между тем тачанка викария приближалась к монастырю. На обочине дороги под палящими лучами полуденного солнца в несколько рядов стояли сотни подвод

приехавших богомольцев. Тяжелый болотный воздух, пропитанный лошадиным потом, дурманил людей.

У двух распахнутых монастырских ворот стояла огромная толпа верующих, наряженных в праздничную одежду. Впереди теснились нищие в лохмотьях. Всюду торопливо шныряли темные фигуры монахов.

Наконец Евсей и Александр подкатили к священнослужителям и черноризцам, вздымавшим хоругви и кресты. Кучер, натянув вожжи, остановил лошадей. Высокоцитимые гости с помощью подбежавших прислужников слезли с тачанки, поклонились всей монашеской братии. Игумен сказал Евсею:

— Добро пожаловать, ваше преосвященство.

В сопровождении попов и монахов прибывшие направлялись по ковровой дорожке в храм. Евсей осенил себя крестом, взглянул на святые картины, вставленные вверху во всю ширь ворот колокольни.

На первой был изображен вход господен в Иерусалим, на второй — киево-печерская икона Богоматери.

Вслед за попами и монахами в ворота двинулись богомольцы.

На паперти толпилось десятка три нищих. Истоиво крестясь, они расступились и, пропустив в храм Евсея и Александра, снова сомкнулись стеною. С клироса несло:

— Песнославим тя, всех владыку...

Марфа Кузьминична и Константин Тихонович задержались в аллее. Упав на колени, они торопливо сотворили молитвы перед своими портретами, вставленными в простенки притвора. Над портретами в центре, между четырьмя верхними решетчатыми окнами, было вылеплено распятие. Нищие бросились с протянутыми руками к купчихе, разногласо завывали:

— Ради пресвятой богородицы!

— Подайте милостыньку!

Марфа Кузьминична раздала им серебряные и медные монеты, вошла с мужем в храм.

Здесь справа стояли мужчины, слева кучились бабы. Среди взрослых находились дети. Все таращили глаза на золотой иконостас, обставленный зажженными свечами, на иконы, облепившие стены храма, крестились, кланялись, шептали молитвы. Ребятишки, подражая взрослым, делали то же самое.

Жуков пробрался к группе богатеев, где уже стоял

Комаровский. Под сводами храма плыло торжественное песнопение в честь владыки.

На колокольне прозвучал благовест в один колокол. В алтаре перед жертвенником Ярон в серебряной ризе с золотыми крестами начал совершать проскомидию¹.

Гурий, сияя ризным золотом и серебром, взошел на амвон, положил на себя крест, возгласил:

— Вонмем²!

Все затихли. Начались молитвословия, пения, чтение дьяконом апостола и священником евангелия.

Марфа Кузьминична взглянула на Александра и, отрешившись от набожного настроения, подумала: «Какой паршивый поп!.. В сравнении с владыкой — ничтожество. Тот — как картинка, а этот — сущий урод!»

Комаровский наклонился к Константину Тихоновичу, прошептал:

— Отето...

— Молчи, Зосима Варлаамович! — шикнул на него Бражников.— А то нечистый дух в рот влетит. Не положено зараз.

По окончании обедни Гурий опять взошел на амвон и, выжидательно потеревив огненно-рыжую бороду, обратился к христианам с проповедью. Ровный бас его, словно гул толстостенного колокола, прокатился по многолюдному притихшему храму:

— Братия и сестры! Сегодня мы с вами празднуем рождество пресвятой богородицы, чтим светлую память святых ее родителей. Вы знаете, что от родителей дети наследуют те или иные природные склонности. Родители могут давать детям доброе или дурное направление. И если пресвятая дева Мария была украшена высокими добрыми свойствами, после господа бога и ее собственного доброго произволения, она в значительной степени была обязана и святым своим родителям...

Богомольцы с особым благоговением слушали его речь. Несколько немощных старух, таща за собой босоногих ребятишек, с трудом протискались к амвону и, упав на колени, начали бить земные поклоны.

А Гурий, пыхтя от излишней полноты, говорил о том,

¹ Проскомидия (церк.) — приготовление для святой жертвы из просфоры хлеба (агнец) и вливание в чашу вина в честь и память святых угодников.

² Вонмем (церк.) — будем внимательно слушать чтение.

как жили родители богородицы, Иоаким и Анна, сколько терний перенесли они на своем веку.

— Родители должны помнить, что от добрых и благочестивых супругов рождаются и дети, наделенные самой природой добрыми благочестивыми склонностями, и наоборот, от злых и нечестивых, от невоздержанных, пьяных, развратных, воров и непочитающих, неверующих в бога!.. рождаются и дети с такими же недобрыми склонностями.

Развивая эту мысль, Гурий постепенно, с большой осторожностью перешел к вопросу о революции, вспыхнувшей в России, заговорил о гибели рода человеческого. Жуков, как и все присутствующие в храме, слушал его с неослабным вниманием, видел, как возлюбленные чада выражали на своих лицах ненависть к тем, кто поднял руку на помазанника божьего.

Одна из богомолок с уродливой физиономией, стоявшая у распятия, уставилась выпученными глазами на проповедника — ей казалось, что густые длинные волосы его, ниспадавшие на плечи тяжелыми прядями, и борода были сплетены из золотых нитей. Босоногий мальчуган припал к ее подолу и, как же не отрывая застывшего взгляда от Гурия, прошептал как зачарованный:

— Баба, а батюшка, як ота икона, весь золотой...

Старуха дернула его за вихор, шлепнула по затылку. Мальчуган скривил лицо, согнулся, но не заплакал.

Заканчивая проповедь, Гурий громко воскликнул:

— Да умудрит нас господь наш Иисус Христос во благе, и да помилует и спасет всех нас молитвами пречистые своей матери, святых и праведных богоотцев Иоакима и Анны и всех святых. Аминь.

По приглашению игумена на амвон не спеша поднялся Евсевий.

Тысячи глаз устремились на новоявленного преосвященного владыку. В храме наступила тишина.

— Возлюбленные братья и сестры! — торжественно начал Евсевий, вытянул вперед выхоленные руки. — Премудрый сын Сирахов сказал: в руке господя власть земли, и потребного воздвигнет во время в ней. Эти слова означают, что бог, держа в своей деснице все царства земные, в том и другом государстве возводит на престол верховного правителя, сообразуясь с потребностью времени, то есть с состоянием народной нравственности. Если народ религиозен, честен, богобоязлив, то господь

поставляет ему и верховного правителя земли, сообразуясь с его добродетелями, по заслугам его.

Вглядываясь в серые лица богомольцев, он часто скидывал руки и говорил, все больше воодушевляясь:

— Совсем другое можно встретить в том государстве, в котором подчиненные — народ буйный, своевольный, непокорный, небогобоязненный, такой, какой сейчас мы видим на своей земле. В таком государстве и благопочитательный правитель ничего доброго сделать не может. Самый лучший кормчий, при всей опытности своей, не может с успехом управлять расстроенным кораблем среди бурь и волнений. Поэтому, возлюбленные братия и сестры, наша с вами первоочередная задача состоит в том, чтобы помочь нашему многострадальному отечеству освободиться от всех богохульников, которые в нынешние дни являются нашим общим врагом, избавиться от них путем усердной молитвы...

Внешность Евсевия была великолепна: красивый овал лица, прямой, будто выточенный, нос, строгие карие глаза и каштановая бородка. И его внешность, как и его патетическая речь, действовали на верующих гипнотизирующе.

Наконец Евсевий перешел к главной, заключительной части своей речи.

— Что можно сказать о нынешнем времени, братия и сестры? Мы сейчас с вами стоим у порога геены: огненной. На землю русскую пришла сейчас страшная, нечеловеческая беда. В мир за послушание господне, как об этом пишет святой Златоуст да и другие святые, явился антихрист... — Он помолчал минуту, потом осторожно добавил: — Беззакония сын... Родился он от девицы нечистой иродова племени и уже поработил нас с вами... Кого мы подразумеваем под ним? Духа или человека? Антихрист есть человек, восставший против веры христианской, против святой церкви, своего отечества и помазанника божия, нашего правителя. Так будем же, братия и сестры, бдительны и непоколебимы в своей вере православной, не допустим, чтобы он чинил свою власть над нами, глумился над святою церковью! — Он трижды осенил верующих крестным знаменем, заключил: — Аминь!

Несколько кликуш бросились к нему, пали ниц и завопили в фанатичном исступлении:

— Призри благосердием, всепетая¹ богородице, на мое лютое телесе озлобление и исцели души моя болезнь!

Вопли ширились, и Евсевий понял: паства готова идти за ним, как стадо баранов за своим пастухом.

XXIII

Евсевий и Забелин в сопровождении Дорофея, Гурия и Ярона вышли из храма и направились в Екатерининскую церковь. В аллее игумена догнал монах Федор, доложил, что в монастырь приехали полковник Татаринов и сотник Зубарев.

— Где же они? — спросил Дорофей.

— В келье господина Жукова. Войсковой старшина только что встретился с ними.

— Передай, вечером повидаемся, — сказал игумен.

Евсевий и Александр начали осмотр монастыря. Побывали в Екатерининской и Зимней церквях, во всех монастырских постройках. Евсевий остался доволен порядком.

— Я уже говорил вам, ваше преосвященство, что порядки здесь райские, — подобострастно заметил Александр, и на его безобразном лице промелькнула угодливая улыбка. — Теперь вы сами убедились в этом.

* * *

После вечерни, когда богомольцы разъехались по хуторам и станицам, а в монастыре остались лишь монахи да кое-кто из богатеев, в просторный зал начали сходиться соборные старцы. За длинным столом сел Дорофей, справа от него заняли места Евсевий, Забелин, Гурий, слева — Ярон, казначей Герасим и эконом Макарий.

Татаринов, Зубарев и Жуков разместились между богатеями, поближе к двери. Марфа Кузьминична уселась в глубокое кресло слева от стола. Зал тихо гудел.

Дорофей грузно поднялся и, открывая собор, сказал:

— Святые отцы, мы сегодня с участием нашего преосвященного владыки, отца Евсевия, должны поговорить о своих сокровенных делах. — Он приложил руку к гру-

¹ Всепетая (церк.) — всеми и всюду воспеваемая, прославляемая

ди, поклонился Евсевию: — Первое слово предоставляется вам, ваше преосвященство.

Зал затих. Евсей поднялся на трибуну и, выждав минуту, обратился к старцам:

— Отцы собора! Мы с вами сейчас переживаем тяжелое время. Земля наша объята огнем геенновым. Династия Романовых пала. Власть в стране перешла в руки большевиков. Все наши войска разгромлены. Лишь в Крыму осталась единственная армия барона Врангеля. Но и она не сегодня-завтра прекратит свое существование. В стране наступит хаос и разорение. И тем не менее мы должны продолжать священную борьбу с революцией и во что бы то ни стало победить ее! К этой борьбе нас, священников, призывает патриарх Тихон, он призывает поднять против революции всех верующих и восстановить в России царя и монархические порядки.

Марфа Кузьминична внимательно слушала речь архипастыря, но на ее одутловатом розовом лице, с черным пушком под носом и отвислым тройным подбородком, не отражалось никаких чувств, будто слова Евсевия совсем не волновали ее.

Комаровский, слегка приоткрыв рот, глядел на владыку тупыми подслеповатыми глазами, изредка одобрительно кивал головой, жевал толстыми губами. Широкие его ладони лежали на расставленных коленях.

— Я должен поставить вас в известность, святые отцы,— продолжал Евсей,— что патриарх Тихон в настоящее время дал свое благословение Высшему церковному управлению, организованному Антонием Храповицким в Константинополе, и ведет с ним переписку об оказании помощи иностранными правительствами Врангелю. Хочу здесь напомнить вам о том, что Англия всеми силами стремилась задержать продвижение Красной Армии к границам Польши и не допустить непосредственных переговоров между Россией и Польшей. Сейчас патриарх Тихон через иностранные миссии — латвийскую, эстонскую, финляндскую, польскую и чехословацкую — добивается, чтобы правительства оказали Врангелю вооруженную помощь в борьбе с большевиками. Патриарх Тихон призывает нас сплотиться, организоваться в духовные союзы для отпора всяким покушениям на церковь со стороны Советской власти. На Карловицком соборе по его настоянию была принята резолюция о восстановлении в России самодержавной власти.

Татаринов, высокий, стройный полковник с гладко выбритым, свежим лицом, закинув ногу на ногу и положив руку на подлокотник, следил за каждым движением оратора. Рядом с ним сидел Зубарев, широкоусый, с чуть оскаленными зубами сотник, в черкеске темно-серого цвета и юфтовых сапогах. Выражение его обветренного лица и серых, немного косых глаз то и дело менялось.

— Патриарх Тихон, — продолжал оратор, — стремиться объединить вокруг себя распыленные силы контрреволюции и восстановить Россию — единую, неделимую. Наша задача, святые отцы, будет заключаться в следующем. Прежде всего мы должны объединиться в союз и развернуть борьбу против большевиков, изгонять из своей среды обновленцев и раскольников. Однако у нас на пути будет стоять епископ Иоанн. И мы должны вести с ним самую непримиримую борьбу!

Александр наклонился к уху Гурия и, ехидно улыбаясь, прошептал:

— Этому Иоанну дано устроить две-три скандальные сцены, и его сразу же кондрашка хватит.

— Истинно, ваше преподобие, истинно! — одобрительно закивал Гурий. — Он совсем на ладан дышит.

Голос Евсевия звучал все требовательнее:

— Екатеринодарская епископская кафедра немедленно должна перейти в наши руки. Мы должны с вами, святые отцы, добиться созыва епархиального съезда и решить на нем вопрос о назначении нового епископа.

Жуков, откинувшись на спинку стула, тщательно взвешивал все сказанное викарием. Его верхняя губа под небольшими черными усиками подрагивала, словно сквозь нее пропускали электрический ток.

Евсевий вводил соборных старцев в планы своих действий среди кубанского духовенства, говорил о том, какими путями можно добиться смещения Иоанна с поста епископа, как захватить Екатеринодарский епископат.

Наконец он умолк. На трибуну поднялся Жуков.

— А теперь нам следует поговорить о своем отряде, который уже существует здесь, в плавнях, — сказал он. — Предлагаю избрать в штаб следующих лиц: отца протоиерея Гурия, полковника Татаринова и сотника Зубарева. Кто за это?

Все подняли руки. Воздержалась только купчиха Бражникова. Игумен Дорофей остановил на ней свинцово-серые глаза, спросил:

— А вы, Марфа Кузьминична, какого мнения о наших делах?

— Мое мнение такое,— начала Бражникова, не поднимаясь.— Все то, о чем говорил владыка, дело хорошее, и его надо поддержать всеми силами. А вот что касается организации при монастыре повстанческого отряда — я против. И отца Гурия я бы не советовала вводить в штаб

— Отец Гурий, кроме духовного чина, имеет еще и военное образование,— заметил Дорофей.

Все молчали...

XXIV

Юдин со своим чоновским отрядом и приданным ему I-м Афипским полком, которым уже командовал Виктор Левицкий, как только станица Передовая была занята частями Красной Армии, двинулся на юго-запад и после двухдневного пути встретился в Каладжинской с Лабинской группой, получил от ее начальника надлежащие распоряжения и направился к Псебайской.

В селе Мостовом сделали привал. Чоновцы и красноармейцы рассыпались по берегу бурной Лабы, сняли с себя одежду, бросились в студеную воду. Лаврентий привязал дончак к дереву, ослабил подпругу, присел на траве, закурил. Быстрые волны и белые тела бойцов мелькали перед ним, поблескивали в горячих лучах полуденного солнца.

«Ач, как быстрятся хлопцы от засидки! — подумал он с улыбкой.— Точь — ребятенки». Дончак мотал головой, отгонял хвостом мух и слепней. Мечев прохаживался по берегу и подшучивал над купальщиками. Размяв в ладонях сухую подсолнечную шляпку и отвеяв мякину, он ловко полужгивал семечки.

Вокруг паслись лошади, позвякивали стременами, фыркали. В знойном воздухе плыл шум и гам.

Вьюн вылез из воды и, стуча от озноба зубами, поспешно надел штаны, гимнастерку. Присев на камень, обулся, причесал мокрые волосы обломком расчески, нахлобучил кубанку и принялся чистить серебряный эфес шашки, врученной ему Корягиным в Краснодольской.

Юдин лежал на брезенте под пулеметной тачанкой, развернув перед собой полевую карту. На него была возложена ответственная задача: закрыть путь хвосту-

ковцам к Новопрохладному и направить их вверх по течению реки Малая Лаба в Шах-Гиреевское ущелье, где по плану главного командования Красной Армии намечался окончательный разгром армии Хвостикова. Не располагая точными данными о силах врага, двигавшегося через Спокойную — Ахметовскую — Псемен к Андрюковской, Юдин не совсем был уверен, что ему удастся сдержать напор противника и выполнить задание командарма. Эти сомнения тревожили и мучили его.

В Псебайской и ее округе все зажиточное население целиком стояло на стороне Хвостикова. Юдин хорошо понимал, что это в значительной мере усложняло его задачу, но приказ командования надо было выполнить любой ценой.

Юдин вылез из-под тачанки, окликнул Мечева:

— Ну что, Гаврила, будем трогать?

— Трогать так трогать! — весело отозвался тот.

Юдин поднялся на горку, замахал руками:

— Хлопцы, кончай прохлаждаться! По коням!

Несколько минут спустя бойцы уже были в седлах, построились в колонны. Юдин выехал на вороном жеребце в голову отряда и дал команду двигаться.

Вечерело. Над раскаленной землей расплывалась прохлада. Очередной привал был сделан в хуторе Дятлова, затем конники, без единого выстрела, заняли село Шедок.

Юдин не задерживался в селе. Не встречая никакого сопротивления со стороны врага, он подошел к северной окраине Псебайской, приказал Виктору Левицкому остаться с 5-м казачьим эскадроном здесь, а сам со своим отрядом и 1-м Афипским полком к трем часам ночи оцепил станицу, с сотней чоновцев и с двумя станковыми пулеметами въехал на площадь.

Чуть свет по его приказу в церквах зазвонили в колокола, созывая жителей на митинг. Несмотря на ранний час, площадь быстро заполнилась станичниками. Юдин поднялся на тачанку и сказал:

— Граждане, много говорить не буду. Ваша станица окружена частями Красной Армии. Предлагаю немедленно сдать огнестрельное и холодное оружие, а также все боеприпасы, какие у вас имеются. Срок — четыре часа. Ровно в девять часов произведем поголовный обыск, и у кого будет обнаружено оружие — тот будет строго наказан. Вот и все. Можно расходиться!

Псебайцы загудели. потянулись в щлицы

Юдин сел на каменный столбик у водосточной канавы и, выкуривая одну сигарку за другой, нетерпеливо поглядывал на часы. Псебайская котловина, зажатая с одной стороны Андрюковским хребтом, а с другой — Псебайской грядой, представляла собой опасную ловушку, и Юдин понимал, какому риску подвергался здесь его отряд и 1-й Афипский полк.

Станичники начали сносить оружие. Мечев с группой чоновцев принимал винтовки, берданки, сабли, патроны и укладывал в подводы. К восьми часам утра было сдано 260 винтовок, 1600 берданок, 2000 сабель, более 5 тысяч патронов и ручной пулемет. Юдин приказал Мечеву отправить изъятое оружие на северную окраину Псебайской.

Подводы двинулись с площади. В этот момент к Юдину подскакал на Кристалле Вьюн. С трудом удерживая коня, он указал рукой на северо-восток, доложил:

— Товарищ командир, там, за рекой, из ущелья показалась вражеская конница!

Юдин взлетел на коня, в мгновение ока оказался на северо-восточной окраине станицы. Он увидел в бинокль колонны хвостиковской армии, вытягивающейся из ущелья на дорогу, которая связывала Псебайскую с Андрюковской — основным гнездом повстанческих отрядов.

— Надо отходить! — решил Юдин и отдал приказ, не вступая в бой, двигаться к станции Мостовской.

* * *

Вскоре в Псебайской появились конные разъезды белых. Они промчались по пустым улицам и тотчас ускакали в сторону Андрюковской, затем по мосту через Малую Лабу в Псебайскую потянулись кавалерийские части. Впереди на гнедом коне ехал генерал Крыжановский, дымя папирасой. На полусонном лице — смертельная усталость. Погоны, плечи бордовой полинялой черкески, серая каракулевая папаха, сбитая набекрень, присыпаны толстым слоем пыли. Точно пьяный, покачиваясь в седле, генерал, казалось, вот-вот свалится на твердую каменистую дорогу и уснет непробудным сном. Недокуренная папираса вдруг выпала из его рта и, раздавленная копытом коня, погасла. Крыжановский с

трудом разомкнул веки, дернул поводья. Конь закрутил головой, ускорил шаг

За генералом следовали колонны конников. Копыта гулко стучали о настил моста. В голове первой колонны развевалось на ветру темно-малиновое знамя с серым волчьим хвостом. Всадники клевали носами. Силы у всех были измотаны до предела. В поредевших рядах уже не было того гонора, с которым раньше хвостиковцы «гуляли» по степным и горным станицам, хуторам и аулам.

Въезжая в Псебайскую, Крыжановский встряхнул головой, сбрасывая сонную одурь, обернулся к колонне:

— Зап-е-е-вай!

Вахмистр, ехавший на гривастом скакуне за знаменосцем, крикнул, затаяв густым басом:

Поехал казак далеко на чужбину
На добром коне вороном.

Запев был подхвачен сотнями голосов:

Свою он навеки покинул краину,
Ему не вернуться в отеческий дом...

Псебайская прислушивалась к полковой казачьей песне и звонкому цоканью подков. Седые хлопья утреннего тумана все выше поднимались по крутым склонам гор к розовым облакам.

Кавалерия въехала в станицу, начала размещаться на площади, в тесных кривых улицах, в казачьих дворах.

Крыжановский облюбовал дом для ставки, и, когда Хвостиков с женой подкатил на тачанке к крыльцу, там уже стояли двое часовых. Баксанук и Дауд немедля осмотрели все закоулки двора и сада вокруг дома.

Хвостиков зевнул, потянулся.

— Ну что, Сергей Иванович, пожалуй, прежде всего надо выспаться!

— Да, Алексей Иванович, трудный был переход! — устало ответил Крыжановский и, открыв золотой портсигар, предложил Хвостикову закурить.

Нина Гавриловна покосилась на портсигар и вдруг сказала с досадой и упреком мужу:

— А Кочкарова все еще нет.

— Ах! — махнул рукой Хвостиков. — Сейчас мне не до золота. Спать, спать!

В станицу одна за другой прибывали пехотные части. А вскоре повалили подводы с беженцами. Сплошным потоком они тянулись по левому берегу Малой Лабы в Шах-Гиреевское ущелье. На арбах, телегах, дрогах, бедарках, заваленных всякой рухлядью и тугими узлами, восседали бабы с ребятишками, бородачи-толстосумы, разномастные торгоши и попы.

В Андриюковском ущелье, под селом Соленым, передовые части IX Красной армии настигли заградительные отряды хвостиковцев. Огрызаясь винтовочным и пулеметным огнем, белые поспешно отходили к станице Андриюковской.

Воронов, не давая передышки карему дончаку, скакал по правому берегу Малой Лабы, поросшему густым кустарником. От него не отставал Митрофан. Кони, выщелкивая подковами частую дробь на каменистой дорожке, мчались, то взлетая на обрывистые кручи, то спускаясь в глубокие балки. За Вороновым лавиной двигались бойцы казачьей кавбригады и 12-й кавдивизии.

На окраине Андриюковской уже шел бой между белыми кавалеристами и конниками IX Красной армии.

Остановившись у подножия невысокой, покрытой дубняком горы, Воронов приказал вести обстрел Псебайской из двух полковых орудий. Один полк корпуса Крыжановского прорвался через мост и атаковал вороновцев. Началась ожесточенная сабельная рубка.

Из Псебайской белые повели ответную пушечную пальбу. Их снаряды ложились у выхода из Андриюковского ущелья, закрывая путь идущим на подмогу полкам IX Красной армии. Воронов, чтобы не дать врагу возможности подбросить новые силы из Псебайской на помощь своим полкам, занял мост на Малой Лабее, перерезал путь из Псебайской в Андриюковскую.

Шкрумов все время был в первых рядах атакующих. За мостом, на поляне, он едва успел увернуться из-под сабли белого казака и в следующее мгновение сразил того выстрелом из винчестера.

Когда противник был наконец разгромлен, Шкрумов подошел к убитому белогвардейцу и, к большому своему удивлению, узнал в нем Ефима — сына богатея Краснянского из Андриюковской, у которого когда-то служил в работниках. Раньше Ефим отличался кротким харак-

тером, никогда не обижал батраков, и Шкрумов жил с ним мирно и дружно. И вот Ефим убит в бою, с саблей в руках. От мысли, что этот человек погиб от его пули, Шкрумов испытывал тягостное чувство. Он снял шапку, вытер рукавом испарину на морщинистом лбу и никак не мог оторваться от застеклевших глаз убитого

В полдень над Псебайской появилось несколько аэропланов IX Красной армии, которые начали сбрасывать зажигательные и осколочные бомбы. Одновременно красные открыли артиллерийский огонь из-под Андрюковской и из-под селения Шедок по левому берегу Малой Лабы, где засели хвостиковцы.

Противник стал отходить в Шах-Гиреевское ущелье, чтобы вырваться к перевалам Псеашхо и Аишхо, а затем уже в Красную Поляну.

Отряд Юдина и 1-й Афипский полк первыми вошли в улицы Псебайской, вступили в схватку с врагом. Увлечкая за собой 5-й казачий эскадрон, Виктор очищал главную улицу от яростно сопротивляющихся хвостиковцев. Левее эскадрона, в других улицах, успешно развивал наступление 1-й Афипский полк. Лаврентий, глотая едкий дым и зорко поглядывая по сторонам, торопил своего дончика:

— А ну, Гнедко, шибче! Добре мы турнули нечистых душ. Лидва-лидва поспеваем за ними!

Конь, высекая копытами искры из каменистой дороги, вынес его на просторную поляну между восточной окраиной Псебайской и хутором Шамшуриным, что лежал у входа в Шах-Гиреевское ущелье. Тут отряд Юдина обрушился на неприятельскую конницу.

Схватка шла недолго. Когда остатки хвостиковской кавалерии скрылись в ущелье, на поляне воцарилась тишина.

Шкрумов повстречался с Лаврентием на берегу реки, рассказал ему, как под Андрюковской застрелил в атаке Ефима Краснянского, и невесело усмехнулся:

— Бывает же такое. Вроде б то хорошего человека убил... Жалко мне стало его. Ну, и дернуло меня к отцу его сходить. Вхожу во двор. Когда тут же у хаты и Краснянские — батько и маты Ефима. Обрадовались они, что пожаловал к ним. Я поздоровался и, знаешь, хотел про-

молчать про Ефима, но не смог Краснянчиха как раз держала лопату Накинулась на меня, зарубить хотела. Но муж ее за руку схватил и крикнул: «Чи сбесилась, дура старая?! В бою ж убил. Теперь сын супротив отца идет, а отец — супротив сына».

Лаврентий иронически прищурился:

— Цебто он в защиту твою пошел?

— Выходит, так,— задумчиво проговорил Шкрумов.

Лаврентий закурил самокрутку, покачал головой:

— Богатеям верить нельзя, Иван Степанович. На словах они ласковые, а на деле — зверюги. При случае тот Краснянский сам тебе голову проломит.

* * *

Хвостиковская конница, прикрывая обозы, подъезжала к селу Бурному, приютившемуся на небольшой горной равнине. Крыжановский ехал на коне в окружении конвойных офицеров. Впереди на двух подводах везли прикрытое брезентами его имущество. За ними цугом тянулись три легких полковых орудия, брички, груженные тяжелыми ящиками с патронами и снарядами. В конце колонны катились пулеметные тачанки.

В чистом воздухе с воем пролетел гаубичный снаряд, шлепнулся за селом в Малую Лабу, с тяжелым гулом взметнул голубой столб воды. Гулкое, трескучее эхо покатилося по Шах-Гиреевскому ущелью и не успело стихнуть, как второй снаряд угодил в дорогу. Несколько белогвардейцев вместе с лошадьми были убиты, несколько ранены. Остальные бешеным наметом пустились к селу. Третий снаряд упал недалеко от генерала. Перепуганные кони рванулись вперед, сбивая на своем пути пеших хвостиковцев, переворачивая и ломая подводы с генеральским имуществом, брички с патронами и снарядами. Крыжановский, с раздробленным затылком, уронив поводья и теряя сознание, еле удержался в седле. Конь промчал его между разбитыми телегами, топтал убитых и раненых, перепрыгивал через валуны и промоины. Наконец генерал свалился в ореховые кусты.

Из-за поворота скалы появились красные кавалеристы, ринулись с обнаженными саблями на разгромленный арьергард врага. Схватка завершилась в несколько минут. Красные понеслись вдоль нескончаемого обоза, палили в воздух из карабинов и револьверов, кричали:

— Сто-о-ой! Поворачивай назад!

Обоз остановился. Два эскадрона 3-й казачьей кавбригады проскочили к Верияту, затерявшемуся в Шах-Гиреевском ущелье, захватили в плен большой обоз и, повернув его назад, двинулись дальше, к реке Черной.

К селу Бурному, где только что завершился короткий бой, подъехали сандружинницы: немедля занялись ранеными. У одной из разбитых телег Соня заметила две деревянные коробки, лежавшие в кустах. Она раскрыла их и, удивленно ахнув, позвала подругу:

— Клава, смотри, что я нашла!

Белозерова подбежала к ней, тоже поразилась:

— Ой, сколько золота и серебра!

С девушками поравнялся Воронов, осадил дончика Соня махнула ему рукой.

— Елисей Михайлович, смотрите, что тут! И часы, и кольца, и браслеты! — кричала Соня, перебирая вещи. — Всякая всячина!

Воронов надвинул кубанку на брови и, покачав головой, промолвил:

— Мародеры.

XXVI

Шах-Гиреевское ущелье начинается живописными горными воротами у хутора Шамшурина, в семи верстах от Псебайской. По ущелью вьется бурная, неукротимая Малая Лаба. По левому изломанному берегу тянется каменная дорога.

Оставив в Псебайской 12-ю кавдивизию, Воронов с 3-й Отдельной кавбригадой продолжал преследование хвостиковской армии по ущелью. Под вечер он устроил привал у Кутана и Черного моста, переброшенного через Уруштен — Черную реку. Издали доносились винтовочная и пулеметная стрельба. Это передовые подразделения кавбригады вели перестрелку с арьергардными частями белых.

Пока готовился ужин для бойцов, Воронов, устроившись под отвесной скалой, в отдалении от бойцов, принялся писать донесение в штаб армии.

Внезапно со скалы посыпались мелкие камешки. Воронов вскинул голову и увидел, что на него сверху летит пятнистая рысь. В одно мгновение комбриг отскочил в сторону, выхватил браунинг. Рысь мягко упала на лапы.

приготовилась снова к прыжку, но Воронов успел выстрелить. Раненый хищник попятился, и тут вторая пуля прикончила его.

На выстрелы прибежал Митрофан, со страхом уставился на убитого зверя.

— Видал, какую ухлопал,— Воронов указал на верх скалы.— Вон оттуда прыгнула, стерва, прямо на меня.

Верстах в шести от Черного моста, в ущелье, среди зарослей фундука и полудиких фруктовых деревьев затерялось небольшое селение — Третья Рота. За ним ущелье суживалось: отроги Ятыргваргы — с запада и Магишо — с востока сдавливали реку с обеих сторон, и скалы, нависая над водой, как бы грозились каждую минуту обрушиться в бурный поток, преградить стремительное течение.

Дальше к югу, где скалистый мыс хребта Ахцархвы уходит вправо, ущелье опять становится шире, и взору открывается поляна бывшего кордона Умпырь. Против него через реку — мост.

Вся эта суровая местность представляет собой межгорную котловину. Здесь же в Малую Лабу вливаются две бурные речки: слева — Ачипста, стекающая с восточных склонов хребта Алоус, справа — Умпырка, берущая свое начало на Магишо.

С наступлением темноты хвостиковские части заняли оборону по котловине, а обозы и главные силы продолжали двигаться дальше.

По тропе гуськом, то спускаясь с крутизны, то поднимаясь на гору, нескончаемой лентой тянулись усталые люди. Кавалеристы вели своих коней в поводу, рискуя каждую минуту сорваться в пропасть. Бородачи казаки, взяв под уздцы запряженных в подводы лошадей, осторожно проводили их по опасным местам. Саперам часто нужно было расширять тропу, так как по ней не проходили телеги.

Хвостиков ехал с женой на тачанке, за которой тянулись в поводьях две оседланные лошади. Нина Гавриловна, склонив голову на плечо мужа, дремала. Хвостиков угрюмо глядел невидящим взглядом в спину Луки, сидевшего на облучке подле кучера. Впереди Баксанук и Дауд вели своих коней, за тачанкой шла конвойная сотня.

Откуда-то сверху донесся протяжный звук, похожий на приглушенный рев быка.

— Что это? — спросил Хвостиков. — Никак, зубр?

— Нет, это олень ланку подзывает, — ответил Лука.

— Олень, говоришь? — переспросил Хвостиков, зябко кутая шею в приподнятый воротник шубы. — Надо здесь заготовить мяса, а то скоро есть нечего будет.

Тачанка, стуча колесами, поднималась все выше по тропе, вьющейся по скалистым карнизам Ятыргварты, нависшим над бушующей рекой. Теперь проводники вели армию по звериным тропам. Масса людей и лошадей кружила по ущельям и горам, ница выхода к морю. Слышались злые окрики:

— Куда прешься, дурень!

— Катись ты ко всем чертям!

За селением Третья Рота дважды бухнули пушки. Глухое эхо, как гром, пронеслось по ущелью. Напуганные грачи и совы всполошились, подняли неистовый крик. А вокруг лежала ночь, сырая, холодная, темная.

Только к рассвету Хвостиков с трудом добрался до Умпыря. Приказав своему изнуренному войску занять оборону в диких садах, он обосновался с тачанкой среди ореховых кустов. Баксанук и Дауд отправились к реке за водой. Нина Гавриловна повесила над костром на треноге казанок, принялась стряпать. Хвостиков улегся на бурке, возле тачанки. Лука, подбрасывая хворост в костер, оглядывал долину Умпыря и угрюмые скалы, поросшие чахлыми соснами. Наконец он обернулся к Хвостикову, спросил:

— А вы знаете, Алексей Иванович, что Умпырь называют Малыми Балканами?

— Ну и что из этого? — зевнул генерал.

— Я помню, — продолжал Лука, — как наши казаки в русско-турецкую войну — после пленения Осман-паши — в студеную зиму переходили Балканы и пели:

Мы к Балканам подходили —

Нам сказали: — Высоки!

Три часа их проходили

И сказали: — Пустяки!

Хвостиков оживился, воскликнул весело:

— Так и мы! Боялись идти на Умпырь, а дорога не так уж и страшна. — Он закурил, взглянул на монаха. — Что-то больно ты молод для участника русско-турецкой войны

Лука почесал крючковатый нос, улыбнулся:

— Верно, не воевал я тогда. Из истории знаю. Я в духовной семинарии учился. Да со второго курса за перебег был отчислен.

— Какой перебег? — не понял Хвостиков.

Лука сунул в огонь сухую ветку, подсел поближе к генералу.

— Отец мой — протонерей Вакулинский из села Решетиловки Полтавской губернии, определил меня в Переясловскую духовную семинарию. Доучился я там до класса риторики, а в тысяча девятьсот десятом году пошел в перебежчики под влиянием личных неудач...

— Какие же это «личные неудачи» заставили тебя уйти из семинарии? — поинтересовался Хвостиков.

Лука поморщился, вздохнул:

— Девичья лепота погубила меня...

Баксанук и Дауд напоили лошадей и, сотворив в орешнике эртен-намаз¹, явились к генералу. Тот сказал им:

— Берите с собой лучших стрелков и отправляйтесь на охоту за оленями и зубрами: надо заготовить мясо для армии. В другом месте такая возможность нам вряд ли представится.

Это распоряжение пришлось братьям Крым-Шамхаловым по душе, и они тотчас начали собираться на охоту. Заря разгоралась все ярче.

Хвостиков, заложив руки под голову, задумчиво глядел на подрумяненные облака, медленно плывущие по небу, и ему казалось, что и он сам, подобно этим облакам, плывет по воле ветра неведомо куда. Вспомнилось прошлое — полное неудач. И особенно горько и муторно было от мысли, что последняя надежда — золото — таяла, как призрачный дым. О Бабуле Кочкарове все еще не было ни слуху ни духу.

На уступе отвесной скалы появился улар и, заметив множество людей на полянах, звонко, переливчато прокричал, стремительно взвился в воздух. Хвостиков проводил его взглядом и пробормотал с тоскою:

Ни кола ни двора,
Зицун весь пожиток,
Эх, живи, не тужи:
Умрешь — не убыток!

¹ Эртен-намаз — утренняя молитва мусульман

Это пришедшее на ум четверостишие вдруг нагнало на него чувство безысходности. Рванув ворот гимнастерки и стиснув зубы, подумал с отчаянием: «Неужели это конец? Неужели я действительно обречен и все потеряно? Куда податься? Кому нужен нищий генерал?»

Нина Гавриловна приготовила завтрак. Хвостиков ел неохотно. Каждый кусок застревал у него в горле. В стороне, у плоского камня, завтракали Лука и кучер.

В душе Хвостикова вскипала злость. Ему хотелось мстить за свои неудачи. Раз-другой взглянув на Луку, он неожиданно объявил ему:

— Вот что, протонерейский сын. С сегодняшнего дня я назначаю тебя командиром карательного отряда.

Лука вначале не поверил своим ушам, затем обрадованно проговорил:

— Благодарю, Алексей Иванович, за доверие. Это большая честь для меня.

— Во! Я так и знал, что ты будешь доволен! — сказал Хвостиков. — У тебя отличная хватка.

Нина Гавриловна стряхнула с платка капли росы, одобрила:

— Выбор твой, Алеша, правилен. Только с детьми, Лука, не следует поступать столь жестоко, как с сыном комиссарши.

Лука перекрестился:

— Господь бог велел не щадить анчихристово семья. Истление ваше, Нина Гавриловна, есть слабость души вашей. Го, что содеяно во имя господне, не карается господом.

XXVII

Чоновский отряд с приданным ему 1-м Афипским полком вышел из Псебайской и на второй день, оставив позади Даховское ущелье, был уже в районе перевала Аспидного. Впереди ехали Юдин и Шкрумов. За ними следовал Мечев. Виктор Левицкий и Вьюн рысили в голове полка. Лаврентий, ехавший рядом со знаменосцем, дивился суровой и дикой красоте скал, думал: «Ач, как скорезило сердешную землю! А сколько можно посеять хлеба на ней, ежели б распахать!»

За рекой Киш отряд остановился на поляне недалеко

от перевала Аспидного. Юдин и Шкрумов поднялись на скалу, осмотрели ущелье, по которому струилась серебристая речушка. Ничего подозрительного не было. Слышался рев оленей. Приближалась ночь.

Юдин решил дать отдых бойцам.

1-й Афипский полк расположился на опушке леса. Кавалеристы спешили, развязали походные мешки, принялись за еду.

Виктор Левицкий и Вьон устроились на камнях, между которыми весело журчал родничок.

Внезапно из ореховых кустов донесся треск сухих ветвей. Вьон схватил карабин, обернулся на шум.

— Там кто-то есть...

И вдруг из кустарника выскочила ланка. Прыгая через расщелины и камни, она влетела в толпу кавалеристов, замерла. Большие черные глаза ее были испуганы, длинный красный язык вывалился, бока ходили ходуном. Следом за ней из зарослей выбежали три волка. Увидев людей, они рванулись назад, в кусты, а ланка продолжала стоять среди бойцов. Отдышавшись, она медленно ушла в горы.

— Разумная животина! — сказал кто-то из конников. — Людей не боялась.

— Защиты у нас шукала, — шмыгнув носом, заметил с улыбкой Вьон. — И до чего ж красивая!..

После ужина Юдин вызвал Виктора и поручил ему отправиться с эскадром в разведку вниз по течению реки Аспидной.

Для головной группы Виктор отобрал лучших бойцов и вместе со Шкрумовым повел ее вдоль реки в сторону Умпыря. За этой группой двинулся и весь эскадрон.

Вскоре разведчики вышли к Уруштену, бушевавшему на порогах. На песчаной косе у левого берега Шкрумов обнаружил следы конских копыт и людских ног. Он подозвал Виктора, сказал:

— Видишь, следы. Беляки уже прошли вверх по реке, но, может быть, еще кто-то из них появится. Давай засаду устроим, подождем маленько.

Разведчики залегли на берегу. Томительно тянулось время. В шум потока то и дело врывался олений рев.

— Может, зря ждем? — шепнул Виктор Шкрумову.

— Не спеши! — отозвался тот.

К воде спустилось стадо кабанов. Приблизившись к

косе, кабаны насторожились, захрюкали обеспокоенно, потом во весь дух пустились прочь.

— Видишь? — сказал Шкрумов. — Они учуяли человеческий след.

Несколько минут спустя к берегу вышел еще один кабан. Шумно вдыхая воздух, он застучал клыками

— Пушает иклами! — заметил Шкрумов.

— Вот бы пальнуть! — вздохнул Вьюн.

Шерсть на спине кабана вздыбилась, и, испуганно хрюкнув, он тоже убежал.

Тьма сгушалась. Над горами висело звездное небо. Олений рев постепенно затих.

— А сколько верст отсюда до Умпыря? — спросил Виктор.

— Не более десяти, — ответил Шкрумов. — Тут на тропах стояли заставы беляков.

Оставив на обоих берегах Урушгена заслоны, Виктор двинулся с разведчиками дальше. Шли осторожно, останавливались, прислушиваясь к загадочным звукам. В темноте, попискивая, носились летучие мыши, где-то на деревьях кричали неясно, сычики. Шкрумов старался определить: кричали ли это ночные птицы или, может быть, подражая им, перекликались между собой вражеские дозорные.

По мере приближения к Умпырю нервы разведчиков напрягались все сильнее. Предметы, попадавшие на пути, казались во тьме живыми, движущимися. Зрение и слух были обострены до предела.

Но вот позади осталась гора Алоус. До Умпыря было рукой подать.

Время перевалило за полночь. Разведчики притаились на берегу речушки Ачипста. И здесь — ничего подозрительного. Выждав немного, Виктор дал знак пробираться на правый берег Ачипсты.

За рекой, впереди на тропинке, неожиданно появились два черных силуэта. Разведчики припали к земле.

Белоказики с виштовками за плечами о чем-то тихо разговаривали. Вот они приблизились к засаде. Виктор и Мечев сзади набросились на них, в одно мгновение зажали им рты, обезоружили...

Перепуганные пленники сообщили, что впереди, совсем близко, находится еще один дозор.

Виктор отправил схваченных к Юдину, а сам с разведчиками пополз по-пластунски вверх по тропе. У гро-

мадного камня, прижавшись друг к другу, спали три казака и громко храпели. Тускло сверкнули кинжалы — и дозорные навечно остались уснувшими.

Чуть свет чоновский отряд и 1-й Афипский полк заняли исходные рубежи для атаки, приготовились к бою. На Умпыре было тихо: там еще спали. Кое-где на полянах, занятых хвостиковцами, дымили костры. Лошади дремали под деревьями, около возов. В небольшой брезентовой палатке — генерал и генеральша. Перед палаткой вышагивали два вооруженных казака.

По команде Юдина атака началась одновременно по всему фронту. Громкие крики «ура» волнами покатались по Умпырской котловине, смешались с винтовочной и пулеметной пальбой. Красные бойцы обрушились на растерявшегося врага, пустили в ход штыки.

Хвостиков выскочил с женой из палатки. Где-то рядом захлопали выстрелы. Нина Гавриловна вскрикнула, схватилась за бок и, теряя сознание, стала падать. Дауд подхватил ее на руки, побежал с Баксануком к мосту, по которому с гулом и грохотом уже неслись повозки и верховые белоказаки. Хвостиков вскочил на коня, рванулся наперерез охваченным паникой казакам.

— Братцы, братцы! Не пускайте красных к реке!

Голос его вдруг оборвался, обросшее черной бородой лицо исказилось от боли. Чувствуя, как горячая кровь заливает локоть, он пустил коня в намет, проскочил мост, затерялся среди верховых, бешено мчавшихся по узкой дороге вдоль реки.

Чоновцы и красноармейцы теснили хвостиковцев, все плотнее и плотнее прижимали их к Малой Лабе. Поляны устилались вражескими трупами и ранеными. Оседланные лошади металась между возами, в кустарниках, ржали от страха.

Лука со своим карательным отрядом переправился через реку вброд и устремился в горы.

В районе Третьей Роты кавбригада Воронова быстро сломила сопротивление арьергардных частей Хвостикова и вышла к самому узкому месту Шах-Гиреевского ущелья. Впереди тянулись угрюмые отроги Ятыргварты с нависшими над рекой скалами, по карнизам которых пролегалла дорога, вся забитая кавалерией и обозами противника.

Воронов приказал подтянуть артиллерию к реке. Пушки дали залп по верхней дороге. На скалистых карнизах взметнулись клубы черного дыма, и оттуда со стапятидесятисаженной высоты в бушующую реку посыпались люди, кони, телеги.

Наконец отряд Юдина прорвался к реке, перерезал путь двум эскадронам белоказаков, отступавшим в Умпыр. Видя безвыходное положение, хвостиковцы начали сдаваться в плен.

Бригада Воронова, преследуя противника, двинулась по правому берегу Малой Лабы в глубь Шах-Гиреевского ущелья.

В Умпыре остались отряды Юдина и 1-й Афипиский полк. Они занялись эвакуацией раненых и отправкой пленных в Псебайскую.

На закате солнца Виктор и Соня поднялись на Умпырский перевал. Перед ними открылись долины Закана и Загедана. Виднелся хребет Магишо. Взавшись за руки, Виктор и Соня бегом пустились по поляне, покрытой субальпийскими травами. Им казалось, что они не бегут, а плывут в зеленых волнах. Краса горной природы чаровала Соню. Сердце ее радостно трепетало, щеки горели, глаза сверкали. Нарвав букет ярких цветов, она поднесла его к лицу Виктора, промолвила, сияя счастьем:

— Какой запах! Опьянеть можно!

Виктор уткнулся лицом в цветы, полной грудью вдохнул аромат, улыбнулся:

— И верно, пьянею. Только вот не знаю: от цветов или от твоей близости. Тут все как в сказке.

Соне хотелось взлететь в нежно-голубое небо и парить рядом с орлом, кружившим высоко над поляной, любоваться всем миром. Счастьем наполнялось ее сердце, и вдруг вырвалась из груди радостная песня:

Чернобровый, черноокий,
Молодец удалый,
Положил ты мое сердце,
Не могу забыть...

Звонкий голос ее лился над горными лугами, серебристым эхом отдавался в глубоких ущельях. Виктор упорно слушал и не мог оторвать от нее глаз.

Оборвав песню, Соня прижалась щекой к плечу Виктора, и они медленно побрели вниз по цветущему склону горы.

В Екатеринодаре все еще ощущалась напряженная обстановка, хотя жизнь в нем уже вошла в колею.

В десятом часу вечера, когда город погрузился во тьму, Аннушка Балышеева прибыла в штаб армии, куда срочно была вызвана с фронта. Дежурный направил ее к Фурманову.

Она вошла в кабинет. Увидев ее на пороге, Дмитрий Андреевич воскликнул, улыбаясь:

— Сколько лет, сколько зим! — И кивнул приветливо: — Заходи, заходи, Анна Назаровна. Дело, как говорится, не терпит отлагательства.

Аннушка поправила прядь волос, подошла к столу и, сев на стул, спросила:

— Зачем вызвали меня, Дмитрий Андреевич?

— Не терпится узнать? — Фурманов весело прищурился. — Что ж, обрадую тебя. Завтра утром у секретаря обкома комсомола получишь мандат делегата съезда комсомола и поедешь в Москву.

Аннушка зарделась, почувствовала, как радостно застучало ее сердце.

— Просто не верится, — пробормотала она, растерявшись.

— Ну вот, с официальной частью и покончено, — сказал Фурманов. — А теперь отвезу тебя домой, заодно проведу Назара Борисовича: он что-то прихворнул немного.

В доме Балышеевых было тихо. Назар Борисович, перенесший недавно сердечный приступ, уже чувствовал себя значительно лучше. Ему не сиделось без дела, и он принялся за работу в своем кабинете. Екатерина Нестеровна, придвинувшись поближе к настольной лампе, шила платье приемной дочурке, а та возилась с игрушками на диване.

Закутав куклу в разноцветные лоскутки, Любонька взглянула на отца:

— Папочка, а у куклы есть сердечко?

— Кукла неживая, и у нее нет сердца, — ответил Балышеев.

— А у меня есть?

— Есть, конечно. Ты же живая.

- А почему у тебя болит сердечко, а у меня не болит?

— Ты еще маленькая.

— А почему у маленьких не болит сердечко?

В дверь кто-то постучал. Любонька спрыгнула с дивана, помчалась в зал. Екатерина Нестеровна едва дождалась ее, взяла на руки и открыла дверь.

Аннушка бросилась к матери, осыпала ее лицо поцелуями.

— А меня, а меня! — закричала Любонька.

Аннушка взяла ее на руки и несколько раз чмокнула в румяные щечки.

Фурманов еще не успел войти в прихожую, как за его спиной появились Атарбеков, Черный и Соловьев.

— О, да у вас полным-полнешенько гостей! — воскликнул Соловьев и, увидев Аннушку, просиял: — Ты? То-то меня так тянуло домой! Надолго?

— Нет, — ответила Аннушка. — Еду в Москву на съезд комсомола.

Соловьев обнял ее:

— Я рад за тебя. Кстати, зайдешь к моим старикам. Они ведь так хотят повидать тебя.

Тем временем Екатерина Нестеровна проводила Черного и Фурманова в кабинет Балышеева.

— Здравствуйте, товарищи! — обрадовался Назар Борисович. — Рассказывайте скорее, что творится на белом свете.

— А как ваше сердце? — спросил Фурманов.

— Сердце как сердце! — улыбнулся Балышеев. — Болей уже нет, слабость только немного одолевает. Ну, да это пройдет. — Он обернулся к Атарбекову. — Говорят, сюда приехал какой-то викарий-красавец и сразу всех женщин с ума свел. Что это за личность, Георгий Александрович?

— Личность довольно-таки подозрительная, — ответил Атарбеков, расчесывая перед зеркалом свою черную окладистую бороду. — Я встречался с ним в усадьбе князя Крым-Шамхалова. А сейчас он совершает поездку по кубанским монастырям. Посетит Лебяжскую и Мариинскую пустыни.

— И какое впечатление он произвел на вас?

— Очень хитрого и осторожного человека!

— А что вы решили делать с арестованной игуменьей? — спросил Черный.

— Придется освободить,— сказал Атарбеков.— Старуха явно юлит, но у нас нет доказательств, при каких обстоятельствах попало к ней золото. Впрочем, драгоценности у нас — это главное. Ведь не прими она это золото от Хвостикова, оно не попало бы к нам в руки.

— А как же с коммуной, которую собирались организовать в Лебяжском монастыре? — поинтересовался Балышеев.— Или решено пока отложить это дело?

— Нет, коммуна будет,— сказал Черный.— Областной ревком планирует создать в Лебяжском монастыре одну коммуну из двух — тимашевской «Светлой зари» и... федоровской.

— А монахов куда же?

— Пока проживут вместе с коммунарами.

— Как же это получается?

Черный пожал плечами:

— Что поделаешь? Эти две коммуны живут очень бедно, а монахам в Лебяжском полнейшее раздолье.

— По-моему, монахов надо совсем убрать оттуда и весь монастырь передать в пользование коммунаров,— заметил Атарбеков.

— Этого нельзя делать,— возразил Фурманов.— Мы можем ополчить против себя верующих, и контрреволюция сейчас же воспользуется этим.

— Верно,— согласился с ним Черный.

— Во всяком случае, надо строго следить за новым викарием,— добавил Атарбеков.

На пороге появилась Екатерина Нестеровна и пригласила гостей в зал к ужину.

В кабинет к начальнику ВЧК вошел дежурный и, взяв под козырек, доложил:

— К вам прибыл викарий Рождественский.

— Пусть войдет,— ответил Атарбеков.

Явился Евсевий с сияющим золотым крестом на груди. Приложив руку к сердцу, низко поклонился:

— Здравствуйте, гражданин начальник.

Атарбеков пристально взглянул на него и, сухо поздравившись, указал на стул:

— Садитесь.

— Благодарю! — Евсевий подобрал полы рясы, сел.— Я хотел бы продолжить с вами разговор, начатый в усадьбе Крым-Шамхалова,— заявил он.

Атарбеков достал из деревянного портсигара папиросу, закурил и, отмахивая от себя дым, сказал:

— Что ж, давайте продолжим.

— Я снова обращаюсь с настоятельной просьбой освободить игуменью Сентийского монастыря — мать Раису, — сказал Евсевий. — Повторяю, она ни в чем не виновата. Если нужно, я могу поручиться за нее.

Атарбеков, изучающе рассматривая его, ответил:

— Если вы ручаетесь, то мы, пожалуй, освободим ее. — Он вызвал дежурного, распорядился: — Приведите арестованную.

Евсевий нервно поправил скуфейку, прикрывавшую густые каштановые волосы, натянуто улыбнулся:

— Уж как возрадуется старуха!

В кабинет в сопровождении дежурного вошла игуменья. Увидев Евсевия, перекрестилась:

— Господи Иисусе!

Викарий помог ей опуститься на стул. Отдышавшись, она остановила хмурый взгляд на Атарбекове:

— Долго еще будете держать меня здесь, гражданин начальник? Видит бог, грех на душу берете.

— Тут не монастырь, и я не монах, — усмехнулся Атарбеков. — Вы не о моих, а о своих грехах думайте. — И указал на Евсевия. — Вот гражданин Рождественский ходатайствует, чтобы мы освободили вас.

— Ишь ты! — оживилась старуха. — Душа-то у него светлая, праведная. А вы... Надо прежде разобраться.

— Вот мы и разобрались во всем. Можете возвращаться в Сенты.

Игуменья даже привстала от неожиданности.

— Ишь ты! Неужто и впрямь отпускаете?

Евсевий помог ей подняться со стула, подтвердил

— Да, матушка, вы свободны.

XXIX

В епархии, под тенистыми деревьями сада, томилось до двух десятков молодых женщин, ожидавших Евсевия. В сторонке от них, на скамье под яблоней, сидели генеральская вдова Пышная и мать Рафаила. Вокруг только и шли разговоры о благочестивом викарии. В другой аллее прохаживались священники екатеринодарских церквей, явившиеся на собрание благочинных.

Наконец в ворота двора епархии въехала долгожданная карета, в которой сидели Евсевий и мать Раиса. Послушники помогли игуменье и владыке сойти вниз. Евсевий распорядился отвести старуху в гостиницу для приезжающих, а сам размашистым шагом направился через сад к дому, в котором жил. Женщины бросились навстречу владыке, преподнесли ему пышные сдобы, завернутые в платок. Евсевий отнес съестное в келью, вернулся в сад и, благословив платок, отдал его женщинам. Те тут же разорвали платок на кусочки и разделили между собой.

К Евсевию с низким поклоном подошли Пышная и мать Рафаила.

— Ваше преосвященство, — промолвила Зоя Львовна взволнованно, — мы к вам. — Она указала на мать Рафаила. — Вот с матушкой, игуменьей Успенского монастыря...

— Очень приятно! — сказал Евсевий, устремив на игуменью обворожительный взгляд. — Мне с вас говорили. — И, обратившись к Зое Львовне, пояснил: — Ваш двоюродный братец, отец Александр, рассказывал... Добро пожаловать ко мне, проходите.

Келья викария состояла из трех комнат: передней, небольшого зала и спальни. Везде — богатая мебель, на стенах и на полу дорогие ковры. Евсевий пригласил посетительниц к столу, стоявшему посреди зала, спросил игуменью:

— Так вы, матушка, значит, из Кавказского отдела?

— Да, я настоятельница Успенской Пресвятой Богородицы общежительной женской пустыни, — опускаясь в кресло, ответила игуменья. — Приехала к вам, чтобы узнать, когда вы намерены прибыть к нам.

— Простите, — прервал ее Евсевий. — А вы с епископом Иоанном уже говорили об этом?

Игуменья, чуть порозовев под взглядом его маслянистых глаз, отрицательно покачала головой:

— Нет, не говорила. Я была у него на приеме четыре месяца тому назад... И после этого пропала всякая охота обращаться к нему по каким-либо вопросам... Он сказал, что я занимаюсь не своим делом.

— За то, что у нее в монастыре находился белогвардейский партизанский отряд, — добавила Зоя Львовна. — А отряд-то и не спрашивал у нее согласия: засел да и жил там, сколько ему надо было.

— Да ..— многозначительно промышчал Евсевий, не сводя глаз с игуменьи.— Вы не огорчайтесь. В первой половине октября я побываю у вас, и все уладится

— Ваше преосвященство,— вставила Зоя Львовна,— епископу Иоанну просто надо разъяснить, что мать Рафайла очень хорошая игуменья.

Евсевий развел руками:

— Видите ли, наш епископ имеет некоторые странные наклонности... И вот это и приводит его к неверным суждениям о многих священниках. В частности, и о вас... В силу этого у него возникает излишняя подозрительность. Он во многих видит своих противников. А сам является первым нарушителем церковных канонов, идет против патриарха Тихона и святейшего синода!

— Как же он может в таком случае занимать пост епископа? — негодуя спросила Зоя Львовна.

— Мы, разумеется, попытаемся убедить Иоанна в неправильности его взглядов на наше духовенство и на православную церковь,— ответил Евсевий и тут же раздраженно взмахнул руками.— Ну, а если он будет упрямиться, то мы испросим у патриарха Тихона разрешения действовать здесь по своему усмотрению. Иначе нельзя. Ведь он даже отказался поминать во время своих богослужений имя патриарха Тихона и запретил это делать всем священникам области.

— О боже! Это же еретик и раскольник! — вскричала Зоя Львовна и вдруг прослезилась: — Спихнули царя, теперь хотят спихнуть и патриарха Тихона...

Евсевий понял, что можно переходить к откровенному разговору.

— Я и прибыл на Кубань, чтобы навести среди духовенства строгий порядок, поставить всех противников патриарха Тихона на положенное место. Так называемой «живой» церкви, за которую ратует епископ Иоанн, будет оказано самое решительное сопротивление!

В передней послышались шаги, Евсевий резко обернулся, спросил раздраженно:

— Кто там?

— Свои, свои! — пробасил кто-то.

На пороге появился Забелин. За ним — председатель церковного совета Ратмиров, на костлявые плечи которого спускались длинные пепельные волосы. Поправив на тощей груди массивный серебряный крест, он сощу-

рился и, разглядев, кто сидит за столом, сказал с ухмылкой:

— Да тут, оказывается, старые знакомые!

— Что у вас? — нетерпеливо спросил Евсевий.

— Нам надо договориться, ваше преосвященство, как вести себя на собрании благочинных, — сказал Забелин. — То ли начнем наступление на епископа Иоанна, то ли...

— Пока надо молчать, — перебил его Евсевий. — Изберем пассивную тактику. Пусть епископ выскажется сам.

— Разумно, — согласился Ратмиров. — Когда знаешь, чего хочет противник, бороться с ним легче.

— Отец Филогоний, — обратился к нему Евсевий, — список сторонников епископа Иоанна готов?

— А как же. Все в лучшем виде, — ответил Ратмиров.

Евсевий поглядел на стенные часы, показывающие половину одиннадцатого, сказал:

— Идите послушайте, о чем говорят священники, а я еще задержусь на несколько минут.

* * *

Из епархиального управления вышел начальник канцелярии и пригласил всех собравшихся священников в зал заседаний. Попы потянулись в здание управления.

В зале заседаний сторонники епископа Иоанна рассаживались на передних рядах, противники — позади.

Последними вошли Евсевий, Забелин и Ратмиров. Они также заняли места в задних рядах. Шум постепенно утихал. Из боковой канцелярии, которая сообщалась с квартирой епископа Иоанна, выглянул отец Геннадий и опять скрылся. А несколько минут спустя келейники Борис и Артемий ввели под руки епископа Иоанна в зал. Все молча поднялись и, осенив себя крестом, снова сели. Владыку усадили в высокое кресло за столом, и келейники удалились. На кафедру поднялся Ратмиров, попросил членов церковного совета занять места за столом. Первым к столу направился Делавериди. Шурша белой шелковой рясой, поп расположился на стуле рядом с креслом владыки. За ним потянулись Федоров, Гангесон, Столяревский, Сосько, Забелин и Битин — заместитель правителя церковного епархиального управления.

Епископ Иоанн оглядел всех сидящих в зале хмурыми глазами, обратился к своему заместителю по епархии:

— Отец Сосипатр, кто отсутствует?

— Все в сборе, ваше преосвященство,— доложил Битин

Епископ подал знак Ратмирову открывать собрание

— Святые отцы,— сказал тот,— сегодня нам предстоит рассмотреть два вопроса: первый — отношение кубанского духовенства к патриарху Тихону и святейшему синоду, и второй — текущие дела, так сказать, разное. По первому вопросу слово предоставляется епископу Иоанну. — Ратмиров поклонился владыке.— Прошу, ваше преосвященство.

— Я обязан вам сообщить,— не поднимаясь, тихим голосом начал епископ,— что за последнее время, как мне стало известно, патриарх Тихон направил всю свою церковную деятельность против Советской власти и призывает все духовенство и мирян России к свержению этой власти... Все это привело к разброду среди духовенства и вызвало гнев граждан Советской Республики. Мы должны, дабы не попасть в беду, руководствоваться посланием святого апостола Павла к римлянам, где он писал: «Всякая душа да будет покорна высшим властям, ибо нет власти не от бога... Посему... противящийся власти противится божию установлению!»

В зале стояла мертвая тишина.

— Руководствуясь этим святым указанием,— продолжал епископ,— мы вынуждены жить в мире с Советской властью. Кто же с этим требованием не согласен, может подать на мое имя прошение об освобождении от служительства церкви, и мы таких священников не будем задерживать...

Забелин заерзал на стуле, не умолчал:

— Вы скоро нам всем прикажете брить бороды!

— Тебе особенно об этом беспокоиться незачем, отец Александр,— ехидно бросил Делавериди.— Брить-то у тебя нечего: на голове плешь величинной в «святой дух»¹, а бороды и совсем нет!

В передних рядах пронесся смехок. Попы, сидевшие сзади, загудели, как озлобленные шершни, но Евсевий цыкнул на них, и все сразу замолчали.

— Кто будет говорить? — спросил Ратмиров.

Поднялся Гангесон.

¹ «Святой дух» — бархатная, с золотой бахромкой скатерка фиолетового цвета, служащая для прикрытия лица умерших священников

— Разрешите мне.

— Прощу, отец Никандр, — сказал Ратмиров.

Гангесон живо взошел на кафедру.

— Я не люблю много говорить, — начал он басом. —

Придерживаюсь русской пословицы: «Говорение — серебро, а молчание — золото». Однако в данном случае молчать не буду. Здесь наш владыка, епископ Иоанн, доложил нам о том, в какой тупик завел Тихон православную русскую церковь и вместе с нею все духовенство нашей великой страны. Я лично считаю, что в данный период времени... мы с патриархом Тихоном ничего общего не должны иметь. Он ведет нас по гибельному пути.

— А я совсем иного мнения, — прервал его Забелин. — Патриарх Тихон ведет правильную линию, и мы, согласно установленным канонам, обязаны его поддерживать.

— Не перебивайте, отец Александр, — попросил его Ратмиров.

Епископ Иоанн как-то отрешенно смотрел в глубину зала туманными глазами. Пальцы его рук, лежавших на подлокотниках, мелко тряслись, тучное лицо, обросшее седыми волосами, приобрело фиолетово-бурый оттенок. Но этого никто не замечал: все напряженно слушали выступление Гангесона. И вдруг Иоанн схватился за грудь, застонал. Лицо его передернулось, глаза закатились под лоб, левая рука соскользнула с подлокотника, повисла как плеть, голова упала на высокую спинку кресла.

Гангесон и все члены церковного совета бросились к нему, подняли шум, распахнули настежь окна. Епископ открыл глаза и чуть слышно промолвил:

— Отведите меня... Я полежу немного...

XXX

Армия Хвостикова медленно поднималась по тропе вдоль Малой Лабы к перевалу Аишхо. Солдаты еле плелись за повозками и крытыми брезентом фургонами.

В задке тачанки лежала Нина Гавриловна, все еще не приходившая в сознание. Хвостиков в тягостном забытьи покачивался рядом с кучером на облучке. Забинтованная левая рука его висела на перевязи. За тачанкой, ведя коней в поводу, шагали Баксанук и Дауд. Впереди двигался Лука с карательным отрядом.

К вечеру раненой стало хуже. Она громко стонала,

металась в горячке. А с заходом солнца скончалась. Хвостиков снял папаху, перекрестился и, ничем не выказывая душевную боль, отдал распоряжение похоронить жену.

Под кустом колхидского плюща саперы вырыли могилу, завернули покойницу в парусину и рогожу, прогремел погребальный винтовочный залп. Остекленевшими глазами Хвостиков смотрел, как тело жены опустили в яму, как на рогожный саван посыпались комья земли.

Саперы быстро работали лопатами. Над могилой вырос небольшой холмик с крестом из неотесанного ясеня. Несколько минут Хвостиков стоял недвижимо у могилы, затем поднял руку, и армия двинулась в путь...

Утром в устье притока Пслух, у минеральных источников, передовые ее части встретились с дозорными кавалерийской бригады генерала Улагая, и хвостиковцы устроили привал в пихтовом лесу на берегу Мзымты.

Хвостиков нервно похаживал под скалой отрога Псешхо, с досадой вспоминал о тех натянутых взаимоотношениях, которые создались между ним и Улагаяем в дни высадки врангелевских десантов на Кубани. Глаза его то устремлялись в ту сторону, откуда должен появиться Улагай, прибывший к нему на помощь, то скользили по крутым прибрежным скалам.

Когда Улагай показался наконец на мосту через Пслух в сопровождении конной сотни, Хвостиков двинулся ему навстречу.

— Ну, вот мы и встретились, — улыбнулся Улагай, крепко пожимая руку Хвостикову.

— Да... — невесело отозвался Хвостиков. — Встреча довольно печальная.

Дауд принес ведро минеральной воды, поставил на валун, служивший столом. Хвостиков зачерпнул кружкой воды, подал Улагаю.

Улагай поднес к носу воду, воскликнул:

— Какая сила! Прямо дух забивает.

— На то она и называется «царской», — заметил Хвостиков и, осушив свою кружку, поинтересовался: — А вы давно на побережье?

— Нет, — мотнул головой Улагай. — Два дня тому назад я прибыл в Гагры и после встречи с Султан-Клыч-Гиреем и Крым-Шамхаловым решил выйти через Рицу вам на помощь.

— За помощь большое спасибо! — сказал Хвостиков. — Вы прибыли как нельзя кстати.

— Что с вашей рукой? — спросил Улагай.

— Пустяки, — отмахнулся Хвостиков. — Заживет. В душе рана — та пострашнее. Не знаю, справлюсь ли с ней. Разгром армии... и жену потерял...

Улагай сочувственно вздохнул:

— Да, слишком много испытаний выпало на нашу долю в это смутное время.

* * *

В двенадцатом часу войска снялись с бивака, двинулись в путь. Узкая долина Мзымты постепенно начала расширяться, и наконец на фоне живописных склонов Аибги открылись постройки Рудника.

Лука остановил коня, посмотрел в бинокль.

— Доложи главнокомандующему, что в поселке красные, — сказал он связному.

Тот наметом пустился в обратную сторону. Лука приказал всадникам спешиться, залечь на берегу Мзымты. Придерживая на боку саблю, он взбежал на небольшую скалу и начал вести наблюдение за Рудником.

Хвостиков решил атаковать красных в лоб.

Лука вместе с казаками, крадучись за кустами, пошел в наступление.

Улагай со своими конниками взял правее, в обход Рудника, чтобы на перевале Псеашхо соединиться с двумя хвостиковскими кавалерийскими полками, отступавшими с Кубани по Уруштену, и с ними правым флангом выйти на Красную Поляну.

Под Рудником завязалась перестрелка с заставой Ахтарского батальона. Чоновцы отошли к селению Эстосадок, но попали в окружение и почти все полегли в рукопашной схватке. Лишь одному Шмелю удалось скрыться.

Бойцы двух эскадронов Ахтарского батальона занимали оборону на северо-восточной окраине Красной Поляны.

Аншамаха, как горный жаворонок, забрался на ветку каштана и внимательно оглядывал местность.

Под каштаном стоял Метеор.

И вдруг Аншамаха увидел Шмеля, выбежавшего на дорогу из молодого березняка. Он мчался, перепрыгивая через рывины. Аншамаха понял — случилось недоброе,

быстро спустился с каштана, побежал навстречу Шмелю.

— Где остальные? — крикнул он на бегу.

Задыхаясь, Шмель сообщил о разгроме заставы.

Аншамаха приказал коноводам увести всех лошадей к Греческому мосту на Мзымте, а чоновцам приготовить к бою. Бойцы залегли в укрытиях, за бревнами, замшелыми заборами и плетнями.

Из зарослей появились хвостиковцы, открыли стрельбу и с криками бросились в атаку.

Ахтарцы повели ответный огонь, но не выдержали напора, дрогнули, пустились в бегство. Аншамаха высоко поднял карабин, преградил им путь:

— Стойте, братцы! Стойте!

В это время с правого фланга в поселок ворвалась конница Улагая и начала рубить растерявшихся чоновцев.

XXXI

Колонны хвостиковцев и улагаевцев запрудили узкие улицы. Обозы с продовольствием, снаряжением и беженцами размещались на высоком берегу Мзымты.

Карательный отряд остановился неподалеку от «царского домика»¹. Сюда же пригнали пленных, среди которых оказался и Аншамаха. В разорванной рубашке, в сбившейся на лоб шляпе, он с ненавистью смотрел на конвойных.

Лука медленно прошелся вдоль шеренги пленных. Черная ряса придавала ему какой-то особо устрашающий вид, и он походил на грифа, высматривающего добычу.

У домика, в тенистой аллее, сопровождаемый Баксануком и Даудом, показался Хвостиков. Его встретил Улагай, взял под локоть:

— Прошу в дом, Алексей Иванович.

К ним подошел Лука, доложил о пленных.

— Пусть подождут, — устало бросил Хвостиков.

На втором этаже, в просторном зале, генералы расселись за круглым столом.

Из соседней комнаты вышла молоденькая девушка с подносом в руках. Она проворно расставила на столе

¹ «Царский домик» — здание построено в 1901 году на случай приезда царя в Красную Поляну поохотиться на диких зверей.

тарелки с закусками, две бутылки, рюмки и, поблескивая темно-серыми глазами, промолвила:

— Угощайтесь, пожалуйста!

Улагай ласково потрепал ее по плечу:

— Умница, умеешь угощать. Как же тебя зовут?

— Антонина Демьяшкевич,— ответила девушка, застенчиво теребя край черного фартука.

— Это дочь одного ветеринарного фельдшера,— пояснил Хвостиков.— Сама пришла к нам, добровольно.

— Какая молодчина! — воскликнул Улагай.— К тому же истинная красавица... Сколько же тебе лет?

— Пятнадцатый пошел,— ответила девушка.

Улагай восхищенно смотрел на ее лицо, на темно-каштановые волосы, гладко причесанные на пробор, на тугую косу с черным бантом.

— Что же ты не садишься, Тоня? — спросил он.— Пообедаем вместе. Рюмочку виски выпьешь?

— Спасибо,— улыбнулась Демьяшкевич, села за стол, чокнулась с генералом и осушила рюмку до дна.

— Да, здесь чудесно,— заметил Улагай, прижавшись за жареную оленину.— Будто никаких бед не было.

— Ах, оставьте! — вырвалось с раздражением у Хвостикова.— Куда уж хуже!

— А я думаю, что мы еще повоюем! — неожиданно встала Демьяшкевич.— Создадим в горах отряды и пойдем громить Советы!

— Правильно, Тоня! — поддержал ее Улагай.— Главное — не терять веру в победу!

— А я не разделяю ваш оптимизм,— угрюмо заметил Хвостиков.— Мы разбиты, сердца опустошены. Спасаемся позорным бегством. А дальше что? Скитания по чужбине? — Он выпил виски, откинулся на спинку кресла и обернулся к Улагаю: — Вам проще. Говорят, у вас родственники в Константинополе.

— Да,— подтвердил Улагай.— Старший брат. У него там недалеко от города своя дача «Мандра» и лесные разработки. Да и жену я туда сейчас переправил.

— Значит, вам чужбина не страшна,— усмехнулся Хвостиков.— А вот нам...

— Полноте, генерал, терзаться мрачными думами,— прервал его Улагай.— Запад не потерпит существования Советской России. Смею вас уверить, что уже готовится новый поход против большевиков. Мой брат, например, организовал у себя на даче школу для подготовки раз-

ведчиков-диверсантов. А в Константинополе имеется белогвардейский центр, который занят разработкой планов нападения на Советы... с кубанского плацдарма.

— Это хорошо! — воскликнула Демьяшкевич.

Хвостиков с усмешкой покосился на нее:

— Ты девочка все видишь в романтическом свете, а действительность — сплошной мрак. За нами гонится смерть, и, возможно, сегодня она настигнет нас.

Вошел Дауд, вскинул руку к папахе:

— Гаспадин генерал-майор! Моя привела большевик кыз — девчатка.

— Веди, — распорядился Хвостиков.

Дауд шмыгнул за дверь и тотчас ввел Марьяну Казакову. Хвостиков встал, взял ее за подбородок и, приподняв голову, заглянул в голубые глаза.

— Большевичка?

Казакова молчала. Улагай внимательно присмотрелся к ней и наконец узнал:

— Да это же дочь покойного войскового старшины из Приморско-Ахтарской Никиты Гавриловича Копотя. — Он медленно поднялся, подошел к пленнице: — Ты как сюда попала?

Казакова не ответила. Демьяшкевич с любопытством поглядывала то на нее, то на генералов.

— Ну? — Улагай встряхнул Казакову за плечи. — Почему очутилась у красных?

Демьяшкевич ободряюще улыбнулась пленнице

— Не бойся, говори. Тебя никто не тронет.

— Пожалуй, мы оставим ее у себя, — заявил вдруг Хвостиков. — Увезем в Константинополь...

— Нет, нет! — закричала Казакова. — Отпустите меня! Меня ждет дома мама. Она с ума сойдет!

— Как же ты доберешься туда? — спросил Улагай. — Кругом красные.

— Отпустите, Христом-богом прошу, — взмолилась со слезами Казакова. — Красные не тронут меня.

— Ах, вот как! — Улагай зло прищурился. — Выходит, своя у них?

Казакова громко заплакала:

— Пошла с ними... Боялась, что маму не пощадят

— Схитрила, значит?

Казакова, заливаясь слезами, кивнула.

Глаза Улагая подобрели. Подумав немного, он сказал Хвостикову

— Пожалуй, ее надо отпустить. Копоть служил нам верой и правдой.

— Спасибо, спасибо, господин генерал!

Хвостиков окликнул Дауда, распорядился:

— Отведи ее в штаб.

Генералы вернулись к прерванному обеду, но тут в зал влетел начальник разведки и доложил, что красные заняли Рудник и движутся к Красной Поляне.

— Надо немедленно уходить! — сказал Улагай.

— Как быть с пленными? — спросил начальник разведки.

— В расход! — ответил Хвостиков.

Колонну пленных погнали к морю. Все чоновцы парно, рука за руку, были связаны телефонными проводами. Вокруг них, держа шашки наголо, шагала усиленная охрана. Впереди шел Лука. Аншамаха находился в середине колонны.

На шестой версте, миновав Греческий мост, колонна потянулась вдоль края семисажженного обрыва, нависшего над бушующим потоком. Как только она поравнялась с водопадом «Девичьи слезы», Лука подал сигнал, и конвойные начали рубить пленных. Аншамаха рванулся в сторону, потянув за собой привязанного к нему чоновца, закричал:

— Товарищи, за мной!

И прыгнул с обрыва. Ударившись о камни и не чувствуя боли, он вскочил на ноги.

Чоновец, видимо, оторвался на лету, потому что рядом его не оказалось. Хвостиковцы открыли огонь с обрыва. Аншамаха бросился в реку и, лавируя меж огромных валунов, защищавших его от пуль, перебрался на противоположный берег Мзымты, скрылся в лесу.

Чоновцы, следуя его примеру, тоже начали прыгать с обрыва, но мало кому удалось спастись.

Угасало солнце. По скалистым склонам гор, по макушкам вековых сосен и дубов, крадучись глубокими ущельями и ериками, на землю спустилась, дохнула прохладой тревожная ночь. Над рекой за клубились белые вороха тумана.

На передовой заставе красных, под голой скалой, вспыхнул костер. Испуганно заметались, затрепетали на

кустах и деревьях ночные тени. Неподалеку сердито шумела Мзымта, беспокойно качал своими мохнатыми шапками лес. Зябко ежась, Шмель сел у костра, с тоскою уставился на огонь.

В кустах, облитых светом костра, затрещал валежник. Бойцы схватились за оружие. Но из темноты донесся знакомый голос:

— Отставить!

На освещенное место вышел Аншамаха — оборванный, промокший до нитки.

— Ой! — невольно вскрикнул Шмель. — Дядя Тереша! — И, бросившись вперед, спросил с надеждой: — А где же Марьянка?

— Как, разве она, это самое... не с вами? — помрачнел Аншамаха.

На ресницах Шмеля блеснули слезы:

— Нет ее... Говорил же ей, беги...

— Куда же она могла деться? — задумался Аншамаха. — Среди пленных ее не было.

Он сел к огню, чтобы просушить одежду.

— Как же это вам посчастливилось вырваться? — обратился к нему пожилой боец.

— Сам не пойму! — Аншамаха медленно обвел взглядом знакомые лица бойцов. — Просто не верится, что опять с вами. Какие же части тут поблизости?

— Под горою — отряд Ропота, — ответил кто-то хриплым басом.

— А кавбригада Демуса где?

— На горе Ахцу, — сообщил Шмель. — У Троицкого монастыря оборону занимает.

Аншамаха, поднимая поочередно руки, продолжал сушить над огнем рубашку. Волосы свисали на лоб прядями. Шмель свернул сигарку, подал ему:

— Закуривайте, дядя Тереша!

Аншамаха взял горящую чурку, прикурил. От табачного дыма на душе вроде стало легче. Шмель вынул из шапки иголку с ниткой, сказал:

— Дайте я зашью вашу рубашку.

Аншамаха подставил плечо. Шмель склонился над ним и, зашивая разорванные места, заметил:

— А на спине целый шмат выхватили песиголовцы.

Аншамаха взглянул на него, спросил:

— А ты, это самое... знаешь, что такое песиголовцы?

Шмель пожал плечами:

— От мамани чул слово такое.

— Песниголовцы — это получудовища, — пояснил Аншамаха. — Голова у них песья, с одним большим глазом на лбу, а туловище людское. Когда-то жили в Кавказских горах.

— И что они делали тут? — поинтересовался кто-то.

— Разбоем занимались, — ответил Аншамаха. — Сказ про них у горцев есть. Говорят, были те песниголовцы людоедами. Ну, вроде хвостиковцев.

— Это правда? — спросил Шмель с присущим ему любопытством и наивностью.

— Сказка это, понимаешь? — пояснил Аншамаха, помолчал минутку и заключил: — Хвостиковцы куда больше песниголовцев лютуют. Кровь людская рекою льется. Видел я, что они учинили за Красной Поляной. Такое во век не прощается.

XXXII

Под нажимом вороновской кавбригады и отряда Юдина белые спозаранку покинули Красную Поляну и двинулись на Адлер. У водопада «Девичьи слезы» наткнулись на заградительный огонь заставы Шмеля.

Пятеро храбрецов долго сдерживали неприятельские силы. Со скалы, где находились Шмель и его боевые друзья, далеко просматривалась дорога, тянувшаяся по правому высокому берегу Мзымты. Белым некуда было деваться в узком ущелье. Справа — горы, слева — река и горы. Оставалось одно: прорываться сквозь губительный огонь заставы. Группа белогвардейских всадников попыталась было наметом пойти вперед, но, попав под пули и потеряв несколько человек убитыми, вынуждена была вернуться.

Когда на заставе кончились патроны, Шмель начал отходить к горе Ахцу, где заняла боевые позиции бригада Демуса.

На реке Кенше стояла вторая застава Ропота Чоновцы, поджидая врага, залегли за камнями и в расщелинах скал. Ропот сидел на каменном барьере недалеко от туннеля, дымил сигаркой и неотрывно глядел на дорогу идущую из Красной Поляны. Над его головой тихо шелестела листва вековой липы, росшей у самого края обрыва. Внизу бурлила пеннистая река. Место для засады было выбрано удачно, и все же Ропот опасался, что он

не сможет долго продержаться здесь, если враг пойдет в обход. Правда, он никому не высказывал своих соображений, наоборот, подбадривал бойцов.

Из-за горы вынырнули два вражеских всадника. Ропот понял, что это разведчики, припал к липе, дал знак приготовиться к бою. Разведчики ехали медленно, сторожко оглядываясь по сторонам. Ропот выстрелил. Пуля сшибла переднего всадника, второй, развернувшись, скрылся за горой.

Вскоре показался головной конный отряд. Не доезжая до туннеля саженей двести, кавалеристы спешили и, завязав перестрелку, начали обходить заставу. Малочисленному отряду Ропота обороняться становилось все труднее. Пули градом стучали о камни, разили красных воинов. Кольцо вокруг заставы смыкалось. Ропот дал команду отходить к туннелю: другого пути не было.

Белые прекратили стрельбу. Вперед на вороном коне выехал Лука.

— Эй, вы! — закричал он. — Предлагаю сложить оружие. Сопротивление бесполезно.

Рядом с его головой в скалу ударила пуля. Лука поспешно рванулся за гору, а минуту спустя белые конники ринулись в атаку. В упор им грянул дружный залп. Всадники смешались и, оставив на дороге убитых и раненых, повернули обратно.

За первой атакой последовала вторая. Кавалеристы бешеным галопом неслись вперед. Новый залп нанес им значительный урон, но не остановил атакующих. Лошадиные морды с выпученными глазами и свирепые лица всадников стремительно надвигались на чоновцев. Прогремело еще два залпа. Огонь и на этот раз не остановил конников. Чоновцы дрогнули, сорвались с места.

— Стойте! Вперед, за мной! — призывно закричал Ропот и ринулся навстречу врагу.

Началась отчаянная схватка пеших и конных.

На шоссе, под нависшей бурой скалой «Пронеси господи», со стороны Троицкого монастыря, показалась пулеметная тачанка. Не доехав до туннеля шагов полтора, она развернулась. Из-за «максима» выглянула Аминет, процедила сквозь зубы с досадой:

— Джаур! Опоздала Стрелять больше своих перебежь

Кучер крепко натянул вожжи, сказал

— Да, плохи дела. Надо мотать отседова, подмогу кликать.

— Давай скорее! — махнула рукой Аминет.

Кучер во весь опор погнал лошадей к кавбригаде Демуса.

А на узкой дороге, вьющейся под скалами у самого обрыва, все еще продолжался ожесточенный бой.

Ропот едва успевал отбиваться от хвостиковцев. Меткими выстрелами он сразил трех верховых и, увернувшись от сабли четвертого, прыгнул с двухсаженного обрыва на камни, скатился к реке. Тут на него навалились казаки, пробиравшиеся к туннелю понизу, прижали к земле, скрутили руки.

Двадцать одного чоновца схватили в этом неравном бою. Их выстроили в шеренгу вдоль обрыва. По краям шеренги стояли каратели с обнаженными саблями. В тени липы, на том самом месте, где полчаса назад сидел Ропот, теперь уселся Лука.

По дороге двигалась кавалерия. Проезжая мимо пленных, казаки улюлюкали, пускали в ход плети.

Когда конница скрылась за туннелем, Лука приказал раздеть пленных. Два дюжих карателя сорвали одежду с командира, подвели к обрыву. Лука взмахнул саблей, и голова казненного ударилась о каменистый косо гор. Второго чоновца постигла та же участь.

К обрыву подвели Ропота. Сердце его бешено стучало, в голове лихорадочно вихрились мысли. Оскалив зубы, Лука ударил его саблей, но в этот момент Ропот сильно наклонился, подался туловищем вперед, чем значительно ослабил режущий удар. Сабля второй раз прошла по левому боку и левой руке. Истекая кровью, Ропот упал с обрыва на еще теплый труп товарища и, медленно повернув руку, откатился в сторону. Лука выхватил из кобуры наган, хотел пристрелить Ропота, но, увидев, как судорожно дернулось его тело, скомандовал:

— Давай следующего!

Ропот не шевелился. Сознание было ясное, хотя от жгучей боли в шее, боку и руке темнело в глазах. Навверху, у старой липы, продолжалась расправа. Каратели подводили чоновцев к монаху, который с остервенением рубил их саблей. Лицо этого палача в рясе глубоко врезалось в память Ропота.

По дороге снова потянулась конница. Это была кавбригада Улагая. Проезжая мимо места казни, белогвар

дейцы равнодушно поглядывали на окровавленные трупы, лежавшие под обрывом.

На расправу пригнали вторую партию пленных из семнадцати человек, среди которых был и Шмель. Их также выстроили тут же, у обрыва.

Вскоре с ними поравнялся обоз. На телегах сидели бабы с ребятишками, бородачи-казаки. Шмель провожал их растерянным взглядом, то и дело вытирая пот с лица. Светло-серая черкеска его была распахнута, белая кубанка сбилась к уху.

За обозом следовала сотня верховых казаков. Впереди на гнедом кабардинце ехала Демьяшкевич. Она вдруг осадил коня перед Шмелем, спросила:

— А ты как сюда попал, хлопчик? Нехристь, что ли?

Шмель метнул на нее свирепый взгляд из-под нахмуренных бровей.

— Пошла к черту!

Демьяшкевич злорадно захохотала и, указав на него глазами, обратилась к казакам:

— Бачите, який бравый казак с гамселями злыгался! С гамселями и подохнет, как собака.

Шмель уже не видел и не слышал ее. Его взгляд был прикован к тачанке, на которой рядом с генералом сидела Марьяна, держа в руках букет полевых цветов. Шмеля словно ударило электрическим током, и он закричал изо всей силы:

— Марь-я-ян-ка-а! Марь-я-ян-ка-а!

Демьяшкевич оборвала смех, как-то оторопела и, толкнув коня каблуками, пустилась догонять сотню.

Марьяна испуганной серной метнулась с тачанки, подбежала к Шмелю, схватила его за руку.

— Юня, милый! — И потащила за собой. — Бежим, Юня, бежим!

В эту минуту издали донесся голос Луки:

— Давай сюда!

Конвойные, толкая пленных прикладами, погнали их к липе.

Шмель и Казакова держались за руки, бежали к туннелю. Хвостиков, сидевший на тачанке, молча, с усмешкой смотрел им вслед.

Лука мельком взглянул на него, затем выхватил саблю и помчался за беглецами.

Они успели уже проскочить туннель и вдруг оказались перед постовым, стоявшим на дороге.

— Стой! — закричал тот, вскидывая винтовку.

Шмель рванулся влево, к краю обрыва, крикнул отчаянно:

— Прыгаем, Марьяночка, прыгаем!

Но Лука ястребом налетел на них, занес саблю... Казакова упала на колени и, охватив ноги любимого, крепко зажмурила глаза. Шмель увидел озверелое лицо палача, замер от ужаса...

Из туннеля с жалобным стоном вырвался сквозной ветер. Подхватив предсмертные крики Марьяны и Юньки, он понес их вдаль над угрюмыми, острыми утесами

XXXIII

Казненные чоновцы и красноармейцы лежали на берегу Мзымты. Склоняясь над ними, липа печально качала длинными ветвями, роняла с зубчатых листьев обильную, как горячие слезы, росу.

А белогвардейская конница все еще тянулась по зигзагам дороги, все шла и шла мимо липы и порубанных красных бойцов, скрывалась в туннеле.

Но вот проскакала последняя сотня, смолкла густая дробь лошадиных копыт.

С трудом оторвал Ропот голову от земли. Превозможная страшную боль в разрубленной до позвоночника шее, он поднялся на ослабелых руках, встал, сделал неуверенный шаг, другой и побрел по берегу в сторону Кепши. Временами опускался на валуны, чтобы передохнуть, потом шел дальше.

Приблизился к селу. В окнах горели огни. Здесь стояли хвостиковцы. Не замеченный часовыми, Ропот перешел дорогу, углубился в лес, но идти дальше не было сил. Перед рассветом он вернулся в село и, собрав последние силы, забрался на чердак окраинного дома. На его удачу, в этом доме жил отец партизана — Михаил Макаревич с женой Ефросинией Романовной.

Утром хозяйка вышла на крылечко.

— Мамаша! — донесся до нее слабый, приглушенный голос.

Ефросиния Романовна вздрогнула, подняла голову. В дверцах чердака стоял на коленях голый окровавленный человек, поддерживающий за подбородок свою голову. Ефросиния Романовна остолбенела от ужаса. Сначала

ла ей показалось, что это ее старший сын Владимир, ушедший в партизанский отряд, но затем поняла, что ошиблась. В это время в улице появилось несколько верховых белогвардейцев.

— Ой, беда! — тихо воскликнула Ефросиния Романовна и, видя, что казаки приближаются, зашептала: — Прячься, сынок!..

Ропот кое-как заполз в глубь чердака и зарылся в сено.

К ночи хвостиковцы ушли из села, и как только в улицах установилась тишина, Макаревич поднялся на чердак. С помощью жены он перенес Ропота в дом. Раненый выглядел ужасно: на боку сквозь запекшуюся кровь виднелись реберные кости.

— Не выживет, бедолага! — тяжело вздохнул Михаил Иванович. — И как у него силы хватило на горище по такой крутой лестнице подняться?

— А может, и выживет, — неуверенно промолвила Ефросиния Романовна.

Она нагрела воды, промыла раны вначале теплой водой, потом керосином и, разорвав на полосы полотняную простыню, забинтовала их.

— А теперь одень его и уложи на кровать в боковушке, — сказала она мужу. — Лишь бы только беляки-душегубы не вернулись.

— И такое может случиться, — заметил Михаил Иванович. — Пусть лучше на горище полежит.

Утром в родительский дом тайком наведаясь сын Владимир. Узнав о раненом красноармейце, которого пригрели отец и мать, он посоветовал:

— В лес его надо отправить — хвостиковские бандюги еще шныряют по селам. Найдут его здесь — прикончат, да и тебя с матерью не пощадят.

Вечером Михаил Иванович с сыном отнесли Ропота далеко в лес, спрятали в шалаше на дне кустистой балки. Дважды в день Ефросиния Романовна навещала его, кормила и поила, врачевала его раны травами.

* * *

Из меньшевистской Грузии на помощь Хвостикову и Улагаю двинулись войска под командованием Султан Клыч-Гирея и Крым-Шамхалова. Они внезапно ударили по 273-му полку, стоявшему в Адлере, отбросили его к

селению Широкий Покос и заняли позицию на реке Хосте. Красные тремя группами закрепились на противоположном берегу, у Белых скал, и на левом берегу Большой Хосты.

Тем временем 3-я Отдельная казачья кавбригада и чоновский отряд Юдина полностью овладели Красной Поляной. Там уже шли слухи о том, что жители Кепши прячут в лесу какого-то раненого красного бойца. Воронов немедленно послал за ним Лаврентия Левицкого. Тот взял с собой Мечева и Вьюна, отправился линейкой в путь.

Въехав в село, он окликнул мальчугана, бежавшего по улице, и спросил:

— Кто тут у вас про раненого бойца знает?

— До дядька Михайла Макаревича погоняйте, — ответил мальчишка и вскочил на подножку линейки — Я покажу где.

Линейка остановилась у калитки небольшого двора, обнесенного штaketником. Из дома вышла Ефросиния Романовна, спросила настороженно:

— Вам кого?

— Макаревича! — ответил Левицкий. — Про раненого хотим спросить. — И, видя, как испуганно побледнела женщина, добавил: — Да вы не бойтесь. Красные мы, не беляки.

Ефросиния Романовна вышла на улицу:

— Нет у нас бойца вашего. В горах он.

— Ну, так поехали к нему, — сказал Мечев.

— Подождите, я сейчас, — забеспокоилась Ефросиния Романовна, поспешила в дом и сию же минуту возвратилась, закутываясь на ходу в черный полушалок, села на линейку. — Поехали... — На ее глазах выступили слезы, и она добавила: — Ох, и порубили же каты лютые беднягу! Не знаю, как он еще живет.

— Большевики — народ крепкий, — трогая лошадей кнутом, заметил Левицкий. — И в огне не горят, и в воде не тонут.

* * *

Ропот лежал в шалаше на свежем сене, застланном рядом. Лицо его отекло, заросло густой щетиной. Шея, плечо, бок и рука были перевязаны холстяными бинтами. Под шерстяным одеялом ему было тепло, хотя и стояли в лесу холодные осенние ночи. Много передумал за эти

дни Ропот. Перед его мысленным взором почти неотступно стояла страшная картина казни у обрыва, на берегу Мзымты. И особенно явственно виделся монах в черной рясе, с окровавленной саблей.

«Выжить бы, найти этого палача, — думал Ропот. — Отомстить патлатому за головы друзей!» Сегодня он впервые почувствовал себя лучше. Лес, пронизанный лучами солнца, был по-летнему наполнен щебетом птиц...

В это утро Ефросиния Романовна пришла раньше, чем обычно. Войдя в шалаш, сказала весело:

— А я к тебе гостей привела, Логгин!

— Каких? — взволнованно спросил Ропот.

В шалаш заглянул Лаврентий. На мгновение замер от удивления, затем вскричал радостно:

— Экая история! Ты ли это, Логгин Прокофьевич! Ну, здорово, брат!

Они пожали друг другу руки. У Ропота невольно выступили слезы. Из-за спины Левицкого глянул Мечев, воскликнул:

— И правда, наш земляк!

— Как же ты поддался душегубцам? — покачал головой Левицкий. — Бачь, как они тебя...

Ропот взглянул на Ефросинию Романовну, промолвил растроганно:

— Спасибо вам, добрая душа. Без вашей помощи был бы мне какюк.

Лаврентий и Мечев, поддерживая его под руки, осторожно вывели из шалаша. Ефросиния Романовна собрала постель, посуду, пошла за ними.

XXXIV

В Сочи началась поспешная эвакуация учреждений. Узнав об этом, Демус приказал 4-му Кубанскому полку немедленно отправиться из Воронцовки в Сочи, приостановить эвакуацию из города, двинуться к Хосте и, соединившись с 273-м полком, задержать противника.

В полночь 4-й Кубанский прибыл в Сочи. Над городом висела сырая тьма. К станции шумно, в панике двигались люди с узлами на плечах, подводы, груженные домашним скарбом.

Прибытие подкрепления внесло успокоение. Паническая суета прекратилась.

Под утро командиры красных полков встретились в деревне Раздольной. Состоялся совет, на котором было принято следующее решение: 4-й Кубанский полк выйдет во фланг противнику, соединится с батальоном 273-го полка, отступившим с грузинской границы на селение Широкий Покос, и, развернув наступление, отбросит белогвардейцев к морю. Тем временем красноармейская пехота обрушится на противника в районе Хосты, и таким образом белые окажутся в окружении.

Выполняя это решение, 4-й Кубанский полк двинулся в горы, чтобы выйти на Широкий Покос. Вперед был выслан эскадрон разведки.

В первой половине дня разведчики достигли Широкого Покоса и увидели там неравный бой. Небольшая группа красноармейцев отстреливалась с вершины горы, на которую лезли белогвардейцы карательного Карачаевского конного полка под командованием полковника Крым-Шамхалова. У оборонявшихся был станковый пулемет, и его гулкий стук разносился по всему ущелью.

Разведчики срочно донесли об этом командиру кубанцев, но, когда полк прибыл на место боя, вершина горы была уже в руках белогвардейцев, и только с маленькой площадки голого пика еще продолжал строчить пулемет, сдерживая натиск белых.

Полк спешил, атаковал гору и после непродолжительного, но довольно упорного боя овладел вершиной. Командир с несколькими красноармейцами поднялся на площадку к пулемету и был поражен, увидев у «максима» не мужчину, а женщину. Она лежала ничком и плакала навзрыд. Бойцы хотели поднять ее, но командир остановил их, тихо сказал:

— Пусть поплачет.

К нему подбежал Мечев, торопливо доложил:

— Товарищ комполка! Нас окружают.— И указал в ущелье, где двумя цепями двигались белогвардейцы в английском обмундировании.

Пулеметчица подняла голову, вытерла слезы. Взгляд ее вдруг остановился на Мечеве, стоявшем к ней спиной, и он, словно почувствовав на себе ее взгляд, обернулся к ней, вскрикнул, ошалев от радости:

— Аня!

— Дорогой! — Аминет с трудом встала.

Они обнялись, расцеловали друг друга.

В иное время командир ни за что бы не потревожил их, но сейчас, в боевой обстановке, он вынужден был это сделать.

— Вот что, товарищ Мечев,— сказал он, — любой ценой надо прорваться к Юдину. Пусть немедленно идет к нам на подмогу.

— Есть, товарищ комполка! — отдав честь, Мечев прощально помахал рукой Аминет и побежал к своим разведчикам.

Было приказано занять круговую оборону.

Аминет снова припала к пулемету.

А вражеские цепи приближались то короткими перебежками, то ползком поднимались все выше по склонам горы.

В тишину ворвался громкий голос командира:

— Огонь!

Затрещали винтовочные и пулеметные выстрелы, но белые не останавливались. Теряя убитых и раненых, они упорно карабкались к вершине горы.

Командир полка поднял бойцов в атаку, первым ринулся вперед с револьвером в руке.

— Ур-а-а! — понеслось над горой.

Конная сотня красных вылетела из кустарников и врезалась во вражеские ряды.

Аминет пулеметным огнем прикрывала цепи контратакующих. И вот противники сцепились в рукопашной. Мелькали штыки, приклады.

Аминет оторвалась от гашетки, стрельнула воспаленными глазами из-за щитка. К ней подбежали два бойца, подхватили пулемет и устремились вниз. Аминет с пулеметными лентами на плечах обогнала их, очутилась среди красноармейцев, пробивших широкую брешь в цепи врага.

Вскоре обстановка изменилась. Теперь белые оказались перед угрозой окружения. Они сидели на горе, а внизу, на скалах, залегли красные.

Тем временем Мечев благополучно добрался до Белых скал, где находился отряд Юдина. Тот сейчас же выступил на помощь 4-му Кубанскому полку.

Белогвардейцы сопротивлялись отчаянно, пытались вырваться из огненного кольца, но так и не смогли. К вечеру они были разгромлены.

Утром хвостиковцы и улагаевцы соединились с бригадой Султан-Клыч-Гирея и Карачаевским полком Крым-Шамхалова, собрали свои силы на реке Кудепсте.

Из Галицыно в Молдавку впереди сотни джигитов ехал Исмаил. Здесь же находилась и Демьяшкевич. Узкая дорога тянулась по холмам и впадинам в отдалении от Мзымты, затем круто поворачивала к сталактитовой пещере, расположенной на берегу реки. Исмаил сидел на гнедом поджаром коне со звездочкой на лбу, картинно перебиравшем тонкими ногами в белых чулках. Слегка поднимаясь и опускаясь на поднятых стременах, княжич мчался по звонкой дороге, козырял белогвардейцам, попадавшим на пути. Те, в свою очередь, отдавали ему честь, провожали любопытными взглядами. Эти почести льстили самолюбию Исмаила, и он никак не мог понять, почему отец не пускал его вместе с аскерчи в бой.

«Наверное, думает, что я еще маленький, струшу, растеряюсь и не сумею воевать так храбро, как все остальные»,— досадовал он. И, стегнув коня плетью, пустился так, что полы его серой черкески затрепыхались, как крылья. Демьяшкевич всадила каблуки сапог в бока своего кабардинца, понеслась за ним. Исмаил оглянулся, закричал:

— Все равно не догонишь!

Но Демьяшкевич в несколько минут опередила княжича, громко захохотала:

— А что, не догнала?

— Это я поддался,— бросил с усмешкой Исмаил.— У нас не принято обижать девочек.

Из-за горы долетела дробь копыт, и спустя минуту два вооруженных верховых казака осадили разгоряченных коней перед Исмаилом. Один из них приложил руку к кубанке, сказал:

— Вас ждут в Вардане-Верино.

Исмаил свернул на тропу, обогнул гору и прибыл в селение.

Отец и мать сидели под ширококронным орехом за столом, пили чай. Увидев сына, Крым-Шамхалов вышел ему навстречу. Исмаил слез с коня, вытянулся в струнку:

— Разрешите доложить, ата?

— Докладывай, докладывай, адъютант,— улыбнулся Крым-Шамхалов.

— Поручение твое выполнил! — воскликнул Исмаил, достал из внутреннего кармана пакет, передал отцу.— Вот от генерала Хвостикова.

Крым-Шамхалов прочел письмо, похлопал сына по плечу:

— Молодец, теперь я верю, что ты настоящий джигит.

— Что пишет генерал? — спросила Анна Петровна.

— Через час будет здесь,— ответил Крым-Шамхалов и, взглянув на Демьяшкевич, спросил сына: — А это что у тебя за Лесовичка?

— Не видишь? — дернул плечом Исмаил.— Девушка... служит у генерала Хвостикова.— И, помолчав немного, протянул просительно: — Ата, ты теперь отпустишь меня на передовую?

— Спросись у матери,— ответил отец.

Исмаил обратил молящий взгляд на мать:

— Ну пусти, мама!

— Не смей даже думать об этом! — решительно возразила Анна Петровна.

Исмаил покраснел, буркнул обиженно:

— Не смей, не смей... Вот возьму и убегу к солдатам. Анна Петровна гневно взглянула на мужа:

— Мурзакула, ты слышишь, что он говорит?

— Как видишь, я ничего не могу сделать,— сказал отец сыну.— Материнское слово для тебя закон.

Исмаил готов был сквозь землю провалиться, увидев на губах Демьяшкевич насмешливую улыбку.

XXXV

1-й Афипский полк занимал позиции в Широком Покосе, неподалеку от Белых скал, и правым флангом соприкасался с 4-м Кубанским полком.

Аншамаха привез на бедарке два мешка яблок, высыпал их в кучу на открытом месте. Отведя Метеора в укрытие, он лег в тени скалы невдалеке от яблок, закурил.

Со всех сторон к яблокам сбегались красноармейцы.

- Товарищ командир, разрешите отведать? — обратился один из них к Аншамахе.

— А чего спрашиваешь? — отозвался Терентий. — На то и привез.

Внезапно в воздухе взвыл снаряд и угодил в яблоки. Раздался оглушительный взрыв, в небо поднялся столб дыма.

Когда Виктор Левицкий примчался с Бьюном на место происшествия, у скалы в ряд лежали трое: два красноармейца и Аншамаха. Медсестра перевязывала раненых бойцов.

— Вот трое убитых... и раненые, — доложил пожилой старшина Виктору. — Из-за проклятых яблок. На свою погибель привез командир.

Вьюн испуганно глядел на Аншамаху и, не сдержав слез, пробормотал:

— Эх, дядя Гереша! Как же это вас...

Виктор снял шапку. Сердце его зашлось от боли. Не хотелось верить, что Аншамаха — его славный боевой друг, тот, который всегда был первым в самых страшных атаках, — и вдруг погиб такой нелепой смертью.

Но на войне бывает всякое.

Тут же, за скалой, на небольшой поляне, вырыли шашками могилу...

А полчаса спустя был получен приказ о наступлении. 1-й Афипский полк пошел в атаку на Карачаевский и вынудил его отступить. На соседних участках 12-я кавдивизия Демуса, 4-й Кубанский и 273-й полки также значительно потеснили противника.

* * *

Аншамаха очнулся в кромешной тьме. Что-то сильно давило ему грудь, и он испытывал такое чувство, будто находится в горячо натопленной бане, в пару. Подумал, что это его засыпало землей во время взрыва снаряда. Правая рука совсем не двигалась. Земля душила его, сыпалась в рот, нос, уши.

Аншамаха напряг все силы, начал выбираться наружу и, наконец почуяв струю свежего воздуха, несколько минут пролежал на левом боку, затем снова принялся разгребать землю. С большим трудом ему удалось высунуть голову на поверхность. Только теперь он понял, что не просто засыпан, а похоронен, что его, видимо, посчитали убитым. Вначале Аншамахе показалось, что он ослеп, но затем увидел в черном небе Большую Медведи-

цу. Он вскочил на ноги и тут же упал, полез на четвереньках к каким-то движущимся силуэтам, похожим на людей. Остановился, присмотрелся внимательно. Убедившись, что это были подсолнухи, пополз дальше. Страшно мучила жажда. К счастью, по пути попался баштан. Аншамаха съел арбуз и через некоторое время выбрался к реке. Обмыл лицо от сухой пыли. Здесь же, в лозняке, случайно наткнулся на грабли и на кучу новых кожаных подошв. Грабли он взял в качестве костыля и сунул за пазуху несколько подошв.

Постепенно начал разгораться восток. Сквозь дымчатые хлопья утреннего тумана все явственнее проступали горы, одетые в осенние желто-багряные леса.

Аншамаха медленно ковылял по дороге, опираясь на грабли. Он не заметил, как за его спиной появились два всадника. Один из них преградил дорогу, прокричал:

— Кто такой? Куда идешь?

Аншамаха ничего не слышал и только сейчас понял, что оглох. Всадник угрожающе схватился за саблю. Аншамаха увидел на гриве коня красную ленточку, с трудом проговорил:

— Товарищи, я из 1-го Афипского полка...

Всадники спешились, помогли ему сесть на лошадь и повезли в свою часть.

Дорога шла круто вниз, где стоял большой обоз. Солнце припекало. И Аншамаха чувствовал, как от зноя опять начинает мутиться сознание. Словно в тумане, он увидел бойцов, сидевших в тени под вязами. Затем свет померк в его глазах.

Пришел он в себя на линейке, которая катилась по каменной дороге вдоль горного потока.

Вьюн с красноармейцами играл в «деркача». Протрещав трещоткой, он взглянул на проезжавшую мимо линейку и остолбенел. Боец с завязанными глазами ударил его мешком, набитым сеном, но Вьюн вдруг рванулся к линейке, вспрыгнул на подножку и, вглядываясь в лицо Аншамахи, замахал руками:

— Сюда, сюда, хлопцы! Это же дядя Тереша... воскрес! Ей-богу, он!

* * *

3-я Отдельная казачья кавбригада, 14-я кавалерийская дивизия и чоновский отряд Юдина продвигались со стороны Лесного и Галицыно, теснили врага к морю

273-й полк с партизанскими отрядами преследовал хвостиковцев по Хостинскому ущелью.

Белые уже не могли оказывать организованного сопротивления и второго октября бежали в меньшевистскую Грузию. Красные в тот же день вышли к грузинской границе, выставили заставы.

В море появились корабли смешанной англо-французской военной эскадры. Они подошли к Адлеру, остановились на рейде, но боевых действий не предпринимали. Командование IX Красной армии приняло все необходимые меры для встречи вражеского десанта. Однако корабли развернулись и ушли в Пиленково, находившееся в четырнадцати верстах к востоку от Адлера. Там они начали принимать на борт остатки хвостиковской армии и кавбригады Улагая.

Левандовский и Жебрак стояли в кругу командиров и комиссаров на вершине горы в районе Молдовки, откуда в бинокль хорошо были видны вражеские корабли и паническая эвакуация белогвардейцев.

Пониже, на склоне горы, в тени каштанов сидели Виктор Левицкий с отцом, Вьюн, Мечев и сотни других бойцов I-го Афипского полка, отдыхавшие после боя. Взоры всех были обращены в сторону Пиленково.

— Ну что ж, Николай Николаевич, — сказал Левандовский, обращаясь к Жебраку. — Можно считать, что с Хвостиковым покончено?

— Да, армия его разгромлена, — ответил Жебрак. — Но в горах осталось еще много хвостиковцев.

К Демусу подбежал Зуев, козырнул и четко доложил:

— Товарищ комбриг, ваше приказание выполнено. Привел. — И он указал на Аминет, стоявшую рядом с Мечевым.

Демус подошел к ней, взял под руку.

— Ну, пошли, дивчина!

— Куда? — недоуменно спросила Аминет.

— Раз командир приказывает, значит, иди, — шутливо бросил Демус, подвел ее к Левандовскому и доложил: — Товарищ командующий, это та самая пулеметчица, про которую я говорил вам.

Левандовский пожал руку Аминет:

Так это вы и есть героиня Белых скал? Спасибо вам, девушка, от командования IX армии за исключительное мужество и храбрость.

Аминет запунцовела от смущения

— Красная Армия может гордиться такими бойцами, как вы,— продолжал Левандовский.— За отвагу, проявленную вами у Белых скал, Военный совет награждает вас орденом Красного Знамени.

Аминет почувствовала, как у нее чуть-чуть закружилась голова. Ей казалось, что все это только неповторимый сон.

Жебрак расстегнул полевую сумку, вынул из нее красную коробочку, протянул Левандовскому. Тот достал из коробочки боевой орден, прикрепил к гимнастерке Аминет.

— Поздравляю вас с высокой правительственной наградой.

Аминет взглянула на орден, зарделась еще пуще и, вытянувшись в струнку, проговорила громко:

— Служу Советской Республике!

И тут над горой прокатилось «ура». Аминет прижала орден рукой, окинула сияющим взглядом склон горы и бросилась к своим подругам. Соня обняла ее, поцеловала в щеку. Девушки затормозили Аминет, поочередно осыпая поцелуями. Мечев, широко улыбаясь, не мог оторвать восхищенного взгляда от любимой. Сердце его было переполнено чувством гордости за нее.

Лаврентий лукаво подмигнул Виктору, затем легонько подтолкнул Мечева локтем в бок:

— Невеста первостатейная, орденосная! Здорово обскакала жениха!

— Верно, дядько Лавро! — весело отозвался Мечев.— Надо и жениху подтянуться!

Левандовский подошел к Воронову.

— Жаль мне расставаться с вами, Елисей Михайлович,— сказал он с грустной улыбкой.— Но ничего не поделаешь. По приказу Реввоенсовета Республики вам теперь надлежит двигаться в распоряжение товарища Фрунзе. Здесь остается только один ваш полк — 1-й Афипский.

— Есть, товарищ командарм! — Воронов приложил руку к кубанке.

Со стороны Пиленково донесся вой сирены. Корабли англо-французской эскадры снялись с якорей, двинулись в открытое море.

ЧАСТЬ ВОСЬМАЯ

I

В Краснодольской надрывно гудел церковный колокол, настойчиво звал прихожан к заутрене. Но жители станицы спешили не на моление, а к больнице, куда должны были привезти раненого Ропота.

Там во дворе и на улице собралась уже громадная толпа станичников. В калитке, ведущей в палисадник, показался Калита со своею старухой и дочерью. Они прошли по аллее, сели на скамейку под елкой. С ними рядом присела и Белозерова.

— Говорят, и твоя дочечка придет с Ропотом, — обратилась к ней Денисовна.

— Да, — ответила Белозерова. — Он же, кажут, совсем никудышный... Присматривает она за ним.

— Не повезло бедолаге, — протянула Калита. — Перенести такое лихо, то и проче.

— И не доведи господи! — вздохнула Денисовна. — Добре, коли калекой не останется.

Белозерова взглянула на толпу.

— Люду сколько собралось! — И, помолчав, спросила: — А вы, Денисовна, почему не пошли до церкви? Там же сегодня новый поп будет править. Из Екатеринодара прислали.

— Хай ему абы ще! — махнула рукой старуха. — Нагляделась я за свой век на этих попов!

Сквозь гудящую толпу прошли Елена Михайловна Корягина и Надежда Васильевна Авсеньева. Они остановились под акацией, откуда хорошо был виден мост. После смерти сына и гибели мужа Корягина заметно изменилась. Голубые глаза ее потемнели, щеки запали, подбородок заострился.

Наконец на мосту показалась линейка. Она медленно приближалась к больнице. С одной стороны сидел Шкрумов, управлявший лошадьми, с другой — Клава Белозерова, загорелая, обветренная, а посредине на подушках, под легким одеялом лежал Ропот. Лицо его заросло черной бородой, осунулось, губы потрескались. Он глядел на родное краснодольское небо, шептал в глупо-

ком волнении: «Жив, жив! Опять дома Только бы поправиться!»

Люди бросились к линейке, но, увидев жену Ропота, пробирающуюся с ребятишками к мужу, расступились, замолкли. Шкрумов остановил лошадей. Ропот с трудом приподнял голову. Жена обняла его, заголосила. Детишки полезли на линейку, уселись рядом с отцом, закричали, как галчата:

— Папанька! Наш, родненький! — Они поочередно целовали его, жались к нему.

Жена наклонилась над ним, и слезы еще обильнее покатились по ее лицу.

— Ну чего ты, Анисья? — проговорил он ласково. — Живой ведь... Кости целые, а мясо нарастет... Вот.

Клава спрыгнула с подножки, обняла мать. Калита снял шапку перед молодой фронтовичкой, поздоровался с нею. Денисовна тоже протянула руку Клаве и с волнением спросила:

— Как же там наша Сонечка?

— Хорошо, привет вам передавала, — ответила девушка. — Скоро домой приедет.

— Дай бог, чтобы так было, — промолвила Денисовна.

Старший сынишка Ропота прижался лицом к бороде отца, шепнул:

— Папанька, а я уже в школу хожу. Надежда Васильевна — наша учителька.

— Молодец, Гришатка, молодец, — нутужно улыбнулся Ропот.

Василий Норкин распахнул ворота. Шкрумов подъехал к крыльцу. Два санитары положили раненого на носилки, понесли в больницу. За ними, вытирая слезы, направилась с детишками и Анисья.

Шкрумов окликнул Клаву:

— Мне бы вашего председателя повидать.

— Я председатель! — отозвался Норкин.

— Лошадок определить надо, — сказал Шкрумов.

— В больнице можно оставить, — ответил Норкин. —

Тут и конюшня, и конюхи есть.

Народ с шумом потянулся на улицу. Василий, указав на Шкрумова, сказал Галине:

— Надо человека покормить с дороги.

— Ни-ни! — категорически возразила Белозерова — Он приехал с Клавой и обедать будет у меня

Вместе с дочерью и Шкрумовым она завернула за угол и пошла домой. За ними направились Калита со своей старухой, Корягина и Авсеньева...

Проходя мимо двора Гусочки, Белозерова приветливо кивнула головой Василисе, повисшей на заборе и с любопытством рассматривавшей толпу людей, проходившую по тротуару. Подбежал Дурноляп, гавкнул на прохожих и завилал хвостом у ног хозяйки.

— Цибе! — Василиса пнула его ногой и поднялась на крыльцо.

В комнате она заглянула в зеркало, поправила волосы и, бросив взгляд на железный сундучок с навесным замком, стоявший у стены, устало опустилась на стул.

На дворе залаял Дурноляп. В деревянную обшивку дома кто-то постучал палкой. Василиса высунула голову из окна и, увидев старого Бородулю, сказала:

— Заходите, Влас Пантелеймонович. Дурноляпа не бойтесь. Он только гавкает.

Бородуля замахнулся палкой на пса, и тот, распугав стаю кур, скрылся в саду.

В кухне старик снял шапку, перекрестился на потемневший образ богоматери, прошамкал:

— А я к тебе, Васька, по дюже важному делу.

Василиса пригласила его в залик.

Бородуля переступил порог, сел в вольтеровское кресло, в котором любил сживать Гусочка, и, кашлянув, сказал:

— Твой покойный чоловик, царство ему небесное, как-то хвастался мне по секрету, что привез с фронта богато всякого добра. Ну, серебра, золота и другой всячины. Где это все?

Василиса оторопело вытаращила на него глаза, медленно присела на край дивана.

«Я так и знала! — мелькнуло у нее в голове. — Чего боялась, то и случилось. Разболтал, нечистый дух!» Она подобрала прядку волос, упавшую на лоб, ответила:

— Тут все, у меня... Места не нахожу из-за этого проклятого золота! Ночами не сплю, все думаю, куда бы его спихнуть.

Бородуля пожевал губами:

— А ты, ежели боишься при себе то золото держать, мне его давай.

— Ой! — обрадованно всплеснула руками Василиса. — Вск вам буду благодарна, Влас Пантелеймонович!

Берите, бога ради, с дорогой душой отдам. Ослобоните меня от муки! — И заплакала.

— Тогда я вечером забегу к тебе, — хрипловато промолвил Бородуля и приложил палец к губам: — Только ты никому про наш уговор ни слова. Чуешь?

II

Корягина распрощалась с Авсеньевой у дома попа Белугина, где поселилась после того, как хозяин его сбегал с белыми. В комнате она сняла с себя полushалок, открыла окно, выходящее на улицу. Тяжело было у нее на душе. Перед ее глазами все еще стояло изможденное, почти неузнаваемое лицо Ропота, и в памяти снова вставала страшная картина, когда Петра Владиславовича привезли с разрубленной головой...

Часто по ночам, когда одиночество было особенно мучительным, ей казалось, что вот-вот откроется дверь и на пороге появится муж, скажет, как бывало: «Я сегодня задержался, Еленька. Дай мне чего-нибудь поесть». А однажды ей послышался за окном голос Петра Владиславовича: «Еля, открой». Она сбросила с себя одеяло и громко закричала: «Сейчас!» Но тут же поняла, что это ей почудилось, и в ту ночь уже не могла сомкнуть век до утра... Долго стояла Елена Михайловна у раскрытого окна, глядела невидящим взором на церковную площадь, а мыслями уносилась в прошлое, где остались муж, ребенок, все ее радости, надежды и мечты.

Кто-то окликнул ее с улицы. Очнувшись, она увидела за дощатым забором Жебрака.

— А я к вам в гости, Елена Михайловна, — сказал он, улыбаясь. — Можно?

Корягина растерялась о неожиданности.

— Да, да, заходите, Николай Николаевич, милости прошу, — ответила она запоздало.

Жебрак вошел в дом. Увидев на глазах Елены Михайловны слезы, он сокрушенно покачал головой:

— Ну зачем вы так убиваетесь? Ведь слезами горю не поможете. Была и у меня семья... Разве у вас одной горе?

— Две смерти сразу! — задыхнувшись, еле слышно произнесла Елена Михайловна.

— Успокойтесь! — тихо промолвил Жебрак. — Имя

Петра Владиславовича не умрет. С хвостиковскими бандами мы покончили, вышвырнули с Кубани. И Петр Владиславович принадлежит к числу тех славных героев, кто приблизил эту победу. Своей доблестью он заслужил бессмертие.

С улицы донесся голос:

— Хозяйка дома?

Елена Михайловна выглянула в окно, увидела Норкина и Левандовского.

— Добро пожаловать, товарищи,— оживилась Елена Михайловна.— Мне сегодня повезло на гостей.

— Бывают гости званые и незваные,— заметил Левандовский.

— Незванным не говорят «добро пожаловать»,— ответил за хозяйку Жебрак.— Кстати сказать, у грузин есть по этому поводу отличная поговорка: «Гость от бога».

Все улыбнулись. Поздоровавшись с Корягиной, Левандовский указал на Норкина:

— Не знаю, что делать с вашим председателем ревкома. Отбрыкивается от своей должности. А вы, Елена Михайловна, как секретарь, видимо, не в достаточной мере разъясняли ему, что доверием народа не следует пренебрегать.

— Доверием я дорожу,— улыбнулся Норкин,— но какой из меня председатель? Неграмотный я, на документах вместо росписи ставлю отпечаток большого пальца

— Главное — в революционной сознательности,— подчеркнул Левандовский,— а учиться тоже надо. В станице есть ликбез, вот и посещайте его.

— Грамотой обязательно займусь,— ответил Норкин

Хозяйка предложила гостям по рюмке домашнего вина.

— Это, пожалуй, можно,— согласился Жебрак.— За победу, за погибших...

Только подняли гости по первой рюмке — в дверях появился Доронин.

— О, Павел Федотович! — бросился навстречу ему Жебрак.— Здорово, дружище! Ну и нюх, брат, у тебя: сразу учуял, где вином пахнет.

— А как же,— отшутился Доронин.— При таких обстоятельствах не грех и выпить.

Левандовский поднял рюмку, наполненную душистым вином

— Выпьем, дорогие товарищи, за победу и за тот чудесный сад, который Павел Федотович решил посадить в коммуне, — сказал он с напускной важностью.

Доронин удивился:

— Позвольте, откуда вам известно про наш сад?

— А нам, военным, все положено знать, — подмигнул Жебрак.

Доронин весело погрозил пальцем Норкину:

— Это ты, Василий Афиногенович, раззвонил. — Поставив пустую рюмку на стол, он мечтательно вздохнул: — Да, хочется, чтобы в коммуне было все: и красивые плодородные поля, и роскошный сад. Собираюсь к Мичурину, в Козлов, хочу познакомиться с его работами по выращиванию новых сортов плодовых деревьев.

— Вы слышите, товарищи, как веет миром от его речей! — воскликнул Жебрак.

— Это замечательно! — сказал Левандовский. — В коммуне и жизнь, и сад должны быть необыкновенными.

Гладко выбритое, с небольшими пшеничными усами лицо Доронина засияло улыбкой, серые, чуть сощуренные глаза заискрились.

— Да, Михаил Карлович, именно так, — подхватил он горячо.

Елена Михайловна смотрела на своих гостей и думала. «Замечательные, интересные люди!..» И на душе у нее стало значительно легче...

* * *

У двора ревкома вокруг Норкина толпились казаки, пришедшие к нему по разным делам. Пришла сюда и Левицкая.

— Чи правда, Василь, что вчера были люди оттуда, где Лавруха и Витька воюют? — спросила она.

— Да, были, — ответил Норкин, дымя сигаркой.

— Как же это я прозевала?! Хотелось порасспросить, до каких пор они блукать по свету будут.

— Виктор ваш зараз полком командует, — сказал Норкин. — Скоро в Передовую придет.

— Замучилась я дожидаючись, — вздохнула Мионовна.

К ревкому подъехала пароконная подвода, за которой в поводу шли двое коней, запряженных в плуг. На подводе сидели Калита с Галиной. Василий сел рядом с женой, спросил

— Ружье взяла?

— Тут, под сеном лежит.

— Поохочусь утречком. Может, мяса к обеду добуду.

За станицей широкая степь чернела вспаханними полосами, полыхала выжигаемыми стерней и бурьяном. Сизый дым стлался, заволакивал густой пеленою лес, овраги, безоблачное небо. Крикливые вороны стаи кружились, спускались на свежевзрыхленную почву, клевали червей.

Калита, понукая лошадей, то и дело оглядывал степь, закуренную палом. В трех верстах от станицы он свернул с главной дороги направо, погнав коней по меже, делившей краснодольскую землю на два поля, и вскоре подъехал к своему участку.

Василий прыгнул с подводы, снял вальки с кочетка. Галина отстегнула нагрудники от хомутов и, взяв лошадей под уздцы, ввела в борозду. Калита подпряг к ним вторую пару в плуг. Опустив лемеха на нужную глубину, он присел у борозды, поправил подвязки на сыромятных постолах. Галина натянула вожжи.

— Трогай, дочко! — махнул рукой старик.

Лошади понатужились, двинулись по борозде. Зеркальные лемеха вошли в мягкую землю и, переворачивая отвалом жирный чернозем, оставляли за собой ровную борозду, по которой мерно шагал пахарь.

Василий закурил, взял ружье, не спеша направился к Кубани. Едва он вышел на целину, как из бурьяна выскочили два зайца-русака, кинулись в разные стороны. Один за другим прогремели два выстрела. Оба русака были убиты. Повесив их через плечо, Василий хотел было уже возвращаться к своим, но тут из ивняка, росшего вдоль реки, выехал на коне Леонид Градов. Поравнявшись с Норкиным, он с улыбкой воскликнул:

— Ого, сразу двоих! Выходит, можно за двумя зайцами сразу гоняться.

— Уметь надо! — шутливо отозвался Норкин. — А ты где был, в отделе?

— За почтой ездил, — ответил Градов и, толкнув коня каблуками сапог, крикнул: — Ну, бувай!

Норкин проводил его глазами, вскинул ружье за спину. Его внимание привлекла простоволосая женщина в рубище, вышедшая на дорогу из прибрежных зарослей. Она остановилась, потыкала палкой землю, затем пустилась бегом по дороге, потом снова остановилась и по

стучала палкой о землю. Норкин спрятался за куст краснотала, стал наблюдать. Женщина приближалась к нему. Лицо у нее было изможденное, страшное, с синими кругами под глазами. Это была Мавра. Она села около разбитого арбуза, с жадностью принялась есть его.

Норкин подошел к ней. Она подняла голову, спокойно спросила:

— А як ружье лежит на дороге — берут его?

— Берут, конечно,— ответил Норкин.

— Ну, я зараз пойду и возьму,— поднимаясь, проговорила Мавра.— Вчера вон на той дороге лежало.

— Э!..— Норкин рассмеялся.— Ежели «вчера лежало», то сегодня его и след простыл!

Мавра опять села, пробормотала:

— А я боялась... еще стрельнет.

— Куда же ты идешь? — поинтересовался Норкин.

— В Краснодольскую,— ответила Мавра, разжевывая хрустящие арбузные корки,— к председателю ревкома. Видишь, я босая, а скоро зима. Попрошу у него ботинки. Он добрый человек. Может, пожалеет несчастную Мавру.

— А я и есть председатель ревкома,— сказал Норкин.

Мавра поглядела на него из-под руки:

— Какой же ты председатель? Ты — охотник! Вон у тебя и ружье, и зайцы.

— Ну что ж. Это я вышел поохотиться.

Мавра прищурилась:

— Думаешь, я не понимаю?

— Где же ты пропадала все это время? — спросил Норкин.

— По станицам и хуторам ходила,— ответила Мавра.— Все сыночка своего ищу. Думаю побывать еще в монастыре: может, там он.

— Как же ты его найдешь? — проговорил Норкин.— Его же убили монахини.

— Знаю... Но иногда и мертвые оживают... — пробормотала Мавра.

Норкин с горечью подумал: «Несчастливая. Вот до чего довели тебя святоши». Мавра встала, поклонилась ему, зашагала в станицу.

Вернувшись к своим, Норкин сел у воза, освежевал зайцев, мясо посыпал солью. Галина подогнала лошадей к дороге. Очищая лемеха от земли и бурьяна, Калига сказал:

— Быстро ты с добычей.
Василий закурил сигарку.

— А знаете, с кем я зараз повстречался?

— С кем же?

— С Маврой. Такая худющая стала. В Краснодарскую пошла. Хочет, чтобы я обувку ей дал. Все ищет своего ребенка.

— Вот уж скиталица горькая! — тяжело вздохнула Галина.

Василий налил из бочки воды в ведро, понес лошадям. Отгоняя хвостами слепней и мух, лошади напились, потянулись к придорожной траве. Василий перевел их на противоположный загон.

Калита положил натруженные руки на чапиги, пошел по черной влажной борозде.

— Ежели Мавра придет к тебе за обувкой, то ты пошли ее ко мне, — сказал он. — У меня на горище найдется что-нибудь. Можно починить ботинки и дать ей, то и проче...

Порезав зайчатину на мелкие кусочки, Галина бросила мясо в казанок, поставленный на треногу, под которой уже горели сухие корни терна, принялась мыть пшено. Из ее головы не выходила Мавра. Вспомнилось все, что рассказывала Соня об этой страдальце, о ее ребенке, похищенном, а потом зверски убитом монахинями.

«И почему люди злые такие, вечно враждуют меж собой? — с горечью думала она. — Почему один другому делает больно, сильный старается придушить слабого?..»

Солнце подбиралось к зениту. Невыносимый зной сушил землю, накалял степной воздух. Прозрачное марево колыхалось на далеком мгlistом горизонте, как бегущие ключевые воды.

Калита и Норкин уже возвращались к возу. Степь затихала: пахари собирались на обед.

Мимо воза пробежал чей-то кудлатый пес, весь в репьях. Он остановился невдалеке, повел носом и, почуяв запах еды, облизнулся. Галина швырнула в него грудкой, сказала:

— Цибе, окаянный! Вынюхиваешь тут.

Пес поджал хвост, пустился через вспаханное поле.

Пахари выехали из борозды, Галина навесила брезент на палки, в тени разостлала рядно. Василий взял рогожный мешок, насыпал половы в корытце, смочил ее

водой и, пересыпав овсом и отрубями, начал перемешивать. Калита выпряг лошадей из плуга, подвел их к мешанке. Галина разлила в глиняные миски кулеш. Старик сел на рядне, скрестил по-турецки ноги, прищелкнул языком.

Кондер, я на рынке была,
Кондер, я горилку пила,
Кондер, я коника пропила,
Кондер, и седеличко,
Кондер, мое сердечко!..

Василий с улыбкой покосился на него и тоже забрался в тень.

Ели молча.

После обеда старик лег под возом и, положив руки под голову, тотчас захрапел. Василий прилег рядом с женой, закрыл глаза. Сладкая дрема охватила его, и он впал в забытие. Через час Калита толкнул его в бок:

— Годи валяться, председатель!

Голос разбудил и Галину.

И опять по длинному полю черной лентой потянулась новая борозда...

Прошел день. Усталое солнце закатилось за пылающий горизонт. В наступающих сумерках ярко светились огни костров. Дым оседал в оврагах, стлался по бархатным загонам, длинными шлейфами тянулся к Кубани.

После ужина Калита снял засохшие за день постолы и, поставив их у края борозды на влажной земле, промолвил:

— Хай тут за ночь отойдут, а то стали как железные.— Он лег на рядно рядом с возом и сразу уснул.

Василий поместился с другой стороны воза и, поглядывая на далекие мерцающие звезды, долго гомонел с женою, прижавшейся к нему.

Калита проснулся чуть свет, сбросил с себя овчинный тулуп, пошел за обувкой.

— Василь! — окликнул он зятя.— Ты моих постолов не брал?

— Нет,— отозвался тот, поднял голову.

— Куда же они запропастились? — недоумевал старик, шаря вокруг глазами.— Я же оставил их вот тут.

Подошел Василий. Постолы он увидел на дороге, шагах в тридцати от воза.

— Ты гля! — вскричал Калита — Оце так «отошли»!

Только поворозки да задники остались. Тьфу, наваждение какое! Це их собаки съели. В чем же я пахать буду? Придется тебе, Галья, домой идти за чеботами.

III

После операции Ропоту стало лучше. А в воскресенье Анисья, получив разрешение у врача, вошла с детишками в небольшую палату. Логгин Прокофьевич лежал у открытого окна. Голова у него была острижена, опухоль на выбритом лице уже сошла, но мешки под глазами еще не расходились, губы хранили следы отеков.

Анисья осторожно поправила подушку, села на скамейку, а детишки, все четверо, мал мала меньше, сгрудились в изголовье, не спуская взгляда с отца. Логгин Прокофьевич улыбнулся им, проговорил тихо:

— Слушайте маму.

— А мы и так слушаем! — хором ответили дети.

Анисья стала рассказывать о своих домашних заботах, о том, что земля у нее не пахана и не сеяна, да и хлеба осталось на несколько дней и взять его неоткуда. Она указала на ребятишек и со слезами добавила:

— Чем буду кормить их? Ще зимы нету, а мы уже голодаем. Бачишь, какие все худющие.

— Не плачь,— сказал Логгин Прокофьевич.— Я скоро выдюжаю... и все у нас наладится... Вот.

Гришатка вытер рукавом полотняной рубашки нос и, поглядывая то на отца, то на мать, внимательно слушал их разговор.

— Ты бы к Норкину сходила за помощью,— посоветовал Логгин Прокофьевич.— Он же зараз председатель ревкома.

Анисья безнадежно махнула рукой:

— Откуда он возьмет ту помощь? Разверстку — и то не выполняет. Станица после Хвостикова без хлеба осталась.

— Хлеб у богатеев есть,— сказал Логгин Прокофьевич.— Василь слабоватый председатель. Ему нужно кулаков потрусить, а он... Вот.

* * *

Вечерняя заря угасала, но в монастырской церкви богослужение не прекращалось. На клиросе пел хор

Монахини и послушницы усердно молились перед иконами, били земные поклоны. Церковь сияла огнями лампад и свечей. Игуменья нетерпеливо поглядывала на священника и дьячка, с трудом сдерживала зевоту.

К ней бесшумно подошла мать Иоанна.

— Что случилось? — обеспокоенно спросила игуменья.

— Мавра снова в монастыре.

Игуменья с тревогой оглянулась по сторонам, приказала шепотом:

— В подвал ее!

Выйдя из церкви, надзирательница подозвала к себе мать Сергию, стоявшую у монастырской стены, спросила:

— Ну, где Мавра?

— Только что в лес подалась, — ответила мать Сергия.

— Изловить, изловить ее надо! — распорядилась мать Иоанна. — Мирона и конюхов послать ко мне.

Мать Сергия подобрала длинные полы черной мантии и, переваливаясь с боку на бок, как утка, пустилась к общежитию.

Мирон не заставил долго ждать себя. Прибыв с конюхами, он снял картуз перед надзирательницей, промолвил:

— Я вас слушаю, матушка.

— Мавру надо изловить, — сказала мать Иоанна. — Она где-то тут поблизости в лесу. Не мешкайте!

Мирон почесал затылок:

— Да... темновато уже... У нее одна дорога, а у нас десять. Ищи-свищи...

— Не рассуждай! — прикрикнула на него мать Иоанна.

Мирон надел картуз, кивнул конюхам:

— А ну-кася, пошарьте тут, на окраине леса, да токо без шуму.

Конюхи выбежали со двора, скрылись в лесу. Игуменья в сопровождении Мирона и надзирательницы вышла за монастырскую ограду, брссила с гневом:

— Сколько раз я приказывала вам задержать сумасшедшую. Это же ходячая агитация против нас.

Вскоре на опушке леса показалось несколько темных фигур. Мирон, взглядываясь в сумерки, сказал:

— Кажись, ведут.

— Слава тебе господи! — перекрестилась мать Иоанна.

Держа Мавру под руки, два конюха подвели ее к игуменье.

— Определите ее, матушка,— обращаясь к матери Иоанне, распорядилась игуменья.— Да не забудьте накормить, она ведь голодная.

Мавра рванулась к ней и, брызгая пеной, закричала диким голосом:

— Это ты велела убить моего сыночка! Черти припекут тебе на том свете пятки!

— Ведите ее! — приказала игуменья.

Конюхи потащили несчастную в подвал, заперли на засов.

В церкви закончилось богослужение, и монашки толпой повалили в общежитие. Мирон закрылся в своей комнатухе, зажег свечу на маленьком столике.

«Да... не жисть, а кутерьма какая-то пошла,— подумал он.— Энтю над Маврой учинить расправу замышляют, не иначе, нечистые души!..»

В открытую форточку донесся вопль Мавры. Мирон почувствовал, как у него забегали мурашки по спине. Несколько минут он стоял у окна, затем вышел во двор. Там стояла полнейшая тишина. Вокруг ни души.

Мирон прокрался вдоль забора, отгораживающего сад от двора, и очутился у подвала, осторожно отодвинул засов. Дверь открылась. Мавра прислушалась, выждала немного, потом, неуверенно поднявшись по каменным ступенькам, вышла из подвала.

IV

Утром в станице Передовой был собран митинг. У ревкома, на площади, быстро росла толпа. В ней сновали белые офицеры, которые открыто агитировали казаков против Советской власти и против продразверстки. Площадь бурлила, как море в ненастную погоду.

Из ревкома вышел Оглобля, поднялся на трибуну. Это был высокий, крепкого телосложения мужчина лет сорока, с черной курчавой бородой и густой шевелюрой. Тысячи глаз устремились на него...

На митинг пришел и Матяш. Его скуластое загорелое лицо обросло щетиной, глаза еще сильнее потемнели, зорко следили за передовчанами.

Оглобля окинул взглядом площадь и, подняв руку, сказал сильным голосом:

— Товарищи! Хотя вы тут и шумите против разверстки, но мы все же будем проводить ее и посылать хлеб голодному рабочему классу!

На трибуну взбежал толстый рыжебородый казак. От толкнув в сторону оратора, он вцепился руками в перила и закричал:

— Братцы! Не слушайте этого иуду! Нет у нас для него хлеба! Я призываю вас зараз же пойти в ревком и забрать тот хлеб, який у нас реквизиовали!..

Оглобля схватил его за шиворот, спустил вниз по лестнице. Над толпою пронесся гул. Кто-то из бунтовщиков выкрикнул злобно:

— Бейте гада!

Людская масса качнулась, с угрожающим рыком двинулась к трибуне.

— Стойте! Куда вас несет?! — донеслось из той же толпы.

Но одиночный предостерегающий крик не подействовал ни на кого, потонул в гневных восклицаниях разъяренной толпы. Несколько казаков, во главе с рыжебородым, полезли на трибуну. На помощь председателю прибежали чоновцы. Трибуна заходила ходуном, и казалось — вот-вот развалится. Оглобля поднял над собой рыжебородого крикуна, швырнул через перила на головы бунтовщиков, намеревавшихся перевернуть трибуну, повалил несколько человек. Завязалась драка.

Матяш не принимал участия в потасовке, отошел поодаль в улицу и стал наблюдать за происходившим. К нему подбежал Жигайло. Зажав в кулаке окладистую бороду и не спуская встревоженного взгляда с дерущихся, он спросил:

— Шо ж оно робыться?

— Зараз каюк будет ревкомовцам, — ответил Матяш, сдвинув на затылок кубанку.

Жигайло пристально посмотрел на него:

— Я бачу, ты не из наших мест.

— Проходом тут, — буркнул Матяш. — Отбился от своих...

Чоновцы были разоружены, и разбушевавшаяся масса кинулась в ревком...

О вспыхнувшем восстании дали знать в Отрадную, куда только что прибыли части IX Красной армии. На под-

могу станичному ревкому был немедленно отправлен 1-й Афипский полк. Виктор Левицкий с ординарцем мчался впереди всех — вверх по течению Урупа. Лаврентий рысил на гнедом дончаке неподалеку от знаменосца.

«Эк, заново взмурдовало нечистых душ! — досадовал он. — Так и до Филипповки домой не попадешь...»

Впереди на дороге показалась подвода. Виктор еще издали узнал Шкрумова. Подлетев к подводе, он придержал Ратника и вдруг рядом со Шкрумовым увидел свою мать.

— Дема, ты посмотри, с кем повстречались! — обрадованно крикнул он Вьюну.

Тот, в свою очередь, замахал рукой Лаврентию:

— Дядька Лавро, скорее сюда!

Лаврентий подъехал к подводе, удивленно округлил глаза:

— Гля, какая сторня! Точь-в-точь моя жинка. Куда це ты едешь, Паша?

— Загонять вас домой, — ответила Мироновна и, еле сдерживая слезы, добавила: — До каких пор будете блуждать по свету? В пустой хате одна — как в могиле.

— Ну, давай почеломкаемся, а потом уже будем лаяться, — прервал ее Лаврентий.

Мироновна толкнула в бок Шкрумова:

— Останови коней, Иван Степанович: целоваться будем.

Шкрумов натянул вожжи, лошади стали. Мироновна поднялась на колени, наклонилась к мужу. Лаврентий вытер рукавом черкески пыль на губах, крепко прижал к груди жену, поцеловал ее.

— А теперь хоть и помирать, — сказал он.

Поцеловался с матерью и Виктор.

— Домой едете чи как? — спросила Мироновна.

— Нет, маманя, — ответил Виктор. — Беляков добивать.

Мироновна заплакала.

— Не плачь, стара, — ласково промолвил Лаврентий. — Скоро будем дома. А зараз строчные дела у нас. В Передовой свидимся.

Мироновна только теперь заметила на груди мужа Георгиевские кресты, пробормотала:

— Чи ты не сказилсь? Да разве ж можно теперь царские кресты чиплять?

— Нет, Пашенька, кресты эти не царские, — возразил

Лаврентий и, покрутив усики, добавил: — Це награда за храбрость. Сам товарищ Орджоникидзе дозволил мне носить их.

— Ну, маманя, до скорой встречи! — крикнул Виктор и пустил Ратника вскачь.

Кавалеристы подстегнули коней и помчались за своим молодым командиром. Лаврентий то и дело оглядывался туда, где сквозь клубы пыли виднелась подвода.

«Эх, як неожиданно повидались,— думал он, до слез растроганный встречей с женой.— Сердешная... за тридцать земель поехала, чтобы свидеться с нами...»

* * *

Узкое дикое ущелье. Внизу — река Кува. На высокой горе, в третьем «окне», висящем на высоте в сто сажений, над бушующей рекой, засел со своей семьей и небольшим отрядом подхорунжий Волошко. Сюда, в пещеру, вела одна-единственная узкая тропа. За валунами, накаленными полуденным солнцем, сидели дозоры, следя за окрестностями, просматривавшимися даже невооруженным глазом на много верст. Тропинка шла в гору с востока по узкому проходу к огромной сталактитовой пещере с многочисленными боковыми отводами. Сухая, годная для жилья пещера была заселена летучими мышами, которых пришлось выкуривать дымом. Теперь же, как только стемнеет, они тысячной стаей кружатся над пещерой и оглашают горы тонким противным писком. Здесь же, в одном из пещерных отводов, был родничок с чистой, холодной водой.

В «окне» сидел часовой с винтовкой в руках, курил сигарку и время от времени поглядывал на дорогу, тянущуюся по левому берегу Кувы в Передовую. Вскоре после полудня на ней появилось с полсотни всадников, несшихся в намет со стороны Передовой. Часовой окликнул подчаска:

— Беги к подхорунжему и доложи, что к нам скачет какой-то отряд.

Из пещеры вышел Волошко с сыном. Пригибаясь под утесом скалы, он выдвинулся вперед, и плотная его фигура в черной черкеске с костяными газырями словно приросла к камню, за которым сидел часовой. В темном зеве пещеры остановился князь Дудов. Обратясь к подхорунжему, он тихо спросил:

— Ну что, Иван Иванович?

— Погодите, князь! — отмахнулся Волошко.— Еще

ничего не известно.— Среди всадников он разглядел наконец человека со связанными руками, ехавшего на вороном коне, подумал: «Пожалуй, это наши. Видимо, какого-то большевика везут».

Конники поравнялись с «окном». Один из них, приложив ладони трубой ко рту, во всю мощь закричал:

— Ого-го!.. Есть кто наверху?

Гулкое эхо разнеслось по ущелью, замерло за горами. Часовой отозвался:

— Кого надо?

— Ивана Ивановича покличь! — донеслось снизу. Волошко высунулся из-за камня, крикнул:

— Я Иван Иванович! Чего хотите?

— Пропустите к себе! Нас преследуют красные.

Волошко обернулся к сыну:

— А ну, Поплий, беги. Хай хлопцы пропустят гостей.

Поплий бросился к восточному склону горы и быстро пропал меж камнями на узкой тропинке.

▼

Волошко оставил князя Дудова в «окне» с казаками, а сам поспешил в свои «апартаменты». Пройдя шагов сорок по темному ходу, он очутился в просторном, освещенном лампой гроте с выбеленными стенами. Пол был устлан медвежьими шкурами. Отверстия в смежные гроты завешены коврами. За столом, у лампы, сидела жена Волошко — Домна, в белой кофточке и черной кашемировой юбке.

— Зараз до меня казаки придут, видать, из Передовой, — сказал ей Волошко. — На всякий случай насчет угощения позаботься.

Домна ушла. Из-за ковра, висевшего на «двери» в соседнюю пещеру, вынырнул полковник Белов в распахнутой рубахе. Из-под синей донской фуражки на его круто изогнутую бровь падал русый чуб.

— Что случилось, господин подхорунжий? — спросил он.

— К нам прибыли казаки, — ответил Волошко. — Говорят, за ними красные гонятся. Того и гляди, тут, в Кувинском ущелье, будут.

— Надо сообщить господину Джентемирову, — сказал Белов.

— Зараз уже не успеем,— заметил Волошко.— Думаю, что мы и сами можем отбиться.

Вскоре прибыла делегация из Передовой, среди которой был и Матяш. Волошко окинул пристальным взглядом вошедших, спросил:

— С чем пожаловали, господа?

Казак рассказал ему о разгроме станичного ревкома в Передовой, о создании повстанческого отряда. Белов молча курил сигарку под образом божьей матери.

— Оглобля, значит, все ж таки попался,— выслушав делегацию, со злорадством произнес Волошко.

— Надо из этого Оглобли дышло сделать! — бросил Белов.

— Для того мы и привезли его к вам,— захохотал рыжебородый казак.

— А ну-ка, давайте его сюда! — распорядился Волошко.

Поплий рванулся за ковер. В проходе послышалась возня. Кто-то глухо выкрикнул: «Чего вы с ним панькаетесь? В морду его, по зубам!»

Вошла Домна — бледная, напуганная. Забившись в угол, она опустилась на табуретку, нервно подобрала под платок прядь волос.

Ковер над входом отлетел в сторону, и два дюжих казака втолкнули в грот Оглоблю. Руки у него связаны за спиной веревками. Густые темные волосы всклокочены, борода залита кровью. На лбу, собранном в морщины, и под глазами, полными ненависти,— синяки.

Волошко спросил с ядовитой усмешкой:

— Ну шо, «ревко», попался, значит?

Оглобля с ожесточением плюнул ему в лицо. Волошко отвернулся в сторону, утерся рукавом черкески. Белов с силой ударил кулаком пленного по голове, но Оглобля даже не пошатнулся. Домна невольно ахнула, еще сильнее сжалась. Матяш искоса взглянул на нее, сразу понял, что Волошко и его жена — по всему, разные люди.

Оглобля, задыхаясь от злобы, презрительно бросил.

— Вот где вы сховались, ислодбитки белогвардейские! Ну, ничего, вас найдут и в этих крысиных норах!

— Что будем делать с ним? — обратился Волошко к казакам.

— Надо выпотрошить из него кишки и пузо набить зерном всяким,— предложил рыжебородый.

— Потом подбросим к Передовой,— добавил второй.— Пушай станичный ревком глядит, как мы выполняем разверстку.

Белов швырнул сигарку на пол:

— Господа! Я предлагаю для ясности на пузе у него написать: «Выполнил продразверстку!».

Волошко одобрительно кивнул.

— Так и зробым.— Его взгляд остановился на Матяше.— А вы кто такой? Почему молчите?

— Я пробираюсь к своим, в отряд Бородули,— сухо ответил Матяш.

— Слышал про такой,— сказал Волошко.— Он где-то в Даховском ущелье действует.

Вошла его дочь — красивая, стройная девушка. Метнув высокомерный взгляд на пленного, развязно спросила?

— Кто это?

— Предревкома станицы Передовой, Валентина Ивановна,— ответил Белов.

— На скалу его, к лобовине! — бросила Валентина.— Пусть там пожарится на солнце денька два, а потом достанется орлам.

— О!..— громко захохотав, злорадно добавил один из офицеров, стоявший тут, поблизости.— Как прикованный к скале Прометей!

Домна вздрогнула от этих страшных слов. Лицо ее потемнело, перекопилось от душевной боли. Матяш гневно прищурился.

«Ну и гадина! — подумал он о Валентине.— Сколько я видел на скалах и деревьях жертв подобных расправ Хвостикова. И вот снова...»

Оглобля наконец собрался с духом, промолвил твердо:

— Смерти я не боюсь. Но вы, палачи, зарубите себе на носу: вам это не пройдет даром!

Волошко властно поднял руку:

— В тугулевку его, Поплий! Пушай он там трошки очумается.

* * *

На рассвете бандиты доставили Оглоблю на скалу. Раздев догола, они привязали его к небольшой покато лобовине так, что он повис над двухсотпятидесяти-

саженной пропастью. Ноги его свисали с утеса, опираясь на небольшие выступы.

Сделав свое черное дело, Поплин поглядел в сторону Передовой, очертания которой проступали сквозь пред-
рассветную муть, сказал с усмешкой:

-- Отсюда ему гарно будет видно, как ревкомовцы выполняют разверстку. Пошли, хлопцы!..

Утро постепенно разгоралось. На вершину скалы, к которой был привязан пленник, набежали холодные струи ветра. Оглобля висел над пропастью с закрытыми глазами. Черная борода его торчала кверху, пошевеливалась на свежем ветру. Руки и ноги немели от туги затянутых веревок.

А ветер усиливался, со зменным посвистом шнырял по лобовине.

Но вот узник открыл глаза, увидел над собой густые набухшие тучи. Они плыли медленно и так низко, что, казалось, их можно было достать рукой.

«Наверно, дождь будет», — подумал он и, наклонив голову, заглянул в бездну, почувствовал, как от ужаса похолодело в груди. Взгляд его скользил по веревкам, которыми он был привязан к каменной глыбе. Попытался развязать их зубами, но ни к одной не мог дотянуться. Напрягая все силы, он рванулся, но веревки не лопнули.

Из-за горы блеснуло солнце, поиграло в бороде пленника и снова скрылось за черную взлохмаченную тучу. Во рту у Оглобли пересохло, начала мучить жажда. Невдалеке, над противоположной скалой, кружил ворон. Он заметил на скале человека, направил свой полет к нему и, сделав несколько кругов, сел на ближайшее дерево.

«Проклятый», — подумал Оглобля и опять сомкнул веки. Над его головой что-то прошумело. Он открыл глаза, увидел громадного бородача-ягнятника. Полуторасаженные в размахе крылья хищника проплыли над скалой черной тучей. Оглобля, не спуская с него взгляда, подумал с содроганием: «Этот может заклевать...» Но орел покружился над ним и пропал за цепью гор.

К вечеру пленник почувствовал себя совсем плохо. Сознание мутилось, силы таяли, в груди хрипело.

Солнце зашло, горы погружались в сумрак. Из груди Оглобли вырвался стон и, подхваченный ветром, отозвался где-то в ущелье.

Ночью Оглобля все чаще впадал в беспамятство. Придя в себя после очередного короткого обморока, он вдруг

услышал чьи-то осторожные шаги. Вначале он подумал, что это чудится ему в полубреду, напряг слух, затаил дыхание. Шаги приближались. Кто-то пробирался по тропе к нему.

Внезапно долетел тихий оклик:

— Эй, человек, ты слышишь меня?

— Кто там? — хрипло отозвался Оглобля.

— Помочь пришел, — ответил незнакомец. — Да вот никак не доберусь к тебе.

— Пить! — простонал Оглобля. — Пить!

Из-за лохматой тучи выкатилась, как начищенный самовар, полноликая луна, ярко озарила незнакомца, поднимавшегося по белокаменной лобовине к пленнику. Это был Матяш.

— Пии-и-игь! — снова протянул изможденный пленник

— Потерпи немного!

Матяш приблизился к краю обрыва, поднес ко рту привязанного флягу с водой.

— Пей!

Оглобля жадно припал к фляге губами. Вода словно вливалась в него силы. Ноги и руки оживали.

Матяш, повиснув над пропастью, перерезал веревки и вытянул обессиленного пленника на тропу.

— Кто ты? — спросил Оглобля, вглядываясь в обросшее лицо своего спасителя.

— Зачем тебе знать, кто я? — двинул плечами Матяш. — Выручил — и все!

Оглобля пожал его руку:

— Спасибо тебе, незнакомый друг. Век не забуду тебя.

— Может, друг, а может, недруг, — усмехнулся Матяш. — Не знаю, как ты выберешься отсюда. На тропе всюду охрана, а другого пути нет. Вот бери веревку, которую я прихватил с собой. Авось пригодится.

— Добрый ты человек! — растроганно проговорил освобожденный. — Недруги так не поступают... А насчет того, как уйти отсюда, — не беспокойся. Я тут знаю каждую пядь. Выберемся!

— Э нет! — категорически возразил Матяш. — Иди сам. Дороги у нас разные.

— Тебя в расход пустят из-за меня.

— Не пустят, — сказал Матяш. — Никто не узнает, что я побывал здесь. Все сейчас спят. Я долго не буду задерживаться у Волошко Своих надо искать.

— Да плюнь ты на все! Возвращайся домой и живи мирно. Я похлопочу за тебя,— пообещал Оглобля.

— Нет,— упрямо мотнул головой Матяш.— Дома у меня уже ничего не осталось. Я был врагом Советской власти и буду им до гробовой доски.

— Глупо, очень глупо,— сказал осуждающе Оглобля.— Душа у тебя добрая. Ты просто заблудившийся человек. А Советская власть таких, как ты, милует, если они, конечно, покаются.

— Я не заблудившийся,— возразил Матяш.— Я вполне сознательно выступаю против Советской власти, всем своим нутром ненавижу ее!

— Почему же? За что? — недоумевал Оглобля.

— За то, что она всего меня лишила! — раздраженно бросил Матяш.— Я своими, вот этими мозолистыми руками в поте лица добывал хлеб, а Советская власть забрала у меня все да еще и говорит: «Ты паразит!» Как же понимать это? А?

— Неправда. Советская власть справедливая,— возразил Оглобля.

— А разверстка? — вырвалось со злобой у Матяша.— Это что такое? Не та же Советская власть? Нет! Я хочу жить, как жили мои предки: батько, дед, прадед. Хочу потреблять то, что добываю своими руками. А у вас все шиворот-навыворот: твое — мое! Не понимаю. И мабуть, таким и сдохну!

— А ты разберись. Продразверстка — это временное дело. У богатеев закрома ломятся от пшеницы, а в городах люди умирают с голоду. Куда это годится? Советская власть — власть трудового народа.

— Не-не! — Матяш махнул рукой.— Ты меня не уговаривай, все равно не сагитируешь.

— Почему же ты решил освободить меня? — спросил Оглобля.— Я же твой враг!

— Враг, конечно... — ответил Матяш и, помолчав, добавил: — Но я против зверства... Мы потерпели поражение только потому, что допустили такое вот по отношению к мирному населению, да и вообще... Не надо было нам этого делать, и мы бы победили. За нами пошла бы вся Кубань! Такие, как Хвостиков, во всем виноваты. Своим зверством они оттолкнули народ от нас.

— Разве дело только в этом? — заметил Оглобля.— Вы же за старое держитесь. А народ не хочет этого. Потому и разбили мы вас.

Матяш встал.

— Ну, бувай, — сказал он. — Помни Андрея Матяша... Но если встретимся в бою — берегись!

— Зря не хочешь идти со мной! — с сожалением сказал Оглобля.

Они молча спустились с горы и расстались.

VI

Засада сидела в «окне» вторые сутки, но красные в ущелье не показывались. Дудов лежал под стеною на охапке душистого сена. Казаки здесь же в кругу резались в карты. Поплий возился со станковым пулеметом. Загорелое круглое лицо его было покрыто грязными потеками, мутно-серые глаза глядели устало и сонно. Он то и дело сладко зевал. Дудов лег на спину, подложил руки под голову и, уставясь в бурый неровный потолок, сказал:

— Поплюй, что ты зеваешь сегодня все утро, как баба?

— Я не Поплюй, князь, а Поплий! — вспыхнул Волошко, и с него сразу слетела сонливость. — Сколько раз можно вам говорить об этом? Я всю ночь дежурил, а вы с вечера до утра дрыхли, да и зараз валяетесь.

— Я уже старый, — буркнул Дудов.

— А жениться небось на молодой сумели, — подкусил его Поплий и захохотал: — Двадцатидвухлетнюю выбрали.

Дудов словно ошпаренный вскочил на ноги. Широкое маслянистое лицо его побагровело, перекосилось, а маленькие кабаньи глазки налились злобой.

— Собака! — прохрипел он. — Как говоришь со мной?!

Казаки прекратили играть в карты, затихли. Поплий, видя, что разъяренный князь уже готов броситься в драку, отбежал в сторону, схватился за кинжал, застыл с выпученными глазами. В это время из узкого темного прохода вышел старший Волошко, а за ним показался и Матяш. Увидев Дудова, Матяш сразу узнал его, подумал: «Этот старый пес может выдать меня. Пожалуй, не стоит подходить к нему». И он остановился в тени прохода.

Дудов все еще кипятился. Метнув злой взгляд на главаря банды, он закричал:

— Зачем твой сын смеется надо мной? Я не потерплю такого оскорбления!

Волошко строго посмотрел на сына:

— Ты оскорбил князя?

— Не оскорблял я его,— пробормотал Поплий.— Сказал только, что жену он взял себе не по возрасту...

— А твое какое дело? — заорал отец.— Да ты знаешь, негодяй, что Фатима сбежала от него с большевиком Карабашевым, подло оставила старого князя?!

— А! — Дудов махнул рукой.— Довольно, довольно! Не надо повторять... Фатима, Карабашев, старый князь... Казаки дружно захохотали. Это еще сильнее обозлило князя.

Волошко-старший положил руку на плечо Дудова, сказал примирительно:

— Успокойся, Барисбий Шамилович, не обижайся на дураков. А зараз иди и отдыхай. Вечером в разведку с казаками пойдешь.

Дудов нахлобучил папаху, поправил черкеску под кавказским поясом, на котором висели наган и кинжал, схватил свой карабин и скрылся в проходе, едва не натолкнувшись на Матяша.

Волошко взял Матяша под руку.

— Видишь, какая тут высота? — указал он в «окно». — Нас никакой дьявол в этой дыре не достанет. Это ущелье выведет тебя к Урупу. По ущелью дойдешь до Преградной, затем направляйся к Большой Лябе. Там действует подъесаул Козлов со своим отрядом. У него сможешь передохнуть денек, харчишек взять. Да письмо не забудь передать ему.

Матяш приложил руку к кубанке:

— Не забуду, господин подхорунжий. Спасибо за гостеприимство.

* * *

Вечерело. Матяш с двумя парусиновыми сумками, туго набитыми продуктами, с новеньким карабином за плечами вышел в Урупское ущелье. Бушующая река гнала свои иссиня-белые холодные воды по неровному, заваленному каменными глыбами руслу, пенилась у высоких, скалистых берегов. Матяш медленно направился вверх по течению реки, спустился по каменистым уступам к воде. Поставив карабин к дереву и сняв тяжелые сумки, он умылся. Струи стекали с черной его бороды. Ощущая приятную свежесть на лице, Матяш утерся полою

черкески, сел под деревом. Невдалеке всплеснулась крупная форель.

— Ох, мать честная! — невольно воскликнул Матяш. — Да тут рыба водится. — Усталые глаза его оживились, на лице заиграла улыбка. — Половить бы, да жаль, удочки нет. — Он задумался и затем добавил: — Какая прелесть!.. Ловить рыбу, растить хлеб, ходить за лошадьми, коровами, овцами... — Лицо его помрачнело, в голове закружились гнетущие мысли.

А сумерки между тем становились все гуще. Матяш взял сумки, вскинул карабин за спину и двинулся дальше в поисках места для ночлега. Пройдя саженной триста вдоль реки, он заметил на отвесном берегу в темной, поросшей мхом стене небольшую дыру. Перед отверстием торчал каменистый уступ, на который можно было взобраться по дереву.

«Вот бы где заночевать! — подумал Матяш. — Но как перебраться через реку?» Пошарив глазами по сторонам, он заметил три валуна, торчавшие из воды. По ним и можно переправиться на левый берег. Матяш отломил от дерева сук, обстрогал его кинжалом, направился к валунам. У брода снял сапоги, подсучил штанины и, опираясь на сук, пошел. Достигнув левого берега, зашагал к круче.

В небе уже загорались звезды. Повеяло холодом.

Матяш вскарабкался по дереву на уступ, потом полез в пещеру, чиркнул зажигалкой. Место было очень удобное для ночевки: даже сено оказалось здесь.

«Гм... — удивился Матяш. — Чье-то логово... Прежде всего он решил подкрепить силы. Ел не спеша. Медленно пережевывая черствый хлеб и сало, он задумчиво глядел во тьму, повисшую над рекующей рекой и горами.

На заре его разбудило визгливое ржание лошади. Схватив карабин, он выглянул из пещеры. Внизу, под ветками ив, прижавшись задом к круче, стояла оседланная худая лошадь с переметными сумами по бокам. Перед ней стояли три волка.

«Бедная животина! — подумал Матяш. — Видно, потеряла хозяина в бою...»

Волки все ближе подступали к лошади, заходили с боков. Она опять громко заржала, как бы взывая о помощи. Матяш прицелился в самого ретивого хищника, но тут же опустил карабин: выстрел мог привлечь внимание людей, возможно, недругов. Приложив ладони ко рту, Матяш крикнул:

— Тю, тю!

Волки кинулись в разные стороны. Матяш вылез из пещеры, спустился к реке. Лошадь доверчиво протянула к нему морду и, как бы благодаря за спасение, ласково заржала. Матяш похлопал ее по холке: «Как же ты очутилась здесь, бедолага?» Он порылся в сумках, висевших у седла, извлек из них десятка полтора обойм с патронами и только сейчас заметил, что левая задняя нога у лошади ниже колена перебита.

— Эге-ге! — сказал Матяш с сожалением. — Да ты еще и калека. Придется оставить тебя здесь! Я такой же бездомный, как и ты. Куда иду, сам не знаю. — Он сунул обоймы себе в сумку, добавил: — А за эти штуковины большое тебе спасибо. Мне они пригодятся в дороге.

Лошадь глядела на него жалкими глазами. Матяш обнял ее за шею, припал к морде. Постояв так с минуту, он оторвался от несчастной лошади, поправил кубанку и, не оглядываясь, широко зашагал по берегу реки к Преградной.

Вскоре перед ним открылась станица, начался подъем. Потянуло ветерком, и Матяшу в нос ударил такой дурной дух, что у него захватило дыхание. Он ускорила шаг. И тут увидел страшную картину недавнего боя. Полуразложившиеся трупы людей и лошадей лежали между валунами, в кустарнике и в высокой траве.

Торопливо переправившись на правый берег, Матяш с тяжкими думами пошел лесом дальше. Ветер в ущелье дул неистово. Деревья надрывно стонали. Стонало и сердце Матяша.

«Хотя бы убрали убитых,— думал он с горечью.— Как собаки, валяются...»

Ему очень захотелось курить. Он вынул из кармана кисет, но бумажки в нем не оказалось. Матяш выругался с досады, сунул кисет в карман, через несколько минут выбрался на голую поляну. Ветер поднимал песок и пыль. Закрывая рукой лицо, Матяш не останавливался. Неожиданно перед ним в вихре закружился клочок желтоватой газеты.

«О! — обрадовался Матяш.— Зараз закурим!» И он стал гоняться за газетным обрывком, но никак не мог схватить его. Каждый раз, как только он подбегал к бумажке, она поднималась и перелетала на другое место. Наконец, Матяш настиг ее. В глаза бросился крупный заголовок:

РАЗГРОМ БАНД ХВОСТИКОВА

Матяш присел на камень, начал читать боевую сводку. В ней сообщалось следующее:

«21 сентября бандам ген. Хвостикова нанесен сокрушительный удар. По сведениям оперативной сводки Н-ской бригады, ген. Хвостиков ранен в боях в районе...» Дальше зияла дыра. Матяш с досадой поморщился: «Жаль, что только ранен. Не совсем, значит, ухлопали эту сволочь!» Глаза его снова заскользили по строчкам:

«После ряда поражений бело-зеленые банды ген. Хвостикова были окружены в Псебайской. Здесь же в станице находился штаб белых, их военное имущество, беженцы и вообще весь белогвардейский сброд.

Белые очутились в кольце. Станица объята огнем. С аэропланов бросают зажигательные снаряды. Из этого кольца ни один белогвардеец не выйдет живым.

От так называемой «армии возрождения России» не осталось и следа...»

Матяш дважды перечитал последнюю строчку, проговорил задумчиво:

— Верно, не осталось и следа.— Он оторвал от сводки уголок бумаги, скрутил сигарку и, закурив, вздохнул: — Вот и вся генеральская затея...

VII

На третьи сутки утомительного пути Матяш добрался наконец до живописной долины Загедан. Вокруг грохнулись величественные скалы, высились горные вершины, на которых местами блестела ослепительная пелена снега. На полянах зрела дикая рожь, настолько густая и высокая, будто она была возделана руками чело века. Вряд ли кто мог ответить на вопрос, откуда взялась здесь эта загадочная рожь.

К северу долина постепенно суживалась, переходила в ущелье, в котором бешено мчалась Большая Лаба. Вода здесь бела, как серебро, бьет ключами, мечется из стороны в сторону.

Матяш шел по обочине дороги, по густым зарослям рододендрона.

Из леса неожиданно выскочили всадники.

Матяш направился к ним. Увидев незнакомого человека, всадники застыли на месте.

Баксанук вскинул карабин, направил на Матяша — Не ходи близко!

— Опусти ружье, Баксанук,— сказал Матяш.— Не узнаешь, что ли?

— Ай, машала! — воскликнул Дауд.— Это наш кунак! — Он указал на кинжал, висевший у Матяша на поясе, громко захохотал: — Моя подарил твоя эта кама¹ И чепкен² тоже моя!

— Какой твоя карош борода вырос! — подхватил Баксанук.— Неузнавай стал!

Ліка наклонился к подъясаулу, шепнул на ухо:

— Это тот, что покушался на генерала Хвостикова в доме князя Крым-Шамхалова.

Подъясаул приказал казакам отправляться на Иркиз, в одну из красивейших долин Кавказа, где разместился стан банды, затем пригладил тонкие вислые усы, обратился к Матяшу:

— Кто такой?

— Мне нужен подъясаул Козлов,— уклоняясь от прямого ответа, сказал Матяш.

— Я Козлов.— Подъясаул смерил его недоверчивым взглядом.

Матяш порылся во внутреннем кармане черкески, вынул письмо.

— Вот вам от Волошко Ивана Ивановича,— проговорил он.— Кажись, дочь ваша пишет.

Козлов поспешно распечатал конверт, прочел:

Дорогой отец!

Сообщаю тебе, что сейчас я работаю в Баталпашинском отделе ВЧК машинисткой. Теперь через мои руки будут проходить все секретные бумаги. Постарайся наладить со мною регулярную связь. Это для тебя и для твоих друзей будет очень важно.

Несколько дней тому назад в Баталпашинск прибыли части Красной Армии. В настоящее время здесь находится Атарбеков с оперативной группой Кубанского округа. Большие сотни человек уже арестовал и вместе с Кочкаровым, адъютантом ген. Хвостикова, отправил в Екатеринодар. Скоро начнутся активные операции по ликвидации белогвардейских отрядов, оставшихся в горах после ухода ген. Хвостикова в Грузию. Готовься к защите.

Крепко целую. Твоя дочь Лидия Барейша
7 октября 1920 года.

Козлов оторвался от письма, сказал:

— Значит, вы были у подхорунжего Волошко.

Матяш рассказал ему, кто он и по какому случаю

¹ Кама — кинжал.

² Чепкен — черкеска

попал в эти края. Лука, избегая встречи с ним, вместе с казаками уехал вперед Козлов, сопровождаемый Крым-Шамхаловыми и двумя офицерами, следовал вместе с Матяшом пешком за отрядом.

— Да... сидим теперь в горах, как шуры в норах,— угрюмо заметил Матяш.— А все из-за Хвостикова...

Козлов протянул ему кисет:

— Куришь?

— Занимаюсь,— ответил Матяш, свернул сигарку. Закурили.

— Так ты считаешь, что все наши беды из-за Хвостикова? — спросил Козлов.

Матяш покосился на притихших офицеров, сплюнул табачинку.

Козлов мотнул головой офицерам и своим телохранителям, дав понять, чтобы они удалились. Те прибавили шагу. Матяш указал на Баксанука и Дауда, промолвил:

— Хорошие хлопцы.

— Верой и правдой служили Хвостикову,— подчеркнул Козлов.

— Знаю...— сказал Матяш, дымя сигаркой.

— А с монахом Лукой ты знаком? — вдруг спросил Козлов.

— Как же! — Матяш размял окурок, отшвырнул в сторону.— Случайность свела меня с этой собакой.

— Учти, Лука уже капнул мне на тебя. Будь с ним осторожен,— предупредил Козлов.

Матяш поправил за спиной карабин, бросил с презрением:

— Не боюсь я его.— И он объяснил Козлову, почему считает Хвостикова основным виновником проигрыша войны на Кубани, и откровенно рассказал о своем покушении на генерала.

— Да, что и говорить, Хвостиков поступил безрасудно, не оказав помощи улагаевскому десанту,— согласился Козлов.— Но ошибки этой уже не исправить.

Бивак отряда Козлова располагался у горы Дамхурц, на берегу речушки Закан, в долине Иркиз.

Под горой на альпийском лугу, густо поросшем дикой рожью и высокогорными сочными травами, паслось несколько коров и овец. На выступе скалы, оберегая стадо, сидел безусый юнец с винтовкой в руках. Около него, вывалив от жары красный язык и тяжело дыша, лежала овчарка.

Пошатываясь на высоких тонких ногах, к пастуху подошел Минаков в серой папахе и серой помятой черкеске нараспашку, сладко зевнул, потянулся, поглядел из-под руки на юго-запад..

Из густого дубняка выскочило десятка три всадников. Впереди на вороном красивом коне гарцевал полковник Ковалев.

Овчарка встретила их громким, залиvistым лаем. Пастух отогнал ее. Среди прибывших оказались Демьяшкевич и Исмаил Крым-Шамхалов.

Ковалев проворно спешил, привязал коня под деревом в тени и, сбив набекрень кубанку, пожал Минакову руку:

— Какие у вас новости, господин подъяесаул?

— Все в порядке,— ответил Минаков и в свою очередь спросил:— А вы откуда путь держите?

— С побережья,— ответил Ковалев.— В отряде Бородули были. А теперь думаем пробраться поближе к станциям.

— Ну, а у Бородули что? — спросил Минаков.

— Тишина полнейшая,— ответил Ковалев и, оглянувшись вокруг, поинтересовался:— А где же ваши люди?

— Козлов за добычей увел,— пояснил Минаков.

В это время на левом берегу реки Закан показалась большая группа конников.

— Вот, едут уже,— указал на них Минаков.

* * *

Прибыв на бивак, белоказачи принялись снимать с лошадей награбленные продукты. Исмаил увидел своих братьев, бросился к ним с радостным криком.

— Ай карнаш!..— И крепко обнял Баксанука, затем Дауда.

Демьяшкевич стояла недалеко от них, наблюдала за встречей братьев и машинально хлестала плетью по небольшому белому камню, вросшему в землю. В ее быстрых серых глазах поблескивали насмешливые огоньки, пухлые щеки и губы, пылавшие, как лепестки только что расцветшей розы, тоже выражали насмешку.

Баксанук смерил ястребиными глазами ее статную фигуру в светло-серой черкеске и приблизился к ней:

— Какой кароший девчатка!

Демьяшкевич сжала рукой эфес кинжала, висевшего на казачьем поясе с вызолоченным набором, крикнула:

— Не подходи, бирюк!.. А то я... острая...

Белоказак из отряда Ковалева дружно захохотали:

— Правильно, Тоня! Гони его!

— Зачем «гони»? — широко улыбнулся Баксанук. — Моя хочет немножко быть карошый знаком...

Козлов и Матяш не торопились к биваку. Приблизившись к реке и не обращая внимания на отряд Ковалева, они присели на валуне, продолжая разговор. Лука то и дело поглядывал на них издали. Дегтярно-черные глаза его были наполнены злобой и страхом.

«О чем они шепчутся? — пытался разгадать он. — Неужели Гордей Евдокимович заодно с этим чернородым?»

Наконец Козлов и Матяш встали, медленно направились к поляне. Беспокойство Луки росло. Он не знал, что делать: то ли оставаться на месте и ждать, что будет, то ли, пока не поздно, незаметно шмыгнуть в кусты.

Козлов подозвал Дауда, отдал ему какое-то распоряжение. Тот приложил руку к папахе, направился к Луке, все так же стоявшему под горой. Подбежав к монаху, Дауд выпалил:

— Твоя требует командир!

— Зачем? — настороженно спросил Лука, почувствовав, как у него по спине поползли мурашки.

Дауд пожал плечами:

— Моя не знает — зачем.

Лука помолчал и, с трудом сдерживая дрожь в голове, сказал:

— Передай ему, что я не хочу встречаться со своим врагом.

— Ахы, ахы... — Дауд неодобрительно покачал головой и быстро зашагал к предводителю банды.

К Козлову и Матяшу подошли Минаков и Ковалев.

— О, кого я бачу? — вскричал Минаков, уставившись на Матяша. — Кажись, Андрей Филимонович? Чи я, может, ошибаюсь? Борода и все такое прочее. Ей-богу, не могу признать! Чи вин, чи не вин?

— Вин. — Матяш добродушно улыбнулся. — К вам в гости пожаловал.

— Это очень хорошо! — воскликнул Минаков и, кивнув на Ковалева, добавил: — А вот господин полковник только что прибыл от есаула Бородули.

— Да, — подтвердил Ковалев. — Он тут, за Умпырем, неподалеку от Даховского ущелья, на реке Кише.

Дауд доложил Козлову, что Лука отказался явиться. — Это что еще за чертовщина?! — заорал Козлов. — Да как он смеет? Сию же минуту доставить его сюда! — Не надо, господин подъяесаул, — миролюбиво произнес Матяш. — Раз не желает, то и лучше.

— Нет, нет! Немедленно приведите его ко мне! — настоятельно потребовал Козлов.

Баксанук и Дауд с несколькими казаками бросились выполнять его приказ, но Лука словно сквозь землю провалился. Обшарив все кусты и расщелины, княжичи доложили Козлову, что монах исчез.

— Ну и черт с ним! — Подъяесаул махнул рукой. — Гоняться за этой трусливой тварью не будем.

VIII

На западном склоне горы Дахмури, в густом дубняке, было построено несколько бревенчатых куреней, покрытых сеном. Тут же стояла сложенная из камней кухня, вокруг которой в тени дубов стояли длинные столы и скамьи. В котлах варился обед, и мясной дух далеко разносился по лесу. У печки возились женщины. Среди них жена предводителя банды Козлова Пелагея Прокоповна, дородная казачка лет сорока пяти, в просторной юбке и кофточке, и Ульяна — возлюбленная Минакова. На столах уже были расставлены рядами миски с деревянными ложками-самоделками, лежали куски хлеба.

Старик-трубач объявил «обед». Казаки шумно заняли места за столами. Офицеры обедали отдельно.

Покончив с борщом, Козлов вытер ладонью усы, обернулся к Ковалеву:

— Ну а ты, господин полковник, как решил? В моих краях остановишься или куда пойдешь?

Ковалев стряхнул с черной черкески крошки, достал из кармана галифе позолоченный портсигар, закурил.

— Есть думка поселиться поближе к людям, — ответил он после некоторого раздумья. — Хочу Измайловскую пещеру занять.

— Мне говорили, что в той пещере может поместиться целая дивизия с лошадьми, — сказал Матяш.

— Может, и мне туда податься, — проговорил Козлов. Его взгляд остановился на Демьяшкевич, сидевшей за соседним столом. — А это что у вас за краля в форме? — спросил он удивленно.

— Это Лесовичка, господин подьесаул! — вскочив с места, отчеканил Исмаил. — Мой ата... отец так назвал ее.

— О... — многозначительно протянул Козлов. — И впрямь хорошую кличку дал ей батько твой. Лесовичка, значит?

— Так точно, господин подьесаул! — подтвердила Демьяшкевич.

— А твои родители кто? — поинтересовался Козлов. — Казаки?

Демьяшкевич отрицательно покачала головой.

— Нет. Отец ветеринарный фельдшер, житель станицы Кардоникской.

— Вот оно что... значит, Лесовичка, — протянул Козлов. — Ну ладно, обедай.

На стол подали кашу с бараниной...

* * *

После обеда отряды Ковалева и Козлова двинулись в путь по глубокому каньону вдоль правого берега Большой Лабы. Доехав до Мошевого ущелья, Ковалев распрощался с Козловым и, перебравшись на левый берег бушующей реки, отправился со своим отрядом к Курджинову. А Козлов свернул в Мошевое ущелье и вскоре оставил отряд в густом дубняке.

— Видите эти большие пятна? — указал он на южный склон горы, на вершине которой виднелись замурованные входы в пещеры. — Нам надо подняться туда... Говорят, золотишко может скрываться в таких пещерах...

Спешившийся отряд начал взбираться по крутой тропе, вьющейся между громадными валунами и высокими деревьями, росшими на отвесных скалах.

— Чьи ж это погребения? — поинтересовался Минаков.

— Возможно, скифов, а возможно, других каких-нибудь племен, — ответил Козлов. — Тут в далекой древности кого только не было. Так хоронили жрецов и царей. Говорят, что таких погребений в Карачае множество.

— Под Ключевой, в скалах, на реке Белой, выше Майкопа, тоже есть такие пещеры, — заметил Минаков. — Возле станицы Баракаевской одна наполнена человеческими костями.

Белоказики шли гуськом, с трудом преодолевая каждую пядь крутой тропы.

Через полчаса они добрались наконец до площадки, тянувшейся узким карнизом поперек скалы. Взрывники заложили пироксилиновые шашки в замурованный наглухо вход в пещеру. Козлов приказал всем укрыться в расщелинах и за уступами скал. Раздался оглушительный взрыв, долгое эхо прокатилось по горам и ущельям. Когда рассеялось пыльное облако, все увидели широкий пролом в пещеру...

* * *

Матяш собрался в путь еще до рассвета. Вскинув на плечи сумки с провизией и патронами, он взял карабин, вышел на едва приметную в предутренних сумерках тропу в Умпырь. Повсюду царил тишина. На низком, воронено-синем небе еще мерцали крупинки звезд. С востока тянуло пронизывающей свежестью.

Зарю Матяш встретил уже под горою Магишо. На скалах, покрытых дремучим лесом и окутанных седым туманом, все громче щебетали птицы, в водоемах квакали лягушки. В стороне, на Умпырке, глухо ухала выпь. Держа наперевес карабин, Матяш осторожно пробирался по дикой чащобе вперед. Внезапно ему бросилось в глаза громадное сухое дерево, сучья которого торчали в разные стороны, как изогнутые железные прутья. На одном из сучков что-то медленно раскачивалось. Матяш подошел поближе и теперь ясно увидел повешенного человека. Глаза у него были выклеваны хищными птицами, руки связаны за спиной, плечи и шея в глубоких ранах.

«Кто же это? — подумал с содроганием Матяш. — Погиб человек. А за что?» Выбравшись к берегу реки, он вдруг увидел еще более жуткую картину: на деревьях и скалах — повешенные. На белой ровной скале над Умпыркой надпись: «Всех, кто пойдет против меня с оружием в руках, постигнет участь этих красных! Подъесаул Г. Е. Козлов».

— Собака! — процедил сквозь зубы Матяш и поспешно начал выбираться из этого страшного места.

На небольшой умпырской поляне он увидел стадо диких кабанов, хотел было подкрасться к ним поближе, но животные почуяли его, наострили уши и стали уходить по густым папоротниковым зарослям и бурелому. Поддавшись охотничьему азарту, Матяш некоторое время

следовал за ними. Но кабаны скрылись в дубовой роще, и Матяш только сейчас, заметил, что солнце уже перевалило за полдень. Он решил вернуться, отыскать знакомую тропу, но так и не смог. Усталый и измученный, поднялся он в сумерках на скалу, зажег там сухой пень, перекусил темного и, нарвав папоротника, сделал себе постель.

Проснулся на восходе солнца. Долго разглядывал окружающую горную местность. Наконец ему удалось определить свое местоположение, и он направился к горе Алоус.

На поляне, густо поросшей альпийскими травами, он заметил у небольшого озера стаю белых лебедей. Сердце у него замерло от радости.

— Бугундырские лебеди! — воскликнул он. — Родимые мои!

Вспомнились далекие мальчишеские годы, проведенные в Ахтырской, вблизи Бугундыря, куда он почти ежедневно бегал с удочкой ловить карасей и часами любовался лебедиными стаями, спокойно плавающими по зеркальным плесам. Сейчас, прячась за кустами, он снова восхищается их красотой и, взволнованный до слез, шептал: «Лебеди... Детство мое — светлое, беззаботное...»

Неподалеку грохнул винтовочный выстрел, и эхо с перекатами понеслось по горам и ущельям. Матяш вздрогнул от неожиданности, щелкнул затвором карабина. Стая лебедей с тревожными криками побежала по зарослям, оторвалась от земли, начала набирать высоту. Матяш увидел, как подстреленный лебедь бежал с опущенным крылом следом за стаей и громко кричал. Лебеди поднимались все выше и выше. Сделав над поляной два прощальных круга, они скрылись за облачными вершинами гор.

«Какой же это злодей стрелял?!» — гневно подумал Матяш и бросился к раненой птице, волочившей окровавленное крыло. В кустах у берега он лицом к лицу столкнулся с Лукой, который также бежал к подранку. Они остановились в замешательстве. Матяш заскрежетал зубами и, вскинув карабин, закричал:

— Ах ты, собака!

Монах юркнул за куст. Матяш выстрелил. Пуля срезала несколько веточек на орешнике. Перезаряжая на ходу карабин, Матяш бросился за своим врагом. Однако Лука пропал так же быстро, как и появился. Матяш по-

шарил глазами вокруг, поднял раненого лебедя, погладил его по голове и с болью в сердце побрел через поляну к Мертвой балке.

IX

У входа в пещеру, заросшего держидеревом, Матяш встретил своего тестя.

— Ба! — выпучив удивленно глаза, воскликнул Игнат Власьевич.

Они крепко расцеловались.

— Где же ты пропадал? — спросил Игнат Власьевич.

Андрей, опустив голову, молчал. Борода ершилась щетиной, чернела, как чистый, только что вспаханный пар.

Из пещеры выбежала Оксана и, всплеснув руками, бросилась на шею Матяша. По ее щекам катились горькие слезы.

— Андрюша, родной мой... — тихо повторяла она сквозь плач.

Матяш прижал ее к себе, промолвил сдавленным голосом:

— Ну чего ты? Я ведь жив и здоров.

Оксана улыбнулась, вытерла слезы, потянула его за рукав:

— Пойдем, а то здесь...

Широкий мрачный проход пещеры. Неровные стены и сводчатый потолок, с которого, как гигантские сосульки, свисали сталактиты, кое-где поросли светящимся мхом. Андрей шагал рядом с женой и тестем, с тоскою разглядывал свое новое жилище, и чем дальше углублялся в эту пропитанную сыростью, отвратительную дыру, тем тяжелее становилось у него на душе. Темнота постепенно сгущалась. Игнат Власьевич пошел вперед. Обходя каменные глыбы и колонны на пути, он вскоре повернул в узкий коридор, ответвлявшийся от главного входа, и очутился в совершенно непроглядной тьме.

— Ого-го! — воскликнул Андрей и остановился. — Да тут сам черт ногу сломит! Куда вы меня ведете?

— Иди, иди! — теребила его за рукав Оксана. — Тут луж много. По-над стенкою держись.

Вскоре они вошли в небольшую пещеру, освещенную пучком солнечных лучей, проникавших сквозь узкую щель западного склона горы.

— Вот тут мы и обитаем,— объявил Игнат Власьевич.

Андрей окинул взглядом пещеру. Справа стояла кровать, сделанная из свежих бревен. За ней на стене, покрытой плесенью, висела черная кошма, заменявшая ковер. На кошме сверкали позолотой и серебряной насечкой ножны шашки и кинжала. Рядом находился карабин. Тут же, на колышке,— бурка. Кровать застлана рядом. В изголовье — подушка. На полу — волчья шкура. Слева, за перегородкой из зеленых веток, такая же кровать — аккуратно убранный, с тюлевой накидкой на подушке. Серый камень за ней завешен персидским ковром. Под стеной, против «окна», — выступ, заменявший стол. Около него — несколько чурбанов-скамеек.

— Гм...— невесело усмехнулся Андрей.— Жить, конечно, тут можно, когда некуда больше податься.— Он снял кубанку и сел у стола...

Оксана стояла у входа, молча наблюдала за мужем. Она чувствовала, что с ним творится что-то неладное. Рука его лежала на столе в полосе солнечного света, и Оксане хорошо было видно, как дрожали у него пальцы. И вдруг он уронил голову на скрещенные ладони и глухо застонал, забился. Оксана побледнела, метнулась к нему, но отец остановил ее жестом, словно говоря: «Не трогай. Пусть...»

Вошла Ава, испуганно уставилась на Андрея. Оксана опустилась на камень.

Андрей медленно поднял голову, вытер рукавом лицо, пробормотал:

— Да, видно, пришел нам конец.

Игнат Власьевич опустил руку на его плечо:

— Ну, зачем так духом падать?

Андрей расстегнул воротник гимнастерки, выступавший из выреза потрепанной черкески. Оксана начала собирать обед.

— Ты погоди, Ксения,— устало промолвил Матяш. Не до еды мне сейчас... Спать хочу. Спать, спать!

— Ложись на моей кровати,— предложил ему Игнат Власьевич.

Андрей снял с себя черкеску, сапоги, лег под бурку и тотчас уснул. Игнат Власьевич нахлобучил шапку, вышел.

Время тянулось медленно, тягостно.

Склонив голову на плечо подружки, Ава сладко зевнула, потянулась, сказала тихо:

— Скоро солнце зайдет. Надо постель себе смастерить.

В пещеру заглянул Игнат Власьевич, сумрачно бросил:

— Буди его, Ксения, пора уже.

Оксана наклонилась над мужем, прошептала:

— Андрюша, вставай.

Андрей с трудом раскрыл глаза, вылез из-под бурки, сунул ноги в сапоги и, чувствуя озноб со сна, обратился к жене:

— Мне бы умыться.

Оксана взяла его под руку:

— Пойдем. Тут у нас родничок.

По узкому проходу, ярко освещенному косыми лучами солнца, она вывела его к роднику. По сторонам родника — густые заросли папоротника и держидерева. Андрей невольно залюбовался красою вечерних гор.

— Да тут как в раю! — воскликнул он, оживившись, прижал Оксану к груди и, обжигая колючей бородой ее щеки, жарко припал к губам.

— Потом, потом, Андрюша, — сказала Оксана. — А то папаня нас ждет.

Андрей засучил рукава гимнастерки, подставил пригоршню под холодную струю, начал умываться. Жемчужные брызги летели во все стороны, падали на желтые камни. Оксана подала ему полотенце. Он вытер лицо, шею, и, улыбаясь, не сводил глаз с жены.

Ава уже собрала ужин. Игнат Власьевич налил в стакан первача. Андрей поднес самогон к носу, поморщился, проговорил:

— Видать, скаженный, черт!

Игнат Власьевич чокнулся с зятем, одним духом осушил стакан и, крикнув от удовольствия, нюхнул подгорелую корку хлеба, потянулся к тарелке. Выпили и остальные, принялись за еду. Оксана поминутно поглядывала на мужа, думала: «Как он изменился за это время!» И действительно, Андрей был неузнаваем. На обветренном смуглом лице появилось несколько глубоких морщин, придававших ему какой-то старческий, угрюмый вид. Особенно старила его густая черная борода. В потускневших, утомленных глазах сквозила безысходность. Ел он мало, нехотя.

— А как же наши люди? — спросил он, остановив взгляд на тесте.

— Живы-здоровы,— ответил Игнат Власьевич.— Здесь, в пещере. После вечери ходим к ним.— Он расправил усы и бороду, добавил: — А тут недавно проездом полковник Ковалев был. С побережья пробирается, хочет занять Измайловскую пещеру.

— Я видел его у подъездаула Козлова,— сказал Андрей, пьянея.— О чем он тут разговор вел?

— Спрашивал, как мы отнесемся к амнистии,— ответил Игнат Власьевич и, помолчав, пояснил: — Скоро же у большевиков праздник будет. Третья годовщина Октябрьской революции. Ну, народ так считает, что Ленин объявит эту самую амнистию нашему брату.

— И что же вы ему?

— Да что? — Игнат Власьевич развел руками.— Нас большевики не помилуют.

— А может быть, нам лучше покаяться? — неуверенно проговорила Оксана.— Не век же нам в этих норах сидеть!

— Нет, Ксения,— мотнул головой Андрей, скривив обветренные губы.— Прав батько. Нам нечего ждать пощады от красных. Да я и не желаю падать перед ними на колени.

Игнат Власьевич, наливая по второму стакану, заключил:

— Ничего, поживем — увидим, как оно дальше будет!

* * *

Наступила темная осенняя ночь. В пещере, тускло освещенной фонарями, сидели и лежали белоказакИ. Вели разговоры о своих станицах, хуторах, вспоминали родных, знакомых. Раненые стонали, просили пить. Сырой, пропитанный табачным дымом воздух дурманил им головы, вызывал тошноту.

В глубине пещеры, на серой неровной стене, колыхались бесформенные тени, тусклый свет обнажал угрюмые выступы известняка. Тут же стояли и лошади, жевали сочную траву, фыркали.

Игнат Власьевич и Андрей прошлись по мрачной пещере. Казаки приветствовали Матяша, некоторые обнимали его, как родного.

У широкого камня, под фонарем, играли в карты, выкрикивали азартно:

— Филька!

— А вот тебе дама!

— А короля не хотел?

Невдалеке от них, сгрудившись у другого камня, подвыпившие хвастались наперебой своими станицами.

— Знаем, знаем вас, заткнись! — громко прозвучал иронический бас. — Бреешь ты все.

— А что ты знаешь про нашу Титаровку? — вскипел низенький казак с приплюснутым, широконоздрым носом.

— Да то, что вы вместо архиерея цыгана всей станицей встречали, — отозвался тот же бас.

— А ну-ка, расскажи! — весело загудели казаки.

Игнат Власевич и Андрей прислушались к разговору. Из темноты вразвалку вышел здоровенный казачина. Широко улыбаясь, он ткнул пальцем в сторону низенького казлака.

— Они всей станицей ждали архиерея. Послали дозорного на Махай-гору. Глядел-глядел дозорный и побачил на дороге пыль. «Мабуть, архиерей едет», — подумал он и давай махать шапкой. А другой такой же дозорный, что стоял под станицей, скорее на коня да к батюшке. Мол, так и так: архиерей едет... Начали звонить в колокола. Собрались на площадь попы, станичники. Из церкви вынесли хоругви... Ан глянь — вместо архиерея да цыган на серых лошадях пожаловал. Понравилось ему, что с таким почетом встречают его, встал в тачанке и во все горло крикнул: «Здорово, титаровцы, та ще й га! Жалую вам нанки на штаны да рябу кобылу!»

В пещере грохнул дружный хохот. Титаровца это сильно задело. Лицо его побагровело. В ярости он выхватил кинжал, по-петушиному закричал:

— Бреешь, собака! Да я тебя, стерва!

Казаки схватили его за руки, приказали вложить кинжал в ножны. Титаровец, сверкая глазами, продолжал петушиться. И гут кто-то бросил насмешливо басовитому казачине:

— А у вас в Казанской побачили верблюда в пшенице, стали все на колени и ну креститься: «Пресвятая мати-царица, спаси и сохрани нас от такой загогули!»

Казаки заржали еще громче.

— Что, съел? — злорадно оскалился титаровец.

— Это же дурная байка! — процедил сквозь зубы казанец.

— Нет, брат, не байка, — подхватил елизаветинец, ядовито прыская в кулак.

Казанец взъерошился, угрожающе наклонился к нему:

— Молчи лучше! Мы и про твою Елизаветинку кое-что знаем.

— Рассказывай, рассказывай! — снова загалдели казаки.

— Был у них обычай на пасху — вместе с куличом, салом и маслом святить еще и порох, — начал бас. — Вот один казак, не помню его фамилию, ни мало ни много, но больше фунта пороху взял, завязал в платочек и пошел в церковь. Купил там свечку, зажег ее и воткнул в порох. Все чин по чину. Горела свеча, горела, а когда батюшка подошел к ней с кропилом, порох как луснет! Пасха, яйца да масло разлетелись во все стороны. У батюшки от переляку кропило выпало из руки. Стоял он, стоял, да как ударит бечь! За ним и все прихожане тягу дали, пустились наперегонки, давить друг дружку начали в дверях, крик неумный подняли. Мол, черт в церкви появился...

— Не слушайте его, братцы! — пискливо завопил елизаветинец. — Брехня это!..

Игнат Власьевич и Андрей углубились в кривой коридор, направились к выходу. Здесь, в устье пещеры, стояли часовые. Холодное небо, усеянное звездами, висело низко над горами.

Игнат Власьевич зевнул, промолвил:

— Что-то Федот Давидович долго не возвращается из похода. Не стряслась ли какая беда с ним?

У входа в пещеру показалась Оксана и Ава. Поглядев на небо, они громко рассмеялись.

— Чего ржете? — шикнул на них Игнат Власьевич. — Не дюже тут большая радость.

— Вспомнили, как ходили на досвитки, — отозвалась Оксана.

— Забывайте теперь про них, — проворчал Игнат Власьевич.

С востока дохнул холодный, пронизывающий ветер, протяжно, с надломленным стоном зашумели верхушки деревьев. Андрей зябко вобрал шею в плечи.

— Ветер перепелячий, — проговорил он угрюмо. — Дело к зиме идет.

— Живы будем, так перезимуем, — сказал Игнат Власьевич.

Андрей вспомнил о раненом бугундырском лебеде, и на душе у него стало еще тоскливее.

В пещере, освещенной лампой, стоял полумрак. Ава застлала рядом свою кровать, уже сооруженную у стены, обняла Оксану за плечи, заглянула в глаза:

— Ксюша, ты рада, что Андриуша возвратился?

— Конечно, рада,— ответила Оксана.— Зачем спрашивать об этом?

— Да так...— Ава смутилась.— Гляжу я на вас, и мне кажется, что не пара он тебе. Ты такая красивая.

— Ах вот что,— рассмеялась Оксана.— Глупенькая, да разве любят только красивых? Я люблю Андриушу за то, что он сильный, смелый, не тряпка. И за то, что дорожит он моей любовью.

За медвежьей шкурой, прикрывавшей вход в коридор, раздались глухие шаги, и в пещеру вошли Игнат Власьевич, Андрей и Федот Давидович, который только что вернулся из похода.

— Да, теперь многие с нетерпением ждут амнистии,— задумчиво промолвил Игнат Власьевич, присаживаясь на свою кровать.— Боюсь, как бы и наши ряды не поредели после той амнистии.

— И такое может быть,— согласился с ним Федот Давидович.— Гарнизация у нас никудышняя. Слабовольных богато.

— Почему-то Ковалев и обеспокоен так,— подчеркнул Игнат Власьевич.— Пока еще не поздно, мы должны строго предупредить своих казаков, что с изменниками у нас разговор будет короткий.

— Значит, опять расправа? — На острых скулах Андрея судорожно передернулись мышцы.

— А что ты предлагаешь? — взглянул на него Игнат Власьевич.

Андрей раздраженно махнул рукой.

— На гриве не удержались, а на хвосте и подавно...

Федот Давидович встал, надел шапку, сказал глухо:

— Ну, я пошел.

— Вы бы повечеряли с нами,— предложил ему Игнат Власьевич.

Федот Давидович зевнул, покачал головой:

— Нет, благодарствую, пойду отдыхать. Что-то зябко стало, ломота какая-то в теле. Должно быть, притомился дуже.

Испытывая свинцовую тяжесть в ногах, он добрался

до общей пещеры, постлал на каменном уступе постель, залез под бурку. Его все чаще пробирала ледяная дрожь, кости будто разламывались.

«Эге-ге,— простонал Федот Давидович, стуча зубами.— Заболел я, мабуть». Он приподнялся на локте, выглянул из-под бурки. Вся пещера и люди, находившиеся в ней, поплыли перед глазами. Сознание туманилось. И вдруг Федот Давидович вскочил с постели, широко расставив ноги и потрясая кулаками, закричал в горячке:

— Хлопцы, не поддавайтесь, бейте их! — Он сорвал шашку со стены: — Вот!.. Вот!.. Красные!.. Рубите их, братцы!.. Рубите!.. — Ноги у него подкосились, шашка выпала из руки, и он, задыхаясь, повалился на землю.

Казак поднял его, уложили под бурку, дали знать о случившемся Бородуле. Пришел к больному Игнат Власьевич, встревоженно спросил:

— Что с тобой, Федот Давидович?

— Ничего... ничего... — стуча зубами от озноба, про-бормотал Молчун.— То огнем меня печет, то в холод кидает... А зараз Меланья привиделась... Мабуть, не дождется меня...

Подошел Матяш, нервно поскреб подбородок:

— Что же нам делать с ним?

Федот Давидович снова впал в беспамятство, заматался по постели.

— Видите?.. Видите?.. Вот они!.. Ползут, подбираются к нам... По коня-я-ям!..

— Да ты лежи! — удерживая его, сказал Игнат Власьевич.— Никаких красных здесь нет. Успокойся.

Он положил голову больного на подушку, подтолкнул под бока бурку. Тот затих, начал засыпать. Игнат Власьевич приставил к нему двух казаков...

Андрей проснулся на рассвете, разбудил Оксану и, соскочив с постели, сладко потянулся.

В пещере прозвучал сигнал побудки. Банда зашевелилась, зашумела, начала седлать лошадей. В проходах потянуло табачным дымом.

Игнат Власьевич, оставив в пещере несколько дежурных казаков-стариков и поповну, выехал со своим отрядом «на охоту».

Оксана ехала рядом с мужем. Пробравшись по узкому ущелью, заросшему гигантскими дубами, банда очутилась у крутого спуска.

Игнат Власьевич, скакавший впереди, стал спускаться

ся по узкой тропе, за ним — Андрей и Оксана, потом и весь отряд.

У входа в ущелье с гулом и ревом бушевал поток. Отряд преодолел его вброд, с полчаса двигался по ущелью и наконец выехал на обширную травянистую поляну, блестящую росой в лучах утреннего солнца. Вокруг поляны рос дубовый лес, высились угрюмые скалы.

Внезапно из-за горы, поросшей кудрявыми дубами, вынырнула кавалерия. С обнаженными шашками, сотрясая воздух могучим «ура», она лавиной устремилась на белых.

— Красные, красные! — в отчаянии закричала Оксана и яростно начала бить каблуками Кокетку в бока.

Игнат Власьевич быстро развернул отряд к бою. Красные понеслись на него во весь опор.

Виктор Левицкий, размахивая шашкой над головой, как птица, летел впереди своего полка. За ним на неутомимом Кристалле следовал Демка Вьюн, а правее, сверкая отточенной шашкой, мчался Лаврентий.

Началась жестокая сабельная рубка. Небольшая группа белоказачков рванулась в лес, но красноармейцы, сидевшие в засаде, преградили ей путь винтовочным и пулеметным огнем. Несколько казаков опрокинулись с лошадей. Под Андреем был убит конь. Андрей вылетел из седла, перевернулся через голову, вскочил на ноги и, вцепившись обеими руками в хвост лошади тестя, запальчиво крикнул:

— Гоните, папаня, шибче!

Игнат Власьевич огрел лошадь плетью, Андрей несся за ним, точно на крыльях.

Укрывшись от погони, банда залегла в дубовой роще за камнями и деревьями. Тревожный взгляд Игната Власьевича был прикован к дочери, которая мелькала на Кокетке в хаотической массе красных и белых конников, носилась по поляне. Полоска белой стали в ее руке сверкала, искрилась, режущим ударом опускалась на головы противника.

— Молодец, дочко, молодец! — воскликнул Игнат Власьевич и, покрутив дрожащими пальцами широкие усы, повел растерянными глазами по всему полю, густо усеянному трупам.

К нему приполз Андрей, посмотрел в бинокль.

— Кажется, Ксения не вырвется, — с тревогой проговорил он.

Красноармейцы окружили Оксану, но она так искусно действовала шашкой, что никто не решался приблизиться к ней. Наконец она пробилась сквозь кольцо, словно ласточка, понеслась к ущелью. Но тут путь ей преградил Виктор, совсем не подозревая, что перед ним Оксана. Она метнула на него ледяной взгляд, и в ее глазах вдруг помутилось: горы, лес и поляна перевернулись, запрыгали, как в жарком летнем мареве. Девушка пошатнулась в седле, шашка выскользнула из ее руки, вонзилась в землю. Виктор был уже совсем близко. Оксана схватилась руками за голову и, когда он занес над нею шашку, закричала диким голосом:

— Вини-ии-итя-я!..

Виктор узнал ее, но рука уже сделала свое роковое дело... Оксана, откинув голову назад и обливаясь кровью, свалилась с лошади. Виктор спрыгнул с Ратника, подхватил жену на руки. С перекошенным от ужаса лицом он припал головой к ее груди, застонал:

— Ксения... я... я... не хотел... Прости...

* * *

Игнат Власьевич и Андрей с остатком отряда поспешно возвратились в пещеру. У входа стояла Ава с дежурными казаками. Она кинулась к Андрею, закричала: — Где Ксюша?

Андрей отвернулся, промолвил, едва сдерживая слезы:

— Нет ее... Ксюши нашей.

Лицо у Авы покрылось бледными пятнами. Широко перекрестившись, она припала к дубу, судорожно охватила его руками, глухо зарыдала.

Белоказики поспешно выносили из пещеры свои пожитки, выючили на запасных лошадей.

Игнат Власьевич подошел к Федоту Давидовичу. Тот все так же лежал под буркой, тяжело дышал, охал, ворочался с боку на бок, бормотал что-то несвязное. Андрей присел на камень и, кусая губы, угрюмо глядел невидящими глазами в одну точку. Он никак не мог простить себе, что не бросился на выручку Оксане...

— Полно тебе, Андрей, — сказал Игнат Власьевич. — Тебе она — жена, мне — дочь... Твое горе — мое горе.

Федот Давидович с трудом приподнял голову, проговорил

— Братцы... не оставляйте меня здесь одного.. Я помру...

Игнат Власьевич наклонился над ним:

— Нет, нет, Федот Давидович. Не беспокойся, тебя мы не оставим.

В пещеру вбежал запыхавшийся дозорный:

— Беда! Красные на гору лезут!

Бандиты бросились из пещеры, сели на лошадей, пустились по ущелью. 1-й Афинский полк начал преследовать их.

В пещере остался один Федот Давидович. Возле него на стене висело оружие: карабин, наган, шашка и кинжал; тут же, на выступе, стояла вода в котелке, лежал ломоть черного хлеба. Большой метался в жару, скрипел ломами, выкрикивал:

— Меланья, где ты? Чуешь? Принеси воды... Скажи Гришке...

Ночью к пещере явилась стая голодных волков, завыла на все голоса. Федот Давидович пришел в себя, сквозь тьму увидел у входа горящие глаза. Волосы поднялись у него дыбом. Звери завыли еще сильнее, зашелкали зубами. Федот Давидович окликнул Игната Власевича. В ответ по пещере прокатилось эхо. Где-то далеко, точно из трубы, вылетело: «Игнаааа-аа-ат Влааа-аа-сьеее-ви-ич!» Федот Давидович понял, что его бросили, дотянулся до стены, нащупал карабин. Лег на живот, прицелился в зловещие огоньки. Грохнул раскатистый выстрел. Волки шарахнулись в сторону, пропали в ночи.

Федот Давидович снова впал в беспамятство, но через некоторое время очнулся и, не найдя в темноте карабина, сорвал с колышка шашку, вынул ее из ножен, встал с постели. Передвигая широко расставленные ноги, пошатываясь, медленно пошел к выходу. Тело дрожало, голова кружилась, гудела, как горячий котел, к горлу подступала тошнота. Тяжело дыша, он с трудом выбрался из пещеры и тут же упал, шашка соскользнула с наклона горы, зазвенела по камням..

XI

Октябрь на исходе. По свинцово-серому небу с тяжелыми хвостами плыли угрюмые дождевые тучи. Солнце, точно масляное пятно на воде, расплылось, светило неярко, но жара еще брала свое, спадала только к вечеру,

и тогда в воздухе чувствовалось дыхание осени. Ветер становился порывистым, рвал на деревьях поблекшие листья, гонял их по садам и лесам. Птицы стаями носились над пустующими полями. Ожиревшие русаки выбегали в лунные ночи на опушку леса, поднимались на задние лапы и подолгу высматривали, нет ли поблизости хищников.

Кубань не так бурно и стремительно несла свои мутные воды, как это обычно бывает в троицкие дни, когда на Кавказских горах начинают таять ледники или же льют сильные дожди. Теперь она присмирела, вошла в изрезанные песчаные берега и в верховьях выглядела смиренной ленивой речушкой.

А в лесу — что за таинственная прелесть! Какая необыкновенная красота! Игольчатые лучи золотистого солнца прорезались сквозь бронзовую листву, обливали ее золотом, и деревья, словно невесты перед венцом, стояли в дорогих нарядах; кланялись под дыханием ветра солнцу, оживленно шумели, шептались меж собой. Калина горела, как жар, слепила очи!

Утро выдалось солнечное, прозрачное. Голубое небо очищалось от туч. На бескрайних краснодольских полях то там, то здесь чернели полосы зяблевой вспашки, щетинились сочной зеленью озимые всходы. Буйный восточный ветер гонял по земле перекасти-поле. Воздух постепенно накалялся, и на далеком светлом горизонте все сильнее колыхались прозрачные токи марева.

Из-за бугра выплыла одинокая женская фигура, устало бредущая за плугом. Понукая плетущихся в борозде волов и лошадей, женщина пела песню, которую подхватывал ветер и далеко уносил в широкую открытую степь. Голос ее то замирал, то опять усиливался.

Женщина росла на глазах, трепетала в горячем воздухе вместе со своим плугом, волами и лошадьми, становилась как бы прозрачно-невесомой. Вот она оторвалась от земли и медленно поплыла над пашней. Одежда на ней точно была объята бесцветным пламенем, колыхалась, как отражение в чистой воде. С непокрытой головы на плечи и грудь ниспадали длинные растрепанные волосы, по изможденному лицу градом катились слезы...

Степь будто прислушивалась к грустной мелодии песни, к голосу, наполненному слезами.

Гей ты, ныво, в тебе гоң,
От Кубани аж до Дону!
Та широка ж, як погляну,

Геть укрывалась кылымамы¹,
Огорнулася лугама
И протяглася по лыману...

Голос затих. Женщина спустилась с бугра, и ее фигура стала сразу маленькой, шуплой. Это была Левицкая. С трудом шагая в борозде пустого, безлюдного поля, она гикнула на волов и снова запела:

Шо ж то, ныво, лыхом збыта,
Потом, кровню полыта,
Ныньки сталося з тобою?
Не красуешься скыртами,
А глушишься лободою?

Она остановилась на минуту, поглядела из-под ладоши вокруг, поправила прядь волос, падавшую на лицо, затем опять положила руки на чапиги и пошла дальше. А плачущий голос ее все плыл и плыл над степью.

* * *

Осенние сумерки быстро густели. Краснодарская будто растворялась в ночной тьме, затихала.

Влас Пантелеймонович Бородуля вошел к себе во двор, направился было в дом, но, подумав немного, почесал затылок, заковылял к небольшой хатенке, пристроенной к конюшне, отпер дверь, скрылся в темной комнатушке. Там он зажег жирник на закрытом окне, запер дверь, опустился на колени перед иконой богородицы, усердно начал бить земные поклоны.

Снаружи послышался шорох. Влас Пантелеймонович испуганно прислушался, на цыпочках подошел к двери. Шорох повторился.

«Господи! — прошептал старик, торопливо погасил свет и, затаив дыхание, припал ухом к двери. Шорох приближался. — Ну, кто... кто бы это? — подумал Влас Пантелеймонович, чувствуя, как спину пробирает мороз. — Ведь ко мне никто не ходит...» В это время дверь так затрещала, что казалось, она вот-вот расколется надвое. Старик был ни жив ни мертв.

За дверью нетерпеливо захрюкала свинья.

— Чу!.. Окаянная! — дрожа всем телом, едва вымолвил Влас Пантелеймонович.

Свинья еще раз хрюкнула и пошла прочь. Влас Пантелеймонович подошел к окну. Ему чудилось, что за

¹ Кылымамы (укр.) — коврами

дверью была не свинья, а разбойник. На дворе шумел ветер. Обманчивые звуки ночи пугали старика.

Но вот за окном явственно послышались чьи-то шаги. Влас Пантелеймоновича опять обуял страх. Из-за двери донесся женский голос:

— Влас Пантелеймонович, вы здесь? Откройте, это я.

Старик узнал голос игуменьи, вздохнул облегченно:

— Слава богу, это матушка.— И открыл дверь.

В комнату в сопровождении Луки вошла игуменья, сказала:

— Что же у вас темно?

— Я зараз.— Влас Пантелеймонович зажег светильник, приподнял над головой.— Каким ветром занесло вас, матушка?

Игуменья указала на монаха, стоявшего за ее спиной:

— Я привезла вам этого человека. Он прибыл из тех мест, где находится Игнат Власьевич.

— Игнат?..— заглядывая монаху в лицо, недоверчиво протянул Влас Пантелеймонович.

— Да... я оттуда, с гор,— подтвердил Лука.

— А как ваше имя и по батюшке? — спросил Влас Пантелеймонович.

— Просто — брат Нифонт,— ответил Лука.

— К нам приехал по совету Алексея Ивановича Хвостикова,— пояснила игуменья и после небольшой паузы подчеркнула: — И вам радостную весточку привез.

— Ну что ж,— прохрипел Влас Пантелеймонович.— Я даже рад такому гостю. А то... про меня все забыли... На старости один как палец... — Он всхлипнул, вытер слезу на левом глазу.

— Можешь располагаться, брат Нифонт,— сказала игуменья монаху.— А я поеду.

— Прощевайте, матушка,— пробасил Лука, разглядывая тускло освещенную комнатушку.

Влас Пантелеймонович проводил игуменью за калитку и, вернувшись, сказал:

— А я оце перед вашим приходом даже страху набрался.

— Что же случилось? — спросил Лука простуженным голосом, сел на скрипучую табуретку у стены.

— Да... — Влас Пантелеймонович махнул рукой и рассказал, как его напугала свинья.

Лука взглянул на него исподлобья, промолвил тихо:

— Бывает... В ком есть страх, в том есть и бог

Влас Пантелеймонович уселся на топчане, закашлялся, вытер слезившийся глаз; спросил:

— Ну, как мой сын там, в горах? Давно вы бачили его?

— Я недели две тому назад был у него, — соврал Лука. — Живет он со своими друзьями неплохо.

— И дочка с ним?

— Ксения?

— Да!.. Внученька моя!

— Была с ним.

— А чоловик ее?

— Кто такой?

— Андрей Матяш. Чулы про такого?

Лука почесал кончик носа, буркнул:

— Знаю я Матяша.

Старик уловил в его голосе раздраженность и злобу, насторожился. Лука заметил это, улыбнулся:

— С Матяшом мне не раз приходилось встречаться. Воинственный казак. — И вдруг объявил: — Устал я сильно. Прилечь бы с дороги. А завтра потолкуем обо всем.

XII

Краснодольская проснулась рано. Утренний туман клубился в садах, дворах и на улицах. Калита возился с лошадьми, когда мимо его двора проскакало к центру станции несколько конников. Вскоре по улице потянулась кавалерийская часть. Калита подошел к забору, стал приглядываться к верховым казакам. К нему подбежала Клава Белозерова. Переведя дыхание, она сказала:

— Это же бойцы 1-го Афинского полка! С ними должны быть и Левицкие, и Соня.

— Ой, лышенько! — всплеснула руками Денисовна, стоявшая у двери сенец. — Да где же они?

В голове колонны замаячило красное знамя, под которым на Кристалле ехал Демка Вьюн. Клава бросилась к нему и, не помня себя от радости, вцепилась в стремя, закричала:

— Дема, здравствуй!

Вьюн низко наклонился, подхватил ее одной рукой и на виду у всех казаков поцеловал, сказал улыбаясь:

— Жди меня сегодня в гости.

— А где же Соня, Витя? — спросила Клава.

Вьюн шмыгнул носом, указал рукою назад:

— Соня в обозе, а Витька у моста.

Туман постепенно рассеивался, а конница все шла да шла. Красные стяги пламенели над усталыми бойцами, горели, как жар, в утреннем влажном воздухе. Все заборы были уже унижены казачатами, парнями и девушками; у ворот и калиток группами стояли старые и молодые, шумно приветствуя возвращавшихся с фронта бойцов Красной Армии.

Наконец показался эскадрон кавалеристов, среди которых был и Лаврентий Левицкий. Поросшее щетиной лицо его было припудрено пылью, припухшие красные глаза светились радостью. Следом за эскадроном ехал на Ратнике и Виктор.

На санитарной двуколке подъехала Соня. Соскочив на землю, она бросилась к Клаве, и подружки, плача и громко смеясь, начали целовать друг друга.

— Доченька, родная моя! — позвала Денисовна.

Увидев отца и мать, вышедших навстречу, Соня прынула к ним и, целуя их попеременно, повторяла сквозь слезы радости:

— Батя!.. Маманя!.. Как же я соскучилась по вас! Какое счастье, что вы живы...

Родители взяли ее под руки, повели во двор.

Лаврентий ехал по улице, то и дело кланялся станичникам, шарил взволнованными глазами по дворам, где все еще оставались следы разбоя хвостиковцев: сожженные хаты, сарай, амбары. А мысли его были уже дома. С нетерпением ждал он той минуты, когда остановится у родного двора и навстречу выйдет жена, широко откроет ворота.

На церковной площади кавалеристы выстраивались колоннами вдоль плетней и заборов. Лаврентий, проезжая мимо ревкома, увидел на парадном крыльце Норкина и Корягину, помахал им рукой:

— Привет, товарищи!

— Здравствуйте, Лаврентий Никифорович! — отозвался Норкин. — Задержитесь на минутку, дело есть.

— Не могу, Василий Афиногенович, — ответил Лаврентий. — Бачишь, я в строю.

— Ну хорошо, — сказал Норкин. — Потом встретимся.

* * *

Левницкие подскакали к своему двору, остановили коней у ворот. Жучка бросилась к ним с лаем. Виктор окли-

кнул ее, и собака начала ласкаться, визжать от радости. Во дворе никого не было. Виктор слез с коня, открыл калитку, повел за собой Ратника. За ним поехал и отец, спешил к хате и, передав повод сыну, толкнул дверь, но она оказалась запертой. Виктор отвел лошадей в конюшню и, возвратившись назад, озабоченно спросил:

— Где же это маманя?

— Десь тут она, — промолвил отец. — Куда бы ей деваться. — Он взял ключ за наличником притолоки, отомкнул дверь.

К ним подбежала соседская девочка, пролетела:

— А... а... бабушки нема дома. О... о... оны на кошу пахают.

Лаврентий достал из походной сумки кусочек сахара, протянул девочке:

— Вот тебе гостинчик. Возьми, деточка.

Девочка, не спуская с него глаз, схватила сахар, спрятала за спину. Лаврентий ласково потренил ее по плечу, и она пустилась со двора.

— Я съезжу на кош, — сказал Виктор.

— Поезжай, сынок, поезжай, — согласился отец, обводя свой двор и постройки растроганным взглядом.

Виктор торопливо подтянул у Ратника подпругу, махнул в седло, поскакал со двора. Лаврентий постоял в задумчивости у частоколыча, тянувшегося вдоль хаты, сел на завалинку, поставил карабин к стене. Жучка доверчиво положила голову на его колени, закрыла глаза. Лаврентий машинально гладил ее рукой.

Прошло больше часа.

С улицы донесся скрип воза. Лаврентий резко поднял голову и увидел сына, въехавшего в калитку.

— А мать где? — поспешно спросил он.

— Вот, едут, встречайте! — Виктор указал назад, слез с Ратника.

Лаврентий торопливо открыл ворота, и Мироновна, сидя на возу, позади которого тянулась в налыгаче пара волов, запряженных в плуг, въехала во двор. Лаврентий снял ее с воза, крепко поцеловал в сухие, потрескавшиеся губы. Мироновна усталым движением руки поправила сползший платок на седой голове, промолвила:

— Значит, война закончилась.

Лаврентий поскреб затылок, пробормотал в усы:

— Не совсем, Паша.

Мироновна тяжело вздохнула и побрела к хате.

В воскресенье утром, 24 октября, на церковной площади толпились краснодольцы. Утреню правил поп Сосько, присланный из Екатеринодара в станицу на место погибшего Белугина.

На колокольне сидел звонарь, то и дело поглядывал на бугор, в ту сторону, откуда должна была появиться карета, посланная матерью Рафаилой в Кавказскую за Евсеем.

Карета наконец выплыла из-за бугра, и звонарь, не мешкая, зазвонил во все колокола.

Сосько вышел на паперть. За ним повалили прихожане.

Вскоре на улице, ведущей к площади, показалась карета. На облучке сидел Мирон с попом Ратмировым, а за ними, в кузове,— Евсеев и Александр.

Мирон ударил лошадей вожжами, подкатил к воротам церковной ограды. К викарию подошел Сосько, пожал ему руку, потом с почтением поклонился Забелину и Ратмирову.

— Мы у вас не будем задерживаться, отец Август,— озирая толпу любопытных краснодольцев, сказал Евсеев.— А если у вас есть какое-либо дело ко мне, то поедемте с нами.

— С удовольствием,— ответил Сосько.— Только минуточку. Я разоблачусь.— Он скрылся в притворе и, не заставив долго ждать себя, вернулся к карете, сел с Александром, заняв добрую половину сиденья, рессоры под ним жалобно скрипнули.

Лошади тронули. Колокола умолкли.

Переехав мост через Кубань, Евсеев вдохнул полной грудью душистый лесной воздух и, любясь яркими красками осени, щедро положенными на каждое дерево, спросил:

— Ну, как вы себя чувствуете на новом месте, отец Август?

— Слава богу, ваше преосвященство,— ответил Сосько густым, рокочущим басом.— Не жалею. Только с жильем не совсем устроился: вот скоро Корягина, жена погибшего председателя ревкома, должна выехать из станицы. Я тогда займу дом покойного отца Валерьяна.

— Ну, а паства? — поинтересовался Александр.— Как встретили вас прихожане?

— Слава богу, неплохо. Народ в этой станице приятный, богобоязливый.

— Это главное,— отметил Ратмиров.

— А вот у нас-то в монастыре до сей поры священника нету,— вмешался в разговор Мирон.— После смерти отца Фотия раза два аль три была служба... проводил ее отец Валерьян, как еще при жизни, а теперь прохлаждаемся: каждый сам по себе богу молится.

— Скоро и у вас будет священник,— сказал Евсевий, оглядывая густой лес, тянувшийся двумя сплошными стенами вдоль обочин ухабистой дороги.— Надо посоветоваться с матерью Рафаилой, кого б она желала.

— А не послать ли туда отца Серафiona Вальницкого? — предложил Ратмиров.

— Что вы, отец Филогоний,— возразил Евсевий.— Вальницкий слишком молод.— И на его выхоленном лице заскользила лукавая улыбка. Указав украдкой на Мирона, сидевшего к нему спиною, он добавил шепотом: — Тут да надо старика, чтобы соблазна не было.

— Тогда пошлите Новака или Битина,— сказал Александр.— Это вполне подходящие кандидатуры.

— Пожалуй, с ними следут поговорить,— согласился Евсевий и, обратясь к Сосько, спросил: — Кстати, Битин, кажется, доводится вам каким-то родственником?

— Да,— ответил тот, снял широкополую фетровую шляпу и, обмахивая ею вспотевшее лицо, прибавил: — Двоюродным братом по матери.

Мирон громко чмокнул губами, дернул вожжи, и карета быстро покатила по дороге к монастырю.

XIII

Услышав колокольный звон, донесшийся из Краснодольской, игуменья созвала рясофорных и мантийных отшельниц, велела им, без всякого шума, отправить всех беременных монахинь и послушниц на весь день в лес за ежевикой и калиной, строго наказав, чтобы ни одна из них не появлялась в монастыре до поздней ночи, дабы владыка не увидел их в таком обесчещенном положении.

Вернувшись в свою келью, она заглянула в трюмо, поправила волосы и; слегка напудрив нос, побежала в спальню. Оглядела убранную постель, разровняла на ней черное кружевное покрывало, тюлевую накидку на взбитых пуховых подушках, подумала с опас-

кой: «Хотя бы ничего такого... не заметил, не осудил...»

Стенные часы пробили половину десятого. Чутьочку отодвинув гардину в сторону, игуменья посмотрела во двор. Там уже гурьбой собралось около пятидесяти «виновниц». Они двинулись через фруктовый сад в лес, начинавшийся за южной оградой монастыря.

— Негодницы! — гневно бросила игуменья. — Срам какой! Ну, погодите же! Только бы все обошлось благополучно. Я с вами потом поговорю по-иному... — А перед ее мысленным взором вновь и вновь возникал образ Евсевия. «Какой он молодой, красивый», — подумала она и вдруг почувствовала, как сладко затрепетало ее сердце.

В келью, тяжело дыша, вбежала мать Иоанна. За нею на пороге показалась и мать Сергия. Поспешно осенив себя крестом, надзирательница вскричала:

— Матушка, едут уже!

— И как это мы сподобились такой чести? — умильно вздохнула казначея. — Сам владыка к нам жалует.

Игуменья перекрестилась, проговорила:

— Идите, идите, матушки!.. Звонить в колокола!.. Встречайте!

Старухи поспешили в дверь.

Над монастырем поплыл густой праздничный перезвон колоколов. К воротам монастыря повалили все монахини и послушницы.

Через несколько минут карета въехала во двор, остановилась у колокольной. Скитницы загудели и, падая на колени, начали неистово бить земные поклоны, креститься. С подножки по-молодецки соскочил Евсевий, благословил их, потом слез Александр, а следом Ратмиров и Сосько.

Из башни вышла игуменья. Подобрав длинную мантию, она не спеша спустилась вниз, с улыбкой протянула викарию нежную руку, сказала:

— Вот видите, ваше преосвященство, как мы вас встречаем... невольню нарушаем церковные каноны.

— А что поделаешь? — Евсевий по своему обыкновению развел руками. — Сие от нас да и от вас не зависит, мать игуменья. — Он указал на небо. — Тут воля всевышнего.

Игуменья проводила приехавших к себе в приемную

— Вот и в церкви службы не отправляются, — сказала она огорченно. — Живем как неверующие.

— А вы бы пригласили какого-нибудь священника из

Кавказского монастыря,— посоветовал Сосько.— Обратились бы к игумену, отцу Варлааму. Он бы уважил вас...

— Да, да! — подхватил Александр, разглядывая большую групповую фотографию, висевшую на стене.

— Я приглашала его,— ответила игуменья,— но он оказался несговорчивым стариком. Говорит, обращай к епископу. А вы же знаете, что я с Иоанном вот уже скоро полгода как в ссоре. Обидел он меня сильно.

— Что и говорить, владыка — строптивый старик,— заметил Ратмиров.— Знает только свою персону.

— Ничего,— сказал Евсей. — Завтра мы поедем с вами в Кавказский монастырь, поговорим с отцом Варлаамом. У него же больше двадцати священников. А потом пришем вам кого-нибудь из Екатеринодара. Возможно, отца Макария Битина. Надеюсь, вы не будете возражать?

Игуменья пожала плечами:

— Что ж, он хороший человек.

Александр указал на фотокарточку:

— А это, ваше преосвященство, хозяйка данной пустыни, Екатерина Любимовна Вербицкая.

Евсей, Ратмиров и Сосько подошли к фотокарточке. В центре, в окружении учителей гимназии, сидела помещица. Внизу занимали вторую скамейку четыре казачонка в шапках: два по краям — в черкесках с серебряными газырями, при кинжалах, и два в середине — в балахонах. На земле, также в балахонах и шапках, средний сидел, а два по сторонам полулежали.

— Это ее воспитанники,— пояснила игуменья.

— Говорят, она была незамужней,— сказал Александр.

— Да,— подтвердила игуменья.— Ее отец был богатым дворянином, участвовал в заговоре против Александра III и был осужден царским судом на пожизненную каторгу. Всему его роду — сыну и дочери — было запрещено жениться и выходить замуж. Вот она и осталась девницей.

— Выходит, ее выслали в эти места по приговору суда? — спросил Евсей.

Игуменья утвердительно наклонила голову:

— Ей было разрешено купить здесь три тысячи шестьсот десятин пахотной земли, и она сперва обзавелась на этом месте усадьбой, потом выстроила этот монастырь и долго жила в нем, а в позапрошлом году уехала к матери в Ялту.

— Энергичная женщина,— заметил Евсей.

— А верно, что она с вашим покойным батюшкой не в ладах жила? — поинтересовался Александр.

— Что верно, то верно — не ладила,— задумчиво промолвила игуменья.— Земля наша граничила с ее землей. Бывало, только лошадь или корова перешагнут между — она и их угонит к себе. Ну, и отец начал то же самое. Она ему, бывало, кричит: «Я всю твою землю золотом засыплю!» А он ей в ответ: «А я твою овцами вытопчу!»

— Как мне помнится, у вашего батюшки было более четырех тысяч десятин пахотной да около двух тысяч выпасной земли,— смеясь, заметил Ратмиров.— Засыпать такой кусочек золотом — ой-ой-ой! А вот вытоптать земли Вербицкой он мог: ведь у него насчитывалось до пятидесяти тысяч тонкорунных овец мазаевской породы.

— Где же сейчас ваши братья? — спросил Сосько.

— Алексей и Григорий — в Турции, а Сергей и младшая сестра Александра — в Болгарии.

— Сергея я хорошо знал,— сказал Александр.— Интересный был человек.

Игуменья грустно улыбнулась:

— Да, отличался причудами. Уж больно экстравагантный характер у него. Любил поиздеваться над своими рабочими. Отец, бывало, рассчитает рабочих, а Сергей со своими дружками настигнет их в лесу, отберет деньги и кутит потом целые недели.

— А вы не знаете, мать Рафаила, какова судьба Льва Акимовича Николенко, вашего соседа, что жил за Гулькевичами?

— Лев Акимович со старшим сыном Александром переехал в Екатеринодар,— сообщила игуменья.— Александр вскоре умер от разрыва сердца. Лавр ушел в армию Буденного. А Иван и Павел бежали в Венгрию. Лев-то Акимович ведь слепой.

— Я слышал, что он собирался за границу,— уточнил Александр,— но успел лишь перевести золото в английский банк.

Дверь бесшумно приоткрылась, в приемную заглянула мать Иоанна, украдкой кивнула игуменье. Это означало, что в трапезной все готово.

Игуменья пригласила гостей откушать.

После обеда гости в сопровождении игуменьи, попа Сосько, надзирательницы и казначеи начали обход всей пустыни. В каждой келье монахини и послушницы встречали викария и трех пастырей низкими поклонами. Евсевий благословлял их, спрашивал о монастырском житье-бытье, шел дальше.

Во второй половине дня, когда осмотр закончился, Евсевий подробно посвятил игуменью, старших монахинь и священника Сосько в свои планы, познакомил их с посланием патриарха Тихона, рассказал о наметившемся расколе в православной церкви.

— Мы с вами, — с жаром говорил он, — должны вести активную борьбу против епископа Иоанна, который своими действиями вольно или невольно способствует упрочению Советской власти, добиться его смещения с поста. Кроме того, нам надлежит поднимать православных против большевиков, к чему нас призывает патриарх Тихон, насадить во всех кубанских церквях и монастырях своих пастырей, то есть тех, кто поддерживает патриарха Тихона. В скором времени я издам указ о воспрещении стричь волосы и бороды, введу анкеты и буду требовать от раскаявшихся, чтобы они подписали их, распространю свои церковные правила. А в декабре этого года, вероятно, соберем епархиальный совет и на нем решим вопрос о владыке Кубано-Черноморской области.

Следующим выступил Александр. Положив костлявые руки на круглый стол, застланный черной бархатной скатертью, он выпрямился, загудел густым басом:

— Кроме сказанного отцом Евсеем, довожу до вашего сведения, что наш штаб, находящийся в Черноморской Екатерино-Лебяжской Николаевской общежительной пустыни, уже приступил к работе. И мы всеми силами обязаны поддерживать его. Иоанн слишком долго заседелся в епископском кресле. На его место следует поставить всеми нами уважаемого викария Евсевия!

Евсевий слушал Александра с напускной скромностью, но в его карих глазах поблескивали искорки тщеславия.

Александр видел, что Евсееву нравилось выступление, и, ораторствуя дальше, он еще больше нападал на епископа Иоанна и безмерно восхвалял новоявленного владыку.

Мать Иоанна то и дело осеняла себя крестом, бормо-

тала молитвы, а когда Александр умолк, спросила с опаской:

— Что же это наш епископ супротив патриарха пошел?

Александр криво усмехнулся:

— Старик выжил из ума. Чересчур одряхлел...

— Какой грех на душу принял под старость! — покачала головой мать Сергия.

— А вы пришлете нам послание патриарха? — обратилась игуменья к викарию.

— Обязательно! — сказал Евсевий. — Сейчас это «Предупреждение к чадам православной веры» размножается на стеклографе, и как только оно будет отпечатано, мы разошлем его по всем монастырям и церквам области, а вы, в свою очередь, размножите его здесь от руки и будете раздавать богомольцам.

— Но не всем, — предупредил Александр. — Только самым надежным, чтобы послание не попало в руки большевиков.

— Это мы уже знаем, кому дать, — промолвила мать Иоанна.

Ратмиров положил свои длинные руки на стол, сказал игуменье:

— Завтра же принимайтесь за агитацию, мать Рафаила. Пошлите побольше сестер в народ, пусть они будоражат людей, готовят массу к всеобщему восстанию против большевиков. — Он перевел взгляд на Сосько: — И вы включайтесь в работу, отец Август.

— За нами дело не станет! — махнула рукой мать Иоанна.

— Мы уже давно занимаемся этой агитацией, — заявила игуменья. — Всегда были, есть и будем на своем священном посту.

— Отец Фотий даже живота не пожалел своего во имя дела господня! — вздохнула мать Сергия.

— Господи Иисусе! — перекрестилась мать Иоанна. — Спаси и сохрани нас.

XIV

Совещание закончилось поздним вечером. Мать Иоанна проводила Александра и Ратмирова в отведенный им номер в гостинице, а игуменья с Евсеем прошла

потаенным ходом к себе в келью, зажгла свет, сказала с обворожительной улыбкой:

— Вижу, вы очень устали, ваше преосвященство. Сию минуточку я покажу вам вашу комнату.— Она заглянула в трюмо, взяла подсвечник с горящей свечой и, направляясь к себе в спальню, пригласила: — Прошу, ваше преосвященство.

Евсевий последовал за нею. Игуменья заломила угол ковра, висевшего во всю стену, приоткрыла дверь:

— Проходите.

В тускло освещенной комнате Евсевий увидел богатую обстановку. Заметив в полутемном углу дверь, занавешенную портьерой, спросил:

— Там еще есть комната?

— Нет, это выход во двор,— пояснила игуменья.— Вы будете им пользоваться.

— А этим... воспещается? — Евсевий с улыбкой указал глазами на дверь, ведущую в келью игуменьи.

— Можно, но только с моего согласия,— игриво ответила игуменья и, помолчав, добавила: — Впрочем, как вам будет угодно... Для вас у меня нет никаких запретных ходов...

Евсевий тихо засмеялся и, наклонившись к самому лицу игуменьи, прошептал пылко:

— Все мы люди, все мы человеки... Грехов юности моей и преступлений не вспоминай, господи!

После сытного ужина они вышли в сад. На дворе совсем потемнело, и на юго-востоке уже поднималась громадная красно-бурая луна. В ее таинственных лучах сад выглядел чарующим.

Евсевий вдруг прижался щекой к щеке игуменьи. Она тоже прильнула к нему...

Но в эту минуту в саду раздались чьи-то шаги, и в аллее, залитой лунным светом, показалась группа монахинь. Игуменья отпрянула от Евсевия, с досадой подумала: «Черт их несет через сад! Не могли пойти по обходной дороге». Но делать было нечего. Как ни в чем не бывало она направилась с Евсвием навстречу идущим и, как только приблизилась к ним, спокойно объявила:

— Это наш новый владыка...

Монахини начали креститься, кланяться.

— А что это у вас в подолах? — поинтересовался Евсевий.

— Лесные ягоды, ваше преосвященство,— вразнобой ответили монахини

Евсевий обратил внимание на то, что у каждой монахини слишком уж большая «ноша» в подоле, протянул к передней руку, спросил:

— А отведать можно?

Монахиня подала ему веточку с ягодами ежевики:

— Вот самые свежие.

Евсевий бросил в рот несколько ягод, воскликнул:

— О, какая прелесть!..

— Идите, идите, сестры! — сказала игуменья монашкам.— А то вы устали...

Те бочком, бочком, одна за другой прошмыгнули мимо Евсевия и скрылись в тени сада.

«Негодницы! — в душе бросила им вслед игуменья.— И надо же было повстречаться с ними!..»

Евсевий взял ее под руку.

— Завтра я, видимо, не поеду в Кавказский миссионерский монастырь к отцу Варлааму,— объявил он.— Пожалуй, мне лучше направиться в Свято-Михайло-Афонскую Закубанскую пустынь. А на обратном пути я с вами побываю у отца Варлаама.

— Можно и так,— согласилась игуменья.— Поезжайте прежде к матери Кирилле.

— Что представляет собой эта женщина? — поинтересовался Евсевий.

— Своевольная, привередливая старуха,— сказала игуменья.— Очень уж придирчива к подчиненным.

— А как проехать туда кратчайшим путем?

Игуменья помедлила немного, посоветовала:

— Пустынь стоит между Севастопольской, Даховской и Бесленевской. Уда будет верст сто пятьдесят, если не больше. А ехать лучше всего через Темиргоевскую, Дондуковскую и Ярославскую.

— Это значит, мне понадобится не меньше недели,— прикинул Евсевий.

— Да, пожалуй,— подтвердила игуменья.

— А каково ваше мнение о настоятельнице Покровского монастыря? — спросил Евсевий.

Игуменья иронически усмехнулась:

— Мать Стефанида тоже с причудами. У нее в монастыре большие беспорядки. Монахини распутничают, никому не подчиняются.

— Не монастыри, а своеобразная Запорожская воль-

нища,— не без огорчения заметил Евсевий.— И все это благодаря беспечному руководству епископа Иоанна. Везде, везде придется наводить порядки!

Они возвратились во двор. У башни их встретил Мирон.

— Что тебе, Захарыч? — обратилась к нему игуменья.

— Хотел я поспросить кое-что у святого отца Евсевия,— проговорил Мирон, переминаясь с ноги на ногу.— Кутерьма у меня в голове пошла всякая... Так я насчет выяснения...

— Отчего же эта «кутерьма» у тебя, раб божий? — спросил Евсевий.

Мирон почесал затылок:

— Да вот никак не раскумекаю, что значит «пресвятая троица»? Как надоть ее понимать... бог-отец, бог-сын, бог-дух святой? Ежели в боге три лица, то не три ли энто... и бога?

Евсевий улыбнулся, пожелал игуменье спокойной ночи и, когда она ушла, обернулся к Миرونу:

— А почему у вас возник этот вопрос, раб божий?

Мирон пожал плечами:

— Бог его знает, почему. Возник — и все тут...

Евсевий поставил ногу на нижнюю ступеньку крыльца у входа в отведенную ему комнату и после некоторого раздумья сказал:

— Учение о боге, раб божий, как троичном в лицах, или, иначе сказать, учение о пресвятой троице, служит основанием всей истинной спасительной веры нашей. Постигнуть же это учение своим разумом мы не можем. Как при единстве своем бог имеет в себе три лица, это действительно тайна неисследимая.

— Как же энто так? — спросил Мирон недоумевая.— В вере все должно...

— Видите ли,— перебил его Евсевий,— не все подвластно даже пытливому человеческому разуму. Когда блаженный Августин писал книгу о пресвятой троице, он тоже хотел постигнуть тайну святой троицы, но не мог. Бог не позволил...

— Так почто же энто бог не хочет открыть людям свою тайну о троице? — продолжал Мирон.— Аль от энтого зависит жисть его на небеси?

Евсевий развел руками:

— Неведомо, раб божий. У бога много всяких тайн.

— Значит, «темна вода во облацех»? — насмешливо прищурился Мирон.

Евсевий долго глядел на него, как бы желая проникнуть в душу этого совсем простого человека, затем положил руку на его плечо, посоветовал:

— Не вдавайтесь, раб божий, в сны отвлеченности.

— Почему же так? — удивился Мирон.

— Просто... — Евсевий развел руками. — Человек слаб своим умом, чтобы постичь божью мудрость.

Мирон закурил и медленно направился к колокольне. Раздосадованный разговором с ним, Евсевий вошел в свою комнату, зажег свечу на столике, неторопливо снял с себя скуфейку, рясу, пригладил ладонями пышные волосы перед зеркалом, сел у столика.

«Темный человек, — думал он. — Что же тогда следует ожидать от просвещенного? Народ ставит религию под сомнение. Это страшно и даже ужасно!» Его озабоченный взгляд упал на дверь, ведущую в спальню игуменьи. В это время из-за двери слышались мягкие шаги, и тотчас прозвучал голос самой игуменьи:

— Вы еще не спите, ваше преосвященство?

— Нет, не сплю, — ответил Евсевий. — Заходите. Мне очень нужно поговорить с вами.

— А чад-то, чад какой! — воскликнула игуменья, входя. Взяла щипцы, сняла со свечи сгоревший фитиль.

Она взволнованно ждала, что Евсевий подойдет к ней, обнимет, как в саду, но он не сделал этого, сказал с нескрываемым раздражением:

— Этот мужик... ваш кучер... опасен крайне.

— Стоит ли придавать серьезное значение словам этого пустомели? — заметила игуменья. — Просто он забавный старикан. Начитался божественных книг и всем нам изрядно надоел своими глупыми вопросами.

— Не так уж он забавен, как вам кажется, — сказал Евсевий. — Ваш кучер — себе на уме. Я отлично понял его.

— Бог с ним! Зачем нам вдаваться в эти рассуждения, ваше преосвященство? — Она остановила на нем зовущие глаза: — Ведь вы же сами сказали: «Все мы люди, все мы человеки...»

— Да, да, — подхватил Евсевий. — Вы правы. Так будем же и мы в эту ночь о делах всевышнего...

Рано утром у башни уже стояли заложенные кони. На облучке кареты сидел Мирон с вожжами в руках, поджидая святых отцов. Из гостиницы в сопровождении матери Иоанны вышли Александр и Ратмиров. Вскоре на крылечке приемной появились Евсей и игуменья.

— А сегодня, пожалуй, денек будет хороший,— отметил Евсей.

— Да,— поглядывая на чистое, безоблачное небо, проговорила игуменья.— Вам повезло.— И, как бы спохватившись, прибавила: — Кстати, я могу проводить вас за монастырь... через сад: тут есть тропа... к вашей дороге.

— Ну что ж,— согласился Евсей.— Мы с удовольствием.

— Нет,— поднимаясь в карету, возразил Александр.— Я предпочитаю ехать. Да и отец Филогоний, по моему, такого же мнения.

— Пожалуй,— пробасил Ратмиров.

Евсей одобрительно кивнул:

— Вы поезжайте, а мы пойдем пешком.

Александр и Ратмиров уселись в карете, Мирон тронул лошадей. Евсей с игуменьей направились в сад, не спеша пошли по аллее.

* * *

Игуменья вернулась в свою келью, сняла с себя мантию, осталась в одном легком платье.

В дверях показалась мать Иоанна, прошамкала:

— Матушка, к вам иннок... Нифонт.

Игуменья велела ей пригласить монаха.

Вошел Лука. Он снял колпак, низко поклонился.

— Хорошо, что ты пришел, брат. Садись! — Игуменья указала на бархатное кресло и, когда монах уселся, спросила: — Ну как там Влас Пантелеймонович?

— Тягостно старику одному,— ответил Лука.— Он даже прослезился, когда я уходил от него. Бойся всего, трепещет при любом шорохе.

Все мы нынче живем под страхом,— вздохнула игуменья.

Лука смерил ее взглядом, спросил:

— Так что ж, матушка, жилище уже готово?

— Да, брат,— ответила игуменья.— Комнатка в гроте готова. Будешь в ней жить и охранять богоявленную икону в кринице. Туда уже началось паломничество богомольцев.

Лука неодобрительно покачал головой.

— Мне бы тихое местечко, матушка, безлюдное. Сами понимаете, почему я очутился в ваших местах.

— Не беспокойся, брат,— сказала игуменья.— У иконки будут дежурить мои монахини. Твое дело — только ночная охрана криницы. Вот и все. А днем можешь не показываться людям. Из своего убежища будешь выходить лишь по ночам и в дни, свободные от посещения криницы богомольцами.

* * *

На левом берегу полувысохшей речушки, недалеко от хутора Драного, в складке каменистого берега, под густыми ветками вербовника находился небольшой грот. Перед ним — площадка, вымощенная кирпичом, от которой к кринице вела узкая тропа, посыпанная песком. Здесь росли чернотал, калина и красный берест.

Солнце еще не всходило, но заря уже ярко пылала на востоке, и легкий ветерок резвился в косматой росистой зелени, слегка прихваченной прохладным дыханием осени. Просыпались птицы, и звонкий их щебет оглашал весь лес.

На тропинке показались три темные фигуры. Они стояли на берегу, затем осторожно начали спускаться к гроту. Это были мать Иоанна, Лука и Мирон. Старуха вынула из кармана ключ, передала монаху. Тот отпер дверь, и все вошли в небольшую комнатку. Справа стояла кровать с убранной постелью, у маленького окошка — стол, застланный клеенкой. В левом углу — плита. В правом — две иконы: богородицы и Георгия Победоносца. Перед ними — лампада. Мирон зажег ее.

— Ну как? — старуха взглянула на монаха.

— Хорошо! — одобрил Лука. — И пол из досок.

— Лучшие обитатели и не надо,— добавил Мирон.

Мать Иоанна подняла ширмочку на миснике, прибитом к стене, сказала:

— А это для посуды и продуктов.

— Благодарствую, матушка,— поклонился Лука и

тут же объявил: — А теперь я хочу в одиночестве помолиться богу.

Мать Иоанна простилась с ним, засеменила к выходу Мирон надел картуз, последовал за нею.

Лука снял с себя колпак, поправил патлы перед зеркальцем и, выждав немного, вышел из грота, спустился к кринице, над которой возвышалась с пятью арочными окнами и дверью небольшая шестигранная часовенка, увенчанная куполом с бронзовым крестом. По сторонам, под кручей, росли косматые ветлы, почти укрывавшие зеленью часовню. Лука заглянул в стеклянную дверь. Под потолком на противоположной восточной стене висела средней величины икона Марии-богородицы. Лука ухмыльнулся, покачал головой, подумал об игуменье: «Хитрая!... Здорово придумала!» Затем напился родниковой воды, вытекавшей из криницы, находившейся внутри часовни, вытер тылом ладони усы и бороду.

К нему неожиданно подошли несколько старух, среди которых была и Василиса. Они поспешно перекрестились, упали на колени, начали бить земные поклоны. Лука окинул их настороженным черным взглядом, проворкотал:

— Мир вам, добрые странницы.

Василиса подступила к нему, спросила:

— А вы кто будете тут?

— Я сторож,— ответил Лука.— Эту криницу буду беречь.

Старухи увидели иконку в часовне, закрестились еще истовее. Василиса озабоченно проговорила:

— Да тут и жертву не во что бросить.

— А что у вас? — оживился Лука.— Деньги? Давайте мне.

Богомолки вынули из-за пазух платочки, развернули их и, передав пожертвование монаху, снова принялись молиться. Лука сунул бумажки в карман, также сотворил молитву.

— Водички святой хотим почерпнуть из криницы,— обратилась к нему одна старуха.

— Это можно,— ответил Лука, указав на водосточную канаву.— Берите вон там. Только не мутите, святая ведь.

— Мы осторожно!

Старухи бросились к канаве.

«Дуры господни!» — усмехнулся Лука и направился к гроту.

* * *

Краснодольская готовилась к празднику Великой Октябрьской социалистической революции. Комсомольцы писали лозунги, плакаты, вывешивали их на стенах домов, сараев. Бабы белили хаты, подметали дворы.

Вечером под седьмое ноября Влас Пантелеймонович закрылся в своей комнатке. С улицы доносились песни, шум и гомон гулявшей молодежи. В этот вечер на душе у старика было как-то особенно тягостно.

В двенадцатом часу ночи кто-то осторожно постучал в дверь. Старик невольно вздрогнул, спросил тихо:

— Кто там?

— Это я — Нифонт! — донеслось снаружи.

Влас Пантелеймонович пустил монаха в комнату. Лука сел у столика, отодвинул от себя горевшую плошку.

— Вот видите, не забыл я о вас... навестить решил, — сказал он.

— Спасибо, отец Нифонт, спасибо, — прохрипел старик. — На свете не без добрых людей.

— А я сегодня у криницы встречался с вашими станичницами, — объявил Лука приглушенным голосом. — За святой водицей приходили.

— Знаю, — Влас Пантелеймонович, смахнув рукавом замасленной рубашки холодный пот, выступивший на лбу, и помолчав, спросил обеспокоенно: — О чем же они с вами балакали?

Лука бросил на него косой взгляд:

— А о чем, по-вашему, могли говорить со мной бабы?

— Да... я так... — замялся Влас Пантелеймонович. — Может быть... эта Василиска.. У нее такой длинный язык...

— Василиска? — прохрипел Лука. — Да, да! Помню такую. Она о чем-то мне тараторила, да я все мимо ушей пустил. Вот никак не вспомню. Постой, постой...

Власа Пантелеймоновича бросило в жар. Он укоризненно покачал головой, прошамкал:

— Я так и знал. Дуреха-баба.

Лука приподнял руку, шелкнул пальцами:

— Ага, кажись, вспомнил! Подскажите немного.

— Подсказать? — Влас Пантелеймонович вытаращил на него глаза, махнул рукой: — Чи я знаю, про шо вы балакали?

— Ну как же! — подхватил Лука. — Она что-то говорила о вас... О какой-то тайне меж вами.

— О тайне? — Влас Пантелеймонович замотал головой. — Никакой тайны у меня с нею нет.

Лука прищурился:

— Не лукавьте, папаша. Сдается мне, что не зря к вашей двери ночью приходила свинья.

— Это почему же? — старик испуганно вытаращил глаза.

— Не свинья то была, а грабитель! — нагонял на него страху Лука.

Влас Пантелеймоновича начала бить лихорадка. Он открыл рот, с трудом промолвил:

— Я и сам подумал тогда, шо разбойник был.

— Беречься вам надо, — посоветовал Лука. — Ружье бы завели у себя или какое-либо другое оружие.

— Оружия мне не положено, — возразил Влас Пантелеймонович. — Ревком еще дознается. — И, помолчав, пробормотал: — И чего тому разбойнику было ко мне лезть?

— Наверно, думал, что у вас есть золото! — вскользь намекнул Лука.

Влас Пантелеймонович почувствовал, как от волнения у него прихватило дыхание, прошептал:

— Какое золото? Откуда?

Лука погрозил ему пальцем:

— Ему-то видней...

Лицо старика судорожно передернулось, глаза налились кровью.

— Это Васка зря наболтала на меня, — с дрожью в голосе промолвил он. — Никакого золота она мне не давала. Да что ей, нечистой душе, вздумалось?

— Возможно, и не давала, а вот болтает, — наседал Лука.

Влас Пантелеймонович сел на кровать и, вытерев слезу, натужно улыбнулся:

— А... а допустим, что она и отдала мне на сохранение?.. Что тогда?

— Вы вроде бонтеь меня, — с укоризной вздохнул Лука. — Я вас не выдам и строго-настрого прикажу Василесе держать язык за зубами. А то ежели узнают в

ревкомы, что у вас есть золото, то Сибири вам не миновать.

Влас Пантелеймонович подхватился с кровати:

— Нет, нет, добрый человек! Вы меня не пугайте Сибирью. Я и так напуганный. У меня нет ничего за душой.

— Ну, как хотите.— Лука пожал плечами.— А ревкомовцы все равно дознаются. Василиса слишком болтлива.

Старик молчал. Снова опустившись на кровать, он нервно поскреб пальцами грудь. Лука выжидательно смотрел на него.

— Чертова баба! — проворчал наконец Влас Пантелеймонович.

Лука видел, что старик уже готов раскрыть перед ним душу, поведать о какой-то тайне.

— Если нам, божьим людям, не хотите открыться, то кому же тогда вы можете доверять? — вкрадчиво промолвил он.

Влас Пантелеймонович вытер слезу на щеке, подумал: «Так и быть... Все расскажу...» Он пересел на табуретку и, склонясь на столик, заглянул монаху в глаза.

— Тут вот какое дело...— заговорил он шепотом.— Передала мне Васка ящик золота на сохранение. А я теперь как полоумный, не нахожу себе покоя.

«Ага, таки клюнул, старый сом!» — с трудом скрывая радость, подумал Лука и спросил елеинным голосом:

— Где же вы храните его, это золото? Взглянуть бы на него, не попортилось ли?

— Такое скажете! — махнул рукой Влас Пантелеймонович.— Да разве ж золото портится?

— Смотря какое! — заметил Лука.— Был как-то у меня золотой крестик. Потом куда-то пропал, а когда я нашел его, лишь половина от него осталась. Понимаете, половина! Сгнил, окаянный. Видно, в сырости лежал.

— Мое не в сырости, а в сухом месте лежит,— сказал Влас Пантелеймонович.

— Не говорите,— возразил Лука.— Сырость везде бывает. Даже в огне есть!

Старику сделалось совсем жарко, как в бане.

— Ох, золото! — вырвалось у него из груди.— Лучше бы не иметь его.— Кряхтя, он поднялся, постоял с минуту в нерешительности, затем направился к лазу в под-

вал: — Пойдемте, посмотрим, как оно там.— И вдруг остановился, подозрительно уставился на монаха: — Токо вы про это никому ни слова!

— Вот вам крест святой! — клятвенно заверил его Лука и трижды перекрестился.

Следом за Власом Пантелеймоновичем он нырнул в лаз. Старик зажег свечу и, осветив маленький подвальчик, осторожно открыл нишу.

— Тут! — тихо прошептал он и, мгновенно захлопнув крышку, отгиснул плечом монаха: — Чего это затрясло вас так?

Лука мигом задул свечу, схватил его за горло и начал душить. Влас Пантелеймонович оскалил зубы, рванулся изо всей силы, но не смог освободить горла. В глазах его поплыли круги, удары сердца слабели, становились все реже и реже...

Переступив через труп, Лука извлек из ниши ящик с золотом, торопливо выбрался из подвала и устремился к Кубани.

XVI

Загорелось утро. В станицу на празднование годовщины Октябрьской революции приехали коммунары.

На площади вокруг трибуны собралась почти вся станица — шумная, тысячеголосая. Всюду реяли красные полотнища знамен.

В колонне комсомольцев стояла и Соня. Впереди нее девушки держали длинный транспарант с надписью: «Да здравствует Великая Октябрьская социалистическая революция!». В толпе стариков и старух показался Калита, а потом подошла к нему и Денисовна. С ними рядом стали Елена Михайловна и Мироновна. Денисовна повела глазами вокруг, прошептала:

— Боже, сколько народу! В великие праздники в церковь стоко не приходило!

— И шо там твоя церковь! — Калита с досадой махнул рукой.— Ты опять про нее? Зажили уже раны...

Денисовна укоризненно глянула на него:

— Ты хоть при людях не болтай.

Демка Вьюн, Гаврила Мечев и Леонид Градов вертелись перед девчатами, неподалеку от 1-го Афипского полка.

На трибуну поднялись Норкин, Юдин, Белозерова,

Лаврентий Левницкий и Аминет, на груди которой ярко поблескивал орден Красного Знамени. Шум стихал.

Норкин обратился к народу:

— Товарищи станичники! Митинг, посвященный третьей годовщине Октябрьской революции, объявляю открытым.

Толпа зарукоплескала, послышались крики: «Да здравствует наш Ленин!» Над площадью прокатилось громкое «ура». Норкин предоставил слово Юдину. Тот оперся руками о перила трибуны.

— Товарищи трудовые казаки, крестьяне! — произнес он громким голосом. — В августе этого года преступная рука контрреволюции толкнула многих казаков Кубани против Советской власти. Теперь у большинства обманутых открылись глаза. Но не все обманутые прозрели. Все еще находясь под пагубным влиянием лютых врагов народной власти, эти люди скрываются в горах и лесах, выполняют злую волю врагов. Мы призываем их к миру и говорим: довольно бессмысленной борьбы за чужие интересы, довольно крови — пора приобщиться к общероссийской советской семье и вместе с нею бороться за окончательную победу над капиталистами и помещиками, над нищетой и голодом, за мирную, счастливую жизнь!..

Его слова, как птицы, мощным потоком летели по площади, забитой народом. Станичники, затаив дыхание, жадно ловили их, и когда Юдин закончил свою небольшую речь, вся станица огласилась новым взрывом могучего «ура».

Следующим выступил Лаврентий Левницкий.

— Братцы! — крикнул он в толпу. — Правильно тут сказал товарищ уполномоченный, что кровью и жизнью поплатились многие из тех, яки подняли руку на Советскую власть. Да, куплеты тут нечего рассказывать. У меня тоже была дурь в голове, как неумный элемент, бегал то к белым, то к красным. А потом побачил, что правда только на стороне Советской власти.

— Бач, як перекарасился! — выкрикнул кто-то из богатеев.

— Давай, давай, Лавруха! — ободряюще загудели станичники.

— А тем, у кого ще мозга за мозгу заходит, — продолжал Лаврентий. — це б то под ложечкой сосет по старом режиме, надо хорошенько подумать, как из болота

вылезать. Нашу Советскую власть никому не одолеть. Да, факт на лице!

Митинг закончился пением «Интернационала». Тако-го могучего хора еще ни разу не слышала станция. Слова и мелодия гимна словно спланивали сердца краснодольцев в единое, братское сердце.

Чоновцы и комсомольцы, стоявшие у братской могилы, дали три залпа из винтовок, и демонстрация направилась ко второй братской могиле, находившейся под курганами Калры и Лезницы. Соня и Аминет шли с красным стягом впереди комсомольской колонны. Леонид Градов, держа над головой портрет Ленина, шагал следом за ними.

Длинная братская могила под курганами была убрана венками, живыми цветами. На восточной ее стороне — обелиск с пятиконечной звездой. Вокруг могилы — частокол, выкрашенный в голубой цвет.

Демонстранты выстроились шеренгами вдоль берега Гусиных плавней. Виктор поднялся на склон кургана Калры. Огромная толпа стояла в скорбном молчании.

— Дорогие товарищи! — проговорил Виктор дрожащим голосом. — Мне сегодня, как никогда, трудно говорить перед этой, близкой моему сердцу братской могилой. Под этой святой землей спят вечным сном наши братья, отцы, деды, зверски убитые палачом Хвостиковым и его оголтелой бандой!

Лаврентий стоял у загородки, вытирал слезы платком. Перед его мысленным взором вставал отец, лежащий под этим безмолвным холмом земли. Сердце Лаврентия сжималось от мучительной боли.

А голос Виктора все тверже звучал над курганом: — Товарищи, враг беспощаден! Но он уже бессилён покорить нас. Мы сбросили его в море и стали полновластными хозяевами своей земли. Кровь трудового народа, пролитая на фронтах гражданской войны, не пропала даром! Вечная память борцам, павшим в ожесточенной схватке с палачами и угнетателями трудового народа! Да здравствуют Советская власть и партия большевиков!

Корягина зачитала список ста двадцати краснодольцев, расстрелянных хвостиковцами здесь, у курганов. Оркестр заиграл траурный марш, и звуки его слились с сотнями голосов:

Вы жертвою пали в борьбе роковой..

Комсомольцы зашелкали затворами, вскинули винтовки. Мечев махнул рукой:

— Пли!

Прозвучал траурный салют.

* * *

Доронин только что вернулся в свой кабинет с поля, где было подготовлено сто десятин под закладку сада. Мысль о поездке в Козлов, к Мичурину, не покидала его в последние дни, сейчас всецело завладела им. Выйдя на балкон, он окинул взглядом панораму сада, раскинувшегося внизу, в небольшой ложине. Под осенним солнцем на ветвях дозревали позднеспелые плоды. Это — старый сад. А за ним Доронину уже виделся новый, тот, что будет заложен коммунарами на ста десятинах.

«Да, надо ехать немедленно! — решил Доронин. — Закладывать, так уж по всем правилам, по-научному!»

Из сада вышли Агриппина Леонтьевна и Аннушка Соловьева. Увидев Доронина на балконе, Агриппина Леонтьевна приветственно помахала ему рукой, крикнула:

— А мы к вам, Павел Федотович!

— Милости прошу!

Аннушку поразили своим блеском кабинет председателя коммуны.

— Да тут у вас как в нашем Зимнем театре. Зеркальные стены, — сказала она.

— А вы как думали, Анна Назаровна? — весело прищурился Доронин. — Теперь нам, коммунарам, занимать эти хоромы Меснянкина. Это была его спальня. А последние годы, до самой революции, здесь обитала Вера Аркадьевна, дочь помещика.

— Сейчас она игуменствует в Успенской пустыни, — Агриппина Леонтьевна указала в сторону монастыря. — Вот, рядом с нами.

— Райская жизнь была у Меснянкиных, — заметила Аннушка.

— Вышвырнула их революция, — сказал Доронин и взглянул на Соловьеву: — В гости к нам или по делу какому?

— И по делу, и в гости! — ответила Аннушка. — Но начнем с дела.

У недавно выстроенного краснодольского клуба толпилась молодежь. На площади расхаживали парочки, лузгали семечки.

У ревкома Василий вел с казаками беседу о военных событиях на Западном и Южном фронтах. Направляясь в клуб, мимо них прошли Соня и Клава.

Послышался стук колес, фырканье лошадей. К ревкому приближались три подводы. На них сидели парни и девчата. Василий сдвинул кубанку на затылок, сплюнул табачную гарь, проговорил:

— Ага, уже едут!

С головной подводы соскочили Гаврила Мечев и Леонид Градов.

— А где же Соловьева? — спросил Василий.

— Зараз приедет, — ответил Гаврила.

Подводы заехали во двор ревкома.

К Василию подошла Фекла Белозерова, отвела в сторону, на ухо шепнула:

— Старый Бородуля лежит в своем погребе мертвый.

— Отчего же это он? Сам помер или убитый?

— Не знаю. Сорочка разодрана. Лицо синее.

— Поганое дело, — покачал головой Василий.

На линейке подъехали Аннушка и Аминет. К ним подбежали Соня и Клава, расцеловали подруг.

— К нам в глушь решила заглянуть? — обратилась Соня к Соловьевой.

— Товарищ Юдин в гости к вам меня привез, — улыбнулась Аннушка.

Уже совсем стемнело. На безоблачном небе замерцали золотистые звезды. В хатах зажглись огни. На площади у клуба весело шумела неугомонная молодежь. Здесь же с казачатами, шнырявшими меж взрослыми, бегал и Гришатка в большой отцовской шапке, закрывавшей ему глаза, и стеганом солдатском ватнике до пят.

В фойе было многолюдно. На скамейках вдоль стен сидели пожилые казаки и казачки, пришедшие сюда послушать докладчицу из города. Среди них находилась и Мироновна. Соня поклонилась ей, села рядом.

— А чего ж твои батьки не пришли послушать про Ленина? — спросила у нее Мироновна.

— Придут, — сказала Соня и указала глазами на Соловьеву: — Вот она будет делать доклад.

— Оця дивчина? — удивилась Мироновна.

— Она студентка, замужем,— пояснила Соня.— Учится в медицинском институте, будет доктором.

В широко открытых дверях показались родители Со-ни. Калита обвел внимательным взглядом лепной потол-лок, под которым ярко горела лампа-молния, высокие окна, долго всматривался в портреты Ленина и Калини-на, затем легонько толкнул в бок старуху:

— Ты глянь, Дуня, як тут гарно, то и проче.

— Правда твоя,— кивнула Денисовна.— Ото ж по-койному Корягину большое спасибо, царство ему небес-ное, что позаботился для нас: выстроил такую хоромину

Калита поправил усы и бороду, задумчиво добавил:

— Добре... Значит, начатое дело доведено до конца

Клава отперла дверь в зрительный зал, и народ по-валил туда, растекаясь между рядами скамеек. Соня и Аминет заняли места во втором ряду, подле Надежды Васильевны. Неподалеку от них сели Елена Михайлов-на и Аннушка. К ним подседа Фекла Белозерова. Галина с матерью и отцом расположились в третьем ряду. Тут же, на самом краю скамейки, рядом с сыном пристрои-лась Мироновна.

Василий подошел к жёне Ропота, спросил:

— Ну, как Логгин Прокофьевич поживает?

— Все еще мучается,— вздохнула Анисия.— Раны на руке и на боку затянулись, а шея никак не заживает

К ней подбежал сынишка, припал головой к груди. Она обняла его, сказала с горечью:

— Какой из Логгина теперь толк... Вязы набок свер-нуло, голову совсем не поднимает.

Гришатка приподнял шапку, заглянул в печальные глаза матери, промолвил тихо:

— Маманька, а я буду вам помогать заместо па-паньки.

Анисия прижала его к себе:

— Тике на тебя и надия, сыночек.

Клава поднялась на сцену, позвонила в колоколь-чик. Говор постепенно утих.

— Товарищи! — громко бросила в зал Клава.— Се-годня к нам из области приехала Анна Назаровна Со-ловьева. Она расскажет о своей поездке в Москву на Третий съезд комсомола, где выступал Ленин.

Загремели рукоплескания. Со всех сторон неслось крики:

— Да здравствует Ленин!

— Ура Ильичу!

Клава подняла руку, снова позвонила в колокольчик, но зал все еще дрожал от горячих рукоплесканий.

— Товарищи, товарищи, тише! — призывала Клава. — Нам нужно выбрать президиум из комсомольцев станицы и коммуны.

Из разных концов зала полетело:

— Аминет!

— Леньку Градова!

— Клаву Белозерову!

— Демку Вьюна!

— Гаврилу Мечева давайте!

— Калиту Сою!

— И Виктора Левицкого! — добавил Норкин.

Члены президиума заняли места за столом на сцене. Аминет объявила:

— Слово Анне Назаровне Соловьевой!

Аннушка неторопливо поднялась на трибуну.

— Мне выпала большая честь быть делегатом Третьего съезда комсомола, — начала она. — И я слушала речь нашего вождя — Владимира Ильича Ленина!

Взрыв аплодисментов опять потряс стены зала, и опять раздались крики:

— Слава вождю мирового пролетариата!

— Да здравствует наш Ленин!

С трудом уняв волнение, Аннушка продолжала:

— Делегатом на съезд меня выбрали на фронте. Я направились в Москву, где второго октября в доме номер шесть на Малой Дмитровке открылся Третий Всероссийский съезд комсомола. Зал заседаний был переполнен посланцами комсомола со всех концов Советской России, и почти все делегаты — юноши и девушки — были, как и я, в солдатских шинелях. У каждого на шлеме, на шапке, на матросской бескозырке и на груди — красные ленты, бантики. Съезд проходил бурно, горячо. Решались очень важные вопросы о коммунистическом воспитании нашей советской молодежи. С большой речью к нам обратился Владимир Ильич Ленин. Он появился в президиуме съезда как-то неожиданно. В зале пронесся шепот: «Ленин, Ленин!» И я увидела его таким, как знала по портретам... — продолжала Аннушка. — А в зале уже творилось что-то невероятное. Все кричали: «Ленин, Ленин! Ура!» Кричала и я. Верите, я находилась в таком состо-

янии... совсем не понимала, что со мной происходило. Делегаты бросились на сцену. Не помню как, я рванулась вперед и очутилась рядом с Ильичем. Он смотрел на нас ласково, улыбался нам по-отечески тепло, затем вышел на авансцену. Мы запели «Интернационал». Владимир Ильич ждал, пока наступит тишина. Но мы не умолкали, аплодировали ему. Тогда он помахал рукой, достал карманные часы и показал нам циферблат, давая понять, что время не ждет. И сразу стало так тихо, что я услышала стук своего сердца. А Ленин сказал нам негромко, не напрягая голоса: «Товарищи, мне хотелось бы сегодня побеседовать на тему о том, каковы основные задачи Союза коммунистической молодежи и в связи с этим, каковы должны быть организации молодежи в социалистической революции вообще». Я записала эти слова. «Эти задачи молодежи вообще,— продолжал Ленин,— и Союза коммунистической молодежи и всяких других организаций в частности можно было бы выразить одним словом...» Он сделал паузу, как бы обращаясь к нам с вопросом: «Вот вы подумайте, что это за слово...» — Аннушка окинула взглядом зал, словно тоже спрашивая, какое слово имел в виду Ленин.

Демка Вьюн вскочил со скамьи, крикнул на весь зал:

— Ясно, какое! Бить буржуев!

Грохнул дружный хохот.

— Да это целых два слова! — бросил кто-то.

— Тише, товарищи! — подняла руку Аминет.

Аннушка улыбнулась, сказала:

— Тут Владимир Ильич прищурился и произнес «Учиться!..» И это слово заключало в себе весь смысл его речи на съезде. Учиться, учиться и еще раз учиться.

Ее слова потонули во вновь разразившемся громе рукоплесканий. Выждав немного, Аннушка продолжала.

— Когда председательствующий объявил съезд закрытым, мы снова бросились к Ленину. И случилось так, что он взглянул на меня, спросил: «А вы, девушка, откуда приехали?» — «С Кубани», — ответила я чуть слышно. «Ну как у вас, война закончилась?» — спросил он. Я только кивнула головой, так как язык у меня от волнения совсем отнялся. Владимир Ильич улыбнулся, сказал: «Ну что ж, теперь нужно учиться...»

— Эх, и счастливая ж ты! — воскликнул Демка — С самим Лениным балакала.

Аминет обратилась к залу:

— Кто желает выступить, товарищи?

Из глубины зала донесся глухой голос

— И чего здря балакать.

— Что, не о чем говорить? — спросила Аминет — Разве у вас в станице все молодежные дела идут хорошо? — Она обернулась к Клаве: — Как по-твоему, секретарь комсомольской ячейки?

Клава встала, и на ее веснушчатом лице проступил румянец.

— Верно, — сказала она. — Дел у нас непочатый край, и мы должны говорить о них тут, на собрании.

Демка, наклонясь к Леониду, шепнул:

— Гляди, какая шустрая стала.

Клава оперлась кулаком о стол, не спеша начала.

— Все вы знаете, что у нас в этом году лето было засушливое. А отсюда и недород. Зима надвигается, голода не миновать нам. Вот зараз и надо побалакать, как будем бороться с нуждой. Прошу выступать.

— Дай я! — вскочил Леонид, шагнул к трибуне, резко взмахнул зажатой в руке шапкой. — Товарищи! Я знаю, сынку богатея Пилы говорить тут нечего! Ему все ясно. В пузе у него не бурчит!

— Чего ты Пилу чапаешь? — злобно огрызнулся кто-то. — Привык...

— Тихо! — оборвала Аминет.

— Товарищи! — продолжал Леонид. — Мы тут слушали, о чем говорил Владимир Ильич на съезде. Он призывал нас учиться. Значит, надо учиться. Перво-наперво треба взяться за ликвидацию неграмотности: организовать ликбезы во всех кварталах станицы, в коммуне, послать туда на работу не только учителей, но и всю грамотную молодежь, прежде всего комсомольцев.

— Совершенно верно! — поддержал его Доронин.

• Демка вскинул руку, крикнул:

— Дайте я скажу!

— Говори! — сказала Аминет.

Демка выбрался из-за стола, поправил портупею

— Я ось про шо-хочу! — сказал он, горячась. — Правильно Белозерова про голод напомнила. У нас в станице после войны богато вдов с малыми детишками осталось. И хоти не хоти, а им надо помогать!

— А откель ты возьмешь ту помощь? — бросил насмешливый голос. — То ж мне — голоштаный помощник.

— Это ты, Пила? — гневно спросил Демка.— Исподтишка все кусаешь?

— Отвечай по существу! — окрысился Пила.

— И ответчу! — уже яростно крикнул Демка.— У тебя возьмем и голодной вдове дадим.

— Ласый на чужое,— озлобленно пробормотал Пила.— Гляди, обожжешься!

— Ничего! — Демка сжал кулаки.— Мы обожжемся чи нет, а вы уже обожглись.

— Правильно, Дема! — дружно поддержали его комсомольцы.— Так мы и сделаем.

Собрание бурно продолжалось.

XVIII

Калита со своею старухой возвращались домой по запруженной народом улице. Поодаль от них шел Виктор с Соней. В шумной толпе только и было разговоров о собрании.

Соня не заметила, как подошла к своему двору. Из подворотни выбежала Докука, завизжала, завертелась колесом от радости. Соня ласково потрепала ее по голове, распрощалась с Виктором.

В кухне Калита зажег лампу на камне, повесил шапку на вешалку. Денисовна в великой хате сняла с себя праздничную одежду. Вошла Соня, направилась к матери, принялась переодеваться. Мать положила подшолок в скриню, начала собирать ужин.

Соня показала в темной двери, поправила на себе старое цветное платье, рассуждая вслух:

— Счастливая Аннушка. Ленина видела, говорила с ним

— Да... счастливая,— сказал отец.— Ленин — всему голова. Царя выкинул из престола, переворот сделал во всей России, то и проче. Подумать только! — Он разорвал красную перчину, нагорчил борщ и, взглянув на дочь, ласково улыбнулся: — Бачь, и про таких, как ты не забыл Ленин. Учиться советует.

Соня радостно воскликнула:

— Ой! Как я хочу учиться!

Мать проговорила:

— Даст бог, поедешь и учиться.

— Без твоего бога обойдется,— буркнул Калита. Попрыкивая от горького борща, он опорожнил миску, вытер усы и бороду

Денисовна вынула из печи чугунок с томленным картофелем, поставила на стол.

* * *

Прошла неделя.

Вечером, на закате солнца, Доронин и Леонид Градов отправились на рессорных дрожках в Кавказскую. С Кубани тянуло пронизывающим холодом. Дрожки пересекли Краснодарскую, выкатили на проселочную дорогу. Леонид стегнул лошадей, спросил:

— Говорят, теперь Екатеринодар будет называться по-другому?

— Да, — ответил Павел Федотович. — Его переименовали в Краснодар. В газете «Красное знамя» и новые названия улиц напечатаны. Екатерининская теперь Пролетарской стала, Бурсаковская — Красноармейской, Соборная — имени Ленина, Графская — Советской...

В Кавказскую приехали в первом часу ночи. Вскоре прибыл пассажирский поезд, идущий на Краснодар. С ним и уехал Доронин.

Утром он был в Краснодаре, отправился в обком партии, к Черному. Вошел в кабинет. Остановившись на пороге, он снял шапку, спросил:

— К вам можно, Максим Павлович?

Черный оторвался от бумаг, лежавших перед ним на письменном столе, воскликнул:

— А, товарищ Доронин! Добро пожаловать! Проходите, присаживайтесь.

Доронин сел и рассказал о своем намерении поехать в Козлов с тем, чтобы познакомиться, как Мичурин ведет научную работу по выращиванию фруктовых садов.

— Мысль неплохая, — одобрил Черный. — За опытом стоит съездить. Мы должны теперь всецело переключить свое внимание, всю энергию на восстановление и развитие народного хозяйства. И я поддерживаю, одобряю вашу инициативу, Павел Федотович. Поезжайте, смотрите, учитесь.

* * *

Город погружался в холодную ночную тьму. В улицах тускло светились редкие фонари.

Доронин заехал на вокзал, купил билет, затем пашковским трамваем отправился на Сады. Пассажиров в вагоне было совсем мало. Доронин сел на сиденье, протер

потное стекло в окне и задумчиво загляделся во тьму. На душе у него лежала какая-то неизъяснимая тяжесть, тоска. Все как будто складывалось хорошо, вопрос с поездкой в Козлов решился, а сердце почему-то ныло.

Трамвай уже подъезжал к городской меже. На остановке Павел Федотович вышел из вагона, направился к знакомым старикам, у которых днем оставил свой чемодан. Холодный ветер тарахтел ветхими железными крышами, поднимал на дороге пыль. По черному небу плыли дождевые тучи, и от них темнота сгущалась еще сильнее. Кутаясь в приподнятый каракулевый воротник, Доронин подошел ко двору своих знакомых и тут, у калитки, увидел стариков, стоявших с какой-то женщиной. Она обернулась на его шаги. Это была Вера Романовна Лихачева.

— Здравствуй, Павлуша! — промолвила она сдавленным голосом.

Доронин глядел на нее молча. Она взяла его под руку, сказала:

— Пойдем в дом, я хочу с тобой поговорить.

— О чем? — спросил Доронин.

— Я тебя долго не займу, — прошептала Вера Романовна.

Они вместе со стариками вошли в дом. Хозяин включил свет. В просторной комнате в центре стоял круглый стол, у стен — гардероб, кровать с убранный постелью, кушетка, стулья.

— Раздевайся, поужинаем, чайку выпьем, — предложил ему старик.

Доронин снял пальто и выжидательно посмотрел на Лихачеву.

Неожиданно в комнату вбежала Пышная. Задышавшись от волнения, она закричала:

— Павлуша, прячься! Сейчас тебя убьют.

Лихачева в страхе прижалась к гардеробу. Только сейчас Доронин пожалел, что не взял с собою наган. Лихачева схватила его за рукав и пробормотала:

— Ну!.. Лезь в гардероб. Скорее!

На веранде послышались шаги. Доронин почувствовал, как его бросило в жар. Растерянно скользнув взглядом по закрытым на ставни окнам, он спрятался в гардеробе.

В комнату вошли Солодовник, Демиденко, Губарь и поп Забелин. Лихачева, дрожа всем телом, указала гла-

зами на гардероб и вместе с Пышной шмыгнула за дверь в столовую. Солодовник вынул из кармана наган, распахнул дверь гардероба:

— Аа-а, вот ты какой храбрый! Вылазь, собака!

Доронин медленно шагнул на пол, с усилием донес руку до мокрого лба, безнадежным движением вытер холодный пот.

Александр, стоявший у него за спиной, приподнял дрожащею рукой крест с распятием, как бы благословляя кровавую расправу. Демиденко схватил Доронина за грудь, прохрипел:

— Ну, коммунистическая душа! Допрыгался? Становись на колени!

— Не буду! — глухо бросил Доронин.

— Не будешь? — гаркнул Демиденко.

С помощью Солодовника он поставил его на колени. Чувствуя, как все сильнее млеют руки и ноги, Доронин поднял глаза на Солодовника, пробормотал:

— Евтей, ты же крестил моего сына...

Демиденко выстрелил в затылок Доронину.

XIX

Вечером Соловьев приехал домой в приподнятом настроении. Аннушка сразу заметила это, спросила с улыбкой:

— Что это ты сияешь, как именинник?

— Как же не сиять, Аня! — весело воскликнул Соловьев. — Вести-то какие. — Он быстро развернул газету «Красное знамя». — Вот черным по белому написано: «Разгром Врангеля». Ты только послушай. — И начал читать: — «По дополнительным сведениям, на Крымском полуострове нашей конницей 14 ноября занят город Феодосия, где захвачено более 30 отдельных войсковых частей противника и громадные трофеи. Противник перед фронтом наших войск деморализован и отступает в панике, грабя население. Неутомимое преследование продолжается. По показаниям перелетевшего на нашу сторону военного летчика авиационной школы, Врангелем издан приказ о роспуске армии, ввиду отказа союзников в дальнейшей помощи, причем каждому солдату предоставляется право сдаваться на милость Красной Армии или эвакуироваться »

Аннушка радостно чмокнула мужа в щеку:

— Поздравляю, Гена! Это же здорово!

— Вот именно — здорово! — подхватил Соловьев. — Теперь уж Врангелю не поднять головы. Ноги спешит унести из Крыма. Офицеры грузятся на суда в Севастополе, чтобы бежать за границу.

В зал вошел Назар Борисович.

— Чего шумишь? — обратился он к зятю.

— Вот почитайте! — протянул ему газету Соловьев.

— Не думай, что только ты один газеты читаешь, — шутливо заметил Назар Борисович. — О победе в Крыму мы узнали сегодня ночью. Событие это более чем значительное. Но это в Крыму! А у нас, на Кубани, еще льется кровь. В горах активизировались бандитские шайки, в Приморских плавнях орудует какой-то Рябоконт.

— И все же победа над Врангелем — главное, — сказал Соловьев. — Без поддержки извне бандитам придется туго. В горах в основном проявляют себя две крупные банды: одна на Большой Лабе, в районе Мошевой щели, под предводительством подьесаула Козлова, а вторая — на Куве, возглавляемая подхорунжим Волошко. Кстати, с Джентемировым там уже покончили. А вот в районе Бахмута появилась еще одна банда. Имя ее главаря пока не установлено.

— А в Карачае? — напомнил Назар Борисович. — У полковника Крым-Шамхалова и князя Дудова довольно сильный отряд.

— Ничего, всем им будет крышка, — убежденно заявил Соловьев. — С Врангелем покончено, с Польшей заключен мир. Теперь наша армия целиком переключится на подавление контрреволюционных банд внутри страны.

Атарбеков с чекистами мчался в грузовой машине к Лихачевой. Было уже за полдень. Крепчал мороз. Срывался мелкий снег. Ветер свистел за окнами кабины. Шофер внимательно следил в темноте за белыми пучками света, падавшими от фар на избитую булыжную мостовую Ставропольской улицы. Атарбеков сидел рядом с ним, изредка повторял:

— Быстрее, быстрее, любезный!

— А что, Георгий Александрович, этот шпион, видимо, важная птица? — спросил шофер.

— Не столько важная, сколько зловредная,— ответил Атарбеков.— Его так просто не возьмешь. Опытный враг. Ну да мы с ним как-нибудь справимся. Лишь бы застать на месте.

Грузовик уже подходил к Карасунскому переулку, Атарбеков положил руку на плечо шофера:

— В переулок не заезжай. Остановись вон у того забора.

Чекисты вылезли из кузова и вслед за Атарбековым двинулись по темному проулку ко двору Лихачевой. Дом был окружен быстро, бесшумно. Атарбеков с двумя помощниками поднялся на крыльцо, постучал в дверь. Никто не откликнулся.

— А может, нет никого дома,— сказал один из помощников.

В это время на веранду кто-то вышел, из-за двери донося женский голос:

— Кто там?

— Из особого отдела,— ответил Атарбеков.

Щелкнул засов, и дверь отворилась. Кутаясь в теплый ночной халат, Пышная включила свет, спросила:

— Что вам угодно?

— Произведем у вас обыск,— объявил Атарбеков.

— Обыск? — удивленно переспросила Пышная.— А по какому случаю?

— Потом узнаете,— ответил Атарбеков и, направляясь вслед за нею в дом, спросил: — А Вера Романовна дома?

— Нет, я одна,— сказала Пышная.— Она выехала...

— Куда? — Атарбеков пристально посмотрел на нее.

— Точно не знаю,— пожала плечами Пышная.— Не то в Грозный, не то в Ставрополь... Куда-то в те края.

— И давно уехала?

Лицо Пышной пошло красными пятнами.

— На той неделе,— теряя самообладание, ответила она дрогнувшим голосом.

Чекисты осмотрели все комнаты дома, но нигде никого не обнаружили.

— Ищите внимательно,— приказал Атарбеков.

Пышная опустилась в кресло, промолвила недоуменно:

— Право, не понимаю, кого и что вы ищете? У меня никого нет.

— Так-то и никого? — усмехнулся Атарбеков и, заку-

рив папиросу, сказал сквозь кашель: — Нам известно, что у вас живет один человек.

— Что вы! — протестующе воскликнула Пышная. — Ей-богу же, у меня никого нет.

Из комнат доносился топот ног, стук падавших предметов. Атарбеков молча наблюдал за Пышной. Она сидела как-то съежившись, и в ее колючих глазах отражались то страх, то ненависть.

Обыск в доме закончился безрезультатно. Пышная оживилась, спросила надменно:

— Ну, надеюсь, вы убедились в правоте моих слов?

— А подвал у вас есть? — поинтересовался Атарбеков.

— Да, есть, — ответила Пышная.

— Где вход?

— В кладовой. Рядом с кухней.

— Покажите! — потребовал Атарбеков.

Кладовая была завалена разной домашней утварью. Чекисты открыли крышку люка, вместе с хозяйкой спустились в сырой подвал, где стояло несколько пустых бочек. Атарбеков чиркнул спичкой, зажег лампу.

Ни в подвале, ни на чердаке, где чекисты тоже осмотрели все, никого не оказалось. Но Атарбеков не торопился покидать этот дом. Поправив на широком поясе деревянную коробку маузера, он остановился перед Пышной, спросил в упор:

— Так где же скрывается Губарь?

Пышная побледнела, несколько секунд не могла вымолвить ни слова, затем прошептала:

— Какой Губарь?

— Ипполит Иванович, — повысил голос Атарбеков. — Знаете такого?

Пышная судорожно сжала на груди халат.

— Да, немного знаю, — вырвалось у нее. — Он бывал у меня. — Она вдруг подняла умоляющий взгляд на Атарбекова, вскричала со слезами: — Ради бога, скажите! В чем его вина? Неужели он...

— Где он сейчас? — прервал ее Атарбеков.

— Не знаю, не знаю, — задыхаясь от волнения, промолвила Пышная. — Он был у меня всего два раза. Поверьте!

— Не верю! — резко бросил Атарбеков. — Он у вас с самого лета находится.

— Это неправда! Я хоть под присягой

— В таком случае мы изроем у вас весь двор, но Губаря найдем! — пригрозил Атарбеков.

— Воля ваша, — ответила Пышная.

Чекисты обшарили все постройки во дворе, перерыли землю в сарае, а утром еще и еще раз внимательно обыскали дом и двор.

— Пожалуй, здесь Губаря нет, — усомнился старший оперативный уполномоченный. — Не иголку в конце-то концов ищем.

— Нет, — решительно возразил Атарбеков. — Губарь где-то здесь, и мы найдем его.

— Только зря время теряем, — махнул рукой оперуполномоченный.

— Терпение, терпение, товарищи! — стоял на своем Атарбеков. — Давайте начинать все сначала.

И терпение действительно увенчалось успехом. При очередном осмотре подвала один из чекистов обратил внимание на комья свежей глины в углу, под бочкой с огурцами. Сняв верхний слой земли, он обнаружил небольшое отверстие, через которое с трудом мог пролезть только очень щуплый человек. Позвали Атарбекова. Тот стал на колени, заглянул в темную дыру и, смахнув со лба испарину, обернулся к старшему оперуполномоченному:

— Похоже, что мы нашли волчье логово.

— Дайте, я проверю! — сказал оперуполномоченный. — Я худющий, пролезу! — Он сбросил с себя шинель, гимнастерку, влез в дыру до пояса.

Под землей раздался гулкий револьверный выстрел. Два чекиста схватили уполномоченного за ноги, начали тащить из дыры, а тот, в свою очередь, тянул за собой что-то тяжелое и безбожно ругался. Атарбеков нервно тербил пальцами усы, напряженно наблюдал за этой картиной. Наконец чекисты вынули из дыры своего товарища, а тот выволок Губаря, лоб и правая щека которого были в крови. Оказывается, шпион, видя безвыходное положение, решил покончить с собой, хотел застрелиться, но оперуполномоченный случайно толкнул его руку, и пуля лишь сорвала кожу со лба Губаря.

Арестованного вместе с хозяйкой дома отправили в ЧК

Снег густо запорошил всю Краснодарльскую, поля, закубанский обнаженный лес. Солнце выглянуло из-за далекого горизонта, скользнуло косыми лучами по глянцевому снежному покрову земли, рассыпалось на мелкие осколки в казачьих дворах, на улицах и широкой церковной площади, заблестело колючим, режущим светом в ледяном воздухе. Повсюду уже слышался людской гомон, задорный крик ребятишек, идущих в школу; гулко отдавался в звонком пространстве разноголосый лай собак.

Виктор проснулся от говора отца и матери, долетевшего к нему из кухни. Жмурясь, он остановил сонные глаза на узорчатых стеклах окон, в которых играли радужные лучи восходящего солнца, сладко зевнул, взял с тумбочки газету, пробежал глазами заголовки статей. Внимание его привлекла оперативная сводка от 24 ноября. В ней говорилось:

«Севернее Мозыря остатки войск Балаховича, преследуемые нашей кавалерией и пехотой, переправились по льду через реку Припять в числе нескольких сот человек и продолжают бегство в северо-западном направлении.

По дополнительным сведениям, за время операций против Петлюры нами захвачено до 12 000 пленных, 3 бронепоезда, 35 орудий, свыше 300 пулеметов и другая большая военная добыча».

Вошел отец, спросил:

— Ну, што там нового пишут?

— Бьют Балаховича и Петлюру, аж дым идет! — улыбнулся Виктор.

В дверь заглянула мать. Вытирая о фартук мокрые руки, она позвала к столу. Виктор надел полугалифе, сапоги, остановился перед зеркалом. Отец окинул его ладную фигуру любовным взглядом, сел за стол, на котором уже дымился завтрак. Умывшись, Виктор занял табуретку против отца. Мать вынесла из боковой комнаты графин с настойкой и три рюмки, поставила на стол.

— Эх, сердешная! — просиял Лаврентий. — Зараз выпьем!

Виктор поднял рюмку.

— Чокаться не будем, — мотнул головой отец. — А то, кажут, гроши не будут водиться, ежели свой со своим...

Выпили. Виктор крикнул:

— Ого! Аж в пятки достала!

— То она так шибает поперву, — заметил отец, принявшись за жареную картошку с курятной. — А потом пойдет как по маслу. Супротивления только не треба оказывать. — Он налил по второй рюмке, залпом выпил и, вытерев усы, воскликнул: — Отак турок бьют! Мах!.. и как моль съела.

— Ну... уже расхвастался, — сказала Мионовна.

— Ще и спивать, стара, буду! — Лаврентий осушил третью рюмку, затынул баритоном:

Гуде витер вельмы в поли, реве, лис ламае;

Плаче козак молоденький, долю проклинае.

Гуде витер вельмы в поли, реве, лис ламае;

Козак нудыться, сердешный, що робить — не знае.

Обветренное, загорелое лицо его скривилось, губы судорожно задрожали, на глазах заблестели слезы, и он уже с трудом добавил:

Козак стогне, бидолаха, сам соби гадае...

— Ну, хватит тебе! — махнула рукой Мионовна. — Чего ото жалю нагоняешь?

Лаврентий вытер слезу на щеке, промолвил скрипуче:

— Выпьем, сынку, ще по одной, чтобы нашему деду-не сырая земля легким пухом была. Выпьем.

Виктор почувствовал, как забилося у него сердце, сжалось от режущей боли. Подняв рюмку, вздохнул печально:

— За дедуню выпью, батя... И вы с нами, маманя... за дедуношку... Им больше всех пришлось... из-за нас пострадали...

— Все это Гусочка... — заметила мать, с трудом сдерживая рыдания. — Черт остроголовый! Шоб ему на том свете ни дна ни покрывки не было!

На дворе голосисто залаяла Жучка, и в кухню с клубами пара влетел Вьюн. Приложив руку к кубанке, он бойко отрапортовал:

— Товарищ командир, сани по вашему приказанию поданы!

— Как? — Лаврентий взглянул на сына. — Куда это ты вздумал?

— Надо, батя! — уклончиво ответил Виктор

Гул церковного колокола плыл над заснеженной станицей, летел в Закубань, сзывал прихожан к утрени

Денисовна собралась в церковь, оделась потеплее, взяла трость и тихо, чтобы не разбудить дочь, вышла из хаты. В это время у ворот остановились легкие сани с тройкой лихих коней: в оглоблях — Ратник, на пристяжке — Кристалл и Метеор. На козлах, туго натягивая ременные вожжи, восседал Вьюн, в задке на сиденье — Виктор Левицкий, до пояса прикрытый белой буркой.

Докука звонко залаяла. Денисовна цыкнула на нее, остановилась у калитки. Виктор, выдыхая клубы горячего пара, поздоровался с ней, сказал, улыбувшись:

— Я за Соней.

— Она еще в постели, сынок, — радушно ответила Денисовна и, направляясь к хате, добавила: — Зараз разбуду ее.

На пороге конюшни показался Калита.

— Ты чего спозаранку? — расправляя шершавыми пальцами усы, обратился он к Виктору.

— За Кубань, в лес хочу поехать, — ответил тот. — Уж очень хорошее утро, сегодня первый снег.

— А... — многозначительно протянул Калита. — И это надо. Не все же воевать, то и проче.

Денисовна снова подошла к калитке, объявила:

— Соня уже собирается! — и торопливо зашагала к площади.

Демка шмыгнул носом, окинул восторженным взглядом заснеженные хаты и деревья.

— Экая зимища началась в понешнем году! Шальная, видать, будет.

Из калитки выбежала Соня. Задыхаясь на морозном воздухе, она крикнула весело:

— Я готова, поехали!

Отец внимательно оглядел ее, заметил:

— А ты в этой кацавейке не прозябнешь? Бачишь, який мороз струже.

— Что мне мороз! — отозвалась Соня со смехом.

Виктор отбросил бурку в сторону, указал на тулуп:

— Не замерзнем! — Он усадил Соню в санки и, кутая ее в шубу, проговорил: — Вот так... Теперь нам дед-мороз не страшен.

— Ты ее как боярыню какую, то и проче, — кашлянул Калита.

Виктор прикрыл Сонины ноги буркой. Демка дернул вожжи, гикнул, и кони понеслись по улице, взрывая подковами пушистый снег. Соня задышалась от встречного ветра, обжигавшего ее румяные щеки, хохотала от восторга. Ветряк на околице походил на великана в нахлобученной белой папахе и с поднятыми руками, готового ринуться в бой; дальние посадки под ослепительными лучами солнца казались волшебными.

Лошади забухали подковами по деревянному мерзлому настилу моста, помчались по лесной дороге. Солнце пронизывало колючими красноватыми лучами молчаливый, обворожительный в своем снежном наряде лес.

— Эх, какая красота! — крикнул Виктор. — Ну прямо сказка! — Он указал на сугроб, из которого виднелись красные гроздья калины: — Видишь, то не ягоды, то рубины сверкают.

Соня прижалась щекой к его щеке, шепнула:

— Это то место, Витя, где мы с тобой впервые встретились...

— Да, да, узнаю, — воскликнул Виктор. — Вон и та тропинка, по которой я ехал на Ратнике.

— Я тогда грибы собирала, — прибавила Соня и заглянула в его глаза. — Вот испугалась, как увидела тебя Думала...

— Что я разбойник? — рассмеялся Виктор. — Песиголовец какой-нибудь объявился в лесу? — Он притронулся рукой к плечу Вьюна. — Стой, Дема!

Демка остановил лошадей.

Виктор охватил плечи Сони и, обдавая румяное лицо горячим дыханием, проговорил:

— Круг наш с тобой здесь замкнулся.

— Какой круг? — не поняла Соня.

Виктор выпрыгнул из саней.

— Вылезай из тулупа! Сейчас увидишь.

Соня легко выпорхнула на дорогу.

— Ну, показывай!

— Пойдем! — Виктор взял ее за руку, потянул в лес.

Соня едва поспевала за ним, проваливалась в глубокий снег и счастливо смеялась. Вскоре они выбрались на заветную тропинку. Виктор прижал Соню к груди и, поцеловав, сказал:

— Теперь мы с тобой должны пожениться.

Соня потупила голову, ответила:

— После учебы, Витя! — И тут же, улыбнувшись, воскликнула: — После Нового года!

Невдалеке, у дороги, хрустнула ветка. Виктор обернулся и увидел незнакомого человека.

— Кто это? — испуганно спросила Соня.

— Не знаю, — ответил Виктор. — Должно быть, дровосек какой-нибудь. Видишь, с топором.

Незнакомец крикнул:

— Вы к кринице? Сегодня богослужения не будет!

— Это, должно быть, сторож, монах, — сказала Соня. — Тот, что живет под кручей, у святой криницы.

Она не ошиблась. Это действительно был Лука.

— А вам ложки самшитовые не нужны? — спросил он.

Виктор и Соня недоуменно переглянулись.

— Какие ложки?

— Обыкновенные, — пояснил Лука. — Столовые. Коли желаете купить, могу показать.

— Пойдем посмотрим, — шепнул Виктор Соне и махнул Демке рукой, чтобы тот ехал за ними.

— Где же вы взяли эти ложки? — спросил Виктор, подойдя к монаху.

— Сам делаю, — ответил Лука, пряча лицо в башлык. — Таких ложек поискать. Богомолки по пятьсот рублей дают мне за штуку. Деньги по этому времени немалые.

— Если понравятся, то и мы купим, — сказал Виктор.

— Непременно понравятся, — заверил Лука, спускаясь с высокого берега к речушке.

Соня шла за Виктором, то и дело оглядываясь на ехавшего позади Демку. Лука выбрался на расчищенную тропу, поднялся к грогу и, открыв дверь, пригласил Виктора и Соню в свою обитель. Здесь под стеной стоял маленький токарный станок с ножным приводом. На нем лежали разные изделия, выточенные из самшита.

— Да у вас тут целая мастерская! — заметил Виктор.

— Тружусь, яко всякий грешник, — отозвался Лука.

Он достал из-под кровати сундучок, вынул из него с десяток ложек. Они были сделаны очень искусно.

— И впрямь хорошие ложки, — сказала Соня. — Мне нравятся.

— Пока возьмем три штуки, денег я прихватил с собой мало. — Виктор достал из кармана черкески бумажник, расплатился за покупку.

Лука сунул деньги под шапку, затем отобрал в сундуке четвертую ложку, самую красивую, и протянул ее Соне.

— А это вам, дамочка, в подарок от одинокого отшельника.

— Спасибо,— смущенно поблагодарила Соня.

XXI

В монастырской церкви уже шло утреннее богослужение, а игуменья все еще не поднималась с постели. Дурной сон видела она ночью: все мерещились ей монашки с «безобразными» животами. Они обступали ее со всех сторон, а она кричала им: «Проклятые! Что мне делать с вами? Погубите вы меня, беспутные! Ни за что погубите!..»

В келью вошла мать Иоанна, заглянула в спальню.

— Матушка, к вам гостя,— доложила она с низким поклоном.— Ваша бывшая келейница...

— О господи! — Игуменья сбросила с себя одеяло.— Я сию минуточку.

— Она с каким-то молодым человеком,— добавила мать Иоанна.

Игуменья быстро оделась, поправила перед трюмо свои пышные волосы, проговорила:

— Просите их, матушка.

Вошли Соня и Виктор.

— Милая девочка, здравствуй! — умиленно протянула игуменья.— Наконец-то ты вспомнила обо мне. Я очень тронута твоим вниманием.

— Мы были в лесу, здесь, поблизости, и решили заглянуть к вам,— ответила Соня.

Игуменья вгляделась в лицо Виктора:

— А вы, кажется, сын Лаврентия Левицкого?

— Да,— ответил Виктор.

— Присаживайтесь, прошу! — игуменья указала на кресла.— Вы что, поженились уже?

— Что вы, матушка! — возразила Соня.— У нас еще впереди учеба...

Виктор обратил внимание на два небольших портрета, глядевших на него со стены из золоченой багетовой рамы

— Кажется, я где-то видел этих людей,— сказал он.

— Вы не могли их видеть,— возразила игуменья.— Эти люди никогда в наших краях не бывали.

— Да нет же, видел! — стоял на своем Виктор. — Вот только где? — И вдруг вспомнил фотокарточку, которую ему как-то показывал отец на фронте, воскликнул: — Это же Тимофей и Пимен Мазаевы! Мой отец был у них в полку, когда находился у Хвостикова!

— Верно, это Мазаевы, — промямлила игуменья. — Тимофея уже нет в живых: убит в бою. — И поинтересовалась: — А откуда у вашего отца их карточка?

Виктор пожал плечами:

— Точно не знаю. Кажется, он был в усадьбе Мазаевых, и Тимофей Харитонович подарил ему фотокарточку.

— Пимена я никогда не видела в лицо, — заметила игуменья.

Стенные часы мелодично отбили десять ударов.

Соня протянула игуменье руку:

— Ну, мы поехали, матушка. Всего хорошего.

Глубокая ночь. По коридору монашеского общежития к выходу прокралась черница, держа в руках что-то завернутое в пеленки. Вскоре ее темная фигура мелькнула в аллее сада, нырнула в кусты, затем показалась у купальни и, оставляя след на снегу, направилась к замерзшему пруду. Чуть слышно поскрипывали промерзлой корой толстые дубы. Черница осторожно сошла на скользкий хрустящий лед, к промонне, и, развернув тряпку, положила на сгиб левой руки тельце новорожденного, осенила его крестом и бросила под лед. Вода забулькала в промонне. Черница оглянулась вокруг, побрела к общежитию.

Игуменья еще не спала. Кто-то тихо постучал в дверь ее кельи. Игуменья вышла в переднюю, прислушалась. Стук повторился.

— Кто там? — робко спросила игуменья.

— Матушка, — послышалось из-за двери, — это мы — Бородуля и Матяш.

Игуменья прижалась к дверному косяку, прикусила губы.

— Слышите, матушка? — повторил Бородуля. — Это мы, откройте.

— Подождите минутку, — прошептала игуменья и начала одеваться. Руки у нее дрожали, и она никак не могла застегнуть мантию на крючки. Наконец привела себя в надлежащий вид, отперла дверь.

Оглядев гостей испуганными глазами, всплеснула руками:

— Бог мой! Что это вы такие оборванные?

— Ничего, матушка,— ответил Бородуля простуженным голосом.— Ино скоком, ино боком, а ино и ползком.

Бородуля и Матяш повесили свои ветхие полушубки и шапки на вешалку, уселись на диване.

— Ну, рассказывайте,— опустилась в кресло игуменья.

— Да что рассказывать, матушка,— потупил голову Бородуля.— Погибель пришла на нас. Доживаем последние дни.— Он тяжело вздохнул, помолчал немного, затем спросил:— Что с отцом моим случилось?

— Умер,— ответила игуменья.— Его мертвым нашли в подвале.

Игнат Власьевич проскрипел зубами.

— А мы имеем сведения, что его кто-то задушил.

— Неужели? — испугалась игуменья.— Впервые от вас слышу.

— Мы знаем,— раздраженно подчеркнул Игнат Власьевич.— Врач, который вел медицинское обследование, проболтался, и нам передали.

Игуменья неожиданно пришла в голову мысль: а не является ли виновным в смерти старого Бородули монах. Ведь он был у старика первое время по приезде в монастырь. Но тут же мысленно спросила себя: «А зачем ему понадобилось ни с того ни с сего убивать? Мечь? Но за что?»

— Кстати, мы сюда прибыли... поквитаться с Виктором Левицким,— угрюмо проговорил Матяш.— Ксению он убил.

Игуменья была до глубины души поражена этой вестью.

— Какой ужас! — глухо воскликнула она.— Кто бы мог подумать, что Виктор поднимет руку на Ксению! — И сообщила, что Левицкий приезжал утром в монастырь.

— Зачем? — спросил Матяш.

— Так... С Соней заезжал...— ответила игуменья.

— Жаль, что мы его не застали! — Матяш яростно сжал кулаки.— Ничего. Он не уйдет от нас!

— Только, ради бога, не делайте этого в моем монастыре,— прошептала игуменья.— Да и вообще... Снова может упасть подозрение на меня.

— Не бойтесь, матушка,— сказал Матяш.— Мы все сделаем так, что комар носа не подточит.

— Ох, я так боюсь всего,— вздохнула игуменья — Жду, что вот-вот сюда нагрянут чекисты.

— Мы вас не подведем,— заверил ее Матяш.

Бородуля поскреб вклокоченные волосы.

— Отдохнуть бы нам, матушка, с дороги и бельишко сменить. А то, кажись, и вша уже завелась у нас.

— Хорошо, все сделаю,— сказала игуменья.— Последние, я сию минуточку! — И она торопливо вышла из кельи.

Виктор спешился у двора ревкома, передал повод Демке и, поднявшись по мерзлым скрипучим ступенькам крыльца, направился к кабинету Норкина.

Здесь его ждал Жебрак.

— Разговор к тебе есть, Виктор Лаврентьевич,— сказал Жебрак.— Первого декабря в области начнутся выборы. Вместо ревкомов будут созданы Советы. Твой полк по распоряжению командования Красной Армии должен включиться в эту ответственную кампанию, помочь товарищу Норкину провести выборы в Краснодарской. Надо сделать так, чтобы в местные органы власти не пролез ни один богатей, и в председатели Совета надо выбрать такого человека, который проводил бы нашу политику, защищал интересы бедняков и середняков — крепкого сторонника Советской власти.

— А Василий Афиногенович? — Виктор указал глазами на Норкина.— Он же председатель ревкома — ему и карты в руки.

— Нет,— возразил Жебрак.— Его нельзя. Неграмотный он.

— Тогда Ропота,— посоветовал Виктор.

— Хворый он еще доже, раны не зажили,— сказал Норкин.— А лучшего председателя, чем он, и не надо бы: коммунист, грамотный, стойкий как камень.

— Да, жаль, что он болен,— промолвил задумчиво Жебрак и тут же спросил: — И все-таки на ком же остановим выбор? — Он покрутил усы, затем вдруг пристально взглянул на Виктора: — А что если отца твоего в председатели выдвинуть, а? Отзовем его из армии, вручим бразды правления.

Виктор пожал плечами.

— И верно, Николай Николаевич, — одобрительно кивнул Норкин. — Лаврентий Никифорович по всем статьям подходит. Давайте покличем его, поговорим

— Зови! — сказал Жебрак.

Но звать Лаврентия не пришлось. Он сам неожиданно появился на пороге кабинета.

— О! Легко на помине! — широко улыбнулся Жебрак. — А мы только что хотели послать за вами. Думаем вас выбирать в председатели станичного Совета, — объявил Жебрак.

— Кого это? — переспросил Лаврентий. — Я трошки не понял вас, Николай Николаевич. Какого Совета?

— Советскую власть возглавлять в станице будете, — объяснил Жебрак.

Лаврентий хмыкнул:

— Гм... Тут треба хорошенько пораскинуть мозгой. А то... как бы маху не дать. Да, факт на лице.

— Это уж как водится, — Жебрак весело прищурился. — Правильно говорится, семь раз отмерь, один раз отрежь. Что ж, подумайте, взвесьте все, Лаврентий Никифорович, но ответ дайте нам сегодня.

XXII

Поздно вечером Норкин вышел из ревкома, поднял воротник овчинного полушубка и, осыпаемый густыми хлопьями снега, широко зашагал домой. Попыхивая ци гаркой, он радовался тому, что Лаврентий Левицкий согласился занять пост председателя Совета. Знал он, Лаврентий не даст спуска богатеям.

На улице Норкину встретилась Фекла Белозерова.

— Кажуть, Жебрак до нас приехал, — сказала она.

— Был, — ответил Василий. — Сейчас в коммуноу подался.

— Новость какую привез чи так? — любопытствовала Фекла.

Василий сообщил ей о предстоящих выборах в местные Советы Кубанской области, предупредил:

— Завтра подготовку к выборам начнем. — И поинтересовался: — А у тебя как дела в квартале? Возили сегодня хлеб на ссынки?

— Мало,— вздохнула Фекла.— Только две подводы отправила — всего шестьдесят пудов.

— Да... упираются богатеи, — протянул Василий. На том и расстались.

* * *

Настал день выборов

С утра к ревкому со всех концов станицы потянулись краснодольцы. На парадном крыльце два чоновца установили стол для президиума. Над говорливой толпой поднимался густой пар.

Наконец места за столом заняли Жебрак, Юдин, старший Левицкий, Корягина.

Норкин объявил повестку дня, предоставил слово Жебраку, на которого сразу устремились тысячи глаз. Жебрак дотронулся пальцами до крышки стола, громко произнес:

— Товарищи казаки, казачки, иногородние! Сегодня, первого декабря, во многих станицах, хуторах аулах Кубани и Черноморья начались выборы в Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов! Разрешите мне от имени Кубанского ревкома выразить уверенность, что вы на данных выборах проявите свой патриотический долг перед Родиной и сделаете все, чтобы в ваш Краснодольский Совет, который отныне будет функционировать вместо ревкома, не пролез ни один мироед-богатеи, тот чуждый элемент, кто мешает нам строить новую жизнь!

В толпе одобрительно загудели:

— Правильно! Геть всех богатеев!

— Хватит, насосались они нашей крови!

— Советская власть — бедняцкая власть!

Жебрак, приподняв руку, продолжал:

— Обстановка, которая сложилась у нас на Кубани в этом году, вам всем известна... — Голос его оборвался и он повел глазами по площади.

К Калите, стоявшему у крыльца, неожиданно протиснулась Мавра, указала на свои ботинки и старое ватное пальто, плачущим голосом сказала:

— Спасибо вам, добрая душа, за эту обувку и одежду.

— Тихо, тихо, Мавруша,— предупредил ее Калита. Бачишь, тут у нас собрание, то и проче

Мавра поправила на голове платок, медленно прошла

мимо крыльца. Жебрак проводил ее долгим взглядом и снова заговорил:

— Выступая в станице Старощербинновской на митинге и говоря о продрозверстке и росте бело-зеленых банд на Северном Кавказе, Михаил Иванович Калинин указал, что нынешний год можно разделить на три периода. К первому относятся апрель и май месяцы, когда мы пришли сюда с Красной Армией и принялись создавать свои рабоче-крестьянские аппараты. Этот период, в смысле общей политики на Кубани, характеризуется удивительной мягкостью со стороны Советской власти к тем неблагонадежным элементам, которые наполняли тогда нашу область. Мы, большевики, пришли сюда как освободители трудящихся масс Кубани.

Голос Жебрака гулко звучал в морозном воздухе, долетал до самых далеких уголков площади.

— Второй период,— говорил Жебрак,— характерен слиянием белых банд в черносотенную армию генерала Хвостикова. В этот период высаживаются врангелевские десанты на Кубани: в Сукко, под Анапой, на Таманском полуострове и в Приморско-Ахтарской. Белогвардейские офицеры, скрывавшиеся в горах и лесах Кубани, после разгрома денкинской армии, снова начали организовывать контрреволюционные отряды и примыкать либо к армии Хвостикова, либо к десантам Врангеля. В этот момент Советская власть была всецело занята подавлением контрреволюционных сил в нашей области. И, наконец, третий период. Мы закончили войну с панской Польшей, добились Врангеля в Крыму. Теперь мы стали полновластными хозяевами на своей земле и приступаем к выборам исполнительных комитетов Советской власти на местах

Краснодольцы дружно зааплодировали. Жебрак выждал тишину, подергал концы темно-русых заиндевевших усов и продолжал с еще большей силой:

— Девятнадцатого ноября областной ревком, как вам известно, товарищи, вынес постановление о выборах в Советы... Сегодня по вашему Кавказскому отделу и начались выборы в исполкомы. Собрались и мы, чтобы избрать Краснодольский станичный Совет и председателя Совета. Ваши квартальные комитеты рекомендуют на пост председателя товарища Лаврентия Никифоровича Левицкого.

Над площадью полетели одобрительные выкрики:

- Давайте Левицкого!
- Хороший человек!
- Хозяйственный казак!

На крыльцо поднялся бравый старикан в черном за-
лосненном чекмене и с суковатой палкой в руке, снял
баранью папаху и, поклонившись станичникам, сказал
хрипловатым голосом:

— Лавруха — наш казак, фронтовик. Знает он добре,
что такое белые и красные. Раскусил в боях беляков тре-
клятых, кляп им в рот, и до окончания дней своих будет
стоять за Советскую власть. Правду я кажу, Никифоро-
вич, чи ни?

— Правду, дядько Карпо, правду! — отозвался Лав-
рентий.

Старик взмахнул шапкой:

— А раз правда, треба голосовать за Лавруху. Вот и
вся недолгая.

Выступило еще несколько казаков. Они и хвалили
Лаврентия, и упрекали за прошлые колебания, но неиз-
менно утверждали, что он будет достойным председа-
телем.

Приступили к голосованию. Над толпой вырос лес
рук.

XXIII

Мать Сергия еще с вечера предупредила Луку, что к
нему ночью, возможно, придут люди, которых надо при-
ютить. Монах вначале хотел было отказаться, но из опасе-
ния разгневать игуменью согласился принять незваных
гостей.

Первым пришел Бородуля. Лука из предосторожности
не зажег света. Гость положил у печки свои сумки и, не
выпуская карабина из рук, сел на табуретку, спросил:

— Кто же вы будете? Откуда?

— А разве вам мать-игуменья ничего обо мне не го-
ворила? — в свою очередь спросил Лука. И, помолчав
немного, добавил: — Оттуда же, откуда и вы.

— С гор? — оживился Бородуля. — Свой, значит? И не
бойтесь, что вас тут найдут?

— Меня в этих краях никто не знает, — заметил Лу-
ка. — Вот и решил побыть здесь до весны.

— Что же вы делали в горах? — поинтересовался
Бородуля. — У Хвостикова служили или как?

— Видите ли... — замялся Лука.— Вы же знаете, что генерал Хвостиков в тех местах всех мужчин мобилизовывал. По мобилизации я и попал к нему.

— А тут чем занимаетесь?

— Святую криницу охраняю,— ответил Лука и как бы вскользь полюбопытствовал: — Ну, а что же вас привело сюда?

— Отца у меня в станице какая-то подлюга задушила,— сказал Бородуля.— Хочу узнать, кто это сделал. Вот и пришел сюда с зятем.

Лука насторожился:

— И где же он — ваш зять — сейчас?

— В станице.

— Выяснить пошел насчет вашего отца?

— Нет, у него там свои дела. Жену его в бою Левицкий зарубил...

За дверью послышался скрип снега. Бородуля и Лука затихли. Кто-то постучал в окно. Игнат Власьевич взял карабин, окликнул:

— Кто?

— Откройте,— отозвался Матяш.

Лука отодвинул засов, и Матяш вошел в жарко натопленную комнатушку.

— Ну, собирайтесь,— сказал он тестю.— Скоро начнет светать... Поход мой неудачный.

Бородуля вскинул сумку за спину, повесил карабин на плечо, подал Матяшу его сумку.

— Ну, спасибо тебе, брат Нифонт, за приют,— сказал он монаху.

— Да поможет вам бог,— глухо ответил Лука.

Матяш резко обернулся в сторону монаха. Уж больно знакомым показался ему голос. Он достал зажигалку, чиркнул ею. Лука сунул руку в карман, сжал рукоятку нагана.

«Сейчас же, как только вспыхнет свет, прямо в упор тому и другому по пуле — и делу конец»,— решил он. Но зажигалка не загорелась.

— Брось чиркать! — шикнул на него Бородуля.— Зачем огонь тебе?

— Хотел на хозяина поглядеть,— ответил Матяш.— Да, мабуть, весь бензин вышел.

«Слава богу, пронесло!» — облегченно вздохнул Лука.

Бородуля и Матяш покинули сторожку. Они направились в лес, засыпанный глубоким снегом

ЧАСТЬ ДЕВЯТАЯ

I

Наступил 1921 год.

Медленно разгоралось новогоднее студеное утро.

Закутавшись в снежную шубу, Краснодар прижался на излучине к берегу Кубани, закованной в ледяной панцирь, сладко дремал на зорьке, дышал горячими трубами, и клубы дыма ползли над ним тяжелыми черными шлейфами. Мороз сковал и камни, и землю. Сыпал густой, как серебряные опилки, мелкий снег. Ветер наметал сугробы, вихрился на улицах и площадях, в садах и парках. Казалось, город совсем не думал просыпаться.

Но вот легкие сани, покрытые рваной, затасканной полостью, проложили на пушистом снегу безлюдной улицы Красной две глубокие колени. Пересекая улицу Гоголя, извозчик покосился из-под нахлобученного треуха на большой кумачовый лозунг, вывешенный над порталом Зимнего театра, по слогам прочел:

**ПЛАМЕННЫЙ БОЛЬШЕВИСТСКИЙ ПРИВЕТ
ДЕЛЕГАТАМ ПЕРВОГО СЪЕЗДА СОВЕТОВ
КУБANO-ЧЕРНОМОРСКОЙ ОБЛАСТИ!**

Он ударил лошадь вожжами, сказал:

— Значит, нынче можно подзаработать! Трамвай-то из-за снежных заносов не ходят.

Глухо, словно сквозь вату, проревели утренние заводские гудки.

Тротуары постепенно заполнялись трудовым людом, спешившим на работу. А через полчаса вся улица была забита народом. Появились юркие разносчики газет.

Шныряя между прохожими, они наперебой кричали:

— Читайте сообщение об открытии в Краснодаре Первого съезда Советов!

На Пролетарской улице показалась колонна кавалерии. Впереди в золотисто-багряных лучах восходящего солнца реяло красное знамя. Рядом со знаменосцем гарцевал на тонконогом скакуне Воронов, возвращавшийся с врангелевского фронта.

У гостиницы «Европа» конники свернули вправо, потянулись бесконечной лентой по Красной, направляясь в казармы, расположенные на северной окраине города

Митрофан осадил иноходца, купил у разносчика газету «Красное знамя» и, проскакав к голове колонны, передал ее своему командиру. Воронов прочел на первой странице:

— «Сегодня открывается Первый съезд Советов Кубано-Черноморской области.

Избранники трудящихся городов и станиц собираются, чтобы выработать план восстановления разрушенного хозяйства нашего края.

Нога в ногу с рабочими и крестьянами всей Советской России трудовая Кубань пойдет на борьбу с разрухой, голодом и нищетой».

Взгляд Воронова скользнул по передовой статье, в которой говорилось:

«Наступил момент, когда рабоче-крестьянские массы Кубани, собравшиеся на съезд, в лице своих представителей должны заложить фундамент под всю ту организационную работу в области советского строительства, которая проделана в течение девяти месяцев существования Советской власти на Кубани».

Митрофан радостными глазами глядел на каждый дом, на линии телеграфных проводов, отягощенных снегом, на сверкающие на солнце стекла витрин, и ему казалось, что все это на главной улице выглядело иначе, лучше, чем два месяца тому назад. Душа его ликовала, была охвачена каким-то торжественным чувством.

Вскоре голова колонны миновала рынок. У ворот казармы Воронова встретили Ковтюх, Балышеев и Виктор Левицкий.

— Здравия желаю, товарищи! — крикнул Воронов, слез с коня и, передав повод ординарцу, энергично пожал руки встречающим.

Прошли в канцелярию. В кабинете начальника их уже ждали Левандовский и Соловьев.

Поздоровавшись, Левандовский весело спросил:

— Что ж, с Врангелем, значит, покончили?

— И с Врангелем, и с Пилсудским, — ответил Воронов.

* * *

Вечером у Зимнего театра былолюдно. То и дело на извозчиках подъезжали делегаты.

На мраморной лестнице Лаврентий увидел Черноуса, схватил его за руку:

— Василий Иванович, сколько лет, сколько зим!

Черноус удивленно округлил глаза, затем обнял Левицкого за плечи, и они по-приятельски горячо расцеловались.

— Оце так стория! — не смог успокоиться Лаврентий. — Кто б мог подумать, что тут встренемся! И ты, стало быть, на съезд приехал?

— А то как же, — подмигнул Василий Иванович. — Со старухой я тут.

— Це б то, куда иголка, туда и нитка, — поднимаясь в фойе, сказал Лаврентий.

— А вот и старушка моя! — воскликнул Василий Иванович.

У двери зрительного зала стояла с делегатами Феодосия Тихоновна. Увидев мужа, она направилась к нему.

— Ты погляди, мать, кто со мной, — сказал Василий Иванович.

— О, Лаврентий Никифорович! — улыбнулась Феодосия Тихоновна. — Какими судьбами?

— Известно какими. Я делегат, — объявил Лаврентий. — Теперь в председателях Совета хожу. Да, факт на лице.

— Значит, начальство, едят тебя мухи! — Василий Иванович похлопал его по плечу.

Среди делегатов прохаживались в фойе Оглобля и Шкрумов. Левицкий с четой Черноусов подошел к ним.

— Здравствуйте, Наум Трофимович! — Лаврентий потряс руку Оглобле и представил его Черноусам: — Знакомьтесь. Председатель Совета станции Передовой, ежели не ошибаюсь.

— Нет, правильно, Лаврентий Никифорович, — сказал Оглобля. — Как был, так и остался... Теперь меня в станции все иначе не называют, как «Освобожденный Прометей».

— Это ж почему? — удивился Василий Иванович.

— Да, как рассказал мне на скале мой освободитель, — пояснил Оглобля, — будто бы тот Прометей украл у богов огонь и подарил людям, а боги осерчали на него и в наказание приковали у нас на Кавказе к скале, и к нему, тому Прометею, каждый день прилетал орел и клевал у него печень... — Он громко захохотал и добавил: — Но я-то орлам не достался, хотя они уже кружили надо мной, высматривали добычу. Меня-то освободил от веревок

добрый человек. Вот я с тех пор и стал Освобожденный Прометей.

— Какое совпадение! — покачал головой Шкрумов.

— И вот я... как видите, туточки.. — Он, как бы спохватившись, продолжал: — Эта байка потом у нас в станице распространилась и прилипла ко мне, как банный лист.

— О, так вам еще дюже повезло, — весело улыбаясь, сказал Василий Иванович, — нашлась хорошая душа, а то бы... гибели не миновать.

— Да, я уже и так был на пределе, — протянул Оглобля, — еле не окоचурился до вечера...

— А твой спаситель на днях к нам в станицу приходил, — сказал Лаврентий, обращаясь к Оглобле. — Мы его чуть-чуть не изловили. Но он прытким оказался, нечистый дух!

Оглобля, наморщив шишковатый лоб, молчал.

Прозвенел звонок. Делегаты с шумом потянулись в зал. Невдалеке, в проходе, Лаврентий увидел Жебрака и Юдина. Кто-то положил ему на плечо руку. Он оглянулся: за спиной стоял улыбающийся Воронов.

— О!.. Ты глянь, оказия какая! — засмеялся Лаврентий. — Куда ни повернись — и все свои.

Воронов поздравил его с избранием в председатели Совета, сказал:

— Слышал я, станичники довольны тобой, Лаврентий Никифорович.

— Ох, не все довольны, Елисей Михайлович! — покачал головой Левицкий. — Богатеи косятся на меня.

— Пусть косятся, нынче наша власть. — Воронов хлопнул его по плечу и направился к передним рядам кресел.

Лаврентий уселся во втором ряду, внимательно окидывая зал прищуренными глазами. Рядом с ним поместились Черноусы, Оглобля и Шкрумов. В правой ложе появились Атарбеков, Соловьев, Демус и Фурманов. Внизу, под ложей, в партере сидели Виктор, Петька Зуев, Демка Вьюн и Митрофан Воронов.

В глубине сцены выстроился хор. Заместитель председателя областного ревкома Галактионов остановился у стола, застыл в выжидательной позе. В зале наступила тишина.

— Товарищи! — громко бросил в зал Галактионов. — По поручению областного революционного комитета объ-

являю Первый съезд Советов Кубани и Черноморья открытым!

Оркестр и хор исполнили «Интернационал».

Когда умолкли звуки революционного гимна, Галактионов продолжил:

— Товарищи делегаты! Предлагаю почтить вставанием память борцов, погибших за дело революции.

Делегаты поднялись, замерли в молчании.

Затем слово для приветствия было предоставлено Юдину.

— Дорогие товарищи! — обратился он к залу. — От имени областного комитета большевистской партии я приветствую и поздравляю Первый съезд Советов Кубано-Черноморской области! Сегодня осуществляется мечта рабочего класса, крестьянства и кубанских большевиков. Первому Кубано-Черноморскому областному съезду Советов предстоит наметить планы строительства новой жизни, восстановления разрушенного хозяйства.

Раздались бурные аплодисменты. Потом начали выбирать президиум. Виктор поднял руку.

— В почетный президиум, — сказал он, — я предлагаю товарищей Ленина и Калинина.

Его предложение было встречено овацией... Выдвижение кандидатов продолжалось. И вдруг до слуха Лаврентия долетело:

— Прошу внести в список кандидатуру Левицкого Лаврентия Никифоровича — председателя Совета станиц Краснодарской!

У Лаврентия екнуло сердце. Робко взглянув на Оглобля, он пробормотал:

— Чи почудилось, чи правда меня?

— Да вроде тебя, — сказал Оглобля.

Когда же члены президиума поднялись на сцену и заняли места за столом, Галактионов огласил повестку дня и предоставил слово председателю областного ревкома Яну Полуяну.

Тот склонился над трибуной и, обратясь к сидящим в зале, начал:

— Товарищи! После трех лет упорной борьбы с контрреволюцией рабочий, крестьянин и казак добились наконец победы. Теперь ни на севере, ни на юге, ни на западе, ни на востоке нашей великой страны нет боевых фронтов. Наша доблестная Красная Армия имеет не толь-

ко возможность получить передышку, но и принять участие в борьбе с хозяйственной разрухой.

Лаврентий сидел в президиуме между Черным и Атарбековым, слушал оратора и взволнованно вглядывался в сосредоточенные лица людей, собравшихся в зале театра. Вот он остановил взгляд на Викторе. «Не видать бы мне всего этого. Так, мабуть, и остался бы в чужом лагере, погиб бы не за цапову душу,— промелькнуло у него в голове. Он отыскал глазами Жебрака, сидевшего во втором ряду с Соловьевой, мысленно произнес:— Спасибо тебе, Николай Николаевич, за хорошие советы! Большое спасибо! Всем спасибо: и сыну, и покойному батьке...»

Шкрумов внимательно прислушивался к каждому слову докладчика. То, о чем говорил Полуян, находило в сердце Ивана Степановича отзвук, как нечто кровно связанное с его жизнью и судьбой.

Полуян перешел к экономическому положению Кубани:

— Язык цифр говорит о непрерывном укреплении и росте экономической мощи Советской Республики. В семнадцатом году было собрано пятьдесят миллионов пудов хлеба. В восемнадцатом — девятнадцатом годах голодающим рабочим центра и севера предоставлено было сто миллионов пудов. В девятнадцатом — двадцатом годах мы собрали двести миллионов! А в нынешний заготовительный сезон должны собрать не менее четырехсот миллионов пудов! Шестьдесят пять из них страна ждет от Кубани.

Черноус взглянул на жену:

— Как думаешь, старушка, потянет Кубань такое? Что-то дуже богато.

— Потянет! — убежденно ответила Феодосия Тихоновна. — Где же еще есть земли родючее, чем наша, кубанская.

Полуян отпил воды из стакана, снова устремил серые, сверкающие глаза в зал:

— Наши возможности неисчерпаемы. Природа будет служить свободному народу, отдаст нам все свои богатства. Сейчас в Москве разрабатывается план электрификации всей страны.

Среди делегатов пролетел шумок: «ГОЭЛРО! ГОЭЛРО!...»

— Владимир Ильич Ленин назвал этот план «второй

программой партии». Перед трудящимися нашей области стоят боевые задачи,— продолжал Полуян.— Самая главная из них — это выполнение разверстки на хлеб. Мы должны сделать все, чтобы страна получила от нас шестьдесят пять миллионов пудов!

— Кубань не ударит в грязь лицом!

— Будет хлеб!

Феодосия Тихоновна обернулась к мужу:

— Слышишь?

— Будет хлеб! — уверенно сказал Василий Иванович.— Слово казаков твердое!

II

7 января, на второй день, в три часа, съезд Советов продолжил свою работу. Первым выступил Галактионов. Он охарактеризовал те условия, в которых протекала десятимесячная деятельность ревкома. Условия эти были чрезвычайно сложными. Ревкому все время приходилось быть начеку и принимать меры для предотвращения высадки новых вражеских десантов на Кубани. Сильно мешали работе ревкома бело-зеленые банды. Остро ощущался недостаток в опытных работниках, тем более что здесь, на Кубани, пришлось иметь дело с той контрреволюцией, которая бежала сюда почти со всей центральной России во время отступления Деникина и в основном осталась здесь после его бегства за границу.

Особое место в своем докладе Галактионов уделил отношению революционного комитета к тем, кто еще скрывался в плавнях и горах.

— Рассматривая бело-зеленых как заблудившихся и обманутых,— говорил он,— ревком все время старался воздействовать на них увещанием и неоднократно призывал возвращаться к мирному труду, обещая полное прощение. Таким образом, наша политика была чрезвычайно мягка и гуманна к бело-зеленым, и сейчас ревком снова дал срок для того, чтобы бело-зеленые одумались и сложили оружие. Эти заблудившиеся люди должны в конце концов понять, что теперь, когда советизация области увенчалась успехом, бороться против народной власти — безнадежное дело..

В перерыве Соловьев с женой вышли в фойе, где уже было полно народу. К ним присоединился Атарбеков

— Ну как, Анна Назаровна, довольны вы новым постом своего супруга? — спросил Атарбеков.

Аннушка недоуменно взглянула на мужа:

— Каким постом?

— Прости, Аннушка, я еще не успел сообщить тебе... — улыбнулся Геннадий Иннокентьевич. — Меня назначили начальником особого отдела.

Аннушка обернулась к Атарбекову:

— А вы?

— Москва направляет меня в Армению, — ответил тот. — Завтра утром вылетаю в Баку.

— Жаль, — сказала Аннушка. — Мы все привыкли к вам. Не знаю, сможет ли Геннадий справиться с работой в особом отделе. По-моему, тут надо иметь определенное призвание.

— Нет, Анна Назаровна, дело не в призвании, — с улыбкой возразил Атарбеков. — Просто нужно всей душой, всем сердцем быть с народом.

К ним подошел Юдин, взял под локоть Атарбекова

— Только что мне сообщили из Гривенской, что Рябокось совершил зверский налет на хутор Лебеди.

— Мерзавец! — нахмурился Атарбеков. — Семнадцать того декабря налет на Петровскую, теперь — на Лебеди. Надо кончать с ним.

После перерыва начались прения. Первым взял слово Оглобля. Громадная, широкоплечая фигура его в вылинявшей гимнастерке с надраенными медными пуговицами нависла над трибуной. Черные курчавые волосы и вьющаяся борода придавали его смуглому, рельефному лицу суровый, непреклонный вид. По залу пронесся сдержанный шумок: «Это гот, которого бандиты привязывали к скале...»

Оглобля наморщил шишковатый лоб, нахмурил вихрастые брови, неторопливо начал:

Я хочу сказать о той промашке, товарищи, которую мы допустили в своей работе среди населения наших станиц, хуторов и аулов. Приведу пример. Мне привелось побывать в плену у бандита Волошко, на Куве. После «суда» меня распяли на лобовине скалы. Провисел я там весь день. А ночью, когда силы стали меня покидать, ко мне приполз человек из шайки бандитов, по фамилии Матяш Андрей, и ослобонил меня. Не знаю, бедняк он чи середняк. Но понял одно — это честный человек, которому

беляки заморочили голову. Я посоветовал ему вернуться домой, а он заявил в ответ: «Был я врагом Советской власти, врагом и останусь до гроба». Почему он говорит такое? Да потому, что не растолковываем мы людям как следует, за что борется Советская власть. Наслушались такие, как он, брехни от буржуев, понатворили преступлений и боятся теперь выйти на правильную дорогу. А сколько таких в бандах? Да не почитать! Надо нам работать с каждым человеком. Только тогда мы сможем вернуть к честной жизни многих из тех, кто еще скитается в бандах.

Делегаты дружно зааплодировали.

Черный предоставил слово Лаврентию Левицкому. Тот нерешительно поднялся на трибуну, повел глазами по затихшему залу.

— Мне дюже понравилось выступление председателя Совета станицы Передовой, — сказал он. — Верно, много еще обдуренных людей. Был и я таким, чего греха таить. Не попадись мне в свое время вон тот человек, — Лаврентий указал на Жебрака, — я, пожалуй, был бы тоже там, где зараз находится Матяш Андрей, про которого нам только что рассказал Наум Трофимович. Сурьезно.. Туман у меня тогда был в голове. А вот помог добрый человек ослобониться от того тумана, и зараз у меня голова чиста от всякой мути. Да, факт на лице! Поэтому я тоже за то, чтобы шире развернуть большевистскую агитацию в станицах и хуторах. Оце и все!

Он смущенно кашлянул и занял свое место в президиуме.

На сцену поднялся Шкрумов.

III

Раннее безоблачное утро. Город Новороссийск давно уже проснулся, и жизнь в нем била ключом. У причалов Цемесской бухты, где теснились суда, сновали, как муравьи, грузчики. Не умолкал скрежет лебедок, лязг цепей, гул моторов.

На фоне лазурного северо-восточного небосклона в сизо-дымке величественно возвышались горы.

Полуразрушенный цементный завод сиротливо ютился на берегу моря, не дымил высокими трубами. Его же лезобетонные корпуса угрюмо глядели разбитыми окнами.

ми. Война оставила на куполах, башнях и крышах завода глубокие раны. Лишь волны без умолку плескались у каменных заводских причалов, у одного из которых стоял «Эльпидифор». Команда его из 105 человек была в сборе, принимала на борт военный груз.

Колот находился на капитанском мостике и наблюдал за работой матросов. Остроносое его лицо после ранения в Камышеватской все еще было бледным, но глаза по-прежнему поблескивали задорно, живо. Старшина Рыбин распределял грузы на палубе и в трюмах. На его бушлате сиял недавно полученный орден Красного Знамени. Матросы с уважением поглядывали на грудь старшины Новички интересовались, за что наградили Рыбина.

— Это ему дали за спасенный хлеб в Камышеватской! — ответил старослужащий.

К концу погрузки на судно прибыло 250 демобилизованных моряков. Сюда же после излечения от контузии прибыл и Аншамаха, чтобы доплыть до Анапы, а оттуда уже направиться в Приморско-Ахтарскую. На нем была старая шинель, туго схваченная солдатским ремнем, и буденовка с опущенными концами подбородника. На ногах — английские ботинки и серые шерстяные обмотки. Появления его на судне никто не заметил. Остановившись у люка в машинное отделение, он задумчиво глядел на северо-восток, туда, где сияли горы в медной окатине, точно плаваясь в золотистых лучах солнца.

— А ты откуда, служивый? — проходя мимо него, спросил Глыба.

— Из лазарета, товарищ комиссар, — ответил Аншамаха. — Предписание у меня, это самое... на ваше судно. — Достав из внутреннего кармана шинели бумагу, он подал ее Глыбе, добавил: — В Анапу мне.

Глыба пробежал глазами предписание, улыбнулся.

— Значит, домой едешь. Это хорошо. За хозяйственные дела надо браться.

Матросы гащили мешки, ящики, тюки, складывали их штабелями около пушек и крупнокалиберных пулеметов.

— Орудия не заваливайте! — крикнул им Рыбин.

— На что они теперь? — послышалось в ответ. — Войне крышка. Три свободных — и хватит.

Рыбин хотел было заставить моряков освободить еще две пушки от завалов, но в это время его вызвали в трюм, где размещались демобилизованные моряки.

Аншамаха устроился на тюках около лебедки, развязал сумку, принялся за еду.

Вскоре подготовка к отплытию была закончена. Колот приказал сниматься с якоря.

Из машинного отделения донесся могучий гул сердца корабля, у гребного винта зашумела вода. Проревел гудок, и судно медленно отвалило от причала.

Матросы облепили военные грузы, сложенные на палубе, любовались горевшим отблеском солнца на ровной водяной глади, гомонили, смеялись, шутили. Теплая погода, спокойное море настраивали на веселый лад. На баке вдруг кто-то затянул песню: «Наверх вы, товарищи, все по местам!..»

Аншамаха вслушивался в грозный напев, и перед ним, как в тумане, проплывала вся его фронтовая жизнь, все то, что пришлось ему пережить на своем веку.

«Эльпидифор» уходил все дальше от Новороссийска. Позади, будто медленно опускаясь в воду, таял Мысхако, окутанный молочно-сизым туманом.

Часа через полтора на правом траверзе показался остров Большой Утриш, и тут Колот обратил внимание на дымки, выползшие внезапно из-за горизонта со стороны открытого моря. Срочно был вызван комиссар Глыба, отдохавший у себя в каюте. Дымки приближались, и вскоре все увидели эскадру боевых кораблей, шедших в кильватерной колонне наперерез «Эльпидифору».

Колот приказал развить максимальную скорость. Вода у гребного винта забурлила с удвоенной силой, и «Эльпидифор» пошел с предельной быстротой. Была объявлена боевая тревога. Матросы расчистили орудия, приготовились к отражению нападения.

Четыре миноносца под французским флагом уже были совсем близко. Подав сигнал остановиться, они дали залп по «Эльпидифору». Колот приказал открыть ответный огонь. Миноносцы поспешно развернулись цепью, перешли в атаку. Начался неравный бой тихоходного «Эльпидифора» с четырьмя быстроходными, прекрасно вооруженными вражескими судами.

Миноносцы с каждой минутой наращивали огонь. «Эльпидифор», при всей своей неповоротливости, искусно маневрировал среди падавших вокруг снарядов и, в свою очередь, отстреливался из трех орудий.

Аншамаха не уходил с палубы. Вцепившись руками

в поручни, он с ненавистью глядел на французские суда и повторял в бессильной злобе:

— Ах, стервы! Вот сволочи!

— А что вы хотите от пиратов? — произнес кто-то рядом. — Пожалуй, расколют нашу посудину. Прорваться бы в Анапскую бухту под прикрытие береговой артиллерии.

Один из миноносцев развернулся у маяка, начал готовиться к минной атаке. Заметив это, Колот приказал круто повернуть к берегу. Судно взяло направление на селение Супсех, расположенное на высоком берегу в четырех верстах от Анапы, но, не дойдя до берега с полверсты, наскочило на подводный камень и остановилось. Миноносцы стали расстреливать его в упор. Два снаряда разорвали корму, третий угодил в рулевую рубку. На «Эльпидифоре» раздался оглушительный взрыв.

Вздыбленная снарядами поверхность моря покрылась телами пловших к берегу. Число убитых и раненых росло на судне с каждой минутой. А интервенты не унимались, осыпали пловших химическими снарядами.

Колот и Глыба не покидали капитанского мостика. Взрывной волной выбросило за борт Рыбина, и он с трудом поплыл к берегу. Аншамаха, словно оцепенев, стоял у борта, все крепче сжимая руками поручни. Сквозь дым он видел, как шли ко дну люди, попавшие в зону, отравленную газами химических снарядов.

— Эй, браток, что же ты стоишь? — крикнул ему Глыба. — Прыгай в воду, слышишь?

Аншамаха, точно очнувшись, торопливо сбросил с себя шинель, снял ботинки, связал их шнурками и, перебросив через плечо, соскользнул вниз. Намокшая одежда сразу начала тянуть ко дну.

Некоторые матросы уже достигли берега, поднимались по скалистому сорокасаженному обрыву. Аншамаха, напрягая силы, барахтался в воде, плыл к берегу. К счастью, снаряды рвались от него далеко, и газ не приносил ему большого вреда. Наконец он почувствовал под ногами дно. Вокруг свистели пули. Это миноносцы обстреливали берег из пулеметов.

Жители Супсеха, услышав орудийную стрельбу на море, сбежали к высокому берегу, оказывали матросам помощь, перевязывали раненых, уводили в хаты.

Рыбин, переодевшись в сухую одежду, не уходил с берега и, наблюдая за миноносцами, безнаказанно уплы-

вавшими в море после черного разбоя, погрясал кулаками:

— Вот она... гидра буржуазного капитала! Мировая контрреволюция! Ну ничего! Придет и ей конец!

Намокшая одежда начала замерзать на Аншамахе, вздулась жестким коробом, он с трудом поднялся наверх по скалистому берегу.

Тут же у бойни остановилась легковая машина. Из нее вышли Левандовский и Фурманов, прилетевшие в Анапу самолетом. К ним подбежал Рыбин, доложил о случившемся.

Левандовский посмотрел в бинокль на «Эльпидифор», дымившийся на подводных камнях.

— А где же Колот и Глыба?

— Там, товарищ командир,— Рыбин указал на судно

— Надо немедленно оказать им помощь! — сказал Фурманов.— Я сейчас мобилизую все рыбацкие лодки

— Да, да,— сказал Левандовский.— Действуйте! — Он вдруг обратил внимание на высокого человека в тулупе, узнал в нем Аншамаху: — Терентий Артемович! И вы здесь?

— Здесь,— вздохнул Аншамаха.— Домой еду. А тут это самое. Наглотался газов... Чуть было не утону.

Левандовский хмуро посмотрел в морскую даль, где еще виднелись дымки миноносцев, промолвил с гневом:

— Вот они, цивилизованные варвары!

IV

Иоанн медленно прохаживался по мягкому ковру. Нервы его были напряжены до предела. Одутловатое лицо, обрамленное бело-желтыми волосами, ниспадавшими ему на плечи, было мертвенно-бледным. Большие тусклые глаза, точно вставленные в круглые синие рамы, глядели прямо перед собой, не видя ничего. Наконец он подошел к любимому креслу, опустился на сиденье и, положив болезненные пухлые руки на подлокотники, широко расставил ноги, закрыл глаза. Казалось, он в ту же минуту заснул крепким сном. Но старик не спал. Он с нетерпением ждал Евсевия.

Прошло часа полтора.

В зал вошел келейник Борис и объявил:

— Ваше преосвященство, святые отцы собрались

Епископ открыл усталые глаза и прошептал:

— Помоги, белец.

Борис взял его под локоть, повел к двери.

Епископ просил вызвать только Евсевия и двух своих верных сторонников — Гангесона и Делавериди, но в зале увидел и Ратмирова, и Забелина, и еще десятка полтора попов евсевиевского толка.

Иоанн бросил на них гневный взгляд, остановился. Обрюзглое его лицо побагровело, в широко раскрытых глазах вспыхнуло бешенство. Губы задрожали, ноги подломились. Но он набрался сил, закричал:

— Кто вас сюда приглашал?

Священники медленно поднялись. Иоанн, негодуя, указал рукою на дверь:

— Вон отсюда!

Евсевий обратился к своим приверженцам:

— Оставьте нас...

Те молча направились к двери. Иоанн тяжело вздохнул, уселся в кресло, повелевающе поднял руку:

— А вас, отец протоиерей Делавериди и... отец Никандр, прошу остаться.

Названные задержались у порога и, постояв немного, возвратились на свои места. Владыка остановил тяжелый взгляд на Евсевии.

— Я вот зачем вас пригласил, ваше преосвященство,— начал он, с трудом сдерживая гнев.— Мне стало известно, что вы во время своей поездки по монастырям Кубани проводили там гнусную агитацию против меня, призывали духовенство поддерживать пагубную политику патриарха Тихона.

— Это ложь! — вспыхнул Евсевий.

— Позвольте...— Иоанн резко поднял руку.— А ваше воззвание, распространенное по монастырям и храмам, в котором вы в оскорбительных выражениях порицали мое доброе имя, обвиняли меня в том, что я отошел от патриарха Тихона и впал в раскол?

— Вот это воззвание! — Делавериди вынул из кармана ряссы сверток бумаги и потряс им перед Евсевием.

— К счастью, он еще не успел распространить «Предупреждение к чадам православной веры» патриарха Тихона,— добавил Гангесон.

Дверь внезапно широко распахнулась, и в зал ворвались озлобленные попы.

— Ты что, старая кочерыжка, диктуешь нам ука-

зы?! — закричал Забелин с перекошенными от ярости губами, подбежал к Иоанну и выдернул из его бороды клочок волос: — Вот тебе наше послушание!

Келейники, Борис и Андрей, схватили за руки разбушевавшегося попа, но тому на помощь бросилось несколько дюжих пастырей. Кто-то из них сквозь зубы процедил:

— Эх, ударить бы крестом! Узнали бы, как святителя Тихона не слушаться!

Делавериди занес свой тяжелый кулак над головой Забелина. Началась потасовка.

Иоанн потерял сознание, запрокинув голову на спинку кресла. Борис и Андрей подхватили его на руки, отнесли в спальню, уложили в постель.

Евсейий замахал руками:

— Святые отцы! Опомнитесь! Нельзя же так! Я призываю вас к порядку.

— Какой мерзавец! — не унимался Забелин, потрясая костлявым кулаком в сторону спальни. — Вздумал учить нас. А сам первый нарушитель канонов!

— Перестаньте! — оборвал его Евсейий. — Успокойтесь. — Он обвел взглядом всех священников, спросил: — И действительно, зачем вы сюда пришли? Я ведь приглашал только отца Филогония. А вы явились все. Мы бы и сами разобрались.

— Старца давно надо убрать с епископского поста. Он — вина всех наших раздоров! — зашипел Ратмиров.

— Да, да! — закричали остальные. — Надо безотлагательно созывать епархиальный съезд и выяснить мнение всего духовенства области в отношении епископа Иоанна!

Делавериди и Гангесон нырнули в спальню епископа. Иоанн лежал на кровати, тяжело дышал. Отечное лицо его было бледно, губы посинели. У изголовья кровати стояли келейники.

— Ну что? — обратился к ним Делавериди. — Может, послать за доктором?

Иоанн, не открывая глаз, махнул рукой, прошептал:

— Не надо. Так отлежусь. Об одном прошу: выставьте прочь крикунов.

* * *

Больной пролежал до крещения. Крещенскую службу в Красном соборе он все же решил провести сам. Под

вечер к его дому подъехала карета. С помощью келейников Иоани сел в нее и под колокольный звон отправился в собор к вечерне. Когда же на него надели ризу, спитрахиль, митру, открыли царские врата и стали выводить из алтаря на амвон, он вдруг упал и тут же скончался. Прихожане, пораженные его внезапной кончиной, вначале словно оцепенели, затем стали истово молиться, бить земные поклоны.

Евсевий, присутствовавший при этом, до глубины души обрадовался смерти епископа, но свои чувства скрыл под маской скорби и с глубокой печалью в голосе объявил прихожанам, что по случаю смерти владыки служба отменяется.

Прошло трое суток. На панихиду по усопшему собралось множество народа. Отпевали умершего двенадцать священников и двенадцать дьяконов. Покойник лежал в гробу и, казалось, сиял золотом в свете сотен лампад и свечей. Лицо его было прикрыто «святым духом» — скатеркой фиолетового цвета, обшитой мишурной бахромой.

На панихиде присутствовали не только все священники города, но и сельские. Одни из них искренне скорбели по усопшему, другие откровенно торжествовали.

Перед выносом покойника из собора Евсевий поднялся на амвон и, взмахнув руками, обратился к прихожанам с такой речью:

— «Аще хошеши в живот, соблюди заповеди...» Это ответ господя нашего Иисуса Христа, братия и сестры, на весьма важный вопрос в нашей жизни, вопрос о том, что нам должно делать, чтобы получить жизнь вечную?.. То есть господь говорит: «Если хочешь войти в жизнь вечную, сохрани заповеди — не убивай, не прелюбодействуй, не крадь, не лжесвидетельствуй, почитай отца и мать и люби ближнего твоего, как самого себя...»

Гангесон слушал Евсевия и с ненавистью думал о нем: «А сам... ненавидит своих же собратьев... проклятый человеконенавистник!»

Делавериди исподлобья поглядывал на Евсевия, крепко сжимал правой рукой массивный золотой крест у себя на груди, с гнетущей, черной тоской думал: «Теперь нам пришел конец...» Ратмиров изредка останавливал пронизательные глаза на своих противниках и, почесывая мизинцем крючковатый нос, как бы выискивал взглядом тех, с кем надлежало расправиться в первую очередь.

Панихида окончилась. Священники и дьяконы подняли гроб с телом покойного на плечи, опустили в усыпальницу собора и там замуровали его в нише каменной стены.

Евсейий тотчас же потребовал от келейника ключи от собора.

— Это почему же он должен отдать вам ключи? — спросил Делавериди.

— Потому что отныне я — настоятель собора, — заявил Евсейий.

— А я кто? — спросил Делавериди, и его бритое лицо побагровело, как бурак.

— Как были протоиереем кафедральным, так и останетесь, — высокомерно ответил Евсейий.

— Вот как! — завопил Гангесон. — Мы не желаем, чтобы вы были настоятелем собора!

— Святые отцы, — вмешался в спор настоятель Белого собора, — нехорошо у гроба...

— Да, да! — поддержал его Ратмиров. — Пойдемте в епархию.

Борис стоял в растерянности перед замурованной нишей, не зная, на чью сторону перейти. Делавериди бросился к нему, чтобы вырвать у него ключи, но Евсейий схватил протоиерея за крест и дернул так, что у того лопнула на шее серебряная цепь и содрала ему до крови кожу. Делавериди взревел от боли, а Евсейий, вырвав из рук Бориса ключи, бросился по лестнице наружу. За ним побежали и его приверженцы. Уже на улице Евсейий шепнул Ратмирову на ходу:

— Отец Филогоний, надо собрать благочинных и решить вопрос о настоятеле собора!

▼

Морозы все сильнее сковывали Лебяжий лиман. В пожелтелых густых камышах поднимались большие пушистые сугробы, по свинцово-матовому толстому льду мела поземка.

Ярко-красное солнце только что выглянуло из-за мглистого горизонта, и лучи его запылали на куполах Соборного Рождество-Богородицкого храма

В монастыре было беспокойно. Вся монашеская братия с попами и дьяконами спозаранку усердно молилась

в церквах и храме, прося всевышнего заступиться за них, оградить от дьявольского наваждения.

Один только звонарь Сергей, широко расставив руки, шаркал тяжелыми сапогами по обледенелым камням дорожек аллей, заходил то в одну, то в другую церковь, обращался к монахам с недоуменным вопросом:

— Так, значит, у нас будет коммуна?

Поднявшись на колокольню, он спросил у находившегося там настоятеля:

— Ну что, отец игумен? Еще не видать?

— Пока нет,— пробасил Дорофей, продолжая глядеть в подзорную трубу за лиман.

— Скоро появятся,— добавил Герасим, стоя у решетчатого барьерчика.

— Откуда же они? — допытывался Сергей, хотя ему все было уже известно.

— Из Тимашевской,— отвечал Дорофей.— Из «Светлой зари», а другая из... Федоровской.

— Из двух коммун одну сделали,— буркнул Герасим.— «Набатом» называться будет эта антихристова коммуна.

Дорофей отнял трубу от глаз, скривил насмешливо губы:

— Вот и явился в мир антихрист...

— Да! — поддакнул Герасим.— Все же раскольники-беспоповцы оказались правыми... антихрист пришел в мир!.. И к нам, в монастырь, пожаловал.

— А как же теперь? — спросил Сергей.

— Да так! — бросил Герасим.— Не пустим во двор — и делу конец. Будем защищаться всем скитом.

Сергей неодобрительно покачал мохнатой головой:

— Ой, когда б беды не накликать!

За лиманом на заснеженной дороге из Брюховецкой к Коновие показался длинный санный обоз, впереди которого рысили всадники. Дорофей направил на них подзорную трубу, промычал зло:

— Несет нечистая! — И приказал звонарю: — Бей в набат!

Сергей вцепился в веревки, и густой гул большого колокола огласил двор монастыря, ближние плавни, понесся на запад, к землянкам бандита Жукова, обосновавшегося на небольших островках вблизи Бейсугского лимана. Дорофей и Герасим метнулись с колокольни, закричали сторожам:

— Запирайте ворота!

Те немедленно заперли все ворота и калитки на замки. Монахи выскочили из храма и двух церквей, рассыпались по своим кельям: одни продолжали молиться, другие приникли к окнам, стали наблюдать за дорогой на Чепигинскую.

Набатный звон утих, и в монастыре все замерло.

Вскоре обоз, следовавший из Брюховецкой, соединился с обозом чепигинцев, и уже вместе они направились к монастырю.

Председатель вновь организованной коммуны «Набат» Науменко, черноусый казак средних лет, и Чернышов, его заместитель, в черных бараньих папахах и дубленых полушубках, рысили в окружении вооруженных коммунаров. За ними на пароконных санях и розвальнях ехали мужчины и женщины, парни и девчата, ребяташки. Малая детвора, засопливев на морозе, редела на все голоса. Матери прижимали малышей к себе, отогревали их окоченелые ручонки своим дыханием, но дети не унимались. За санями в налыгачах тянулись коровы. Тут же, сбоку дороги, по снегу бежали собаки.

Подскакав к главным воротам монастыря, председатель сразу же обратил внимание на изображение четы Комаровских, крикнул весело:

— Видали, ребята? Тоже в святые лезут!

Раздался дружный хохот. Науменко постучал в ворота:

— Эй, кто там, покажись!

В монастырском дворе царило гробовое молчание. Коммунары начали барабанить в ворота. Но никто не откликнулся.

— Что за чертовщина? — озадаченно промолвил Чернышов. — Решили не пущать нас, что ли?

— Вот дьяволы патлатые! — возмутился Науменко. — Игумена же строго-настрога предупредили в областном Совете. И предписание отдельских властей вручено ему о поселении нашей коммуны в монастыре. Чего голову морочить? — Он махнул рукой конникам: — А нука, ребята, разведайте, что и как там.

Коммунары спешились и, отыскав щель между колокольней и стеной, пробрались во двор. Монахи тотчас же, как по команде, высыпали из келий. Из Зимней церкви вышел и Дорофей со священниками и дьяконами.

— Зачем заперли ворота? — обратился к нему Науменко.

— Не пустим вас в монастырь, ответил Дорофей

— Ваше пребывание в пустыни противозаконно,— добавил поп Ярон, надувая красные щеки.

— Вы что, в своем уме? — закричал Науменко и указал в сторону главных ворот, на обоз: — Поглядите, сколько у нас детишек! Слышите, режут от мороза!

— Ну что ж...— Дорофей развел руками.— Не надо было ехать.

— Мы же вас не приглашали,— ощерился Гурий.

— Да мы из тебя душу выйдем, ежели не отопрешь ворота,— пригрозил Чернышов, наступая на игумена.

Во двор монастыря проникло еще десятка три коммунаров. Над островом летели крики возмущения.

За монастырской стеной у двух ворот сгрудились женщины и также подняли крик, требуя, чтобы их пустили во двор. Но монахи упорствовали. Тогда несколько дюжих коммунаров так трянули игумена и протоиерея, что с них слетели камилавки.

— Открывай ворота! Тебе говорят! Детишки ведь замерзли!

Дорофей, видя, что так или иначе, а придется покориться, почесал мясистый нос, распорядился:

— Впусти их, брат Федор.

Вобрав шею в плечи, монах неохотно пошел по заваленной сугробами аллее, шелкнул замком, распахнул ворота. Длинный обоз, скрипя полозьями по утопанному снегу, двинулся во двор, который через несколько минут стал походить на пеструю новогоднюю ярмарку.

Монахи выстроились у двери общежития, злобно глядели на незваных поселенцев, а те уже снимали с саней свой скарб, детишек и занимали жилые помещения, освобожденные монахами. Лошадей отводили в конюшни, коров — на скотный двор. Шум, галдеж, лай собак смешались в сплошной гвалт.

Дорофей стоял посреди двора, угрюмо наблюдал за коммунарами.

Науменко подошел к нему, сказал требовательно:

— Вот что, отец Дорофей. Надо протопить комнаты. Где тут у вас дрова?

— Там,— игумен указал глазами на лиман.— Кому холодно, пусть ходит за камышом, а дров у меня нет.

— Как же нет? — Науменко смерил его обжигающим взглядом.— Заготовку же делали и на эти помещения!

— Делали, конечно,— пробасил Дорофей.— Только для себя

— Ну и черт с тобой! — выругался Науменко и обратился к коммунам: — Идите, товарищи, за камышом. Коммунары с серпами отправились на лиман. Вскоре из труб помещений, занятых новоприбывшими, повалил черный дым...
На землю опускались ранние зимние сумерки.

VI

На попутном катере Аншамаха наконец отплыл из Анапы в Ачуев. Над морем кружила метель. Время от времени он поднимался на палубу и подолгу глядел на проплывающие мимо него заснеженные берега, густые камыши плавней. В этих местах он совсем недавно громил со своим батальоном улагаевцев. Вот и Сладкое гирло. Там еще виднелись трубы и палубы потопленных баркасов. На душе было и тоскливо и радостно, порой ему казалось, что бои, прошедшие здесь, лишь виделись во сне.

20 января, вечером, катер пришвартовался у пристани Ачуевского рыбного пункта. Аншамаха сошел на берег, увидел под навесом сарая рыбаков, читавших газету. Он поздоровался с ними, с любопытством спросил:

— Что нового, товарищи?

Старый рыбак указал на вторую страницу «Правды», пояснил:

— Чичерин протест объявил Франции.

— Какой протест?

— Почитай...

Аншамаха взял газету, прочел:

РОССИЯ И ФРАНЦИЯ

От Народного Комиссара по иностранным делам Телеграмма Народного Комиссара по иностранным делам на имя французского министра иностранных дел Лейга.

9 января два миноносца под французским флагом внезапно, без предупреждения и без всякой причины, атаковали русское судно «Эльпидифор», которое, потерпев вследствие этого аварию, вынуждено было укрыться под защиту береговых батарей. Этот акт необъяснимого насилия, последовавший вскоре за нападением французских миноносцев на «Зейнаб», потопленный ими, может считаться доказательством системы, усвоенной французским правительством и равносильной правильным военным действиям. Российское правительство заявляет негодующий протест против этих варварских и неслыханных актов

Чичерин

Аншамаха, возвращая газету рыбакам, заметил: — Только там в нападении участвовало... это самое... не два миноносца, а четыре.

— А ты откуда про то знаешь? — удивился старик.

Аншамаха рассказал им о разбойничьем налете французских миноносцев на «Эльпидифор».

— А здесь, — заметил один из рыбаков, — теперь Рябокоть со своей бандой разгуливает.

К рыбакам подошел милиционер, вооруженный винтовкой, закурил сигарку. Кутаясь в тулуп, он задержал взгляд на Аншамахе, и его глаза радостно блеснули:

— О, Терентий! Откуда ты взялся?

Аншамаха с удивлением уставился на него:

— Постой, постой! Перевертайло? Артем?

— Он самый! — обрадовался Перевертайло.

Аншамаха потряс его руку:

— Ну, здравствуй, друже! Как ты очутился тут?

Перевертайло махнул рукой:

— Э!.. Долго рассказывать... После лечения послали сюда.

— Да ты, кажись... это самое... здешний, — заметил Аншамаха.

— Из Петровской я.

— И что же ты тут делаешь?

— Милицией команду, — ответил Перевертайло и пригласил Аншамаху к себе.

В тесной комнатухе было тепло. На полнице тускло горела лампа. Перевертайло подкрутил фитиль, снял с себя тулуп. Разделся и Аншамаха. Разговорились о том, как громили Улагая и Хвостикова, о живых и погибших товарищах.

Снег на дворе не переставал сыпать. Морозный ветер посвистывал у обледенелого окна. Перевертайло присел на корточки и растопил печку. На плите зашумел жестяной чайник.

Сели ужинать.

— Значит, теперь у нас... это самое... новое областное правительство, — сказал Аншамаха.

— Да, — протянул Перевертайло. — В исполкоме тридцать шесть человек. Двадцать пять из них избраны съездом, а одиннадцать входят в состав комитета как представители отдельных исполкомов. — Он пододвинул Аншамахе миску с солониной: — Да ты ешь.

Вдруг долетел тревожный крик, затем прозвучали

выстрелы. Перевертайло сорвал винтовку с гвоздя, бросился к окну и, увидев на берегу Протоки две горящие халупы, закричал:

— Банда!

Аншамаха сунул в карман несколько обойм и, схватив запасной карабин, вместе с Перевертайло выскочил из хаты. Небольшая караульная рота уже вступила в бой с бандой, но силы оказались неравными. Бело-зеленые наседали на нее со всех сторон, и она, отстреливаясь, постепенно пятилась к камышам. Вспыхнуло еще три хаты. Жители в панике разбегались кто куда. Перевертайло и Аншамаха с караульной ротой отступили в плавни.

На фоне трескучего пламени горевшей хаты появился Загуби-Батько. Бандиты стали подводить к нему схваченных посельчан, выстраивать в шеренгу; тех, кто оказывал сопротивление, избивали плетью, прикладами. Загуби-Батько остановился перед ними, сказал озлобленно:

— Ну, бисовы души! Счастье ваше, что никого из наших хлопцев не убили, не покалечили.— И тут же приказал бандитам: — А ну-ка, хлопцы, снимите с них штаны да всыпьте горячих, чтобы не принимали у себя большевиков.

Бандиты начали расправу. А тем временем остальные из шайки уже рыскали по домам, шныряли в сараях, уничтожали пригодные для рыбной ловли снасти, грузили на свои розвальни награбленные вещи и продукты. В поселке не умолкали крики, плач женщин и детворы.

Загуби-Батько сидел под навесом сарая на перевернутом старом каюке, дымил сигаркой и следил за работой своих «хлопцев». Те продолжали нещадную порку.

Перевертайло и Аншамаха, собрав в районе рыбного завода Посполитакни людей, бежавших из поселка, направились через камыши в Слободку.

* * *

Тяжелые тучи висели свинцовым пологом над бескрайними Приазовскими плавнями. На одном из островов, близ Казачьей гряды, в добротных землянках располагалась банда Рябоконя. Штаб ее вместе с главарем находился между Рясным и Сладким лиманами, про-

тив местечка Кушныри. Здесь было выстроено несколько теплых куреней. Густой лес и камышовые заросли окружали их со всех сторон, скрывали от посторонних глаз.

Рябокоть в распахнутом френче, заложив руки за спину, медленно прохаживался по душно натопленному куреню.

Открылась дверь, и в курень с клубами холодного пара влетел подхорунжий Озерский. Приложив руку к папе, он громко доложил:

— Господин хорунжий! Загуби-Батько со своим обозом показался на дороге!

Рябокоть надел кубанку, снял с гвоздя овчинный полушубок и, одеваясь, спросил:

— Где он? Далеко?

— Версты полторы отсюда.

Рябокоть взял бинокль, вышел из куреня.

Солнце было на закате. Хмурое, неприветливое небо дышало холодом. Срывался снег. Рябокоть посмотрел в бинокль в сторону Сладкого лимана. Со стороны Казачьей гряды на дороге в Гривенскую появилась группа всадников и линейка. Заметив их, Озерский закричал:

— А вот и Ковалев с Дудником возвращаются!

Рябокоть направил на них бинокль:

— Их вроде больше стало.

— Да, да! — подхватил Озерский, вытанцовывая озябшими ногами на льду. — Вместо двенадцати — семнадцать и подвода. Видимо, прихватили кого-то.

Рябокоть вернулся в курень. Сняв с себя полушубок, он сел у стола, задумался. В последнее время его очень тревожили мысли об оставленных на Лебедях жене и отце. Он знал, что рано или поздно им придется отвечать за него перед Советской властью..

К куреню одновременно подъехали два отряда: Загуби-Батько и Ковалева. Рябокоть вышел к ним в одном френче, без шапки, его длинные русые волосы трепыхали на морозном ветру, лезли в глаза. Озерский и Дудник обнялись, побежали к Загуби-Батько. Рябокоть указал на незнакомых людей, прибывших с Ковалевым, спросил:

— А это кто?

Ковалев доложил ему, что при налете на хутор Лебеди он установил связь с этими пятью партизанами, во главе которых стоял офицер Донского войска, подьесаул Олинпеев.

Рябокоть взглянул на офицера. Тот взял под козырек.

— Разрешите представиться, господин хорунжий?

— Я вас слушаю, господин подъесаул,— сказал Рябокось, прошупывая его недоверчивыми глазами.

Олинпеев вкратце рассказал о том, как во время отступления десантной армии Улагая его полк был разбит частями Красной Армии в районе Каракубанских хуторов и как он, раненый, остался у одного казака, который спрятал его от большевиков. А после выздоровления ему удалось связаться с казаками, скрывавшимися в камышах после разгрома Улагая.

Рябокось перевел хмурый взгляд на мужчину, который продолжал сидеть на линейке без шапки, со связанными руками:

— А это что за птаха?

— Это большевик, господин хорунжий,— пробасил Ковалев.— Член Кубанской казачьей секции при ВЦИК Соломаха. Мы его схватили в Лебедях. Занимался там агитацией, склонял бело-зеленых казаков к добровольной явке к большевистским властям.

— Значит, разлагал нашу армию? — сквозь зубы процедил Рябокось и, схватив Соломаху за грудь, рывком стащил его с линейки, заглянул в лицо: — Мы теперь с тобой потолкуем!

Бандиты уже сгружали с розвальней награбленные продукты, тащили в погреб, вырытые рядом с куренями.

Соломаха, широко расставив ноги, стоял у высокого сугроба, презрительно оглядывал бандитов, занятых разгрузкой саней. Связанные руки его отекали, оковенели от мороза, но он не ощущал ни боли, ни холода.

Рябокось опять бросил на него суровый взгляд, обратился к Загуби-Батько:

— Что будем делать с большевиком, Тит Ефимович?

— Решай сам, Василий Федорович,— ответил Загуби-Батько.— Ты командир.

— А ты помощник,— прохрипел Рябокось и направился в курень.

Дудник заглянул пленному в нахмуренные глаза, приподнял ему голову:

— Ну-у?.. Чего молчишь? Зацепело, что ли?

Из куреня выскочил Рябокось. Застегивая на ходу полушубок, бросил:

— Мы зараз развяжем ему язык! А ну, хлопцы, разденьте его!

Бандиты бросились к пленному, развязали руки. Соломаха оттолкнул их от себя, проговорил с трудом:

— Я сам!

Бандиты оставили его. Соломаха снял с себя кожаную куртку, бережно положил ее на снег. Рябокось что-то шепнул Загуби-Батько. Тот с тремя казаками ушел в лес. Соломаха медленно стащил сапоги, которые тут же перешли в собственность подхорунжего Озерского, стал в одних шерстяных носках на снег, начал расстегивать солдатский ремень.

— Ну, живее! — гаркнул Рябокось и стегнул его плетью.

Соломаха снял дрожащими руками гимнастерку, кожаные полугалифе. Ледяной холод охватил его.

— Снимай и нижнее! — крикнул Рябокось. — Не бойся, не простудишься!

— Мы сейчас погреем тебя! — добавил Озерский

Дудник и Олинпеев, стоя в стороне, искоса поглядывали на пленного. На дворе уже совсем стемнело. Соломаха наконец снял с себя нательную рубаху, исподники, носки. Бандиты набросились на него, начали избивать. Соломаха не просил пощады, не стонал.

— В лес его! — махнул рукой Рябокось.

Бандиты схватили пленного за ноги, поволокли по снегу за курень, где пылал большой костер, разложенный Загуби-Батько.

VII

Аншамаха распрощался с Перевертайло в Барабановке и на вторые сутки добрался до Гривенской. Здесь, в коридоре стансовета, встретился с Черноусом.

Они обнялись, поцеловались, как братья.

— А я, это самое, домой путь держу, — сказал Аншамаха. — Из лазарета недавно. — И, покосившись на низкий потолок, спросил: — А ты один тут или как?

— Нет, я с отрядом чоповцев, — ответил Черноус. — Приезжал к председателю Совета и секретарю комячейки договориться насчет совместных действий против Рябокосня.

— Кто же здесь председатель и секретарь? — поинтересовался Аншамаха.

— Председатель — Андрияш Спиридон Наумович, а секретарь — Ермаков Степан Исаевич. — Черноус положил руку на плечо Аншамахи. — Ты вот что, Терентий Зараз наш отряд возвращается в Приморско-Ахтарскую,

а я пароходом отправляюсь в Краснодар: вызывают меня в Чека. Вручаю тебе своего коня и винтовку. Будешь за командира в отряде.

— Сразу меня, это самое, в командиры произвел, — улыбнулся Аншамаха. — Назад когда будешь?

Черноус пожал плечами:

— Деньков через пять, не раньше.

На площади стоял уже в полном сборе чоновский отряд. Черноус вышел к нему с Аншамахой. Ахтарцы узнали своего станичника, встретили его приветливо.

— Это мой конь, — указал на карего красавца Черноус. — Значит, так, ребята. Отныне вы будете находиться под командованием Терентия Артемовича. Можете трогаться в путь.

Аншамаха попрощался с ним, вскинул винтовку за спину и, отвязав повод от ограды, сел на коня. Черноус приподнял руку, сказал отряду:

— Ну, трогайте, ребята, а то уже поздно.

Аншамаха выехал вперед, и чоновцы поскакали вслед за ним, быстро скрылись в заснеженной улице.

Дорога шла по открытому полю на северо-восток мимо Волошковки. Аншамаха внимательно присматривался к знакомым местам, где проходили жаркие бои с врангелевцами. Вдали показался Кирпильский лиман, замаячили сухие метелки густых камышей. Аншамахе вспомнилось, как рубился он на этом поле с улагаевцами. Здесь ему пришлось столкнуться и со своим заклятым врагом — Никитой Копотем.

Миновав Волошковку, отряд помчался к Лимано-Кирпильскому хутору, видневшемуся на горизонте. Впереди внезапно вынырнул из сугроба голый человек.

— Стойте! — крикнул Аншамаха бойцам.

Отряд придержал коней. Человек пустился по дороге к нему.

Аншамаха приказал чоновцам зарядить винтовки. Вскоре нагой поравнялся с отрядом и, стуча зубами, проговорил:

— Банда Рябоконя в Лимано-Кирпильском! Грабят жителей. У меня под хутором отняли коней и сани... и вот разделы, проклятые!

— Много их? — спросил Аншамаха.

— Человек пятнадцать.

Один из чоновцев снял с себя шубу, под которой был еще и стеганый ватник, подал ее ограбленному. Другой дал портянки, третий — башлык.

— Большое вам спасибо, братцы! — Незнакомец заплакал, оделся и, не задерживаясь, побежал по дороге в хутор Кирпильский.

Вдалеке, у посадки, показались два всадника. Они гарцевали на виду и ускакали назад. Аншамаха в намет пустил коня, и весь отряд понесся за ним к Лимано-Кирпильскому хутору. Банда вынырнула из-за той же посадки, рванулась в сторону камышей и скрылась из виду.

— Значит, это самое... слабо им стало,— промолвил Аншамаха, почесал за ухом, настороженно добавил: — А может быть, тут какая-нибудь уловка?

В хуторе отряд узнал, что банда Рябоконя сделала налет на Государственный конный завод, уничтожила там все пригодные для жилья помещения, избила нескольких рабочих и служащих и, забрав тринадцать лучших чистокровных жеребцов, на обратном пути в плавни заскочила в Лимано-Кирпильский хутор.

Аншамаха направился с отрядом по узкой гряде между Кирпильским лиманом и Солеными озерами. Чоновцы, держа карабины наготове, зорко следили за густыми камышами.

Поздно вечером отряд прибыл в Приморско-Ахтарскую.

Проезжая мимо своего двора, покрытого белым саваном снега, Аншамаха остановился у пепелища, и боль по погибшей жене еще сильнее защемила его сердце. Он вытер на щеке слезу, медленно двинулся за отрядом.

А вот и дощатый забор, опушенный снегом. За ним, под размашистыми кронами дубов, здание станичного Совета. Чоновцы спешили в глубине двора, завели усталых коней в конюшню. Аншамаха закурил сигарку у крыльца, долго оглядывал близлежащие казачьи дворы, не зная, куда направиться.

На крыльцо вышла Феодосия Тихоновна. Увидев Аншамаху, она всплеснула руками:

— Терентий Артемович? Откуда ты взялся?

— С того свету, Феодосия Тихоновна,— улыбнулся Аншамаха.— Вот воскрес, а теперь, это самое... не знаю, куда деваться.

— Пойдем к нам,— пригласила его Феодосия Тихонова.— Мы с мужем живем в хате подхорунжего Марухно, а он зараз находится в банде Рябокonia.

* * *

Смеркалось. Станица, разбросанная в сугробах и снежных заносах, уже подремывала.

Только во дворе Копотя, под навесом сарая, слышались слабые удары топора. Это Гаврила Аполлонович колот дрова и складывал их на веревку, растянутую тут же на коробе. Задыхаясь от усталости, он окинул потускневшими глазами кучу поленьев, подумал: «Чи ще, чи доволно?» Затем решил: «Добавлю еще трошки, чтоб хватило и утром протопить». Порубил еще небольшое бревно, вытер тылом ладони вспотевший лоб, повел взглядом по двору. Кругом тишина... Натянув черную облезлую папаху на уши, Гаврила Аполлонович высморкался, пробормотал: «Эх, Нинка, Нинка! И чего б тебе не жить около меня? Даже из станицы подалась Бедняга, как она тужила по Марьяне...» А на дворе темнота все сгущалась и сгущалась. Гаврила Аполлонович перекинул концы веревки через плечо, понатужился и, взвалив ношу на сутулую спину, еле побрел по узкой тропинке, протоптанной в снегу. И вдруг ноги у него подкосились. Он грохнулся в снег, потерял сознание и, при давленный сверху дровами, так больше и не поднялся.

Ночью пошел снег. Старика замело снегом.

Утром Аншамаха направился в станичный Совет, по-встречался со Шмелем.

— Ну вот, Гордей Анисимович,— широко улыбаясь, сказал он ободряюще.— Значит, это самое... выжили мы...

Шмель потупил голову:

— Выжили, да не все, Терсентий Артемович...

Аншамаха вспомнил о гибели Юньки и Марьяны, горестно покивал головой:

— Да, верно, не все... Многие, это самое...

— Ты хоть бачил их там? — спросил Шмель.

— Как же,— вздохнул Аншамаха.— Вместе мы были. Хоронили их всем батальоном.

Шмель, глотая слезы, вышел на улицу и, пошатываясь, побрел домой.

Как только Виктор поступил в Национальную кавалерийскую школу, он тотчас вызвал Соню в Краснодар. Они поженились и сняли квартиру неподалеку от Балышевых. Соня определилась в фельдшерскую школу, а по вечерам, два раза в неделю, посещала вокальное отделение недавно открывшейся Кубанской консерватории.

Кончался январь.

Соня вернулась вечером с занятий, удивилась, что Виктора еще не было дома. Сегодня они собирались в театр. За окнами плакала вьюга. На стене монотонно тикали ходики. На ковровой дорожке, сонно мурлыкая, лежал серый кот Васька. Соня подошла к трюмо, поправила пышные черные волосы, заела тихонько.

Стройная ее фигура отражалась во весь рост в высоком зеркале, и Соня теперь видела, как она похорошела за последние две-три недели. Увлечшись примеркой нового черного платья, она не заметила, как вошел Виктор. Наконец увидела его в зеркале, бросилась навстречу, обвила шею руками, поцеловала.

— Я очень тороплюсь, милая, — снимая с себя полушубок, сказал Виктор. — Мне бы что-нибудь поесть.

— А как же театр? — растерянно спросила Соня.

— Придется отложить, — ответил Виктор. — Меня вместе с учебной ротой посылают в Приморско-Ахтарскую на борьбу с бандитами.

Глаза Сони наполнились тревогой.

Виктор обнял ее.

— Не волнуйся. Думаю, что мы долго не задержимся.

Соня подала ужин на стол.

— Когда же ты выезжаешь, сегодня? — спросила она упавшим голосом.

— Нет, завтра, — сказал Виктор. — Сегодня съезжу в Нацкавшколу, ночевать буду дома.

Соня тяжело вздохнула.

— Снова разлука... Снова одна...

— Ну что ты так расстраиваешься? — ласково промолвил Виктор. — Ты и не заметишь, как пролетит время: днем в школе, вечером в консерватории. Как Аннушка Соловьева. Геннадий Иннокентьевич тоже почти не живет дома.

— Они четвертый месяц вместе, — печально заметила Соня, — а мы только-только...

— Что поделаешь, такие времена. Враг не унимается. Одним чоновцам не одолеть Рябоконя. Вот Черноус и попросил у Левандовского помощи.

Соня так и не притронулась к еде. Поужинав, Виктор оделся, поцеловал ее и, глядя в печальные глаза, сказал:

— Все будет хорошо, родная...

* * *

Бородуля и Матяш поднялись из подвала в темную библиотеку. Игуменья сообщила им, что монахини говорили со многими доверенными людьми относительно пополнения вновь организованного повстанческого отряда, но безрезультатно. Никто не пожелал вступить в отряд.

— Трусые! — злобно бросил Матяш. — Нам немедля надо сматываться в горы, куда не поздно.

— Я останусь здесь, — категорически заявил Бородуля. — Все равно погибать. Так лучше дома, чем на чужбине.

— Лучше бы вам выехать куда-нибудь и тихо-мирно дожить свой век, — настоятельно посоветовала игуменья. — Откровенно говоря, я очень боюсь, что вы своими действиями накличете беду и на меня. Сейчас все будто утихло. Никто меня не трогает.

— И чего вам бояться, матушка? — Бородуля заерзал на стуле. — Вы тут совсем ни при чем.

— А Юдин так до сих пор и живет в коммуне? — поинтересовался Матяш.

— Да, — ответила игуменья. — Говорят, живет.

— Подлюка! — прохрипел Бородуля. — Вот бы за ним поохотиться, Андрей.

* * *

По мрачному коридору монашеского общежития, покачиваясь с боку на бок, спешила мать Сергия. Ей навстречу вышла из библиотеки игуменья. Переведя дух, казначея с опаской оглянулась, доложила вполголоса:

— Мавра опять в монастыре.

— Немедленно в подвал ее! — приказала игуменья. — Быстро!

Мать Сергия перекрестилась, вышла из общежития. На дворе была такая метель, что дух захватывало. Мать

Сергия последовала к колокольне, тихо постучала в дверь сторожки. К ней вышел Лука.

— Давай ее сюда, — шепнула мать Сергия.

Лука исчез в темноте. В это время в колокольню заявлялась мать Иоанна. Из сторожки Лука вынес на руках вырывавшуюся Мавру. Громко мыча, она силилась сорвать с лица повязку.

— Скорее, скорее! — шикнула на Луку мать Иоанна.

Он выбежал из колокольни, потащил Мавру к глухому подвалу. Мать Сергия открыла дверь, втокнула в нее монаха, предупредила:

— Осторожно, не упади на ступеньках.

Лука спустился в подвал, швырнул Мавру на цементный пол, залитый ледяной водой. В выбитые окна, находящиеся под сводчатым потолком, влетал снег с морозным ветром. Мавра долго лежала без движения. Наконец она поднялась на колени, пошарила руками вокруг себя, встала и, сделав шаг, споткнулась о камень, опять упала в лужу. Одежда ее намочила, в ботинки набралась вода. Мавра с трудом снова поднялась, нащупала стену, под которой намело сугроб. Забилась в угол, присела на корточки, затихла. Ледяные лапы холода все сильнее сжимали ее тело. Руки и ноги коченели...

Утром в подвал спустилась мать Сергия. Мавра лежала, разбросав руки, посредине застывшей лужи. Волосы ее вмерзли в лед. Мать Сергия осенила себя крестом, прошептала:

— Слава богу, прибрал господь бог...

IX

Наступила весна.

В Краснодарском станичном Совете было людно. В коридорах и комнатах плавал махорочный дым. Выполняя решения Первого съезда Советов о разверстке в шестьдесят пять миллионов пудов, намеченной для Кубани, Лаврентий принимал у себя станичников, разъяснял им хлебную политику Советской власти, требовал срочного вывоза хлеба на ссыпки.

У стола сидел один из станичных богатеев.

— Читал воззвание Первого съезда Советов? — спросил Лаврентий. — Выполняй разверстку — и баста! Ясно?

— Не читал я твоего воззвания и читать не буду, —

комкая в руках папаху, огрызнулся богатей — Мне оно ни к чему.

— Как? — Лаврентий оперся на стол. — Стало быть, не читал. Я тебе зараз почитаю. — Он вынул из ящика сложенную газету «Красное знамя» от 12 января, указал пальцем: — Вот воззвание съезда ко всем хлеборобам и горцам. Ясно?

Богатей молча отвернулся в сторону.

— А ты не вороти морду, слухай, — горячился Лаврентий. И нараспев начал читать: — «Товарищи станичники, хуторяне и горцы! Теперь стало ясно, что те лишения и невзгоды, которые приходится переносить трудящимся Кубани, являются последствиями многолетней кровавой войны, в которую вовлекли нас капиталисты всех стран». Понятно?

— Я не слушаю! — махнул рукой богатей.

— Брешешь, все слышишь, нечистый дух! — вскричал Лаврентий и снова принялся читать: — «Из-за этой войны разорено наше хозяйство. Эта война лишила многих из нас родных и друзей... Пусть к 15 февраля все граждане Кубани выполнят свой долг перед социалистическим Отечеством — Республикой, сдав все причитающиеся по разверсткам продукты государству!» Теперь ясно?

— Кто должен, тот хай и выполняет, — проворчал богатей, почесывая макушку. — А я пока никому не должен. Лаврентий выскочил из-за стола.

— Ты мне куплеты не рассказывай! — взъярился он. — Упреждаю, сегодня же вези хлеб на ссыпку! Ясно?

Увидев перед своим носом угрожающе сжатый кулак, богатей закивал:

— Ясно, ясно! — и метнулся к двери.

Лаврентий смахнул испарину со лба, потоптался у стола и, нахлобучив кубанку, побежал домой. У своего двора он встретился с Ропотом, возвращавшимся с рыбалки, спросил, улыбувшись:

— Ну шо, Логгин Прокопович? Значит, рыбалишь уже?

Ропот поставил ведро с рыбой у забора, ответил:

— Надо, Лаврентий Никифорович. Детишки ведь... С харчами дюже погано. Пролежал же я всю осень, а теперь... Вот.

Со двора вышла Мироновна.

— Здравствуй, здравствуй, Прокопович. Слава богу, выздоровел-таки.

— Не совсем,— сказал Ропот.— Вязы еще побаливают Вот.

— А ну-ка, покажи, как рана срослась,— полюбопытствовала Мироновна.

Ропот расстегнул старое, с заплатами на спине и рукавах, ватное полупальто и, нагнув голову, обнажил шею с длинным багровым рубцом. Мироновна оттянула у него воротник гимнастерки, воскликнула:

— Горюшко ты мое! И как же он, собачий сын, мослак не перерубил!

— Я дюже наклонился, когда он полоснул меня шашкой,— пояснил Ропот.— И энтим ослабил удар. Вот. Лаврентий закурил, сказал жене:

— Это еще не все у него. И рука, и бок были разрублены.

Ропот застегнулся, произнес спокойно:

— Основное — кости целые, а мясо нарастет...— Он взял ведро и медленно зашагал по улице.

Лаврентий с женой вошли во двор. К воротам подъехал верхом на коне Юдин. Жучка выбежала из сенец, кинулась к нему с лаем. Лаврентий открыл калитку.

— Просю, Василий Петрович, заезжайте.

Юдин слез с коня, привязал его у конюшни.

Мироновна уже возилась у печи.

— Тепло у вас,— снимая ушанку, сказал Юдин, поздоровался с хозяйкой.

— Да вы и шинель скидайте,— сказал Лаврентий.

В боковой просторной комнате уселись за стол. Мироновна подала завтрак. Разговорились о выполнении краснодольцами подразверстки.

— Да...— вытерев рушником губы, сказал Лаврентий.— Злостных элементов у нас в станице богато.

— Будьте осторожны, Лаврентий Никифорович,— посоветовал Юдин.

— Об чем речь...— Лаврентий развел руками, отослал взглядом жену на кухню.— А тут ешо этот Матяш со своею бандой. Того и гляди, кого-нибудь подстерегет из нас, нечистый дух. Пытался же один раз, да промах дал.

Юдин тронул его плечо, шепнул:

— Кстати, мне надо посмотреть на ту фотокарточку, о которой вы как-то говорили.

— Это можно.— Лаврентий вынул из комода снимок, указал на офицера в светло-серой черкеске.

— Оце Пимен, а рядом — Тимофей.

— Мазаевы?

— Да, братья. Витька с Соней вот, в конце декабря, были у игуменьши и видели у нее на стене эту карточку

— И хорошо знает игуменья Мазаевых?

— Тимофея — хорошо, а Пимена ни разу в лицо не бачила.

— Серьезно?

— Так говорил Витька со слов игуменьши,— пояснил Лаврентий.

— А Пимен в самом деле смахивает на меня,— заметил Юдин, взглядываясь в снимок.

— Да, факт на лице,— подтвердил Лаврентий.— Наче две капли воды. Даже Тимофей не так похож на Пимена, как вы.

— Как, по-вашему, может меня игуменья принять за Пимена? — спросил Юдин.

— По-моему, может,— сказал Лаврентий.

Юдин еще раз внимательно взгляделся в лицо Пимена

— Мне придется взять у вас эту карточку,— сказал он.— Надо изучить все ее детали.

— Берите! — махнул рукой Лаврентий.— Мне она без надобности.

Юдин спрятал фотокарточку в нагрудный карман гимнастерки и, помолчав, спросил:

— А почему вы, Лаврентий Никифорович, в партию не вступаете?

— Да вы что, Василий Петрович! — изумленно протянул Лаврентий.— Хиба ж примут меня?

— Вы уже все свои грехи искупили,— заметил с улыбкой Юдин.— Не зря вас станичники председателем Совета избрали.

Лаврентий озадаченно потерял острые усики, задумался.

— Хай уж Витька... а я повременю.

* * *

Николай Николаевич шел домой по темной городской улице, всецело занятый мыслями о Елене Михайловне. Он уже знал, что она приехала к нему.

«Как она?..— мысленно спрашивал он себя.— О чем думает? Что ответит на мое предложение?..» Прошлой ночью он видел во сне покойную жену. Снилось ему,

будто Таисия Федоровна долго, ласково смотрела на него, затем погладила его волосы рукой, сказала: «Женись, Коля... Лена будет тебе хорошей подругой». Охваченный раздумьем, Николай Николаевич не заметил, как очутился перед домом, в котором жил. Поднялся на крыльцо, постучал в дверь.

«А может быть, она уже уехала?» — подумал он. Но дверь открылась, и на пороге появилась Елена Михайловна.

— А тебе только что звонил Геннадий Иннокентьевич, — сказала она.

— Зачем я ему?

— Не знаю, — ответила Елена Михайловна. — Обещал позвонить еще. — И обернулась к нему: — А ты где был?

— Выезжал в Тимашевскую по расследованию убийства секретаря РКП(б) Печерина.

— Кто же его убил?

— Бандиты подхорунжего Колота, — присаживаясь за стол, сказал Николай Николаевич.

Елена Михайловна не решалась первой начать разговор о том, что привело ее сюда, чувствовала себя как-то неловко. Отойдя к столику, приставленному к простенку между окнами, она села на стул. Николай Николаевич, с трудом сдерживая волнение, спросил:

— Ты давно приехала?

— Нет, час назад, — ответила Елена Михайловна, почувствовав в душе какое-то облегчение.

— Не ужинала еще?

— Нет. — Елена Михайловна поспешно поднялась. — Я сейчас приготовлю. — И начала собирать на стол

Х

Рано утром учебная рота под командованием Левицкого и чоновский отряд Аншамахи выступили в плавни по направлению Ахтарских соленых лиманов. Ветер дул с востока, до боли обжигал лица конников.

Проскочив Сологубские промыслы, они повернули вправо по дороге, ведущей вдоль Ахтарского лимана. У развилки разделились на две группы: Левицкий с учебной ротой направился по главной дороге на Садки, а Аншамаха взял влево, двинулся через небольшие озера

Миновав редут Гострой, он приказал бойцам взять карабины наперевес, внимательно следить за камышами и, пустив коня в намет, устремился к поселку Хескому. Неожиданно на окраине показался всадник и тотчас же скрылся в кривой улочке.

— За мной! — крикнул Аншамаха.

Отряд понесся вперед. Из поселка выскочили пять всадников, стали уходить на юго-запад, к Садкам. Расстояние между ними и чоновцами быстро увеличивалось. Аншамаха вскинул карабин, на полном скаку открыл огонь по убегающим. Вслед за ним принялись палить и все бойцы.

Вскоре на берегу Ахтарского лимана замаячили деревья и несколько домиков под красной черепицей. Оттуда доносилась винтовочная перестрелка.

До Садков оставалось не более версты. Преследуемые бандиты скрылись в камышах. Аншамаха увидел бойцов Левицкого, ведущих огонь по марухновцам на подступах к хутору. Ударив коня каблуками, он согнулся в седле, полетел вперед.

Марухно начал отходить по Садковской гряде на юг, к главным силам. Левицкий и Аншамаха шли за ним по пятам, и после двух с половиной часов погони Марухно, получив несколько ранений, был схвачен на берегу Рясного лимана.

Левицкий спешил около пленного, лежавшего с закрытыми глазами на снегу, закурил сигарку, распорядился:

— Перевяжите его.

Два бойца-санитара перенесли Марухно на бурку, вынули из своих сумок бинты, наложили повязки на раны.

Аншамаха подскакал к Левицкому, указал на пленного:

— Его немедленно надо отправить к Соловьеву. А то еще, это самое... подохнет.

Марухно повернул к нему голову, сказал:

— Не подохну, Терентий Артемович... Я живучий.

Возле него остановились сани. Бойцы подхватили раненого вместе с буркой, положили на розвальни, и учебная рота с чоновским отрядом направились в Приморско-Ахтарскую

Среди ночи кто-то осторожно постучал в закрытую ставню дома Рябоконя. Надежда спала в своей комнате. Она открыла глаза, прислушалась. Стук повторился. Надежда сбросила с себя ватное одеяло, сунула ноги в валенки и, припав к мерзлому окну, тихо окликнула:

— Кто?

— Надя, открой,— послышался из-за ставни приглушенный голос Рябоконя.

Надежда узнала мужа и, придерживая руками тяжелый живот (она была на сносях), выбежала в нательной рубашке на холодную веранду, щелкнула засовом. Рябокось запер за собой дверь, вошел в натопленную кухню, спросил:

— А батько дома?

— Дома,— прошептала Надежда, стуча зубами от холода и волнения.

Рябокось повесил на рожок карабин, снял с себя полушубок, сел у стола.

— Как тут у вас? Не беспокоят?

Надежда заплакала, опустилась на скамью.

— Какой там!..— вырвалось у нее сквозь слезы.— Ежели б не была брюхатая, то давно б забрали.

Рябокось помрачнел.

— Кто тут тебя притесняет?

— Да кто же,— всхлипнула Надежда.— Погорелов.

— Какой это?

— Василий Кириллович, председатель сельсовета.

— Он же был в Красной Армии.

— Пришел домой... Вот его и выбрали, как демобилизованного красноармейца.

Из боковой комнаты вышел отец, хмуро взглянул на сына, протянул:

— А... Василь... Насовсем чи так просто, в гости?

— Тайком заскочил,— ответил Василий.

Старик присел рядом с ним, почесал за ухом.

— Покаялся бы,— посоветовал он.

— Не будет этого,— мотнул головой Василий.— Я еще залью горячей смолы большевикам за шкуру.

— А толк с цего какой? — вздохнул отец.— Пустое все. Большевиков теперь не одолеть.

— Еще посмотрим, чья возьмет,— резко бросил Василий.— А пока без разбору буду всех бить!

— Катом, значит, сделаешься? — Отец удрученно покачал головой.— Безвинных будешь убивать?

— Пусть дрожат все,— заявил Василий.— Я заставляю всех придерживаться моей политики.

Старик раздраженно махнул рукой:

— Прешь ты добьешься своего, тебя изловят и шкуру сдерут, как с собаки.

— В камышах, на воде нас никто не возьмет! — самоуверенно выдохнул Василий.— У меня такой лозунг: «Земля — ваша, вода — наша!» Пусть большевики не суются ко мне в плавни. Я, и только я, хозяин там.

— А о нас ты подумал? — проговорила с горечью и укором Надежда.— Из-за тебя мы все тут погибнем.

— Пусть только тронут,— буркнул Василий.— Как разрешишься, я тебя сразу к себе в отряд заберу. А Погорелова предупрежу, чтобы не трогал вас.

— Да мне зараз все равно,— сказал отец.— Восемьдесят третий уже пошел. Смерть близко... А вот вы как будете жить?

Василий не ответил.

XI

На рассвете через Лебеди в сторону Гривенской потянулся отряд под командованием Демуса.

В спальню вошел Федор Саввич, разбудил сына:

— Ты чуешь, Василий, через хутор отряд красных проходит?

Василий сел на постели, прислушался.

— Вы оденьтесь, папаша,— предупредил он.— Чего доброго, еще вздумают заглянуть к нам.

— Я и так уже оделся,— ответил старик.— Зараз выйду на веранду, погляжу, шо оно там такое.

За ним скрипнула дверь, и в доме снова наступила тишина. Василий также оделся, вышел на кухню и стал наблюдать в окно за отрядом. Заря чуть-чуть позолотила восточный небосклон. Сквозь густой туман едва проглядывались силуэты всадников. Василий стиснул зубы, процедил:

— Ничего... не таких видели. А с вами управимся...

Отец снял в передней тулуп, сказал угрюмо:

— Это супротив тебя, Василь, силы присланы.

— Ох, боже мой, боже! — испуганно пробормотала Надежда.— Что же теперь будет с нами?

— Перестань! — крикнул на нее Василий и сорвал папаху с гвоздя.— Мне надо в Гривенскую попасть, пока совсем не рассветло.— Он вскинул карабин за спину, прощально кивнул жене и отцу, осторожно выскользнул из дому и, по-волчьи озираясь, ушел задом.

Прошла неделя. Демус с местными руководителями проводил митинги то в одном, то в другом населенном пункте Гривенского юрта, призывал население попутить банду выйти из камышей и добровольно сложить оружие.

В Гривенскую прибыли Жебрак и Соловьев. В кабинете председателя Совета состоялось экстренное совещание. Демус доложил о работе, проведенной в юрте, и тут же отметил, что она пока не дала положительных результатов.

— Больше того,— добавил агент ВЧК Селиашвили,— за эти дни банда Рябокonia сделала еще один налет на хутор Солодовникова.

Во время совещания дежурный вручил Андрияшу пакет с рапортом старшего милиционера станицы Гривенской. В рапорте говорилось:

«Довожу до вашего сведения, что сегодня ночью, то есть 6 марта с. г., банда Рябокonia произвела налет на Приморско-Ахтарскую рыбную контору, где уничтожила главное здание конторы, избила и разогнала рыбаков, забрала 60 пудов муки, несколько десятков пудов соленой рыбы и скрылась».

— Вот вам и Рябокonia! — воскликнул Ермаков.— А мы собираемся его уговаривать!

— Да, действительно, придется действовать иначе,— сказал Соловьев.

8 марта посыльные весь день сновали по станице, объявляя о назначенном на вечер митинге в клубе. С наступлением темноты на церковной площади стали собираться станичники. Они толковали о продналоге, а боль-

ше всего о предстоящем походе представителей станицы в камыши к Рябоконю.

Во дворе станичного Совета запыхтел движок маленькой электростанции, запускаемый в экстренных случаях, и в клубе загорелись лампочки. Народ повалил в клуб, с шумом усаживаясь в зрительном зале на скамейках. Длинный стол, застланный кумачовым полотном, стоял на сцене. Гут же возвышалась и трибуна. В заднем углу зала торговал буфет. За прилавком — невысокая блондинка с голубыми выразительными глазами. Это была родная сестра Дудника, который находился в банде Рябоконя.

На сцене появились Андрияш, Ермаков, Жебрак, Соловьев, Демус, Селнашвили, разместились за столом... Андрияш встал, позвонил в колокольчик. Наступила тишина. Председатель открыл митинг, предоставил слово Жебраку. «Начальник ЧК!» — пробежал нервный шепот по залу. Жебрак взошел на трибуну, положил руки на ее борта и, пристально вглядываясь в собравшихся, сказал:

— Товарищи, в нашей области бандиты наглеют. Их разбойничья дерзость обусловливается, с одной стороны, той поддержкой, которую они получают от кулацких элементов, а с другой — их уверенностью в том, что Советская власть достаточно милостива и не будет вытравливать беспощадной рукой всякий намек на содействие им и помощь. Но чем больше наглет белогвардейщина, скрывающаяся в плавнях, тем сильнее должны сплотиться беднота и та часть населения, которая достаточно уже знает, что собой представляет Рябоконь, действующий в Приазовских плавнях. Прочтите, товарищи, в газете «Красное знамя» письма добровольно возвратившихся в Россию врангелевских офицеров и подумайте, какой путь вам следует выбрать.

— С одной стороны, новое смятение, — продолжал оратор, — новые усмирения восстающих приведут к новому разорению сел и станиц. В другом случае, если честное трудовое казачество не даст себя увлечь в какие бы то ни было кровавые авантюры и покончит с разбоем бело-зеленых, область наша сможет отдаться мирному труду, хозяйственному строительству. В скором времени Советское правительство заменит разверстку натуральным налогом.

Он сел на свое место. Андрияш обратился к залу:
— Вопросы к товарищу Жебраку будут?

Все молчали. К трибуне подошел Соловьев.

— Товарищи! Я позволю себе привести здесь одну небольшую, но любопытную статью, опубликованную в «Красном знамени» от 15 января сего года под заголовком «Обломки контрреволюции». Вот о чем здесь говорится.— Он поднес газету к свету, начал читать: — «По сообщению константинопольских газет, по распоряжению Врангеля все бывшие члены русской армии, находящиеся за границей, подлежат регистрации. Сборным пунктом назначена Мальта (остров на Средиземном море). Врангель 15 декабря выехал на остров Лемнос, где произвел смотр первой и второй Кубанских дивизий и донцов. 18 декабря Врангель был в Галлиполи (в Турции, у Дарданелл), где посетил части генерала Барбаровича, корниловцев, дроздовцев, марковцев и алексеевцев. Во время пребывания на острове Лемнос Врангель обратился к кубанцам с речью следующего содержания: «Должен вам сказать, что я такой же изгнанник, как и вы. Не наша вина, что мы отошли. Мы ждали помощи, которая опоздала. Дружественная Франция не спасла нас, зато теперь она оказывает нам гостеприимство. Я могу только ходатайствовать за вас, и вы должны дать мне право говорить от вашего имени».— Соловьев сложил газету.— Видите, какая участь постигла тех, кто поднял вооруженную руку против Советской власти. Судьба забросила их далеко от родины. Ну, а что будет с теми, кто сейчас пытается нанести удар Советской власти из-за угла? Ответ один: этот враг будет безжалостно раздавлен... Что мы предлагаем всем заблудившимся казакам и крестьянам, а также белогвардейцам, оставшимся на Кубани после разгрома Врангеля? Мы предлагаем им сложить оружие, покаяться, пока не поздно. Нам, товарищи, надо собраться всей станицей, сходить в камыши к Рябоконию, разъяснить ему нашу политику и убедить его в том, чтобы он прекратил заниматься разбоем.

— Так-то он и послушается нас! — выкрикнул кто-то.

— Пусть тогда пеняет на себя,— ответил Соловьев.

В президиум передали записку, в которой говорилось:

«Докладчикам ЧК, тому и другому, большое спасибо за разъяснение. Но складывать оружие я не собираюсь!

Рябоконию».

В клубе вдруг погас свет. На задних скамейках произошло замешательство. Раздался крик:

— Рябокось в клубе!

В дверях образовалась пробка...

Стояла ясная погода. Дул теплый западный ветер. Плавни очистились от снега и льда. По лиманам с шумом катились свинцово-матовые волны. На биваке белоказаков, расположившихся в районе Рясного лимана, царил тишина. Опасаясь налета красных, Рябокось принял необходимые меры предосторожности: усилил охрану, выставил дозорных на всех направлениях.

По тропинке, протоптанной в камышах, прошмыгнул Мюсюра со свертком газет под мышкой. В распахнутом окне куреня он увидел Рябокосня, доложил:

— Василий Федорович, ваше распоряжение выполнено: газеты за последние десять дней доставлены.

Рябокось принял их через окно, положил на стол, распорядился:

— Зови хлопцев, сейчас будем читать...

Но тут на тропе неожиданно появился Жуков с двумя проводниками-казаками. Рябокось выбежал из куреня, бросился к гостю:

— О, полковник!.. Диомид Илларионович. Наконец-то!

Они обнялись и крепко расцеловали друг друга.

Рябокось обернулся к казакам, пришедшим на читку газет, махнул рукой:

— Потом...

Все повернули обратно, разошлись по своим куреням. Рябокось взял Жукова под руку:

— Ну, что нового, Диомид Илларионович?

— В Лебяжском монастыре организовалась коммуна под председательством Науменко,— сообщил Жуков

— Знаю...— сказал Рябокось и, помолчав, спросил:— Что же ты решил с нею делать?

— Хочу с тобой посоветоваться,— ответил Жуков.

Рябокось пригласил его в курень. Жуков устало опустился на стул у горячей печки, обвел вокруг глазами, заметил:

— А у тебя все как положено... И обстановка... и даже ковры...

— На то я атаман войска,— скупо усмехнулся Рябокось.

Жуков погрел руки над печкой, сказал:

— Так вот... давай решать, что будем делать с этими коммунарами. В Краснодаре я встречался с новым владыкой Евсевием. С ним у меня полная договоренность... Благословенне у него получил.

— А как монахи? — поинтересовался Рябокось. — Не будут возражать?

— Нет! Они уже несколько раз приходили ко мне в отряд и просили от имени игумена Дорофея, чтобы мы помогли очистить монастырь от антихристов.

— А оружие у коммунаров есть? Не покажут они тебе от ворот поворот?

— Никакого оружия у них нет! — махнул рукой Жуков. — Все уже разведано...

Рябокось одобрительно кивнул:

— В таком разе — действуй. Главное, хорошенько обдумай план налета. Впрочем, не мне тебя учить, ты же полковник.

— Не беспокойся, Василий Федорович! Уж я-то не дам маху.

— Ну, а как живет новый владыка? — спросил Рябокось.

— О, Евсевий — голова! — воскликнул Жуков. — После смерти Иоанна он прибрал к рукам почти всех попов и дал указание священникам области готовить свою паству к всеобщему восстанию на Кубани. Это по распоряжению патриарха Тихона.

— Значит, колесо наконец завертелось?

— Еще как! — подхватил Жуков. — Скоро большевикам туго придется. Сейчас нам надо сплачивать свои силы, держаться друг за дружку. У тебя связь с партизанскими отрядами, действующими в горах, налажена?

— С Козловым и Волошко я переписываюсь,— ответил Рябокось. — На днях думаю послать к ним своих делегатов.

— А я уже послал,— сообщил Жуков. — Жду, с чем вернутся.

На лимане показался небольшой баркас.

— Кто это? — спросил Жуков.

— Наши, из Гривенской,— пояснил Рябокось и вместе с ним вышел из куреня.

Баркас причалил к берегу. На помост сошли два ка-

зака: Маслов Корней и Кислица Игнатий. Маслов доложил, что завтра утром из станицы Гривенской сюда направится делегация граждан.

Рябокось выслушал донесение, переглянулся с Жуковым.

— Так... Значит, все же решили просить меня. Ну что ж, надо их встретить как положено...

XII

Гривенчане, растянувшись длинной колонной, с восходом солнца двинулись в плавни, через Зарубовку на Казачью грядку. Пройдя верст десять, шествие потонуло в густых камышах, стеной поднимавшихся по обеим сторонам гряды. Впереди с красным знаменем вышагивали старики-бородачи.

Рябокось, подпустив непрошенных гостей поближе, приказал открыть огонь поверх голов. В камышах застрочили пулеметы, захлопали винтовочные выстрелы. Люди бросились врассыпную... Но банда захватила их в плен, выстроила шеренги у куреней. Рябокось обвел гривенчан одичалыми глазами, спросил:

— Ну... зачем пожаловали ко мне?

Вперед вышел седобородый старик.

— Просим тебя, Василий Федорович, вернись к мирной жизни, явись к Советской власти добровольно. Тебе все будет прощено.

Рябокось подмигнул Жукову, стоявшему тут же с Загуби-Батько, усмехнулся:

— Видал, господин полковник, какой оратор выискался?

— Мы ведь к тебе с поклоном, Василий Федорович,— добавил старик.

— Хватит, дед! — оборвал его Рябокось. — Нечего мне делать с твоей Советской властью. — Он указал на столы: — Видишь, какой обед я вам приготовил? Тут только птичьего молока нет, а у вас голод!

— Так то все наши продукты, — заметил хромой казак из пленных.

Рябокось резко шагнул к нему, схватил за грудь.

— Ты что тут у меня занимаешься агитацией, пес шелудивый? — И крикнул казакам: — А ну-ка, хлопцы, всыпьте ему!

Олинипеев наклонился к Рябоконию, шепнул:

— Сейчас не надо, Василий Федорович.

Рябоконию приподнял руку, обратился к казакам, которые уже бросились к пленному:

— Отставить! — И снова повел злыми глазами по рядам пленных, добавил: — Передайте своим властям, что я не думаю о покаянии, и больше никогда не приходите ко мне с такой просьбой. Я уже объявил большевикам свой лозунг: «Земля — ваша, вода — наша!» И пусть не суются сюда. А теперь ешьте и глядите, как живет Рябоконию.

Пленные расселись за столами. Каждому было налито по чайному стакану самогона. Выпили, начали закусывать. Рябоконию подошел хромоногий, снял с него каракулеву шапку, сказал:

— Так и быть, прощаю тебе твою дерзость, только ты поменяйся кубанкой с моим подхорунжим Озерским. А то у него вида нет. — Он передал шапку Озерскому, а кубанку Озерского — пленному.

На закате солнца пленные были отпущены домой.

Утром отряд Демуса внезапно атаковал бивак бандитов. Начался ожесточенный бой. Рябоконию бросил свои курени, продовольствие и, потеряв немало бандитов, отступил в глубь камышей.

Но затишье продолжалось недолго.

Через двое суток Загуби-Батько с группой конников ворвался на хутор Солодовникова и, захватив там линейку, 12 лошадей, несколько мешков муки, скрылся в плавнях. А еще через день банда Рябоконию произвела налет на Приморско-Ахтарскую рыбную контору. Избив в поселке многих рыбаков и предав огню несколько домов, она захватила 12 000 пудов соленой рыбы, часть которой взяла с собой, а остальную привела в негодность. На стене у входа в контору Рябоконию оставил записку: «Категорически запрещаю ловить рыбу в лиманах. Тех, кто нарушит мой приказ, буду вешать».

Возвращаясь в плавни, банда учинила расправу и с рыбаками, ловившими рыбу в Кирпильском лимане.

Вернувшись с добычей в свое логово, Рябоконию всюду выставил усиленные дозоры и лег на линейке отды-

хоть. Но ему не спалось. В голове теснились мрачные мысли.

Лишь под утро он забылся в какой-то тяжелой дреме. Разбудил его Дудник:

— Господин хорунжий! Поглядите, кто к вам пришел.

Рябокоть сбросил с себя бурку, сел на линейке. Перед ним стояла его жена.

— Надюша! — вскрикнул он, соскочил на землю и, схватив жену за руки, спросил: — Как же ты сюда пробралась?

Надежда вытерла набежавшие слезы кончиком белого платка, промолвила устало:

— Рыбаки помогли...

— Ты прямо из дому?

— Да... Из Лебедей...

— А сын где?

— В хуторе...

Рябокоть приказал оседлать лучших коней, позвал Загуби-Батько и, отдав ему необходимые распоряжения, касающиеся охраны бивака, отправился с тремя казаками в хутор Лебеди.

Солнце уже перевалило за полдень, припекало так, что дышать было нечем. Четыре всадника, крадучись камышами по звериным тропам, обходя красноармейские заставы, двигались в сторону Каракубанских хуторов. Рябокоть ехал впереди, держа карабин наготове.

Вскоре позади остались Зарубовка, Лимано-Курчанский. Впереди забелели хаты Лебедей. Рябокоть посмотрел на хутор, затем решительно махнул рукой:

— В намет, хлопцы! Бить всех, кто попадетя на пути.

На окраине хутора бандиты зарубили двух парней, случайно оказавшихся на дороге, и помчались ко двору рыбака, у которого Надежда оставила сына.

На пороге дома Рябокоть встретился с пожилой женщиной.

— Где мой сын? — крикнул он.

Женщина перекрестилась, пробормотала, заикаясь от страха:

— В комнате... в колыске...

Рябокоть метнулся в дом, схватил сына на руки и, выбежав во двор, крикнул горделиво:

— Бачите, хлопцы, який у меня казачина!

Женщина вынесла одеяло, закутала ребенка.

Вскочив на коня и бережно прижимая сына к груди, Рябokonь понесся по улице. За ним ринулись и остальные всадники.

XIII

По широкой проселочной дороге из Брюховецкой в Гарбузовую Балку катила пароконная тачанка. На ней сидели Комаровский, Жуков и на козлах — сын Комаровского Онуфрий. Комаровский громко зевнул и, обернувшись к полковнику, спросил:

— А как ты думаешь, Диомид Илларионович, отето хуже будет нашему движению, ежели большевики заменят разверстку натуральным налогом? В какую теперички сторону повернет хлебороб?

— Продналог — это очередная большевистская удочка, Зосима Варлаамович, — ответил Жуков.

— Отето и я так думаю! — согласился Комаровский и, смахнув пот с низкого лба, вздохнул: — А помнишь, Диомид Илларионович, как отнеслись наши партизаны к амнистии, объявленной большевиками к третьей годовщине революции? Ить никто из наших людей не захотел возвратиться домой. Может, и на этот раз никто не уйдет от нас?

— Возможно, — неуверенно пожал плечами Жуков. — А вот с пополнением, которое нам так крайне нужно, будет хуже. Замена продразверстки налогом определенно повредит нам. Крестьяне после этой замены уже вряд ли пойдут к нам в отряды.

— Отето и я так думаю, — снова вздохнул Комаровский.

Онуфрий не прислушивался к разговору, шевелил вожжами, и лошади резво бежали по накатанной дороге.

Вдали показался берег Лебяжьего лимана, у которого маячила небольшая посадка.

Комаровский толкнул сына в плечо:

— Поезжай к тем деревьям. Подзакусим там и передохнем до захода солнца. А как стемнеет, поедем домой, чтобы нас никто не видел при въезде в хутор.

Тачанка остановилась на берегу лимана под старым дубом. Комаровский и Жуков слезли с нее, стряхнули с себя пыль. Онуфрий выпряг лошадей, привязал в посадке, положил им свежей травы.

— Ты, сынку, свари крашенки,— обратился к нему отец,— надоть подзаправиться. Сегодня ж пасха.

Онуфрий достал из-под сиденья ящик с сырыми яйцами, начал перекаладывать их в ведро. Жуков недоуменно спросил:

— Что ты делаешь?

— Хиба не бачите, господин полковник? — Онуфрий приподнял на него глаза.— Яйца варить буду.— И указал на отца: — Це для них...

— Полное ведро? — Жуков вдруг разразился громким смехом.

— Они в присест меньше ста штук не едят,— пояснил Онуфрий.

— Вин знае, шо робе, Диомид Илларионович,— сказал Комаровский.— Я люблю, знаешь, побаловаться... От пищи никола не отказываюсь. Люблю, знаешь, отето...

Онуфрий поставил под конец дышла рогатину, подвесил ведро на край дышла, разложил костер. Комаровский подошел к лиману, начал раздеваться.

— Я отето люблю... купаться. Составьте компанию, Диомид Илларионович.

— Воздержусь,— отказался Жуков.— Лучше посижу под деревом.

Комаровский снял с себя одежду. По всему красному его телу рос густой черный волос. И походка у него была не то медвежья, не то обезьянья.

Комаровский плюхнулся в воду, подняв вокруг себя такие волны, что закачались и зашумели прибрежные камыши, за которыми вспорхнули утки, оглашая лиман испуганным криканьем.

— Отето водица! — воскликнул Комаровский от удовольствия.— Дуже хороша!

Он долго барахтался в воде, окунался с головой, пыхтел и фыркал. Наконец вышел на берег, опустил на карчу.

— Отето можно теперички и подзакусить,— сказал он, одеваясь.

Онуфрий уже приготовил полдник. На разостланном в тени войлоке лежали сваренные яйца, окорок, жаренный гусь и пара кур, два куска сала, кулич с белой сахарной головой, украшенной разноцветной присыпкой, монпансье, булка хлеба.

— Такочки,— потирая широкие ладони, крикнул Комаровский.— Де мой струмент? — Он вынул из карма-

на большой перочинный нож, нарезал хлеба, подмигнул сыну: — А ну-ка, налей нам... шоб дома не журились.

Онуфрий взял четверть, наполнил два стакана самогоном.

— Ну, Диомид Илларионович, будем живы! — Комаровский чокнулся с полковником.

— И... богаты, Зосима Варлаамович, — усмехнувшись, добавил Жуков.

Комаровский взял окорок и ломоть хлеба, Жуков и Онуфрий занялись гусем и курами. Разложенные на войлоке продукты быстро исчезали. Комаровский швырнул через плечо обглоданную кость, принялся за яйца. Он проворно очищал их, посыпал солью и, не жуя, проглатывал. Жуков с любопытством наблюдал за ним, ел неторопливо. Онуфрий лениво жевал сало, посапывал. Комаровскому, видимо, надоело заниматься нудной очисткой яиц, теперь он катал их на ладонях, посыпал солью и быстро, с привычной ловкостью швырял в рот. Таким образом он проглотил все яйца. Затем уплел курицу, доел остатки кулича и, запив все это самогоном, запел хмельным голосом:

Ой, спасибо, маты Катерина,
Шо нам землю на Кубани подарыла!
Будем снять, пахать, рыбу ловить,
Вареники исты та горилку пить.

— Ще й будем богаты! — добавил Жуков.

Комаровский ошалело огляделся вокруг и, пошатываясь из стороны в сторону, пробормотал:

— Диомид Илларионович!

— Что, Зосима Варлаамович?

— Чи я сядю, чи лежу?

— Сидите, — ответил Жуков.

— Ну... пхны мене, — с трудом вымолвил Комаровский, роняя на грудь голову.

Жуков толкнул его. Комаровский упал на спину и, разбросав руки, сразу же захрапел. Онуфрий поглядел на него исподлобья, почесал затылок.

— Теперь с таткой будет нам морока.

— Почему? — спросил Жуков.

— До утра не разбудим, — пояснил Онуфрий. — Спят так крепко, хоть из пушки пали.

— Так нам же надо ехать, — обеспокоился Жуков. Онуфрий молчал.

Прошел час. Комаровский пыхтел, храпел на все лады и не думал просыпаться.

А между тем солнце уже коснулось горизонта, и голубое небо сначала окрасилось в лилово-багряный цвет, потом быстро стало холодеть, темнеть.

— Ну что? — сказал Жуков. — Попробуем будить?

— Давайте, господин полковник, — отозвался Онуфрий, слезая с тачанки.

Жуков затряс Комаровского за плечи, но тот спал как убитый.

— Вот всегда так, — сказал Онуфрий. — Спят, пока выспятся, потом сами просыпаются.

— Нет... — протянул Жуков. — Это дело не пойдет!

Онуфрий наклонился над ухом отца, закричал:

— Татко!.. А татко! Вставайте!

Комаровский промычал и, открыв рот, с шумом выпустил руладу и захрапел еще сильнее.

— А ну-ка, давай зажем ему рот, чтобы нечем было дышать. Небось проснется.

— Можно и так, — согласился Онуфрий и, зажав отцу рот и нос, снова крикнул: — Просыпайтесь, татко, а то...

Комаровский начал задыхаться, взмахнул рукой и нанес сыну такую оплеуху, что тот отлетел в сторону, распластался на животе.

— Вот всегда так, — вставая, пробормотал Онуфрий.

Жуков плюнул с досады.

Прошло еще более двух часов, но Комаровский, как ни старались разбудить его, не просыпался. Тогда Жуков сказал:

— Знаешь что, Онуфрий, запрягай-ка лошадей.

Онуфрий вопросительно уставился на него:

— А татко?

— Положим его на тачанку и поедем, — ответил Жуков. — Не торчат же здесь нам всю ночь.

Так и сделали.

Выехав на дорогу, Онуфрий стегнул лошадей, и тачанка быстро покатила к хутору, скрытому непроглядной темнотой ночи. Вблизи глубокой балки Онуфрий вдруг заметил на дороге каких-то людей, хотел сообщить об этом Жукову, но те, схватив лошадей за уздечки, громко закричали:

— Стой!

Онуфрий в одно мгновение спрыгнул с тачанки, во

все лонатки пустился по высокому прошлогоднему бурьяну. За ним прынул и Жуков. Грабители вскочили на облучок, в намет погнали лошадей по дороге. Тачанка за-тарахтела в темноте и быстро скрылась.

Онуфрий подполз к Жукову, прошептал:

— Угнали тачанку, нечистые души! Может, это ваши люди?

— Пожалуй, они...— Жуков поскреб затылок.— Не надо было тебе бежать...

— Я ж... думал, что красные... разъезд какой-нибудь,— пробормотал Онуфрий.

— Да, сгоряча дали мы маху,— с досадой вырвалось у Жукова.

Тачанку действительно захватили бандиты. Они во весь опор катили на ней по звонкой дороге. Проскочили мимо Рогачей, Галепов и, приближаясь к Киргизам, едва не столкнулись с группой всадников, внезапно появившихся перед ними в темноте.

Сидевший на облучке резко придержал лошадей. Остальные схватились за оружие. К ним подскочил Зубарев с несколькими бандитами. Узнав своих, он указал на Комаровского, лежавшего на тачанке:

— Кто это?

— А бес его знает,— ответил один из казаков.— Пьяный вдрызг. Привезем на бивак — разберемся.

Комаровский открыл глаза, приподнялся.

— Дномид Илларионович,— позвал он спросонья,— где ты?

Зубарев, узнав голос Комаровского, вскричал:

— Это вы, Зосима Варлаамович?

— Я...— Комаровский протер кулаками глаза.— А шо хиба?..

Зубарев громко захохотал.

— Ты гля, кого схватили! — воскликнул он.— Это же наш человек! Зосима Варлаамович Комаровский!

— Эге...— пробормотал Комаровский.— Отето ж... вин самый... А вы кто будете?

— Мы из партизанского отряда полковника Татаринова,— ответил Зубарев, сдерживая пляшущего коня.

— А где же сын мой и... Дномид Илларионович? Они ж были со мной...— Комаровский начал разглядывать окруживших его бандитов.

Опять раздался смех.

— Наши ребята по ошибке схватили вас,- сказал Зубарев.

— Отето ж... значит, свой своих, шоб чужой духу боялся! — проворчал Комаровский. Он слез с тачанки, попросил Зубарева отойти с ним в сторону и, когда тот спешился, взял его за руку, шепнул на ухо: — Отето... Диомид Илларионович ехал ко мне из станицы Медведовской, от Ивана Петрика. Ему срочно надоть повидаться с полковником Татариновым. Так шо передайте Татаринову, хай вин прииде ко мне завтра ночью. Мы будем его ждать. А зараз я поеду домой, а то уже зорька загорается.

Зубарев приложил руку к папахе.

— Передам обязательно, Зосима Варлаамович!

Комаровский сел на тачанку, ударил лошадей вожжами, покатил в обратную сторону.

Заря постепенно разгоралась. Лошади бежали дружно. Миновав Рогачи, Комаровский оглянулся по сторонам, покачал головой: «Отето выспался... Добре... шо напоролся на своих, а то бы...»

В предрассветных сумерках показался хутор Гарбузовая Балка, на окраине которого стоял цыганский табор. Слева зеленели густые камыши, плескались тихие волны лимана, справа широким пологом простирались посевы.

В центре хутора, среди невзрачных мазанок и подслеповатых думиков, возвышался особняк под оцинкованной крышей, сложенный из белого камня. Это был дом Комаровского. Все окна были закрыты дубовыми ставнями с железными прогонычами.

Обширный двор с многочисленными подсобными постройками — конюшнями, сараями и амбарами — обнесен стеной из бутового камня, обсажен густой колючей акацией.

Комаровский поравнялся с шатрами. Его проводил долгим взглядом цыган, не спеша шагавший к лиману за водой. Комаровский въехал в улицу, остановил коней у тяжелых дубовых ворот, прыгнул с тачанки и, повертев кольцо запертой калитки, окликнул:

— Эй, кто там?!

— Иду, Зосима Варлаамович, иду! — Из дальней клуни вышел колченогий старик без шапки и заспешил к воротам. За ним ковылял черный, кудлатый пес.

Усадьба Комаровского была построена в 1906 году,

когда в России началось выделение крестьян на отруба. Потом вокруг нее стали селиться в ветхих халупах батраки Комаровского, и таким образом в десятом году появился хутор Гарбузовая Балка. Старики Комаровские умерли в тринадцатом году, и Зосима Варлаамович стал полновластным хозяином.

Из широких дверей дома выглянул с заспанными глазами Онуфрий. Комаровский подошел к нему, спросил: — Где Диомид Илларионович?

— Спит, — ответил Онуфрий. — В кухне, на кушетке.

Два пастуха выпустили из летнего база большое стадо коров, погнав на пастбище. За ними пастушонок выгнал к лиману телят-сосунков и рябых свиней.

Комаровский вошел в кухню и распахнул окно. Жуков поднял голову.

— Это вы, Зосима Варлаамович?

— Я, Диомид Илларионович, — просипел Комаровский. — Отето токо приехал.

В кухню заглянула пышнотелая женщина лет сорока, низко поклонилась хозяину, сказала:

— Вас кличет Ефимия Никандровна.

— Зараз приду, — недовольно буркнул Комаровский. Женщина удалилась.

— Кто это? — поинтересовался Жуков.

Комаровский махнул рукой:

— Моя служанка.

Стуча коваными каблуками о глинобитный пол, Комаровский зашагал в отдельную комнату, где лежала больная жена. Переступив порог, он открыл окно, и свежий воздух ободряющей струей полился в комнату. Из-под грязного клетчатого одеяла выглянула Ефимия, лежавшая на деревянной кровати. Худое лицо больной было землисто-серым. Бесцветные глаза сидели так глубоко, что их почти не было видно.

— Шо тебе? — раздраженно спросил Зосима Варлаамович. — А то... у меня чужой человек.

Ефимия выпростала из-под одеяла руку, похожую на плеть, с трудом поправила седые волосы, проговорила:

— Ты хоть бы трошки посидел около меня...

— Отето у меня токо и дела, шо сидеть бияя тебя, — грубо оборвал ее муж. — Нетути у меня времени. Ба-чишь... туточки...

Ефимия закрыла глаза, горько вздохнула:

— Ну, иди...

В субботу вечером коммунары с песнями возвращались с поля домой. Усталое солнце медленно опускалось за плавни.

Звон монастырских колоколов плыл над густыми камышами плавней. В храме правилась вечерня. Из открытых окон доносилось песнопение хора. Коммунары группами расходились по квартирам и, переодевшись, направлялись в столовую.

Когда совсем стемнело, к западным воротам подъехала пароконная линейка. На ней сидели полковник Жуков и цыган с вожжами в руках. Жуков соскочил на землю, подошел к коммунару, запиравшему ворота, сказал:

— Мне надо видеть председателя коммуны.

— Его нету дома, — ответил коммунары. — Уехал в Брюховецкую.

— А кто его заместитель?

— Чернышов.

— Позовите его, — попросил Жуков.

Коммунары глянул сквозь кусты цветущей сирени в глубь двора, крикнул:

— Эй, кто там? Покличьте сюда Чернышова!

Через несколько минут к Жукову подошел мужчина средних лет.

— Я Чернышов, — представился он. — В чем дело?

— Я уполномоченный из Тимашевского отдела, — отрекомендовался Жуков, не называя своей фамилии. — Приехал к вам, чтобы провести собрание среди коммунаров.

Чернышов окинул его взглядом, промолвил доверчиво:

— Что ж, добро пожаловать. Сейчас соберем народ. — Он окликнул коммунара, проходившего мимо колокольни: — Товарищ Мамцев, сзывай всех людей в столовую!

— Не всех, а только мужчин! — сказал Жуков.

— Чуешь, одних мужчин! — крикнул Чернышов Мамцеву и взглянул на цыгана: — А линейку и лошадей можно поставить на гостинном дворе.

Через восточные ворота цыган въехал в гостинный двор, распряг лошадей и, закулив трубку, стал с любопытством разглядывать монастырские постройки. К нему подошел звонарь Сергей, протянул руки:

— Ты кто?

— А на шо гоби? — ответил цыган. — Полномочного я привез в коммунию.

— Полномочного? — переспросил Сергей. — Какого полномочного?

— Почем я знаю? — Цыган пожал плечами. — Из отдела он. В Гарбузову Балку приезжал. А теперь сюда

— Где же он? — допытывался Сергей.

— Вон бия колокольни стоит.

Сергей, держа настороже перед собой руки, зашагал по мощеной аллее. Жуков увидел его, мысленно с досадой воскликнул: «Экий черт лохматый! Прет сюда». Боясь встречи с ним, он взял Чернышова под локоть, направился к столовой. Казначей Герасим, заметив полковника, не подал даже виду, что знает его, подошел к Сергию, что-то шепнул ему. Тот свернул вправо, скрылся в колокольне.

В храме кончилась вечерня, и все попы, монахи разбрелись по своим кельям. Монастырское подворье погрузилось в ночную тьму.

В просторной столовой коммунары приготовили для докладчика стол, накрыли его красным полотном, зажгли керосиновую лампу. Столовая наполнилась гулом голосов, запахло табачным дымом.

К столу подошли Чернышов, Жуков и цыган. Все с любопытством поглядывали на докладчика, на его френч английского сукна, красные галифе и начищенные сапоги. Жуков сел за стол, положил перед собой кубанку. Цыган примостился у окна.

Чернышов, закрывая ладонью свет лампы, сказал:

— Товарищи, просьба не курить в помещении.

— Пусть курят, — разрешил Жуков. — Дым не мешает.

Чернышов предоставил ему слово. Жуков встал, оперся руками о стол, медленно обвел взглядом собравшихся.

— Так вот, — начал он. — Я приехал из Тимашевского отдела, чтобы сделать доклад об укреплении коммуны...

В это время с каюков на берег высадилось полсотни бандитов под предводительством полковника Татарнинова. Там их уже ждали монахи-проводники. Под покровом ночи банда прокралась к монастырю, разделилась на две группы. Люди Зубарева двинулись за тремя монахами под отвесным берегом лимана, поднялись на кручу и через незапертую калитку проникли во двор пустыни. Из

окон столовой в тьму лился тусклый свет. Зубарев подал сигнал к действию. Бандиты оцепили столовую. Зубарев с двумя казаками ворвался в трапезную, громко закричал:

— Ни с места!

Бандиты произвели залп из винтовок в потолок. Жуков выхватил наган из кобуры, застрелил Чернышова и своего возницу-цыгана, разбил лампу. В столовой поднялась страшная паника. Давя друг друга, люди с криком бросились в окна. Жуков выскочил из столовой, присоединился к группе Татарнинова, которая проникла во двор через пролом в ограде.

Из келий высыпали монахи, начали помогать банде. По всему монастырю гремели выстрелы, смешались с отчаянными воплями женщин и детей...

Каратели схватили старика Руденко, потащили к монашескому общежитию, где укрылись четыре коммунара.

— Эй, вы! — крикнул Татарнинов своим подчиненным. — Давайте его сюда! Пусть он гукнет дурням, чтоб сдавались.

— Сами гукайте, душегубы проклятые! — ответил им Руденко.

Его тут же застрелили, облили керосином и подожгли.

К окну кельи, в которой засела четверка мужчин, бандиты приволокли беременную женщину и заставили, чтобы она упросила их сдаться. Обливаясь слезами, женщина стала просить коммунаров, чтобы они перестали сопротивляться. Но изнутри послышался голос Мироненко:

— Уходи, Анисья, а то и тебя можем ранить.

Монах Федор принес ведро керосина. Бандиты намотали на длинную палку тряпку, обмакнули в керосин и заставили Анисью поджечь внутреннюю ставню. Анисья поднесла факел к разбитому окну. Бандиты открыли стрельбу по образовавшейся дыре в ставне. Монах Федор выплеснул в нее весь керосин из ведра и бросил в келью горящие тряпки.

Корпус загорелся. Готин, охваченный пламенем, выскочил из окна, бросился бежать, но его тут же пристрелили. За ним выпрыгнул Мироненко. Бандит догнал его и зарубил шашкой. А Горбин и Пыльник так и остались в горящей келье...

Не пощадила банда и детского приюта. Детей стаскивали с кроватей, убивали, затем выбрасывали во двор...

Крики и выстрелы по всему острову не прекращались. Однако несколькими коммунарам все же удалось вырваться из крошечного ада. Одни из них укрылись в камышах, другие — в леднике, третьи — под храмом. Двое, переплыв лиман, добрались до Брюховецкой и сообщили о налете банды на коммуны.

Звонарь Сергей в отчаянии бежал по всему двору, освещенному пожаром, громко взывал:

— Братия, остановитесь, что вы делаете? Опомнитесь! Зачем это?

Поп Ярон схватил его за руку, прошипел:

— Уходи подобру-поздорову, брат Сергей. Не мешайся в эти дела.

— Не гневи бога, отец Ярон! — простонал Сергей. — Разве можно убивать невинных?!

Ярон оттолкнул его, побежал к горевшему приюту, вокруг которого неистово кричали дети.

Сергей устремился по аллее, продолжая отчаянно взывать:

— Не надо, братия! Это же великий грех. Уймитесь, бога ради!

Женщин и детей бандиты согнали к храму, поставили на колени.

— Молитесь! — приказал им Татаринов. — Просите у господ бога прощения за то, что пошли в коммуны, противную вере христианской.

Не избежал смерти и председатель коммуны Науменко. Бандиты схватили его у лимана, когда он возвращался из Брюховецкой. Стащив с бедарки, они долго били его, потом закололи и бросили в камыши.

До рассвета буйствовала банда на «святом острове». А утром согнала уцелевших женщин и детей на берег лимана.

У монастырской стены остановилась тачанка. Зубарев сорвал с пулемета брезент, дал длинную очередь поверх голов оставшихся в живых. Потом на тачанку поднялся Татаринов, крикнул обезумевшим от страха:

— Убирайтесь на все четыре стороны! А еще раз пойдете в коммуны — тогда пеняйте на себя!

Женщины толпой двинулись по дороге в станцию Переясловскую.

Татаринов выставил охрану в хуторах, лежавших вблизи от монастыря, и без боя захватил Чепигинскую.. Но тут в станицу подросла красная конница под командованием Виктора Левицкого и Белоброва — командира чоновского отряда станицы Брюховецкой..

В дом бывшего правления вбежал старший дозорный, в паническом страхе доложил Татаринovu:

— Господин полковник, красные!

Татаринов выбежал на крыльцо, закричал:

— По коням!

Бандиты, находившиеся во дворе, мгновенно очутились в седлах... По улице неслись красные конники. Татаринов, не принимая боя, рванулся с бандой в сторону бейсугских плавней.

Виктор Левицкий со своей учебной ротой настиг его под хутором Стефано-Федоровым. Завязался рукопашный бой...

В монастыре все еще находилась охрана, выставленная Татариновым. Коммунары, укрывшиеся в камышах, подвалах и колоде, с нетерпением ожидали прихода своих.

В одиннадцатом часу дня на дворе со стороны Чепигинской показался отряд конников. Увидев красное знамя, реявшее в голове колонны, дозорный закричал:

— Хлопцы, тикайте! Красные! — И пустился берегом лимана к стаду коров, пасшихся поблизости от монастыря.

Белобров приказал трем чоновцам догнать бандита. Те отделились от отряда, поскакали по зеленым.

Дозорный подбежал к пастухам.

— Братцы! — взмолился он, дрожа от страха. — Спасите меня. Скажите, что я вместе с вами пасу скотину.

Пастухи молча, с ненавистью смотрели на него. Чоновцы подскакали к ним, спешили. Один из них схватил бандита за грудь и со всего плеча ударил кулаком в ухо. Бандит упал, затем вскочил, бросился бежать, но чоновцы догнали его, пустили в ход плети.

— Я не виноват! — закрывая руками голову, вопил схваченный. — Это все Жуков и Татаринов!

Отряд Белоброва подъехал к монастырской стене, где вдоль берега лимана лежали расстрелянные и за-

рубленные коммунары. Чоновцы слезли с коней, в скорбном молчании обнажили головы.

К ним подвели пойманного. Белобров обжег его гневным взглядом:

— Бандюга! Где же твое оружие?

— Не было у меня оружия! — заскулил пленный.

Перед ним, словно из-под земли, вырос поп Ярон.

— Не лги, раб божий! Это ты зарубил старуху Руденко, что на костылях ходила. Я все видел.

— Так я... шоб она не мучилась, — пробормотал бандит, не поднимая головы. — А попервах ее ранил Федька... — Затем, спохватившись, он окрысился на попа: — А вы? Все монахи и попы помогали громить коммуны, давали патроны нашим казакам, указывали, где прятались коммунары. А керосин приносил отец Федор.

Ярон в страхе и со слезами на глазах упал на колени, трижды перекрестился на прибитую к западным воротам картину «Возрождение животворящего креста», медленно поднялся и зашагал рядом с пленным во двор монастыря. Аллея во многих местах была залита густой кровью. Во дворе — ни души. Укрывшись в двух церквах и храме, монахи и попы били поклоны, молили бога о заступничестве.

Белобров вошел в храм и, подняв руку, сказал:

— Хватит! Выходите!

Монашеская братня, поспешно крестясь, повалила из распахнутых дверей храма. Под конвоем чоновцев из церкви вышла другая партия монахов. Всех их выстроили в колонну у сгоревшего монастырского общежития. Белобров подошел к ним, указал на лужи крови:

— Ну что, святые отцы, напились народной крови? По божьему велению разбойничали или как?

«Братня во кресте» молчала.

Из подвалов выходили женщины и дети. Двор наполнился плачем, проклятиями, криками. В монахов полетели палки, камни.

Вскоре из камышей начали возвращаться спасшиеся коммунары. Вынесли из сгоревшего общежития трупы погибших товарищей, положили рядом с теми, которые были снесены на берег лимана.

Из колокольни вышел Сергей.

— Братня! Братня! — взывал он, вытянув руки вперед. — Где ваш командир? Поведите меня к нему.

— Кто это? — спросил Белобров у плачущей коммунарки.

— Отец Сергей, звонарь, — ответила та. — Добрый человек.

— Где командир? — продолжал звать Сергей.

С чердака трапезы хлопнул винтовочный выстрел. Сергей вздрогнул, схватился за грудь и замертво упал на землю.

Чоновцы рванулись к трапезе, и через несколько минут приволокли труп рыжебородого монаха, убитого ими в короткой схватке на чердаке.

К монастырю прибыли еще подводы, остановились на берегу лимана. Чоновцы уложили на них погибших коммунаров, и траурный обоз медленно двинулся в Брюховецкую.

Всех черноризников выстроили в колонну, отправили под усиленным конвоем вслед за обозом.

На пасеке, где был убит председатель коммуны Науменко, Ярон вдруг остановился, стал на колени, перекрестился на монастырь, белевший за лиманом, и объявил со слезами на глазах:

— Стреляйте меня здесь, дальше не пойду.

К нему подошел старший конвойный:

— Не дури, поп, вставай!

Ярон сложил руки крестом на груди, прохрипел:

— Не пойду я, раб божий... Все едино смерть...

Попы и монахи молча смотрели на него, исступленно крестились.

— Ты что, глухой? Сказано тебе, встать! — прикрикнул конвойный на Ярона, но тот не поднимался, раз за разом бил земные поклоны...

XV

Евсей только что отправил в соборе вечерню и вернулся домой, в квартиру, в которой раньше жил епископ Иоанн.

Время было позднее. Евсей, не зажигая лампы, открыл окно, чтобы проветрить комнаты, снял с себя подтяжки и вынул из буфета бутылку коньяка.

Послышался условный сигнал: три тихих удара в дверь. Евсей поспешил на веранду, щелкнул засовом. Вошла овдовевшая офицерша, закутанная в черную шаль.

— Ты один? — спросила она шепотом.

— Да, да, конечно, — ответил Евсевий.

Он запер дверь, проводил гостью в зал. Она покосилась на открытое окно.

— У тебя очень свежо...

В это время еще кто-то постучал в наружную дверь. Евсевий и офицерша замерли. Стук повторился.

— Кто это? — испуганно спросила офицерша.

— Не знаю... — пробормотал Евсевий. — Сейчас погляжу. — Он вышел на веранду, спросил: — Кто там?

Из-за двери донесся приглушенный женский голос:

— Это я... ваше преосвященство... мать Рафаила...

Евсевия бросило в жар. Растерянно оглянувшись в сторону зала, он отпер дверь и, как только игуменья переступила порог, проговорил с притворным изумлением:

— О, кого я вижу!

— Тише, тише, бога ради! — выдохнула игуменья и, дожидаясь приглашения, направилась в зал.

Офицерша бесшумно взобралась на подоконник и выпрыгнула на улицу.

— А я сегодня днем была у своего земляка Левницкого, — сообщила игуменья, входя в зал. — За ним моя бывшая келейница, Софья Калита. Оказывается, он принимал участие в разгроме партизанского отряда Татарнинова.

Евсевий окинул глазами зал и, не найдя в нем своей ночной посетительницы, облегченно перевел дух, оживился.

— Да, не повезло Татарнинову, — сказал он глухо. — Красные расстреляли всех, кто участвовал в разгроме коммуны.

— Как, неужели всех? — побледнела игуменья.

Евсевий взмахнул руками:

— Это, пожалуй, и к лучшему. По крайней мере, никто не выдаст нас. Насколько мне известно, уцелели только отец Гурий да игумен Дорофей, которые во время налета находились здесь, в городе. Боюсь, как бы их тоже не схватили. Испугаются, развяжут языки.

— Где же они сейчас? — спросила игуменья.

— Отец Гурий где-то в плавнях, а игумен уехал в Кавказский миссионерский монастырь. — Евсевий указал на кресло. — Присаживайтесь, милости прошу! — И поинтересовался: — Ну, а как у вас дела? Я слышал, что под

Армавиrom начал активно действовать отряд полковника Окорокова.

— Да, это верно,— подтвердила игуменья.— Сейчас ему помогает со своим отрядом наш есаул Бородуля.

— Ну, а отец Макарий как поживает у вас? — спросил Евсевий.

— Ничего. Уже правил службы,— ответила игуменья.— Битни — славный старик.

Она рассказала ему о работе, проделанной ею среди богомольцев, посещающих монастырь.

— Хорошо, хорошо! — сказал Евсевий.— Значит, подготовка к восстанию идет полным ходом. В других монастырях дела тоже неплохи, если не считать Лебяжский. Большинство верующих уже ознакомлено с нашим воззванием.— Он закрыл окна, зажег свет.

Игуменья увидела на диване шаль.

«Растяпа!» — подумал Евсевий с досадой об офицерше и объяснил:

— Сегодня женщины убрали здесь. Кто-то забыл платок.— Он повесил шаль в гардероб и вернулся к прерванному разговору.— Сейчас все христиане готовятся к свержению большевистского режима. Патриарх Тихон уверен в успехе нашего дела. В ближайшее время на Черноморском побережье должны высадиться кадровые офицеры, прошедшие в Константинополе, на лесных разработках Улагая, соответствующую подготовку. Они-то и возьмут на себя руководство восстанием на Кубани.

— Ну, а что в епархии после смерти Иоанна? — спросила игуменья.

— О, теперь епархия в моих руках! — воскликнул Евсевий.— Раскольники и нераскольники объединяются. Правда, есть еще такие, как протоиерей Делавериди и Гангесон. Они пока сопротивляются, пакостят мне, но все равно покорятся. Разумеется, о существовании нашей подпольной организации знают только самые проверенные. Постепенно я расширяю сеть агентуры. Так, например, в коммунхозе у меня — юрисконсульт Попов, кандидат богословия; в исполкоме — Лисунова; в кооперации — Соколова; на почте — два агента. Словом, колесо завертелось...

— Боже, как это хорошо! — умиленно прослезилась игуменья.— В моем сердце снова появилась надежда.

По Кубани шагала буйная весна. В прозрачной лазури неба звенели жаворонки, трубили журавлиные стаи.

Закубанский лес между станицей Краснодарской и Успенской пустыню покрылся молодой листвою, огласился неумолчным птичьим гомоном. В полях быстро шла в рост изумрудная озимь. На лесных полянах цвели ландыши, фиалки.

Чуть свет Ропот запряг лошадь, взял косу и отправился в лес за травой. Жадно вдыхая пахучий, исцеляющий дух весны, он не ощущал ни боли в шее, ни ломоты в костях, хотя страшные рубцы все еще напоминали ему о недавних тяжких мучениях.

Въехав в лес, он остановился у небольшой поляны, заросшей высокой, сочной травой, привязал лошадь к дереву и, взяв косу, поплевал на ладони: хотел было с ходу приняться за косьбу, и вдруг заметил на противоположном берегу мелководной речушки грот и беседку под вербовыми ветвями. Поглядев на них из-под руки, взмахнул косой. Трава ровным валком ложилась у его ног. Пройдя ряд, Ропот остановился, снова посмотрел на грот, затем развернулся и ритмично замахал косой, издававшей легкий звенящий шум.

Кто-то остановился за его спиной. Ропот резко обернулся, увидел перед собой монаха.

— Вы что здесь делаете? — спросил Ропот, охваченный невольным замешательством.

— Сторожу крещицу, — ответил монах, почесав кончик носа.

Ропот заметил щербинку в его нижних зубах, и она, эта щербинка, показалась ему очень знакомой. Он силился вспомнить, где видел этого монаха, пристально всматриваясь в его лицо. Монах постоял немного и, не сказав больше ни слова, поспешно направился к гроту. Ропот проводил его долгим взглядом, опять принялся за работу. Но мысли о монахе не покидали его, и он то и дело поглядывал за реку.

«Где я его видел? — думал он. — Черное лицо, горбатый нос. Эта щербина».

Так и не узнал он Луку. А тот наблюдал за ним из окошка и почему-то испытывал страх: уж больно подозрительно заглянул ему в глаза косарь.

Ропот сложил на телегу траву, взял вожжи и, еще

раз поглядев на грот, поехал по лесной дороге. Лука нервно задернул ширмочку на окне, хотел было достать из погребка бутылку с самогоном, но тут к нему постучали. Он вздрогнул, не сразу отпер дверь. У порога стояли две молодые монахини.

— Мы к тебе, Нифонт, в гости...

— Проходите, проходите, — осклабился Лука, впустил их в комнату, закрыв дверь.

Монахини развернули платок, поставили на стол две бутылки самогона, закуску, и одна из них, отвесив низкий поклон, пропищала:

— Милости просим!

Гости оживились, уселись за столик. Чокнулись, выпили, начали болтать. Хмель быстро туманил им головы. Лука бесцеремонно тискал то одну, то другую монахиню, потом вдруг вскочил со стула, крикнул:

— Эй, голубоньки, хотите, я вам покажу что-то?

— Покажи, покажи! — пылая жаром, отозвалась черноглазая монашка.

Лука вывел их из грота, взбежал на крутой берег, отпер сарайчик и выкатил выточенную из самшита коляску.

— Ну как, хороша моя карета?

— Неужто сам сделал? — удивились монахини.

— Да, собственноручно. Вот только некого запрягать в нее.

— А ну-ка, садись! — взвизгнули монашки. — Мы прокатим тебя.

Лука проворно взобрался на коляску, монахини впряглись в нее, помчались к хутору Драному.

Из-за калинового куста вынырнули несколько крестьянок. Увидев необыкновенное зрелище, они сначала покатались со смеху, потом принялись стыдить отшельниц.

— Надумали возить такого борова! Ну и святоши!

Монахини повернули назад, во весь дух покатали коляску к гроту. Лука сидел на ней как ни в чем не бывало.

В гроте снова пошла попойка. Вскоре Лука так нагрузился самогоном, что уже не мог ворочать языком, повалился на кровать и захрапел. Все попытки монахинь разбудить его оказались тщетными. Плюнув с досады, черноглазая сказала:

— Пойдем, сестра... Теперь с него пользы, как с козла молока.

Скрипнула дверь, и черницы без оглядки скрылись в

лесу. Распахнутая дверь раскачивалась на ветру, словно скулила. На ту пору проходили три молодайки из хутора Драного. Из любопытства они заглянули в грот и, найдя монаха в полубесчувственном состоянии, решили поозорничать: отрезали ему бороду, патлы и укоротили рясу до пояса.

На закате солнца Лука проснулся, сладко зевнул, заглянул в зеркало, и глаза его наполнились ужасом. Бранясь на чем свет стоит, он ошалело заметался по гроту. Положение его действительно было аховое: в таком виде не показаться людям!

Как назло в комнату неожиданно-негаданно ввалился Мирон. Едва переступив порог, он уставился на монаха, застыл на месте. Лука съежился, протянул скуляще:

— Захарыч, ты посмотри, что со мной сделали...

— Да кто же енто тебя так спаскудил? — спросил Мирон, оглядывая его со всех сторон. — Ну-кася, повернись.

Лука, держа перед собой согнутые руки, потоптался на месте, заскрежетал зубами:

— Видать, этн... Ведьмы... Посмеяться вздумали.

— Эко отбрили тебя, брат! — покачал головой Мирон. — А я за тобой пришел. Мать благочинная требует. Видать, наставление какое-то хочет сделать. Завтра-то воскресенье, паломники придут к кринице. А ты... совсем припух, вроде петуха общипанного. Ну, я так и доложу ей.

— Упаси тебя бог! — воскликнул Лука. — Скажи ей, что на меня корчий напал.

— Что ж, могу и соврать. — Мирон развел руками. — Енто все можно, токо борода и космы у тебя-то до завтра не отрастут. Да и отхваченные полы на твоей рясе не откуль не возьмутся. А мать благочинная ить может заглянуть к тебе, поглядеть на твое житье-бытье.

Лука схватился за голову.

— Позор! Позор!

— Вопче, после такого конфузу я бы на твоем месте не задерживался тут, — посоветовал Мирон. — Ить совсем засмеют. — Он скрипнул дверью, вышел.

Лука обессиленно сел на кровать.

Вечером Ропот вышел из хатенки, присел на завалинке, закурил. Жена обратила внимание на его мрачный вид, спросила обеспокоенно:

— Ты что такой хмурый сегодня?

— Что-то неладно на душе, — признался Логгин Прокофьевич. — Видел я утром в лесу одного человека. Кажись, встречался с ним где-то, а вот... хоть убей, не вспомню где.

— А зачем он тебе? — промолвила Анисья. — Не вспомнишь — и не дюже нужно.

— Да нет, — возразил Логгин Прокофьевич. — Не выходит он из моей головы, стоит перед глазами.

Ночью он все так же думал о монахе, не мог уснуть. Снова и снова перебирал в памяти всех знакомых, давние и недавние встречи. И вдруг в его голове пронеслась обжигающая мысль: «Да это же «черный человек»! Он широко раскрыл глаза, вскочил с постели, закричал:

— Вспомнил!.. Вспомнил, Анисья!..

Анисья оперлась на локоть, испуганно пробормотала:

— Ты что?.. Чи с ума сошел?

— Нет, не сошел! — ответил Логгин Прокофьевич. — Все вспомнил, понимаешь, все. Это тот палач, который казнил нас на Мзымте, рубил мне шею! Никакого сумления теперь нет. Зараз нужно идти за чоновцами и схватить гада! — Он быстро оделся, нахлобучил фуражку, бросил на ходу: — Не жди меня скоро, Анисья! Приеду утром!

Он прибежал к Левицкому, постучал в окно:

— Лаврентий Никифорович! Выдь сюда, да скорее. Лаврентий вышел в сени, прохрипел спросонья:

— Шо стряслось?

Логгин Прокофьевич, дрожа и заикаясь от волнения, объяснил ему все и сказал в заключение:

— Бери чоновцев и айда в лес зараз же. Надо немедленно схватить катюгу! Вот.

* * *

Через полчаса чоновский отряд выехал из Краснодольской и, перемахнув мост, помчался к лесу. Впереди ехали Ропот, Левицкий, Норкин и Вьюн. Спешились у дороги, бесшумно пробрались к гроту. Вьюн стал у стены, постучал прикладом карабина в дверь.

— Эй, кто там есть?

Никто не отзывался. Вьюн повысил голос:

— Слышишь! Открывай дверь!

И снова никакого ответа.

— Вишь, притаился, каналья, — буркнул Вьюн.

— Ты гляди, а то ещо пальнет в окно, — предупредил его Левницкий.

— А я и сам могу пальнуть! — ответил Вьюн.

— Придется дверь ломать, — сказал Норкин.

Лаврентий поскреб затылок.

— А может, его нет дома?

Вьюн дернул за ручку, дверь широко распахнулась.

— О! Да тут никого нет! — воскликнул Логгин Прокофьевич.

* * *

Под вечер в монастырь со своим отрядом явились Бородуля и Матяш. Все были под хмельком. Привязав коней к забору, бандиты столпились у общежития монахинь. Навстречу Бородуле вышла мать Иоанна, заглянула в лицо, прошамкала:

— Никак, Игнат Власьевич?

— Он самый, матушка, — пробасил Бородуля. — Нам нужна мать игуменья.

— А ее нет дома, — ответила старуха. — В город уехала.

Бородуля с досадой обернулся к Матяшу:

— Не повезло нам...

Мать Иоанна покосилась на бандитов.

— Игнат Власьевич, богом прошу, пусть ваши хлопцы не заходят к монашкам.

— Никто не тронет ваших монашек! — резко бросил Матяш.

Мать Иоанна пригласила Бородулю и Матяша в приемную.

— Сегодня и завтра мы побудем у вас в монастыре, — объявил ей Бородуля. — А потом двинемся в горы.

Старуха растерянно развела руками:

— Но как же без матери игуменьи?

— Погоди, матушка! — прервал ее Матяш. — Мы только переночуем и смотаем удочки. Дюже устали с дороги. Из-под Армавира без передышки. Как черти грязные.

— Да и вшей погонять надо, — добавил Бородуля.

— Боже мой! — взмолилась мать Иоанна.— Вы и нам напустите.

— Ничего, вша, она тоже тварь божья,— усмехнулся Матяш.

— Не знаю, что и делать с вами. Как бы ваши хлопцы опять охальничать не начали. Они уж и так причинили нам немало сраму.

— Не беспокойтесь,— заверил ее Бородуля.— На этот раз все будет хорошо.

— Ну, бог с вами,— вздохнула мать Иоанна.— Занимайте старое общежитие.

Во второй половине дня из Краснодара вернулась игуменья. С нею приехали Евсей и Александр. Последние, переговорив с Бородулей и Матяшом о своих насущных делах, выехали в Кавказский Николаевский миссионерский монастырь к игумену Дорофею, скрывавшемуся там после разгрома коммуны «Набат»...

Наступила ночь. Банда Бородули и Матяша также покинула монастырь и под покровом темноты помчалась по лесу, в сторону коммуны...

Игуменья спустилась к себе в келью. Мать Иоанна подала ей трапезу и, отвесив поясной поклон, удалилась. Но не прошло и пяти минут, как она вбежала в келью и объявила трясущимися губами:

— Матушка, какие-то военные вас спрашивают!

Игуменья оторвалась от еды, настороженно спросила:

— Наши... или?

— Не разглядела я в потемках,— ответила старуха.

— Просите их.

В келью вошел сотник Курунин в бурке и черной папахе. Он вскинул руку к виску и указал на Юдина, оставившегося на пороге:

— Честь имею представить вам брата Тимофея Харитоновича Мазаева — Пимена. Мы по весьма важному делу, матушка.

— Позвольте...— Игуменья взглянула на парный портрет Мазаевых, висевший на стене.— А вы, кажется...

— Потом, потом, матушка! — остановил ее Курунин.— Я должен сию же минуту покинуть вас до завтрашнего вечера. Разговор с вами будет вести Пимен Харитонович.— Он помахал ей рукой.— Не скучайте!

Игуменья любезно улыбнулась.

— Я очень рада видеть вас, Пимен Харитонович На-

конец-то мне удалось свидеться с вами. Раздевайтесь.— Отослав мать Иоанну, она добавила ласково:— Будьте как дома, голубчик.

Юдин снял папаху, причесал перед трюмо волосы, поправил светло-серую черкеску под казачьим поясом, на котором висели шашка, кинжал и браунинг.

— Я, собственно говоря, приехал к вам по рекомендации.

— По чьей, осмелюсь спросить? — поинтересовалась игуменья, глядя ему в глаза.

— Зои Львовны Пышной.

— Где вы с нею встречались?

— В Краснодаре. Еще до ее ареста. Вскоре после отъезда из города Веры Романовны Лихачевой.

— Видимо, это после того случая,— намекнула игуменья.

— Совершенно верно! — подхватил Юдин, хотя не имел никакого представления, о каком «случае» шла речь.

— Прошу, присаживайтесь,— указала игуменья на диван и, когда Юдин сел, спросила:— С каким же делом вы пожаловали ко мне?

— Я приехал к вам с гор,— объявил Юдин.— В частности, мне нужны сведения, есть ли в ваших краях наши люди и кто ими руководит?

Игуменья улыбнулась:

— Да, люди у нас есть... В третьем часу ночи они должны быть у меня. Это небольшой отряд есаула Бородули, действовавший в районе Армавира с партизанами полковника Огорокова.

— Об Огорокове я знаю,— сказал Юдин.

— Ну, а Бородуля только вчера вечером прибыл сюда,— сообщила игуменья.

— Где же он сейчас?

— Вы о Юдине что-нибудь слышали? — неожиданно спросила игуменья.

Юдин пожал плечами:

— Кто такой?

— Уполномоченный особого отдела. Здесь, в коммуне, живет. Я ни разу не видела его в глаза, но он причинил мне очень много неприятностей.— Игуменья усмехнулась.— Мы решили убрать его. Вот за ним-то и отправился Бородуля со своим отрядом, чтобы привезти его ко мне, живого или мертвого.

— Ясно ..— протянул Юдин.— Не мешало бы взглянуть на него.

— Будем надеяться, что Бородуля предоставит нам такую возможность,— уверенно заявила игуменья.

Юдин посмотрел на стенные часы: стрелки показывали четверть третьего. Из коридора донесся какой-то шум

— Кажется, они,— оживилась игуменья.— Сейчас взгляну.

— Нет, это не они,— бросил Юдин и направил на нес браунинг.— Ни с места! Вы арестованы.

Побледнев, игуменья отшатнулась к спинке кресла, проговорила чуть слышно:

— Вы шутите, Пимен Харитонович?

— Я не Пимен! Я тот, за которым отправился Бородуля. Я — Юдин!

Игуменья оцепенела от ужаса. В комнату вбежали Мечев и Леонид Градов, обыскали переднюю и спальню. Юдин закурил, сказал арестованной:

— Собирайтесь.

Игуменья все еще не могла опомниться. Юдин снял с вешалки ее мантию, приказал своим бойцам:

— Оденьте ее, ребята, и — на тачанку.

Мечев и Градов закутали арестованную в хламиду, подхватили на руки, вынесли из кельи. Мать Иоанна подняла в общежитии крик. Старухи монахини заголосили, как по покойнику.

В третьем часу ночи в монастырь вернулся Бородуля с пятью всадниками. Навстречу ему выбежала мать Сергия, задыхаясь от слез и страха. Бородуля схватил ее за плечи, сказал:

— Передай матери игуменье, что Андрей отказался ехать в коммуны, в горы повернул, подлюка!

Из темноты вынырнула мать Иоанна, завопила.

— Беда, Игнат Власьевич! Матушку игуменью схватили, увезли. Догоните их, догоните! Богом молю!

Из-за облаков выглянула луна. И тотчас же из засады выскочили чоновцы. Затрещали винтовочные выстрелы. Четыре верховых бандита свалились с лошадей, а пятый наметом пустился через двор, перемахнул штакетник у второго общежития, скрылся в саду. Бородуля рванулся в коридор, затем — в библиотеку и — как в воду канул.

— Куда же он девался? — недоумевал Мечев, шаря со свечой в руке по библиотеке.— Я же видел, как он сюда вскочил

— А может быть, он на горнище пробрался? — сказал Градов. — Глядите, нет ли дыры в потолке.

— Товарищи! — закричал один из чоновцев. — Вот ляда в полу!

Все бросились к нему, приподняли крышку. Из подполья грянул выстрел, но пуля, никого не задев, воцвилась в книжный шкаф. Став за выступ стены, Градов крикнул:

— Вылазь, господин есаул. Все равно не уйдешь! Даю одну минуту на размышление, а потом гранату в твою нору шугану!

Бородуля высунулся до пояса из люка, держа перед собой обрез.

— Гукните сюда Юдина, — попросил он.

— Зачем тебе Юдин? — спросил Градов.

— Нужен... Поговорить надо...

— Ишь, чего захотел!

Мечев выстрелил из-за перегородки, ранил Бородулю в плечо. Тот хотел нырнуть назад в подполье, но зацепился обрезом за край люка и одновременно нажал на спусковой крючок. Сраженный насмерть своей же пулей, он рухнул с лестницы в подвал.

XVII

Матяш с горсточкой казаков уходил все дальше и дальше от родных мест в горы. Пробирался больше по ночам, а днем таился в лесах и ущельях.

Миновав Сторожевую, он двинулся в Бахмут. Вокруг теснились громадные утесы. Каменные глыбы нависали над ущельями, пропастями и преграждали путь на каждом шагу.

Под вечер Матяш остановился у балки Черемухи, решил заночевать. Облюбовав место в небольшой еловой роще, казаки соорудили курень, сварили в котелках мясо, начали ужинать. Солнце еще висело над горами, но в котловинах и щелях уже сгущались сумерки. Где-то внизу ревел Уруп.

После ужина Матяш внимательно оглядел в бинокль скалы и, не обнаружив ничего подозрительного, полез в шалаш, где уже лежали казаки..

Около полуночи из-за гор выплыла луна, осветила мрачные каменные громады, шалаш и девушку, которая

осторожно кралась к нему... До шалаша уже рукой подать...

Часовой, стоявший на посту у лошадей, щелкнул затвором карабина, окликнул:

— Стой! Кто идет?

— Опустив винтовку, — узнав своих, отозвалась девушка. — Я из отряда Белова. Нас тут красные разбили. И вот я целую неделю брожу по горам.

На шум вышел Матяш.

— Антонина Демьяшкевич? — удивился он.

Антонина поправила белую папаху.

— Я самая!

— Где же вас разбили? — спросил Матяш.

— Под Сторожевой... Полковник Белов бежал с несколькими казаками, а я отстала от них. Лошадь у меня была убита.

— Так ты небось и голодная?

— А то... Как собака...

— Ну, лезь к нам в курень, — пригласил ее Матяш. — Мясо у нас есть и хлеб белый.

Он достал из своей сумки ломоть хлеба, вынул из котелка мясо и подал ей. Антонина с жадностью принялась за еду.

— Гут где-то недалеко братья Крым-Шамхаловы со своим отрядом, — сказал Матяш. — К ним мы пробираемся. Говорят, они лошадей здесь добывают... переправляют через Архыз в Карачай и там продают.

— Что ж ты ела в эти дни? — любопытствовал один из казаков.

— Коренья, ягоды, дичь разную, — ответила Антонина. — Варить только не в чем было, сырым питалась... Ночью забиралась в такие места, что никакой хищник не мог достать меня...

— Ну, отдыхай, — сказал Матяш

Антонина положила карабин под стенку шалаша, сняла с себя пояс, на котором висели наган, шашка и кинжал, легла на охапку сена и сразу уснула...

Проснулась она, когда в занавешенную брезентом дверь шалаша пробился первый луч, толкнула Матяша:

— Эй, ты! Как тебя?

Матяш поглядел на нее через плечо.

— Ну, Андрей, — отозвался он. — Забыла, что ли?

— Да черт те знает, — почесываясь, сказала Антонина. — Из кубышки выпало

— Чего тебе? — спросил Матяш.

Антонина зевнула:

— А ты знаешь, где твоя эта... зазноба?

— Какая?

— Да Авка.

— Знаю... В отряде она.

— Эге-ге! Поминай как звали. Вампиры в пещере ее засели. Насмерть.

У Матяша зануло сердце.

— Зачем же она туда пошла? — спросил он.

— Бог ее знает, — вздохнула Антонина. — Говорят, заболела малярией и зашла, чтобы перележать. Ну, на нее и напали кровососы.

— Глупая, — промолвил Матяш.

Казачки просыпались, выходили из шалаша. В котловинах и на склонах гор еще лежал густой туман. В тесном угрюмом ущелье шумел неугомонный Уруп. Казачки напоили лошадей, собрали на бурках завтрак.

— Что же за люди были в отряде Белова? — поинтересовался Матяш.

— Подъесаул Минаков... Еще два казачьих офицера, а остальные рядовые, — ответила Антонина.

— Не обижали они тебя?

Антонина промолчала. Ее красивое, опаленное горным солнцем и ветрами лицо с темно-серыми глазами под черными дугами бровей показалось Матяшу нерусским.

«Уж не жидовка ли она? — подумал он, невольно любясь ее красотой. — Хороша, чертовка! А постареет, глаза, как у рака, на лоб полезут».

Казачки поглядывали на Антонину с любопытством и некоторой подозрительностью.

— Ты из какой станицы? — обратился к ней казак, сидевший рядом.

Антонина покосилась на него, ответила:

— Из Кардоника... Батько мой — ветеринарный фельдшер.

— Казак?

— Нет.

— А кто же?

— А черт те знает! — дернула плечом Антонина. — Говорят, дед мой из польских евреев. У нас в Кардонике таких, как мой батько, много. Некоторые переменяли фамилии...

— Чув я, шо в Баталпашинском отделе полно евре-

ев,— заметил угрюмый казак.— И видкиля их только на-несло туда.

Матяш задержал взгляд на Антонине, подумал: «Каким же образом ты влезла Хвостикову в душу? Он же ненавидел вас, иудеев. Видать, сумела».

После завтрака отряд двинулся дальше, ведя лошадей в поводу. Пробираясь по балке Черемухе, казаки увидели во второй очхозде стадо коров и баранов.

— Чей же это скот? — озадаченно промолвила Антонина — Что-то не видно людей.

— А может быть, здесь красные? — сказал Матяш.

Из ельника вышли два человека в бурках. Матяш навел на них бинокль, но не смог рассмотреть лиц.

— Надо разведать,— предложила Антонина.— Я схожу туда.

— А ежели красные? — предостерегающе заметил Матяш.

— Ну что ж,— улынулась Антонина.— Сбрешу что-нибудь.

— Пусть сходит,— буркнул угрюмый бородач — С девки какой спрос. Может, и не тронут ее.

Тем временем те двое, что появились из ельника, обошли стадо, постлали бурки и начали совершать намаз.

— Молятся, значит, не красные,— определил Матяш и слегка толкнул Антонину в плечо.— Ладно, иди, а мы тут тебя подождем.

Антонина вскинула карабин за плечо, быстро зашагала вниз по течению ручья. Пробираясь по густым зарослям папоротника, она приблизилась к молившимся. Те увидели ее, схватились за винтовки, и только теперь она узнала Баксанука и Дауда.

— Эй, вы! — закричала Антонина.— Не признали, что ли?

Баксанук опустил карабин и бросился ей навстречу

— Ай, машала! — громко захохотал он, и его хохот, подхваченный эхом, прокатился по горам.

— А я не одна,— объявила Антонина и кивнула через плечо.— Там, за горой, Матяш со своими хлопцами! — Она сложила ладони рупором, крикнула: — Андрей, сюда! Это наши!

— А у нас полковник Белов с отрядом,— сообщил ей Дауд.

— И Минаков здесь,— поспешно добавил Баксанук.

Из-за горы выехал конный отряд. Матяш на ходу соскочил с коня, бросился к братьям Крым-Шамхаловым, обнял одного, потом другого.

— Твоя немножко худой стал,— заметил Дауд и, приложив два кулака к щекам, оскалил в улыбке белые зубы: — Скула — во!

Отряд спешился, и казаки, ведя лошадей в поводах, двинулись за Крым-Шамхаловыми по крутой тропинке в лес.

На высоком берегу ручья, под облыселою горой, стояли шалаши. Здесь обосновалась банда полковника Крым-Шамхалова.

Вокруг громоздились дикие скалы, поросшие лесом. Антонина обвела их очарованным взглядом, спросила:

— А где Исмаил?

— Ана¹ увез в Петроград,— ответил Дауд.

— А разве ваша мать не в Турции? — удивилась Антонина.

Дауд отрицательно помотал головой.

— В Турции она чужой, а в России — свой.

Подошел Белов. Увидев Антонину, воскликнул:

— Вот это здорово! Лесовичка явилась. А мы уже по тебе поминки справили!

— Да вы рады стараться,— упрекнула его Антонина.— Бросили одну в горах, как собаку. Рыцари, нечего сказать!

XVIII

На следующий день отряд Белова, оставив бивак Крым-Шамхалова, двинулся на север. Антонина, похожая на юного джигита, ехала на белой лошади впереди. За нею рысили Белов и Минаков.

Подъезжая к Преградной, они увидели десятка три всадников, спускавшихся по склону горы в ущелье. Белов посмотрел в бинокль.

— Это отряд подьесаула Козлова,— сказал он.— Надо его подождать.

Вскоре к ним подъехал Козлов.

— Куда путь держите, господин полковник? — спросил он Белова.

¹ Ана — мать

Тот указал плетью в сторону станицы

— А вот в Преградную думаю заглянуть.. насчет харчишек...

— Кстати, мне надо с вами, Гурий Вадимович, кое о чем потолковать,— проговорил Козлов.

Они свернули с дороги, спешили и, усевшись на поросший мхом валун, долго о чем-то совещались. Наконец Белов подозвал Антонину, сказал:

— Вот что, Лесовичка. Тебе срочно надо ехать в Баталпашинск к Лидии Барейше: будешь работать с ней в подполье. Как ты на это смотришь?

— Я на все согласна, господин полковник! — не задумываясь, ответила Антонина.

— И постарайся побывать в отряде полковника Окоорокова,— добавил Козлов.— Скажи ему, что нам нужно с ним встретиться у Волошко, на Куве.

— А лучше всего — в Измайловской пещере,— уточнил Белов.

Вскоре отряды двинулись дальше

После трехдневного пути Антонина подошла наконец к Баталпашинской. В лучах заходящего солнца станица, казалось, пылала в огне, сияла золотом. Под ее каменными стенами бушевала Кубань

Антонина остановилась у реки, издали вглядывалась в безлюдные, молчаливые улицы. Откуда-то доносился голос муэдзина, заунывно призывавший мусульман на молитву: «Аа-ла-а-ак-бар! Аа-ла-а-ак-бар!..» Этот голос удручающе действовал на Антонину, и она подумала с досадой: «Черт! Чтоб тебе пусто было. Точно не к добру орет»

Дотемна просидела она на лужайке под горой, затем вошла в станицу, покружила по пустым кривым улицам, переулкам и наконец добралась до небольшого домика, укрывшегося под широкой шапкой платана на самом берегу реки. Вокруг цвели фруктовые деревья, пропитывая пьянящим ароматом вечерний горный воздух

Антонина припала ухом к закрытой калитке. Во дворе хрипло залаяла цепная собака. К забору подошла хозяйка, спросила тихо:

Вам кого?

Лидию Барейшу! отозвалась Антонина

Калитка открылась.

— Проходите!

В небольшой комнатухе женщина зажгла лампу и повернулась к госте:

— Я — Барейша.

— А я из отряда полковника Белова,— сообщила Антонина.— К вам меня прислал ваш отец.

— Отец? — насторожилась Барейша.— У меня нет отца.

Антонина устало улыбнулась.

— Хорошо, тогда будем разговор вести по-другому.— Она достала из кармана пальто зеркальце,дохнула на него, потерла рукавом и, взглянув на себя, произнесла пароль: — Ой, какая я стала!

На смугловатом лице Барейши расплылась улыбка

— Теперь все ясно. Раздевайтесь, будем ужинать

* * *

В район Измайловской пещеры, окруженной лабиринтом величественных гор и ущелий, со всех сторон стекались главари действовавших в горах банд.

Полковник Белов сидел в тени гигантской ели, курил папиросу за папиросой. Его исхудалое, небритое лицо было мрачным. Здесь же, в кругу офицеров, стояли Козлов и Волошко. Минаков и Матяш прохаживались в сторонке, о чем-то спорили между собой.

В ущелье показался небольшой отряд.

— Это полковник Огороков,— сказал Минаков — Фамилия у него соответствующая.

— Пожалуй! — согласился с ним Матяш.

Явился Огороков — тучный казачина лет пятидесяти, поднялся наверх, отдав честь, пробасил:

— Ну что, господа, уже все в сборе?

— Полковника Крым-Шамхалова еще нет,— ответил Белов.

Козлов покосился на хмурое небо.

— Как бы дождь не брызнул. Прошу в мои хоромы. Там тепло и сухо.

— Сухо по самое ухо,— насмешливо бросил Минаков.— Кругом лужи, с потолков каплет за ворот.

Козлов смахнул со щеки дождевую каплю, швырнул окурок через плечо и, пригладив вислые усы, вошел в пещеру. За ним цепочкой последовали гости. С каменных сводов и стен свисали черно-бурые сосульки ста-

лактитов. По мере углубления пещера становилась все мрачнее. Повсюду видна была тысячелетняя работа подземных вод, образовавших в толще известняка и гипса черные пустоты. На стенах тускло светились фонари. Их огоньки трепетали на сырых сквозняках. Где-то в глубине пещеры гулко отзывались шаги и голоса людей.

Вскоре все вошли в просторный грот. Стены его были увешаны богатыми коврами, на полу лежали олени, медвежьи и барсовы шкуры. Под потолком горела керосиновая лампа-молния.

В грот вбежал Илларион, громко закричал:

— Уже приехали!

Вошел Крым-Шамхалов в сопровождении князя Дудова. Все поспешно встали, отдали им честь. Крым-Шамхалов сказал:

— Господа. Со мной прибыл отец Александр — священник Пенязь-Забелин, представитель нового кубанского владыки Евсевия. Прошу любить и жаловать!

Александр показался из-за его спины с гордо вскинутой головой, но тут же, наступив на подол фиолетовой рясы, споткнулся, взмахнул костлявыми руками. Его вовремя поддержали Баксанук и Дауд. Забелин неловко улыбнулся, окинул рыбьими глазами грот и нараспев протянул:

— Привет вам, господа!

Матяш глянул на него исподлобья, подумал: «Не поп, а какой-то вышкварок».

Козлов смерил попа глазами, воскликнул:

— Кстати, очень кстати прибыли вы, ваше преподобие!

Забелин перекрестился, пробасил:

— Благослови, душе моя, господи!

— Садитесь, милости просим, — любезно пригласил его Козлов.

Александр занял место в углу, под иконой божьей матери. Уселись и все остальные. Козлов остановился у столика, сказал:

— Что ж, господа офицеры, по-моему, все в сборе. Разрешите мне открыть это столь долгожданное совещание. Здесь присутствуют все командиры партизанских отрядов, действующих в горах. Первое слово предоставляется уполномоченному Константинопольского центра действия князю Крым-Шамхалову!

Крым-Шамхалов не спеша подошел к столику. Гладко выбритое лицо его чуть побледнело, у глаз и уголков сжатых губ собрались морщинки.

— Я должен обрадовать вас, господа офицеры,— начал он негромко, но внушительно.— В настоящее время в Турции, главным образом на даче «Мандре» генерала Улагая, готовятся крупные экспедиционные силы, которые в скором времени должны высадиться на Кубани и поднять в области восстание против Советской власти. Я прибыл сюда с небольшой группой офицеров. Но мы в первые дни своей высадки потерпели неудачу. Некоторые офицеры из нашей группы вынуждены были возвратиться в Константинополь. Мне же, к счастью, удалось уйти от преследования.

— Кто из вашей группы попал к красным? — не поднимаясь, спросил Минаков.

— Подъесаул Кубрак,— ответил Крым-Шамхалов и после небольшой паузы продолжал: — Я должен заверить вас, господа офицеры, что дела наши за границей, главным образом в Турции, в самом Константинополе, принимают, я бы сказал, серьезный характер, и мы можем надеяться, что сравнительно в недалеком будущем на Кубани снова начнутся более грандиозные боевые действия, чем были в августе прошлого года. Сейчас на «Мандре» действует белогвардейско-политическая школа. Читают в ней лекции генерал-майор Думский и ряд других крупных военных специалистов.— Он подробно говорил о подготовке нового десанта на Кубань и в заключение сказал: — Успех операции, задуманной в Константинополе, во многом зависит от нас. Нам нужно подготовить почву для высадки этого, я еще раз подчеркиваю, грандиозного десанта. Заверяю вас — ждать осталось недолго...

Статная, легкая фигура его двинулась от стола. Слегка поправив черную черкеску под кавказским поясом, он занял свой стул, положил ногу за ногу. Подъесаул Козлов снова обратился к собравшимся:

— Кто будет говорить, господа офицеры?

Все молчали.

В грот неожиданно вошел полковник Жуков. Офицеры удивленно уставились на него.

— Откуда?

— Каким образом?

Жуков вскинул руку к кубанке:

- Здравия желаю, господа офицеры!

— Здравствуйте, господин полковник! — дружно прозвучало в ответ

Жуков взглянул на Крым-Шамхалова.

— Я был у вас на биваке. Гам мне сообщили о со-
вещании. И вот — я здесь.

— Да вы садитесь! — радушно пригласил его Коз-
лов.

Шум постепенно улегся.

— Прошу, господа, высказываться, — вновь обратил-
ся Козлов к офицерам.

— Давайте выслушаем заодно и отца Александра,
— предложил полковник Белов.

Козлов предоставил слово попу. Александр подхва-
тился, осенил себя крестом, прошептал:

— Спаси, господи, люди твоя! — Затем, помедлив
немного, продолжил: — Я призываю вас, возлюбленные
чада, к терпению, ибо поспешность может привести нас
к пагубным последствиям. Вся святая Русь поднимает-
ся ныне против антихриста. Святейший синод во главе
с патриархом всея Руси сплачивает неисчислимые си-
лы верующих, дабы вернуть на престол императора,
вседержателя земли русской. Сейчас патриарха Тихона
поддерживают многие западно-европейские государства.
И в первую очередь такие могучие державы, как Англия
и Франция. Наш новый епископ, владыка Евсевий, дер-
жит теснейшую связь с патриархом и не бездействует в
нашей области. Сейчас все монастыри и церкви Кубани
ведут активную подготовку к восстанию населения. Среди
верующих мы уже распространили два воззвания:
одно написано нашим штабом, а второе, именуемое
«Предупреждение к чадам православной веры», мы по-
лучили из Москвы, от самого патриарха. Таким обра-
зом, мы стоим на пороге великих событий, и наше тер-
пение увенчается успешным крестовым походом. —
Александр повернулся к иконе, осенил себя размаши-
стым крестом и сказал в заключение: — Да поможет
нам бог! Аминь!

Слово взял полковник Жуков

— Да, поднимается вся святая Русь! — сказал он
напыщенно. — На Кубани рождаются новые партизан-
ские отряды. Разрешите мне передать вам боевой при-
вет от хорунжего Рябоконя, действующего в Приазов-
ских плавнях

Все дружно захлопали в ладоши. Жуков привычно передернул губами и, когда восстановилась тишина, продолжал:

— Итак, наши партизанские отряды в Кубано-Черноморской области набираются силы и все смелее действуют против оперативных групп ЧК и даже частей Красной Армии, совершают налеты на советские учреждения. С каждым днем накапливается наш опыт борьбы, и мы не сложим оружия до тех пор, пока не освободим от большевизма нашу родную Кубань, а затем и всю матушку-Россию!

По гроту снова прокатились аплодисменты. Жуков достал из кармана галифе носовой платок, вытер испарину на лбу.

— Так вот... — повысил он голос. — В преддверии грядущего всенародного восстания мы должны развернуть активную агитацию среди казачьего и городского населения. Сейчас, как вы все знаете, Советская власть заменила разверстку натуральным налогом, разрешила свободную местную торговлю. Это обстоятельство, конечно, сыграет для нас отрицательную роль: многие казаки и крестьяне уже будут менее охотно идти к нам в отряд. Однако зажиточная часть населения в момент всеобщего восстания, бесспорно, будет с нами...

Матяш поднял руку:

— У меня вопрос к полковнику Жукову.

— Прощу! — сказал Козлов.

— Сколько бойцов насчитывается у хорунжего Рябокonia?

— До двухсот человек! — ответил Жуков.

«Жидковато!» — подумал Матяш.

ХІХ

Рябокonia лежал на топчане в своем курене. Жена возилась у затопленной печки, в люльке спал ребенок.

Вошел Дудник, подал конверт:

— Тебе письмо, Василий Федорович.

Рябокonia встал, распечатал конверт и прочел:

Хорунжему Рябокoniaю.

Глубокоуважаемый Василий Федорович!

Будучи еще за границей, я слышал о Ваших боевых заслугах. Став на русскую землю, я еще больше узнал о Вас, о Ваших неосце-

нимых боевых подвигов. Когда я находился в тюрьмах Новороссийска и Краснодара, то большевики сами говорили мне о Вас. Забрав у моего отца и у меня все имущество, они начали предлагать мне заняться вылавливанием бело-зеленых. На предательскую роль Иуды я согласился, дабы дать возможность себе вырваться из цепких рук своих врагов. Под маркой советского работника мне удалось уйти в объятия камышей и лиманов Таманского отдела. Морозы, снег, дождь, а мне приходилось быть под открытым небом. Мало кто из казаков давал мне приют. Большинство из них пошло за красными. Срам, позор казачеству! Оно забыло заветы своих отцов и дедов. Я убедился, что былая твердыня и гордость Русской императорской армии — казачество под влиянием большевистских лозунгов окончательно разложилось и утратило свое первобытное значение.

Василий Федорович, быть может, Вы подумаете, что уже потеряны все надежды на светлое будущее. Нет, скажу я Вам откровенно. Вся надежда у нас на тех казаков, которые сейчас находятся за границей, да и здесь еще есть, хотя и мало. Надо терпеливо ждать десанта. Я заверяю Вас, что самое большое как через два-три месяца на Кубани высадятся экспедиционные силы под командованием генерала Улагая.

У меня всего 15 человек. Имеем лошадей, седла, но недостаточно вооружены. В нескольких боях я израсходовал почти все патроны и потерял двух самых верных боевых казаков. Не имея достаточно вооружения и принимая во внимание то, что еще преждевременно производить какие-либо крупные операции и выступления, в силу чего могло бы полатиться своей жизнью мирное, нереволюционное казачество, я решил отойти на исходное положение и только лишь защищаться и сохранить себя и других для будущей борьбы, когда настанет момент. Лично я советовал бы и Вам не подымать преждевременно казачество, которое легко может и продать Вас, не имея поддержки извне. Вам необходимо только защищаться и сохранить себя и верных казаков для будущей недалекой работы.

Вы не должны увеличивать отряд, в противном случае большевики могут наводнить воинскими частями ту местность, где Вы оперируете. А если нас будет мало, то они не пошлют против нас воинских частей, а будут посылать милицию и комсомолов, с которыми мы легко справимся. Пока мы не должны наступать и развивать свою операцию, дабы не понести разгрома. К тому элементу, кто будет гоняться за нашей жизнью и вообще выдавать нас, нужно применять самые суровые меры, включительно до расстрелов и поджогов имущества. Последний способ я считаю самым радикальным. А главное — не нужно верить всяким проходимцам, присылаемым большевиками против нас, ибо это может погубить нас. Не нужно никого принимать...

Желаю от души Вам успеха. Уже недалек тот час, когда мы свободно вздохнем и стряхнем с себя ненавистную нам Советскую власть и все большевистские порядки!

Пишите мне через Т. П. Пока, будьте здоровы, готов всегда к услугам.

23 июня 1921 года.

Подъесаул **Кубрак**.

Рука Рябоконея с письмом тяжелым грузом упала на колени. Сомнения и недоверие разъедали его.

— Значит, этот Кубрак был в плену у большевиков? — промолвил он задумчиво и, взглянув на Дудника, спросил: — А ты как думаешь, Пантелей? Можно верить ему?

Дудник пожал плечами.

— Кто его знает, Василий Федорович.

— Да... — промычал Рябоконь.

Широко распахнулась дверь, и вместе с Жуковым в курень вошли подъесаул Олинпеев и Загуби-Батько.

— О, Диомид Илларионович! — обрадовался Рябоконь. — Где это ты пропадал столько времени?

Жуков скупо улыбнулся и, пожимая ему руку, сказал:

— Кубань большая, Василий Федорович. Сразу не расскажешь, где был. — Он поклонился Надежде, приветливо кивнул Дуднику и, присев рядом с Загуби-Батько и Олинпеевым, добавил: — Шупал по всей области казаков, чем они дышат.

— Ну и как? — настороженно спросил Рябоконь.

Жуков развел руками:

— Многие говорят: «Мы уже не те, что прежде». Но и наши люди еще не перевелись. Вот высадится Улагай с десантом на Кубани, тогда казаки валом к нам пойдут.

— Кстати, я сейчас получил письмо от подъесаула Кубрака, — сообщил Рябоконь. — Желаете послушать?

Давайте выйдем во двор, — предложил Жуков. — А то у вас тут душно.

— А там комары, — заметила Надежда.

Ничего, — сказал Жуков. — Попы поют над мертвыми, комары — над живыми.

У стены зеленых камышей задымилось курево. Все уселись вокруг него на болотной траве, и Рябоконь зачитал письмо Кубрака. Жуков выслушал его, сказал:

— В отряде Козлова говорили мне о подъесауле. Полковник Крым-Шамхалов о нем отзывался положительно. Но раз он побывал у большевиков, то его надо остерегаться.

— Совершенно верно, господин полковник! подтвердил Олинпеев. — К большому сожалению, в среде нашего офицерства есть предатели, люди с подлой душой.

Жуков подробно рассказал о своей поездке по Кубани, о совещании главарей партизанских отрядов, о под-

готовке к всеобщему восстанию в области, потом понн тересовался, как идут дела здесь, в плавнях

Рябокось невесело усмехнулся:

— Дела у нас разбойные... Убиваем, палим, грабим. Вот вчера на Протоке захватили моторный баркас, а в нем — пятьдесят два пуда паюсной икры, две тысячи пятьсот пудов красной рыбы. Икру и сто пудов рыбы с собой захватили, а остальное испортили, лодку сожгли. Словом, нападаю на всех, кто не со мной.

Жуков недовольно спросил:

— Не понимаю, Василий Федорович, с какой целью ты все это делаешь?

— А что тут понимать! — раздраженно бросил Рябокось. — Пусть люди видят, что большевики бессильны против меня. Я убиваю, а они ничего не могут сделать со мной. Так я нагоню страх на всех и заставлю поддерживать меня!

Это заявление озадачило Жукова.

— Видишь ли, — сказал он, помедлив. — С одной стороны, оно, конечно, есть смысл, но с другой... убивать не причастных к Советской власти — значит восстанавливать народ против себя.

Рябокось махнул рукой:

— Чепуха! Убивал — и буду убивать!

— Нет, Василий Федорович, ты не прав, — возразил Олинпсеев. — Вчера наши партизаны чуть не взбунтовались из-за этого. С трудом удалось их утихомирить.

— Вот что, Тит Ефимович. — Рябокось перевел взгляд на Загуби-Батько. — Дай команду всем партизанам, чтобы четвертого сентября собрались в лесу, вблизи Горького лимана. Поговорить с ними надо.

Слушаюсь, господин хорунжий!

XX

Прошло несколько дней после бурного совещания, на котором Рябокось вышел победителем. По его настоянию в ночь под 12 сентября банда произвела налет на Новониколаевскую. Захватив в магазине 24 тысячи аршин мануфактуры, спички, табак, керосин и другие товары, она скрылась в плавнях.

Под Гривенской стояло ясное, солнечное утро. Оно было особенно радостным для станичного врача Злоби

на: минувшей ночью жена родила первенца — сынишку Толю. Сегодня Злобин решил торжественно отметить это событие и уже с рассвета занялся хозяйственными делами. В восьмом часу утра к его двору подъехала линейка, на которой сидел секретарь Гривенской комячейки Ермаков и агент ВЧК Селнашвили. Надо было оказать срочную врачебную помощь тяжелораненым в Новоиколаевской после налета рябоконевцев.

Злобин быстро собрал чемоданчик с медицинскими инструментами и медикаментами, наскоро простился с женой и отправился в путь.

Линейку сопровождали две подводы с вооруженными чоновцами.

До Новоиколаевской оставалось не больше трех верст. А вот и мостик через ерик. Едва лошади коснулись его передними ногами, как из-под моста выскочили вооруженные бандиты, открыли стрельбу из винтовок. Злобин соскочил с линейки и, споткнувшись, распластался на мосту. В нескольких шагах от себя он увидел горбоносого бандита, который целился в него.

«Смерть! — промелькнуло в сознании врача. — А как же Толя?» И он закричал:

— Не стреляйте, я доктор, не убегу!

То ли этот предсмертный крик, то ли что-то другое остановило бандита: Злобин остался жив.

Пролежав ничком некоторое время, он услышал окрик:

— Спускайся в овраг!

Установив личность Злобина, бандиты забрали у него документы, деньги, а также чемодан с медицинскими инструментами, медикаментами и перевязочным материалом.

На мосту появился мужчина в черкеске серого сукна, при шашке, кинжале, с биноклем на груди.

— На которой из подвод пулемет? — спросил он.

— Пулемета нет, — ответили ему.

Злобин тихонько спросил у одного из бандитов:

— Кто это?

— Батько наш, Рябоконь, — пояснил тот.

Рябоконь подозвал к себе врача, обматерил его за службу «краснюкам», затем приказал опознать убитых.

Ермаков лежал с простреленной навывлет грудью: пуля попала в сердце. У чоновца Толстикова был раздроблен череп.

Следуя за Рябоконом, Злобин называл убитых.
— А Жебрака, случаем, среди них нет? — неожиданно спросил Рябокоть.

— Его не было с нами, — ответил Злобин.

— А где он сейчас? Его же видели у вас в станице.

— Был, но куда-то выехал.

Дудник и Озерский сняли с убитых одежду.

Под диктовку Рябокотья Злобину пришлось написать угрожающее «послание» станичному Совету. Руки у него дрожали как в лихорадке, и он с большим трудом, кое-как нацарапал бандитский ультиматум.

— А теперь слушай! — сказал ему Рябокоть. — Передай мою записку властям. И больше не попадайся мне на глаза. В другой раз шкуру спущу.

Злобин, не оглядываясь, зашагал в Новониколаевскую.

В тот же день Селиашвили послал уполномоченному ВЧК по Славотделу рапорт:

Ст. Новониколаевская, 12 сентября 1921 г., 14 часов.

Сегодня в 9 часов мною были получены сведения, что в ночь с 11 на 12 сентября банда Рябокотья численностью до 15 человек, вооруженных 3-линейными винтовками, сделала налет на ст. Новониколаевскую. Завязав бой с местной охраной, она убила красноармейца Боровика Кондрата и тяжело ранила двух часовых (красноармейца Шербину Ивана и Казимилова Якова) и, забрав две винтовки, скрылась из станицы.

Получив означенные сведения, я взял с собой 10 человек чоновцев ст. Гривенской, врача 24-го участка тов. Злобина и вместе с Ермаковым и Толстиковым поехал в Новониколаевскую.

Не доезжая трех верст до станицы, мы вдруг увидели, что из-под моста выскочила банда Рябокотья и открыла по нас огонь. Здесь же были убиты Ермаков и Толстиков. Врача Злобина банда взяла в плен. Будучи уверен, что сзади едет Саенко с чоновцами, я завязал перестрелку с Рябоконом, не замечая того, что Саенко, сидя на задней подводе, повернул лошадей по направлению к Гривенской, бежал в панике.

Рябокоть пытался получить сведения от доктора Злобина о Жебраке, справлялся, в каком положении арестованные. Впоследствии написал записку, что будет мстить за взятых заложников, и отпустил Злобина.

Сейчас из Новониколаевской поехали в Джерелиевскую за ЧОНОм, и если таковой прибудет, то я с ним направлюсь в Лебеди.

Во время налета на Новониколаевскую Рябоконом был разгромлен комсомольский клуб.

П. П. Уполномоченный ВЧК *Селиашвили*.

В Славянскую срочно прибыл Жебрак. Председатель исполкома Касимов вручил ему рапорт Селиашвили

Ознакомившись с рапортом, Жебрак помрачнел, медленно опустился на просиженный до дыр кожаный диван, нервно прикусил губы.

— Ясно,— наконец проговорил он.— Это уже вызов

— Доколе будет продолжаться этот разбой?! — сказал Касимов.— Я уже вызвал сюда Черноуса с чоновским отрядом. Жду его с минуты на минуту.

Жебрак посмотрел ему в глаза:

— Прошу вас, Севастьян Иосифович, немедленно созвать заседание исполкома. Там и решим, что делать.

Почти всю ночь шло заседание исполкома, а утром по Славянской было расклеено следующее обязательное постановление:

15 сентября 1921 г. № 21 ст. Славянская.

Проводившиеся в настоящее время операции по ликвидации банд, оперирующих в районе лиманов 3-го рыбоучастка, могут вызвать ряд недоразумений между действующими в районе боевыми отрядами и находящимися там частными гражданами.

Во избежание этого президиум Славотисполкома постановляет:

§ 1 Воспретить с 18 сентября с. г. производство рыбной ловли и вообще нахождение по каким бы то ни было надобностям в районе лиманов: Кушеватога, Великого, Плавоватога, Круглого (он же Черкесский), Бабино-Великого, Бабино-Малого, Курчеватога, Гниленького, Малого Черного, Большого Черного, Орлиного и Чебурголь.

§ 2. Лица, которые после издания настоящего постановления будут обнаружены в районе лиманов, перечисленных в 1-м параграфе настоящего обязательного постановления, будут привлекаться к уголовной ответственности, как пособники бандитов, по статье 76 Уголовного кодекса РСФСР.

Примечание. Пособничество бандитам и укрывательство банд и отдельных их участников, а равно сокрытие следов преступления, карается высшей мерой наказания и конфискацией всего имущества с допущением понижения наказания до лишения свободы на срок не ниже двух лет со строгой изоляцией и конфискацией имущества.

§ 3. Местным волисполкомам и управлениям волмилиции самым широким образом распубликовать обязательное постановление среди населения путем расклейки и объявления на общих и поквартальных собраниях, разъяснив значение принимаемой меры, и строго установить наблюдение за выполнением постановления.

П. П. Предславотисполкома *Касимов*.
Уполномоченный КЧОО ВЧК с/о *Жебрак*,
секретарь *Кристин*.

* * *

После заседания исполкома, как только постановление было отпечатано на машинке, Аншамаха, запасшись одним экземпляром, распрощался с Черноусом. Поправив войлочную шляпу, он сбежал по ступенькам во двор, где его ждали чоновцы, подал команду:

— По коням, хлопцы!

Бойцы сели на лошадей. Аншамаха легко взлетел на коня и первым выскочил на улицу.

Оставив позади около семидесяти верст, отряд в десятом часу утра миновал Зарубовку и выехал на дорогу, выющуюся узкой лентой вдоль густых плавневых камышей. Вскоре показалась и Волошковка на берегу Кирпильского лимана. Внезапно из нее выскочила банда человек в пятьдесят и, обнажив шашки, пустилась наперерез чоновцам. Аншамаха, увидев численное превосходство противника, приказал чоновцам укрыться на кошу в пустой хате, расположенной вблизи дороги. Бойцы вскочили в халупу и открыли огонь по банде, которая уже залегла в канаве на меже коша и начала обстреливать хату из винтовок и ручного пулемета. Турлучные стены плохо защищали чоновцев, среди которых быстро росло число убитых и раненых. Свинцовым градом они были оттеснены к двери в конюшню, и в это время один из бандитов подполз к хате, поджег соломенную крышу. Заполыхало пламя. Чоновцы начали выскакивать из хаты, сдаваться. Бандиты уже не стреляли и подошли к посадке, где стояли чоновские лошади.

Когда последний чоновец покинул горящую хату и среди пленных не оказалось Аншамахи, Корней Маслов, главарь банды, спросил насмешливо:

— А почему же Терентий Артемович не выходит?

— Он не хочет сдаваться,— ответил один из чоновцев.

— Ну, хай жарится! — махнул рукой Маслов.

Потолок и стены рухнули, пламя постепенно угасло. Усевшись тут же, на камыше, бандиты разложили закуски, раскупорили фляжки с самогонном. Маслов налил самогону и пленным, поднял кружку:

— Ну, братцы, выпьем за упокой души Герентия Артемовича!

Да, отчаянный был человек,— заметил подхорунжий Озерский.— Пусть ему на том свете легонько икнется.

* * *

Чтобы отряды банды Рябокonia не получили сведений о движении оперативных групп ВЧК, Жебрак немедленно арестовал в Гривенской, Приморско-Ахтарской, Новониколаевской, Староджерелневской и на хуторе Лебеди всех взятых на учет пособников Рябокonia. После этого

оперативные группы приступили к облавам, организуя ночные засады на выходах из плавней. В первую же ночь одна из групп обстреляла двух бандитов, пытавшихся проникнуть в хутор Лебеди. Как выяснилось позже, один из них был сам Рябоконец. Во время перестрелки он получил легкое ранение в живот.

В ту же ночь первая опергруппа устроила засаду на Черном ерике, под Староджерелневской. В четыре часа утра чекисты обнаружили девять бандитов, пробиравшихся в станицу, и открыли по ним огонь. В перестрелке был убит фуражир банды Рябоконец — житель станицы Полтавской, захвачены три винтовки, один револьвер, одна бомба, две арбы и лошади.

* * *

Засады были устроены в плавнях и под Приморско-Ахтарской. Утром два чоновца доставили в Совет связанного Маслова. Увидев за столом председателя Аншамаха, бандит не поверил своим глазам, пробормотал ошалело:

— Ты, Терентий Артемович? Чи с того света явился?

— Садись, Корней Анисимович.— Аншамаха указал на стул.— А то ты, видать, это самое... дюже утомился с дороги.

Маслов опустил на стул и, все еще не веря своим глазам, спросил:

— Как же это ты не сгорел?

— А вот так,— отозвался Аншамаха.

— Ей-богу, чудо какое-то...— дернул плечом Маслов.

Аншамаха заглянул ему в глаза и с презрением бросил:

— Никаких чудес, Корней Анисимович! Аншамаха под пулями своих врагов не гибнет, в могиле оживает и вылезает из нее, как видишь, невредим, в море не тонет, в огне не горит...— Он отошел в угол кабинета и оттуда продолжал: — Ты видел, это самое... дыру в стене конюшни, что была пристроена к хате?

— Ну, бачил...

— А большую кучу перепрелого навоза около той дырки тоже видел?

— Бачил.

— А ты знаешь, что навоз горит плохо?

— Знаю...

— Ну, и я про то знаю, — сказал Аншамаха. — Вот я, это самое, зарылся в ту кучу и спасся от огня! Правда, душно вато только было и припекало мне подошвы, но я терпел.

— Значит, ты слышал, как мы тебя поминали?

— А как же! Все слышал!

Маслов опустил голову, проговорил подавленно:

— Недаром тебя двужилым называют.

XXI

Серое, неприветливое небо дышало холодом, солнце пряталось за тяжелыми низкими тучами, и по ночам оседали заморозки, лужи покрывались тонкой пленкой льда. С деревьев сыпались увядшие листья, устилали сады и леса пушистыми пестрыми коврами.

Рябокось вышел из куреня, покосился на хмурое небо, крикнул часовому:

— Дудника ко мне!

Когда тот явился, Рябокось сказал ему:

— Ты вот что... сообщи всем командирам, чтобы они послезавтра, 28 декабря, сосредоточили свои сотни у Сладкого гирла для налета на Ачуев.

Прошло два дня. Все четыре сотни собрались у Сладкого гирла, но напасть на Ачуевские рыбные промыслы не смогли: Рябокось получил от своих агентов сообщение, что промыслы сильно охраняются. В то же время из Гривенской пришло донесение о том, что туда прибыл из Краснодара пароход «Роза Люксембург», на который уже грузится продовольствие для Красной Армии.

* * *

Пароход «Роза Люксембург» стоял на Гривенской пристани, готовый к отплытию... Неожиданно из камышей выскочила банда и начала громить его.

Жебрак тотчас же связался со Славянской по телефону, попросил помощь и со своими незначительными силами вступил в бой с бандой.

Славянский чоновский батальон срочно выделил сотню коммунистов под командованием помвоенкома Высоцкого, который с двумя пулеметами немедленно направился в Гривенскую на пароходе «Кочегар»

Шел мелкий снег, морозило. На палубе бойцы выбивали частую дробь промерзлыми сапогами. Северный ветер рвал на них шинели, бил снегом в лицо, а через некоторое время стал доносить и далекие пулеметные, винтовочные выстрелы от разгоревшегося боя между Гривенским чоновским отрядом и бандой Рябокonia. «Кочегар» напрягал все свои силы, шел с удвоенной скоростью по течению реки. Выстрелы становились все слышнее...

Но вот они стихли... Наконец показалась и Гривенская. Кругом серо, пусто. Плотно прижавшись к берегу, сиротливо стоит «Роза Люксембург». Резкий гудок «Кочегара» поплыл над притихшей станицей.

На пристани появилось несколько человек из местной администрации. Потом прибыли и Жебрак с Селиашвили и тремя чекистами. «Кочегар» пришвартовался к «Розе Люксембург».

Жебрак крепко пожал руку Высоцкому.

— Спасибо, товарищ, что не задержались. Не успел Рябокonia развернуться, удрал.

— Надо срочно отправить груз в Славянскую, — сказал Селиашвили. — Чего доброго, банда может повторить налет.

— Теперь не рискнет, — ответил Высоцкий.

— От Рябокonia всего можно ожидать, — заметил Жебрак.

Через полчаса «Кочегар» взял на буксир «Розу Люксембург» и, шумно разбивая воды колесами, с потугой двинулся обратно вверх по реке.

Волнуется Протока, гнется сухой камыш под ударами пронизывающего ветра. В капитанской рубке Жебрак и Высоцкий. На капитанском мостике седоусый шкипер. Наблюдатели зорко всматриваются в камыши.

Приблизились к излучине. В глубине плавней появились какие-то черные точки. Шкипер вызвал Высоцкого, указал на эти подозрительные предметы.

— Что это, по-вашему?

— Может, скот?

— Ну какой же скот зимой.

— Что же тогда?

— Гряде Васильченко проходим, — пояснил шкипер. — Самое бандитское место. На всякий случай надо быть начеку.

Его опасения подтвердились. В морозном воздухе загрешили винтовочные выстрелы.

Высоцкий подал команду:

— В ружье!

Чоновцы быстро заняли места вдоль бортов парохода.

С кормы раз, другой прострочил пулемет.

— Полный вперед! — крикнул в машинное отделение шкипер.

«Кочегар» запыхтел еще натужнее, рванулся против бурного течения реки и вошел в самый узкий рукав Протоки.

Снова глухо захлопали выстрелы. Совсем близко на берегу замелькали бандиты в полушубках, папахах.

«Кочегар» продолжал набирать скорость и, рассекая ледяную изжелта-бурую воду, гнал по ней высокие волны.

— Стой! Стой! — несло с берега попеременно с бранью.

Вот до берега уже рукой подать.

— Огонь! — махнул рукой Высоцкий.

Воздух содрогнулся от дружного залпа. Гулко застучали пулеметы на носу и корме.

Бандиты метнулись в глубь камышей, бегло обстреливая пароход. Со звоном посыпались стекла рулевой рубки. Схватившись за грудь, упал штурвальный. Его место тотчас занял шкипер. Стрельба нарастала. У бортов падали раненные и убитые. Труба уже была изрешечена пулями. Морщась от боли, присел на корточки раненый Высоцкий. Командование отрядом принял на себя Жебрак.

«Кочегар» все дальше уходил от гиблого места, могуче врезался израненной грудью в мутные волны реки.

Постепенно пальба начала стихать

Впереди показалась Славянская.

* * *

Наступил 1922 год.

18 января красноармейские части под командованием Демуса атаковали штаб Рябокonia, расположенный между Сладким и Рясным лиманами. В коротком бою банда потеряла много убитых и раненных, бросила на биваке все награбленное, разбежалась по камышам.

Через два дня Демус увел свой отряд в Гривенскую, а Рябокonia, пользуясь этим случаем, приказал Загуби-Батько собрать всех бандитов, оставшихся в живых. На этот раз атаман недосчитался подьесаула Олнин-

пеева, подхорунжего Озерского и других близких своих одиномышленников. Боясь нового нападения, он перебазировал свой штаб в район Староджерелиевской, сосредоточил силы вблизи Бабиного лимана.

* * *

В первых числах марта Жебрак вызвал Лаврентия Левицкого из Краснодольской в Староджерелиевскую.

— Это же за какой надобностью вы поклнкали меня в эти края? — спросил Левицкий.

Жебрак обнял его за плечи.

— Помощь твоя нужна, Лаврентий Никифорович. Сам знаешь, старая гвардия никогда не подведет. Вот и решили мы назначить тебя заместителем председателя Староджерелиевского исполкома.

Левицкий недоуменно заморгал глазами, и на лбу его вздулись две синие жилы.

— Погодь, погодь, Николай Николаевич. Я что-то не докумекаю.

— Дело это временное, понимаешь? — сказал Жебрак. — Нужен нам опытный парламентар для переговоров с Рябоконею. Вот я и вспомнил о тебе.

Левицкий задумчиво поскреб подбородок.

— На переговоры... к Рябоконю? — И усмехнулся. — А ежели он мах — и душу из меня вон?

— Тут, разумеется, надо действовать очень осторожно, — сказал Жебрак. — Прежде всего тебе надо развернуть среди населения станицы и близлежащих хуторов агитацию о выходе банд из камышей, разъяснять политику Советской власти в отношении тех лиц, которые добровольно сдадутся нам. У тебя большой опыт на этот счет, умеешь ты поговорить с казаками.

Левицкий долго обдумывал предложение Жебрака.

— Значит, говоришь, на старую гвардию надежда? спросил он наконец с улыбкой и кивнул решительно: — Ну что ж, может быть, и получится. Давай попробуем!

— Давай, Лаврентий Никифорович!

Левицкий провел в станице и других населенных пунктах собрания, на которых выступил с заявлением, что он хлопочет перед Советской властью о помиловании тех лиц, кто откликнется на его призыв и уйдет из банды. Слух об этом быстро разлетелся по плавням, а вскоре

Левицкий получил письмо от бело-зеленых, желавших выйти из камышей. Они просили его прибыть к ним для переговоров, указав при этом место явки. Левицкий снял с письма две копии: одну выслал в Славянский исполком, а другую в Краснодарский Кубчеротдел ОГПУ¹, откуда получил отношение, подписанное Соловьевым, с указанием вести переговоры с бело-зелеными, изъявившими желание покаяться перед Советской властью, и гарантировать им полную свободу. Запасшись этим документом, Левицкий вместе с прибывшим председателем исполкома Староджерелиевской Скориком отправился на хутора реки Протоки и Чебурголь, провел там квартальные собрания.

В одной из бесед он выяснил, что гражданка Луценкова Марфа, та самая, что в дни улагаевского десанта на Кубани отняла кольца у Гусочки, хорошо знает местонахождение бело-зеленых. Левицкий познакомился с нею и уговорил повести его и Скорика в банду. Марфа согласилась, но ошибочно повела не к тем, с кем переписывался Левицкий, а совсем к другим.

Вышли они из хутора под вечер, углубились в камыши и лишь ночью оказались в тех местах, где хозяйничали бело-зеленые. На небольшом островке Марфа остановилась, сказала:

— Подождите здесь, пока я покличу вас.

Прошло минут пятнадцать, прежде чем издали послышался голос проводницы:

— Идите ко мне.

В густой темноте, хоть глаз выколи, Левицкий и Скорик двинулись наугад. Прошли около сотни шагов. И вдруг очутились лицом к лицу с бандитами. Щелкнули винтовочные затворы, кто-то грубо крикнул басом:

— Стой! Кто такие?

Левицкий, шагавший впереди, остановился на узкой тропке, подумал: «Черт его знает, как отвечать,— «свои»? Но какие же мы «свои»? И ответил:

— Парламентеры.

— Зачем пришли?

— Хотим с вами начать переговоры.

— Проходи один.

¹ ОГПУ — в 1922 г. по постановлению ЦИК была ликвидирована ВЧК и вместо нее создано Объединенное государственное политическое управление

Скорик прошептал со страхом:

— Иди ты, Лаврентий Никифорович.

Левицкий подошел к бандитам. Тьма, казалось, сгустилась еще сильнее.

— Руки вверх! — приказал бас.

Левицкий повиновался.

Последовала команда:

— Обыскать!

Левицкого стали всего ощупывать.

— Сколько вас? — пробасил бандит

— Двое, — ответил Левицкий.

— Проходи второй!

Скорика тоже обыскали.

— Ведите их! — распорядился бас.

Бандиты окружили Левицкого и Скорика, повели куда-то.

Черная стена камышей, тянувшаяся слева, оборвалась. Впереди проплыло несколько огоньков сигарок, и на фоне темного неба Левицкий разглядел контуры шалаша.

— Стой! Садись! — распорядился бас.

Скорик сел, а Левицкий лег на бок, вздохнул устало:

— Фу-у! Ну и долго вы с нами водились.

К нему подошел вожак в полушубке и папахе, грубо бросил:

— А какого черта сюда перся?

— Тут без черта обошлось, — спокойно ответил Левицкий. — Попросили бандиты — вот мы и пришли.

— Ну-ну, полегче, — угрожающе бросил вожак. — Мы не бандиты. Партизаны! И никто не звал вас сюда.

— Может, вы и не звали, а другие письмо прислали, — сказал Левицкий.

— Какое письмо?

— Насчет переговоров.

Левицкий почувствовал, как дрожит Скорик. Ему и самому было страшно, но, пользуясь наступившей паузой, он сказал неторопливо:

— Да, житуха у вас тут неважнецкая. Летом комаров и пиявок кормите, а зимой — голод и холод терпите. Волкам и то легче живется. Да... факт на лице!

— Что правда, то правда, — отозвался кто-то уныло.

— Ты опять, Мамыч, хнычешь? — обрушился вожак на недовольного мужчину в полушубке — В Староджере-лиевку, к бабе потянуло? Тут ты вольный казак, а там

тебя в дугу согнут большевики. Не верь этим брехням. Думаешь, они только вдвоем пришли? Будут нам зубы заговаривать, а тем временем обложат нас красные.

— Напрасно турбуетесь,— сказал Левицкий.— Вы ж нас в один момент сничтожите, если мы брешем. Нас двое.

— А ты храбрый,— повысил голос вожак.— Как твоя фамилия? Казак или городовик?

— Левицкий я,— ответил Лаврентий.— Казак станицы Краснодольской. Был там председателем станичного Совета, а теперь меня в Староджерелиевскую перебрали.

— А приятель твой кто?

Скорик начал сбивчиво рассказывать о себе. Голос у него звучал глухо, будто рот был забит ватой.

— Хватит! — оборвал его вожак и обернулся к Левицкому: — Говори ты, казаче. Так и быть, послушаем твои байки про амнистию.

Лаврентий начал было подробно излагать суть возвания Советской власти к бело-зеленым, но вожак не дал ему высказаться до конца.

— Вот что, парламентареры,— заявил он,— уходите отсюда подобру-поздорову. Никто из нас не пойдет с вами И больше не суйте носа сюда.

Уже светало, когда бандиты вывели Левицкого и Скорика к Смоленому ерику.

— Ну, катитесь! — крикнул им вслед казачина.

Пройдя с полверсты, Скорик облегченно вздохнул

— Аж не верится, что живы. Все ждал пулю в спину

— Бисова баба,— недовольно вспомнил Левицкий Марфу.— Завела не туда. Тике зря время загубили.

Он ошибался: время не было потеряно зря. Через три дня в Староджерелиевский исполком, к Левицкому, явились с повинной пять человек из банды.

— А кто же это говорил со мной так грубо в плавнях? — спросил у них Левицкий.

— Сам батько Рябокось,— ответили они.

В те же дни в Гривенскую явился и Загуби-Батько.

XXII

Рябокось вернулся в свой курень только под утро. всю ночь объезжал дозорные посты в плавнях. Не раздеваясь, он лег на топчан и сразу уснул. Разбудил его сы-

нишка, залезший ему на грудь. Надежда уже собрала на стол завтрак.

Рябокось повозился немного с сыном, затем вспомнил о газете, лежавшей в кармане. Эту газету передали ему разведчики, возвратясь ночью из Гривенской.

В глаза бросилась заметка под крупным заголовком: «Банд не будет». В ней говорилось:

На митинге ст. Георгиеафипской, где собралось 2000 человек, постановили:

Мы, трудящиеся казаки и крестьяне ст. Георгиеафипской, заслушав доклад о бело-зеленых бандах, решили все как один не скрывать бело-зеленых банд, а при первой же встрече с бандитами стереть их с лица земли, как врагов трудового народа. Все как один даем гражданское слово, что в нашей станице бело-зеленых не будет никогда, и мы будем спокойно трудиться и укреплять Советскую власть навсегда.

Да здравствует мирный труд!

Рябокось швырнул газету на пол, посадил сына себе на живот и, невесело улыбаясь, сказал:

— Ничего ты еще не понимаешь, хлопчик! Хорошо тебе! А батьке твоему туго приходится.

— Вставай, Вася, снестать будем! — позвала Надежда.

На биваке стояла тишина. В курень лишь изредка долетало карканье воронов и хмыканье лысух, плававших на плесах лиманов.

Внезапно дверь широко распахнулась, и в ней застрял Дудник, крикнул панически:

— Красные!

Рябокось вскочил с топчана, схватил карабин и бинокль, выбежал из куреня.

— Красные с двух сторон нас обходят! — доложил ему астраханец Садчиков.

— Пулеметы к бою! — скомандовал Рябокось.

Пулеметчики заняли огневые позиции, бандиты рассыпались по всему лагерю, залегли.

Демус со своим отрядом шел в наступление по Качацкьей гряде, а Черноус и Аншамаха вели чоновский батальон через Ачуевскую косу, по дороге вдоль берега Бойкова лимана.

Завязалась перестрелка, и красные с ходу пошли в атаку. То там, то здесь на гряде, занимаемой бандитами, разгорались рукопашные схватки. Забухали ручные гранаты. Бандиты не выдержали натиска, бросились в воду, начали отходить по камышам Рясного лимана.

Рябокоть вбежал в курень, крикнул жене:

— Надя, положи сыночка! Я прощусь с тобой.

Надежда, бледная, как вошенная бумага, осторожно опустила на топчан сына, обнялась с мужем. Он заглянул в ее глаза, наполненные отчаянием и ужасом, прижал к груди, крепко поцеловал в губы.

— Что теперь будет со мной? — простонала она.

— Я не отдам тебя красным, не отдам! — выкрикнул осипшим голосом Рябокоть и выстрелил из нагана ей в сердце.

Быстро подхватил жену на руки, поцеловал в стынувшие губы, щеки, лоб, бережно положил на топчан рядом с сыном. Спустя минуту он уже вместе с Дудником и Ковалевым брел по камышам.

Красные все ближе подходили к куреням, вокруг которых лежали убитые и раненые бандиты. Наконец рябоконеццы были смяты, и бой затих. Загуби-Батько (он пришел сюда с красными как проводник) вынес из куреня ребенка, доложил Демусу:

— Жена Рябокотня убита, а это — его сын...

Вскоре на бивак были согнаны пленные, среди которых оказался командир 4-й сотни Садчиков. Увидев Загуби-Батько около куреня с ребенком на руках, Садчиков злобно бросил:

— Что, Тит Ефимович, в няньки записался? Предал Василия Федоровича? Не зря у тебя и фамилия такая. Погоди, придут наши.

— Не гавкай! — огрызнулся Загуби-Батько.— Придут ваши, когда рак на горе свистнет.

XXIII

Аншамаха приехал в Краснодар во второй половине дня. Выйдя из вокзала, он направился к трамвайной остановке. Там толпилось много народу. Вокруг шли разговоры о бунте у Екатерининского собора. Аншамаха прислушивался к этим разговорам и никак не мог понять, кто кого бил утром у собора и за что... Вдруг кто-то взял его под руку. Он повернул голову, увидел рядом с собой Ропота.

— Логгин Прокофьевич? — Лицо Аншамахи расплылось в улыбке.— Значит, ты, это самое... уже поправился?

— Как видишь,— весело ответил Ропот.— Вот... Ну, а как твои дела? Все еще воюешь с бандами?

— Воюю помаленьку.

Мимо них прошел высокий худой человек в штатском. Ропот случайно встретился с ним взглядом и, чуть было не вскрикнув, судорожно сжал руку Аншамахи, указал на прохожего.

— Это тот монах, что казнил, рубил шашкой наших пленных и меня с ними на Мзымте, под старой липой, — шепнул Ропот. — Его надо немедля схватить!

Они начали следить за Лукой, который, видимо, почувяв недоброе, прибавил шаг. Аншамаха расстегнул кобуру, вынул наган. Лука рванулся через привокзальный сквер, сбил на пути нескольких прохожих. Аншамаха выстрелил вверх, вместе с Ропотом погнался за монахом. Милиционеры, пытаясь задержать бегущего, также открыли пальбу из револьверов в воздух. По скверу понеслось:

— Стой!

— Держите бандита!

Лука начал отстреливаться, нырнул в ближайший двор, взбежал по наружной лестнице на веранду второго этажа, хотел выбраться на крышу, но тут пуля обожгла ему ногу. Милиционеры настигли его, отняли оружие, потащили вниз...

На Гарбузовой Балке, в доме Комаровского, тишина. Чувствуя себя в безопасности, Жуков лежал на кровати в небольшой комнатухе и размышлял о своей бездомной, бродяжнической жизни... Во дворе всполошились собаки. Жуков вскочил с постели, посмотрел сквозь тюлевую занавеску в окно, увидел у дома вооруженных людей в форме войск ОГПУ. К ним подбежал Онуфрий, спросил:

— Кого вам?

Жебрак смерил его глазами.

— Где отец?

— Татки нема дома, — ответил Онуфрий. — Воны на рыбалке.

Весь двор Комаровского уже был оцеплен чекистами. Из сарая вышел сам хозяин с низкой вяленой тарани в руках, объявил угрюмо:

— Ну, я Комаровский. Шо надо?

— Жуков у вас скрывается? — спросил Жебрак.

— Жуков? — с притворным удивлением переспросил Комаровский. — Ниякого Жукова у меня нетути

— Не морочьте мне голову! — повысил голос Жебрак.

— Отето ж... — Комаровский развел длинными руками. — Правду кажю... У меня никого нетути.

Чекисты вошли в дом, начали обыск. В кухне они обнаружили ход на чердак. Один из бойцов взобрался по лестнице, приставленной к лазу, хотел поднять головой крышку, но она сверху была чем-то завалена, не поднималась. Боец напрягся, высунул голову из люка на чердак. В то же мгновение на чердаке раздалась короткая пулеметная очередь. Боец свалился с лестницы. К нему подбежали товарищи, хотели поднять, но он сам встал, проговорил:

— Стреляет, гад!

Жебрак резко обернулся к Комаровскому:

— Кто это у вас на чердаке с пулеметом?

— Отето ж... лихоманка его принесла...

— Поднимитесь к нему и скажите, чтобы он немедленно сдался, — приказал Жебрак.

— Я этого не могу сделать, — замылся Комаровский. — Ить он может и меня... Вы уж сами...

— Татко, давайте я, — вызвался Онуфрий.

Отец глянул на него подслеповатыми глазами, кряхтя, поднялся к люку, громко окликнул:

— Диомид Илларионович, слазь... Теперички все равно...

— Всегда так... — всхлипнул Онуфрий, вытирая кулаками слезы. — На шо вы его приветали? А теперь...

— Кто его приветал? — гаркнул отец. — Сам пришел!

Жуков не подавал голоса. Комаровский опять обратился к нему:

— Ослобоняй горище, Диомид Илларионович.

— Пять минут даем на раздумье! — крикнул Жебрак полковнику. — Затем начнем стрелять.

Жуков не отзывался.

Прошло пять минут.

— Время истекло! — объявил Жебрак. — Слышите, полковник? Слазьте!

Затрещал потолок, послышались шаги, в люке появилось лицо Жукова.

— Освободи лестницу, Зосима Варлаамович, — сказал он Комаровскому и спустился на землю.

Его обыскали. Чекисты сняли с чердака ручной пулемет и несколько дисков с патронами. Жебрак надел Жукову и Комаровскому наручники. Конвойные вывели их на улицу, усадили в закрытую грузовую машину и увезли.

* * *

По кубанским станицам катилась волна возмущения верующих против изъятия церковных ценностей. Подстрекаемые попами, верующие кое-где устраивали бунты, доходившие до вооруженных схваток. Вести об этом радовали Евсевия. Еще бы! Сам патриарх Тихон хвалебно отозвался о деятельности нового кубанского владыки. В своих мечтах Евсевий рисовал радужные планы всеобщего крестового похода против Советской власти, молился за его успех... Однажды за такой молитвой его и застал резкий дверной звонок.

«Кого это черт принес?» — подумал он и тут же спросил:

— Кто там?

— ОГПУ, откройте! — потребовали снаружи.

Дрожащими руками Евсевий открыл дверь, промолвил сдавленно:

— Прошу.

Соловьев с бойцами прошел в зал. Евсевий включил свет.

— Вы арестованы, одевайтесь, — объявил Соловьев.

XXIV

В конце февраля 1923 года темной ночью на побережье Черного моря, в районе Нового Афона, со шхуны высадилось десять белогвардейских офицеров, прибывших из Константинополя. Подполковники Кравченко и Назаренко направились в сторону Сухуми, а полковники Орлов, Ковалев, подполковники Козликин, Рядзинский, есаул Лаштбега, подхорунжие Семилетов, Малахутин и фельдшер Комов на третьи сутки утомительного пути перевалили через глубоко заснеженный Главный Кавказский хребет и в верховьях реки Большая Лаба повстречались с подъяесаулом Козловым, действовавшим тут с небольшой бандой. Один из белоказачков узнал полковника Ковалева, обрадовался:

— Ого-го! Пуд Пудович! — И пояснил Козлову:— Это наш станичник, полковник Ковалев.

Полковник подал казаку руку, улыбнулся в черные густые усы, пробасил:

— Ну, здорово, станичник! Значит, и вы тут...

— А где же нам быть? Вот, при атамане находимся!— И казак указал на Козлова.

Орлов взял под козырек, доложил:

— Мы из Турции, по заданию генерала Улагая.

Подъесаул Козлов пригласил их к себе в пещеру, которая именовалась «Скирдой». Прибывших накормили и в небольшом боковом отводе на мягком сене определили на ночлег.

Утром Орлов устроил совещание, принял на себя руководство бандой и сразу же распределил должности среди своих сподвижников: Козликина направил в Баталпашинский отдел, Ковалева — в Армавирский, Малахутина — в Майкопский, а Семилетова — в Краснодарский отдел, дав ему в помощники Рядзинского. Лаштбегу и Комова он оставил при себе. Здесь же было написано воззвание к кубанцам с призывом к всеобщему восстанию, намеченному на весну 1924 года. Козликин — высокий, долговязый, костистый, с непомерно длинным носом и длинными вислыми усами — раз и другой прочел воззвание про себя, затем хлопнул пальцами по бумаге, одобрил:

— Атлично, гаспада афицеры!.. А особенно звучит это место: «...коммунисты отправляют в Германию казаков для насаждения там коммунизма, и из Германии уже идут тысячи вагонов с ранеными казаками...» Эта фраза заставит задуматься кубанцев. Да, да, гаспада, атменно:

Лаштбега, распахнув изрядно поношенный полуц бок, сидел под стеной на чурбане, крепко зажав ладонями опущенную голову. Козлов видел, как дрожали его сухие пальцы, думал с глубоким разочарованием: «Вот тебе и весь десант, о котором мы так много говорили и которого так долго ждали!..»

Семилетов, рослый, со следами сабельных ранений на лице, курил папиросу за папиросой и только после того, как Орлов и Козликин умолкли, спросил у Козлова:

— Какие части красных находятся сейчас в горах?

— По последним сообщениям из Баталпашинска, Воронов прибыл в Майкопский отдел с двумя полками. Кроме того, здесь действуют и другие красноармейские части.

В пещеру вошел Забелин в запорошенном снегом овчинном тулупе с высоко поднятым воротником. Увидев незнакомых людей, он задержался у порога, снял собою шапку, стряхнул с нее снег, проговорил:

— Добрый день, братия.

Козлов представил его посланцам:

— Это священник — отец Александр, господа. Бежал из Краснодара. Сейчас он в отряде полковника Белова, по соседству с нами.

Козликин строго свел вихрастые седеющие брови, уставился на попа серыми, точно оловянными, глазами и, очертив указательным пальцем в воздухе восьмерку, спросил:

— Так, значит, большевики уже добрались и до вас, ваше преподобие?

Забелин беспомощно развел руками:

— Увы, это так!

— Треба поднимать восстание! — раздраженно бросил Ковалев.

— Да вот мы и ждали вас... — проговорил с заминкой Забелин, искоса поглядывая на Козлова, сидевшего против него с угрюмым видом. — Большого десанта ждали...

Низколобий Комов набычил крутой затылок, поглядел на попа из-под густых рыжих бровей, сказал назидательно:

— Под лежащий камень и вода не бежит, ваше преподобие.

— Вот-вот, — подхватил Козликин. — Надо всколыхнуть кубанских казаков! — И, вынув из внутреннего кармана засаленного до блеска военного кителя только что написанное воззвание, протянул его Забелину. — Познакомьтесь, ваше преподобие, о чем следует сейчас говорить в станицах и хуторах.

Забелин внимательно прочитал воззвание.

— Недурно, все правильно, — одобрил он. — Но я бы еще добавил...

— Вот мы и поручим вам написать другое воззвание, отец Александр, — сказал Орлов.

— Сие задание выполню с охотой, господин полковник, — поклонился Забелин.

Козлов закурил и, нервно зашагав по коридору, вдруг бросил с угрюмой усмешкой:

— Дохлое дело!

— К чему это вы, господин подьесаул? — обиделся Орлов. — Генерал Улагай принимал все меры. Но что он мог сделать, если Англия, Франция и Америка только занимаются разговорами об оказании нам военной помощи, а, по сути дела, ничего не предпринимают. Взять хотя бы такой факт. Чтобы переправить нас на Кубань, генерал Улагай был вынужден купить шхуну на свои личные деньги.

После долгого обсуждения 'конспиративных вопросов, касающихся работы в станицах и хуторах Кубани по заданию вновь организованного центра, возглавляемого полковником Орловым, Козлов спросил у Забелина:

— Ну, а как дела у Белова?

Забелин дернул плечом.

— По-моему, неважные. Между полковником Беловым и подьесаулом Минаковым наметилась весьма большая трещина.

— Что же произошло между ними? — встревожился Козлов.

— Видите ли... Ну, как вам сказать... — замылся Забелин. — Выяснилось, что Минаков решил сдать большевикам и тайно повел на сей счет агитацию среди партизан Белова. Ему, знаете, даже удалось завербовать несколько человек в свою шайку. — Забелин закатил белесые глаза: — Пресвятая богородица! Вы не можете себе представить, что произошло там прошлой ночью. Весь отряд сразу разделился надвое, и началось... Я едва вырвался из этого ада

— Что же вы молчали об этом до сих пор, черт вас побери? — набросился на попа Козлов.

Забелин испуганно замигал опухшими красными веками, пробормотал:

— Я хотел сразу... Но вы были заняты.

Козлов плюнул с досады.

— Ах, чтоб вас!.. Надо немедля ехать туда

* * *

На левом берегу Уруштена, неподалеку от селения Черноречье — две пещеры. Одну из них — западную — занимала банда Белова. Теперь она разъединилась на две группы: первая осталась с полковником Беловым, а вторая ушла с подьесаулом Минаковым в соседнюю, восточную, пещеру.

Под горою Дзювя, у реки, на вытоптанном снегу, в кустах орешника и меж валунами еще чернели неубранные трупы, оставшиеся после ночной схватки.

В пещере на подстилках из сена под бурками и тулупами лежало несколько тяжелораненых. Их стоны неслись по всему подземелью. Вдоль стен сидели бандиты, молча курили сигарки. Сырой, пропитанный табачным дымом воздух был удушливо-тошнотворным. Белов находился в боковом отводе пещеры. Не раздеваясь, он прилег на топчане, застланном черным войлоком.

Под вечер дежурный доложил полковнику о прибытии отряда Козлова. Белов вскочил, распорядился:

— Приглашай!

Через несколько минут вошел Козлов в сопровождении Забелина и офицеров, прибывших из Турции. Представив заморских гостей, Козлов спросил:

— Ну, так что тут у вас произошло?

Белов с возмущением рассказал о предательстве Минакова и о ночной стычке.

— Где же сейчас подъесаул? — спросил Орлов.

— В соседней пещере засел.

— И много с ним казаков?

— Человек тридцать.

Ковалев пощипал густые черные усы, сказал твердо:

— Надо уничтожить мерзавцев!

Как только горы погрузились во тьму, два отряда, соблюдая полнейшую тишину, двинулись вниз по Уруштину. Но в пещере, которую занимал Минаков со своей группой, уже никого не было.

XXV

Рано утром Шкрумов по снежной дороге возвращался с гор. За спиной у него — винчестер, ягдташ; на поясе патронташ; через плечи — справа и слева — подвязанные за ноги, два убитых зайца.

В районе Бахмута он неожиданно повстречался с бандой Белова, в которой находились Орлов, Ковалев, Лаштбега, Козликин и поп Забелин. Всадники спешили. Шкрумов остановился под горой, внимательно приглядываясь к каждому бандиту.

Орлов подошел к нему, спросил:

— Вы из какой станицы?

— Из Передовой.— Шкрумов назвал станицу, куда он недавно переехал на жительство со своей старухой

Орлов присел с ним на валуне, повел разговор о житье-бытье станичников при Советской власти. Шкрумов пожал плечами, ответил:

— Живем, да и уже... куды денешься...

— То-то и оно! — подхватил Орлов и, дружелюбно положив руку на его плечо, перешел на «ты»:— Говоришь, куда денешься? А ты переходи к нам.

Шкрумов остановил на нем долгий взгляд, затем спросил:

— Как, в банду?

— У нас не банда! — повысил голос Орлов.— У нас повстанческий отряд.

Шкрумов виновато улыбнулся в усы:

— Извините, что невпопад... У нас все так называют ваших повстанцев.

— Называют те,— сердито сказал Орлов,— против кого мы боремся! — Он указал на Лаштбегу, добавил:— Вот человек, есаул, служил у красных, а теперь с нами.

— Ясно,— протянул Шкрумов, поглядывая на Лаштбегу.

Орлов заглянул ему в глаза:

— Вот что... можешь не вступать в наш отряд, а будешь только помогать нам, информировать нас о том, что делают власти в станице.

— Э нет,— возразил Шкрумов.— В этих делах я несходчивый человек. Ежели б чудок раньше, то, может быть, я и согласился, а теперь нет никакой выгоды. Жизнь-то пошла на поправку.

К ним подошли Лаштбегу, Ковалев и Козликин, также уселись на камнях.

— Ну, что? — издали обратился Белов к Орлову.— Не соглашается?

Полковник мотнул головой.

— Не хочет.

— Значит, уже свыкся с Советской властью? — с укором пробасил Ковалев.— Душком большевистским пропитался?

— А он, случаем, не коммунист? — спросил Козликин.

— Коммунисты в горы не ходят,— заявил Белов — Мы с ними быстро бы разделались.

— Ну что ж, братцы,— вставая, заключил Орлов,— погуторили малость, а теперь нам пора.— Он подал руку охотнику:— Бувай, старина. Только вот что... У себя в

станции скажи казакам от нашего имени, чтобы они не дюже поспешали платить налоги Советской власти. Скоро на Кубани зачнется шеремнция.

— Ясно, — кивнул Шкрумов. — Об этом можно.

Банда села на коней, поскакала в горы.

* * *

На Куве стояло затишье. Только злобно шумела река да морозный ветер срывал поземку, вихрил ее по склонам гор и в узком ущелье.

В третьем «окне», на скале, как сарыч на вершине дерева, сидел дозорный белоказак из банды Волошко. Он внимательно глядел на дорогу в ущелье, прислушивался к завыванию вьюги, похожему на вой голодной волчьей стаи, то и дело кутался в кожух и прятал голову в приподнятый воротник.

Но вот внизу, в снежных вихрях, показалась банда Белова, державшая путь к южной стороне горы, откуда вела тропа наверх, в пещеру. Дозорный навел бинокль на конников, затем вскочил на ноги и забарабанил нагайкой в старое ведро, объявляя тревогу.

К дежурному прибежали Волошко с сыном и несколькими белоказаками.

— Шо тут случилось?

— Да вон, бачите, — указывая рукой в ущелье, ответил дозорный. — Верховые к нам.

Волошко поднес к глазам бинокль.

— Так це ж наши люди! — вскричал он. — Полковник Белов едет. А ну-ка, Поплий, ступай к хлопцам, пускай они пропустят отряд на гору.

Вскоре гости уже были в просторной, натопленной пещере, у Волошко. Представив ему посланцев из Турции, Белов сказал:

— Это те самые люди, Иван Иванович, которых мы так долго ждали.

Волошко, казалось, на несколько минут онемел от радости, потом поспешно перекрестился, воскликнул:

— Слава тебе господи! Наконец-то дождались!.. Значит, все-таки высадился десант?

Белов молча развел руками, взглянул на Орлова. Тот, заметив его замешательство, ответил:

— Нет. Десант пока не предвидится... — И добавил: — Мы пришли сюда по заданию генерала Улагая.

У Волошко на лбу выступила холодная испарина. Он медленно вытер ее ладонью, тяжело опустился на стул, спросил упавшим голосом:

— Як же это надо понимать?

— А так... Сами будем готовить восстание...

— Сами? — Волошко уныло покачал головой. — Что-то у нас уже третий год ничего не получается.

— Ну, я бы этого не сказал! — возразил ему Забелин. — Сейчас в станицах вспыхивают бунты.

Волошко не стал спорить. Он позвал жену, велел ей приготовить ужин. Домна молча вкатила сырн¹, поставила его посреди пещеры, нарезала хлеб, начала наливать в глиняные миски борщ. Волошко достал из шкафчика четверть самогону, сказал:

— Раздевайтесь, дорогие гости! Будем вечерять.

Забелин расстегнул пояс, снял с себя тулуп, и Волошко увидел на нем черную рясу и большой крест на груди. Забелин помыл руки, заглянул в зеркало.

Из боковой комнаты вышли Валентина Волошко и Антонина Демьяшкевич, поздоровались с офицерами. Белов удивленно вскинул брови, воскликнул:

— О-ба! Лесовичка! Какая приятная встреча. Дай я обниму тебя на радостях.

Антонина легонько оттолкнула его от себя.

— Не балуй, господин полковник, а то я теперь острая. — Кокетливо прищурилась и вместе с Валентиной вышла из пещеры.

От борща шел аппетитный дух. Волошко наполнил стаканы самогоном. Ковалев хлопнул попу по спине тяжелой рукой, крикнул в усы:

— Ну что, батька, выпьем?

— И подзакусим, Пуд Пудович, — согнувшись чуть ли не в дугу, хихикнул Забелин. — Страсть, как я проголодался.

— А я целую неделю могу не есть — и ничего! — прихвастнул Козликин.

Орлов махнул рукой:

— Не бреши, Парамон Маркелович! Ты же всю дорогу скулил, что у тебя в пузе шакалы воют.

— То я для красного слова, Евдоким Харитонович, — отозвался Козликин, поглаживая длинные усы и облизываясь. — Люблю, знаете, красноречие. Вот и шутил. У меня слово — олово!

¹ Сырно (мест.) — круглый, с низенькими ножками стол

Сели вокруг сыра. Забелин перекрестился на почернелый образ матери божьей, занял низенькую скамейку между Беловым и Ковалевым, поболтал ложкой в своей миске: борщ показался ему жидковатым. Он скользнул голодными глазами по другим мискам: в некоторых виднелись куски мяса.

«А у меня инно картошка одна другую догоняет», — с досадой подумал Забелин.

В комнату вбежал Поплий, закричал:

— Вы поглядите, кто к нам едет!

Офицеры бросились к дверям.

Но вскоре вернулись, и Орлов спросил:

— Как, господа, может быть, подождем, пока подъедет князь Дудов?

— А чего ждать? — возразил Забелин. — Борщ совсем остынет.

Все снова заняли свои места за столом.

— Ну, будем живы, други! — Волошко поднял стакан, залпом выпил самогон и, крикнув от удовольствия, вытер губы, взял ложку. Выпили и остальные.

— Да, борщок что надо! — похвалил Забелин. — Давно я не ел такого...

В занавешенной медвежьими шкурами двери остановился князь Дудов, снял баранью папаху, низко поклонился собравшимся.

Волошко поднялся ему навстречу, гостеприимно пригласил к столу. Дудов стоял как вкопанный и, словно не слыша приглашения, вдруг объявил:

— С недоброй вестью прибыл я, господа офицеры! На Марухском перевале чекисты схватили полковника Крым-Шамхалова и по решению Чрезвычайного военного-политического совещания расстреляли в Теберде.

Забелин оторопело перекрестился, пробормотал:

— Царствие ему небесное.

Офицеры встали, почтили память Крым-Шамхалова молчанием. Волошко налил в стаканы самогона, сказал:

— Выпьем, други, помянем полковника.

* * *

Шкрумов остановился у станичного Совета, спросил у казака, курившего на крыльце сигарку, где председатель. Казак ответил:

— Дома .. Заболел, что ли.

Шкрумов поправил винчестер за спиной, направился домой. На улице ему встретился станичник. Указав на зайцев, спросил:

— Что ж так мало, Иван Степанович?

— Всяко бывает,— не останавливаясь, бросил через плечо Шкрумов.

С южной окраины станицы донесся крик бегущего человека. Шкрумов оглянулся. Человек махал руками, отчаянно взывал к станичникам:

— Братцы, помогите! Банда угнала мою подводку в горы!

Из станичного Совета выскочило несколько вооруженных чоновцев. На улице собралась толпа казаков.

«Теперь ищи-свищи ветра в поле»,— подумал Шкрумов и зашагал по улице к своему двору.

* * *

Поздно вечером кто-то постучал в закрытое окно дома Оглобли. Наум Трофимович лежал на кровати в одном исподнем, читал газету. Варвара подошла к окну, спросила:

— Кто там?

— Выдь сюда,— отозвался снаружи мужской голос. Варвара обратилась к мужу:

— Наум, кто-то кличет.

— Ну, выйди,— сказал он, не отрываясь от газеты.

Варвара накинула на голову платок, нырнула в сени и едва открыла дверь, как вошли пять бандитов во главе с подъесаулом Минаковым. Оглобля, услышав незнакомые голоса, выхватил из-под подушки наган, направил в сторону кухни.

— Где Наум Трофимович? — миролюбиво обратился Минаков к хозяйке, застывшей у печки.

— Его нету дома,— слезно промолвила Варвара.

— Да ты не бойся,— улыбнулся Минаков.— Мы к нему с миром.— Он приподнял дверную занавеску, увидел Оглоблю с наганом в руке, сказал спокойно:— Опусти оружие, Наум Трофимович. Мы не за твоей душой явились. Хотим поговорить о наших делах.

Оглобля положил наган на одеяло, сел на кровати. Бандиты вошли в комнатушку, расселись на стульях.

— Что же ты, Наум Трофимович, болеть вздумал? — участливо спросил Минаков.

— Да вот, занедужилось...— ответил Оглобля, чувст-

вуж, как от напряжения нервно подергивается мускул на правой щеке.

— Хвороба к каждому может прилипнуть,— заметил хриплым баском один из бандитов.

— Так по какой же надобности вы пожаловали ко мне? — спросил Оглобля, настороженно поглядывая на незваных гостей.

— Порешили выйти из банды,— заявил Минаков.— Пришли узнать, как отнесется к нам Советская власть после этого.

Оглобля все еще не верил его словам, сдвинул густые брови, отчего на шишковатом лбу пролегли две глубокие складки. Помедлив немного, ответил:

— Заплуталых людей Советская власть не карает. Будет относиться к ним так же, как и ко всем амнистированным. Никакого притеснения чинить вам не будет.

— А гарантию мы можем получить? — поинтересовался худой, длинношейей казак с заросшим обветренным лицом.

— Гарантию? — Оглобля озадаченно потеревил курчавую черную бороду.— Мы будем придерживаться амнистии... конечно, ежели вы честно станете трудиться.

— Раз мы порешили, то какой тут может быть разговор,— заверил Минаков.

— Не сумлевайтесь, Наум Трофимович! Не подведем! — разом загудели казаки.

— Ну вот и хорошо,— одобрил Оглобля.— Давно бы так! — И вдруг спросил:— А кто же это сегодня угнал подводу нашего станичника?

— Братья Крым-Шамхаловы, Баксанук и Дауд,— ответил Минаков.— Сейчас они с князем Дудовым на Куве, у Волошко. Наши хлопцы за ними следят. Оглобля нервно прикусил губы.

* * *

В натопленной пещере, у стола, перед чадившей свечой, сидел Забелин и, старательно выводя на бумаге крупные буквы, писал воззвание... Тут же находились и все офицеры, прибывшие с Беловым и Волошко. Орлов задремал на топчане; Козликин от нечего делать наблюдал за каллиграфическим искусством попа; Лаштбега, присев у печки, время от времени подкладывал в огонь поленья. Белов и Волошко в ожидании, пока поп закончит свое сочинение, сонно клевали носами.

Забелин наконец самодовольно погладил лысину. — Готово! — сказал он, выходя из-за стола. — По-слушайте, братия.

В дверях появился Ковалев, подул на руки, крикнул:

— Ну и мороз на дворе!

— Тихо, Пуд Пудович, — предупредил его Козликин. — Отец Александр читать будет.

Ковалев сел на чурбанчик, расправил усы. Из-за медвежьей шкуры, висевшей на двери женской спальни, выглянула Антонина с распущенными косами. Забелин обвел всех впалыми, колючими глазами, начал басом:

— «Возлюбленные братия и сестры многострадальной Кубани! В одном псалме написано: «...рече безумен в сердце своем: несть Бог!» И подлинно, только безумный может подумать, что нет бога. Откуда же взялись небо и земля, если б не было бога? Откуда взялись бы солнце, луна и звезды на небе, если б не было бога? Что ни есть на свете, то все божие создание, и всякое создание свидетельствует, что есть творец, создавший его...»

— Позвольте, отец Александр, — прервала его Антонина. — Слишком пространно и столь же туманно. Ваши доводы о существовании бога неубедительны.

Забелин недовольно покосился на нее.

— Вот так и безбожие рождается! Бога нельзя ни доказать, ни видеть. Его можно только чувствовать душой, причем душой с известным психологическим настроением.

И кашлянув, продолжал чтение:

— «Конечно, если б только действительно безумный или сумасшедший говорил, что нет бога, то это ничуть не было бы удивительно: на то он и безумный, чтобы говорить безумное; но удивительно то, что безумными безбожниками бывают люди, находящиеся, по-видимому, в здравом уме. Таких безумных сейчас очень много! Это те, которые грешить не боятся!»

Высоко подняв высохший, как стручок перца, указательный палец, Забелин обрушился в своем воззвании на большевиков за то, что они отвергли бога, подняли революцию в России и прогнали царя-батюшку. В заключение пространного воззвания говорилось: «Мы ставим вас в известность, братия и сестры, что по нашим планам, то есть планам Объединенного центра бело-зеленого движения на Кубани, весной 1924 года в нашей области должно вспыхнуть всеобщее восстание

против большевистской власти. И вы все, кому дорога наша матушка-Кубань, должны готовиться к этим великим событиям, все как один должны принять в этом восстании свое участие, чтобы сплоченными силами изгнать ненавистную нам власть с нашей земли-кормилицы, подаренной нам царицей Екатериной II, и потом жить вольной, сытой жизнью, как жили наши предки: прадеды, деды и отцы. Аминь».

Выслушав попа, офицеры молча переглянулись между собой.

— Ну что, братня, каково? — обратился к ним Забелин.

— Что-то великоват церковный крен, — заметил Орлов.

— Обращаться к верующим надо только так, — сказал Забелин.

— Это, пожалуй, верно, — согласился с ним Белов.

— Подсократить бы малость, — предложил Козликин. — Верующие упреют, пока до сути доберутся.

— Нет, нет сокращать не буду! — возразил Забелин. — Чем больше о боге, тем лучше.

Волошко поскреб голый затылок, покрутил головой.

— Все это гарно, други, — скептически заметил он. — Но будет ли толк от этой затеи? Бог и антихрист — это шось неземное.

— Что же вы предлагаете? — спросил Орлов.

— Треба широко пропагандировать среди людей, что за границей зараз готовится большой десант, который немедленно придет нам на помощь, — сказал Ковалев.

— Правильно! — согласился Лаштбега. — Пропаганда должна быть действенной, от нее зависит наш успех.

Забелин начал было спорить, доказывать, что главную ставку надо все же делать на верующих и что воззвание, написанное им, сыграет огромную роль в подготовке восстания на Кубани, но под давлением большинства ему все же пришлось значительно изменить первоначальный текст.

— Ну, теперь, надеюсь, вас устраивает новая редакция? — обратился поп к офицерам.

Орлов поморщился, махнул рукой.

— Не верю я ни во что, господа! Прахом все идет. — Он обернулся к Забелину и спросил: — Что у нас завтра, отец Александр?

— Как что? — не понял поп.

— Ну как же, — протянул Волошко. — Про заговоры забыли, что ли?

Забелин хлопнул себя по лысине:

— Ну да, конечно! Завтра же заговорье на великий пост. И как я запомнил?!

— Вот завтра мы и гульнем! — воскликнул Орлов. — А потом видно будет...

XXVI

В первых числах марта, когда с полей сошел снег, банда Белова, оставив пещеру Волошко, двинулась в путь. Впереди на конях ехали Орлов и Ковалев; позади на тачанке Антоинна с предводителем шайки, а за ними рысили Лаштбега и Дудов. В самом хвосте колонны поспешал на кобыленке поп Забелин. Ковалев приказал всем прикрепить к папахам пятиконечные звезды, повязать на рукава красные повязки и поднять красное знамя.

Спустились с гор в долину. И тут бандиты увидели на дороге кавалерию. Впереди конницы реяло алое знамя.

— Приготовиться к бою, — распорядился Белов, — но не начинать до моей команды.

— А ну, затынем песню! — предложил Ковалев. Белов, откинувшись на спинку тачанки, запел:

Там вдали, за рекой,
Загорались огни,
В небе ясном заря догорала

Десятки голосов дружно подхватили:

Сотня юных бойцов
Из буденновских войск
На разведку в поля поскакала.

Красные конники, не подозревая, что перед ними бандиты, ехали спокойно. Поравнявшись с командиром красных, Ковалев вскинул руку к папаше, крикнул басом:

— Здравствуйте, товарищи красноармейцы!

— Здравия желаем! — отозвались кавалеристы.

— Что за часть? — спросил командир красных конников.

Действуем против белобандитов и дезертиров, — ответил Ковалев и пустил в намет своего коня.

За ним поскакала вся банда. Оставив далеко позади красную кавалерию, Ковалев похвастался:

— Вот так надо галок бить, братцы!

— А если б они опознали кого-либо из нас? — не смолчала Антонина.— Тогда что было бы?

— Если бы да кабы...— усмехнулся Орлов.— Не думай об этом.

Впереди, в Урупском ущелье, показалась станица.

— Братцы! — сказал Белов.— Перед нами Преградная. Мы должны побывать в ней.

Под самой станицей банде попался навстречу чоновский отряд. Видя красное знамя и звездочки на шапках, чоновцы проехали мимо банды и даже не поинтересовались, что это за часть. Обман Ковалева удался и на этот раз.

— А сейчас начнем действовать! — предупредил Белов свою шайку.— Зайдем вон в тот двор.

У калитки он спрыгнул с подножки тачанки. За ним спешили Орлов, Ковалев, Лаштбега, Козликин и Дудов, направились к хате по дорожке, вымощенной кирпичом. Их в окно увидела женщина, вышла на крыльцо.

— Хозяин дома? — спросил Белов.

— Дома,— спокойно ответила женщина.— А зачем он вам?

— Погудорить хотим! — заявил Орлов.— Зови его.

Женщина заглянула за хату, позвала мужа. Тот, вытирая тряпичей руки, подошел к незванным гостям и, внимательно приглядываясь к незнакомцам, спросил:

— Что вам надобно?

— Да ты приглашай в хату,— сказал Белов,— потом будешь пытаться, кто мы и за какой надобностью пожаловали к тебе.

Хозяин положил тряпицу на перила крыльца, указал на дверь:

— Ну, проходите.

Белов шагнул через порог, за ним последовали офицеры и поп Забелин. Все уселись на скамейках, стульях.

— Ну, как вы тут живете, чем занимаетесь? — начал Белов, не повышая тона.— Гудорят, что скоро казаки начнут рассчитывать с вами за все советские дела.

Хозяин, все еще не понимая, что это за люди, снова спросил:

— Да вы кто будете?

— Мы сыны Кубани, освободители казачества,— заявил Орлов

Козликин, поправляя дрожащими пальцами усы, воскликнул нетерпеливо:

— Эх, и чего тут в ступе воду толочь, господа офицеры?

— Ты погодь, Парамон Маркелович,— прервал его Орлов.— Человеку надо растолковать, что мы идейные борцы против Советской власти и таких изменников казачества, как он...

— Али ты, может быть, уже не член станичного Совета? — обращаясь к хозяину, прибавил Белов.

— Вишь, дурачком прикинулся,— сказал Орлов.

Хозяин резко встал.

— Да вы что? — глядя на всех испуганными глазами, с трудом промолвил он.— Вздумали шутки шутить?

— Ты не нервничай,— силой усадил его Лаштбега.— Погодь трошки.

— Вот что,— обратился Козликин к хозяину.— Ты, как член станичного Совета, расскажи нам о статистических данных, сколько казаки в Преградной посеяли в нынешнем году? Какая экономика вашей станицы?

— А мне-то откедова все это известно? — дернул плечом хозяин.— Я же не занимаюсь этими делами!

— Так...— протянул Козликин, вычерчивая пальцем восьмерку в воздухе.— А сам сколько посеял?

— Две с половиной десятины озимой,— ответил хозяин,— а полторы думаю засеять яровыми и пропашными.

— Чего ж так мало? — поинтересовался Ковалев.

— Как мало? — Хозяин остановил на нем вопросительный взгляд.— У меня столько надельной земли. Две десятины на меня и две на жену. А при царе я имел только три.

— Значит, при царе жилось хуже? — спросил Дудов.

— Выходит, так.

— Мм-да! — тяжело перевел дух Белов.— Понятно... — И сплеча ударил наганом хозяина по голове. Тот свалился на пол.

Женщина подняла отчаянный крик, бросилась к двери, но ей преградили дорогу, сбили с ног. Забелин выдернул из-за пазухи большой крест с распятием, благословил расправу.

Забрав все продукты и лучшие вещи, бандиты прибили на заборе воззвание к кубанцам, направились к Бесстрашной.

Въехав в станицу, Белов сказал:

— Братцы! Здесь живет некий Хватов. Он недавно возвратился из-за границы, но с нами отказался работать. Давайте заглянем и к нему на минутку.

Банда проехала по улице квартал, свернула за угол, остановилась у двора казака Хватова. Белов спрыгнул с тачанки и вместе с Орловым скрылся за домом. Послышался лай собаки, потом приглушенный крик.

Белов вышел на улицу.

— Готов! — Он сел на тачанку. — Теперь к центру.

Бандиты заскочили в Совет, убили там старшего милиционера, дневального и только после этого покинули станицу.

В Упорную они въехали с революционной песней. Налетели на исполком, разгромили его и тут же принялись за грабеж потребительской лавки. Ковалеву принесли бутылку водки. Он выпил, вытер усы ладонью, схватил факел и, петляя по улице, побежал поджигать хату милиционера.

Из Упорной бандиты двинулись на Баталпашинск. По пути заскочили в хуторок. На окраине в хатенке гуляла молодежь. Ковалев с тремя казаками въехал во двор. Парни и девчата, увидев их, оборвали пение. Ковалев вошел в комнату, промычал:

— Ну... чего тарашитесь на меня, як бараны на новые ворота? Пойте!

Пошатываясь, Ковалев шагнул к смазливой дивчине, взял ее за подбородок и, глядя ей в черные глаза, спросил:

— Тебя як зовут?

— Анна, — ответила та.

— А фамилия?

— Пшеничная.

Ковалев взял девушку под руку, вывел из хаты и что-то шепнул ей на ухо. Она отшатнулась от него:

— Да вы шо, дядько, белены объелись?

Ковалев силой усадил ее на коня и увез за хутор. Вернувшись через полчаса, он объявил всем, что отныне Анна Пшеничная — его жена.

В Упорную со своим отрядом прибыл и полковник Огороков, действовавший в Баталпашинском отделе. Увидев Ковалева, он спросил:

— Так ты, значит, господин полковник, успел уже и жениться? Где ж твоя жена?

— В хате скигле, — буркнул Ковалев, закуривая. — Хай трошки поплаче.

— Ну, а у вас как дела? — поинтересовался Белов. Окуроков поскреб затылок.

— Хотел я в Армавирский отдел проскочить, повстречаться с полковником Пржевальским, да у него сейчас дела неважные. Воронов с двумя полками гонит его.

— Где же сейчас Воронов?

— Пожалуй, до Отрадной дошел.

В одном из конников Окурокова Забелин вдруг узнал Демиденко, воскликнул обрадованно:

— О, кого я вижу! Как вы сюда попали?

— Очевидно, так же, как и вы, отец Александр, — невесело ответил Демиденко.

* * *

Дудов простился с Беловым и вместе с Забелиным и Козликиным поскакал к Передовой. Наступала ночь. В небе засиял серебряный серп полумесяца. У Исправной, за мостом через Большой Зеленчук, Забелин расстался со своими спутниками, направился в сторону Зеленчукской. Верстах в пяти от станицы он увидел на дороге в предрассветных сумерках верховых, хотел скрыться в кустах, но было уже поздно. Его заметили, донесся громкий окрик:

— Стой! Ни с места!

Забелин в страхе перекрестился, прошептал:

— Помогите мне, господи!

Несколько всадников окружили попа.

— Кто такой? — обратился к нему старший.

Забелин сразу узнал по голосу Минакова, и горло у него перехватило, точно веревкой. Он молчал. Подъесаул заглянул ему в лицо, злорадно протянул:

— Да это же наш старый приятель! Куда путь держите, батька?

Губы у Забелина запрыгали, и он с трудом вымолвил:

— В монастырь, в монастырь, господин подъесаул Минаков указал на юг:

— Сюда, в Зеленчукскую пустынь?

— Нет! — задыхаясь от страха, прохрипел Забелин. — В Спасо-Преображенский! На покаяние души...

— Тоже губа не дура! — захохотал кто-то из казаков. — К монашкам, значит!

Минаков обратился к своим конникам:

— Ну как, братцы? Отпустим святого отца к монашкам? Простим то, что он предал нас Белову, и то, что мы из-за него потеряли семерых лучших своих товарищей?

— Да я... Да я... — слезно залепетал Забелин. — Не предавал.

— Не бреши, иуда! — гаркнул Минаков.

— В расход его! — подхватили яростные голоса.

Сложив руки на груди, Забелин заскулил:

— Не погубите, братия! Христом-богом молю!

Его стащили с лошаденки, отобрали саблю и револьвер, висевшие под рясой.

— На скалу его, братцы! — распорядился Минаков.

Казачи подхватили попа под руки, поволокли на гору, возвышавшуюся на правом берегу Большого Зеленчука. Забелин упирался, снова и снова отчаянно молил о пощаде, наконец упал, начал, как полоз, извиваться по земле.

Солнце уже поднялось над горизонтом, золотило верхушки гор. Забелин, съежившись и дрожа, лежал на голом камне. Минаков остановился у стремнины, заглянул в пропасть. Далеко внизу торчали острые камни, свирепо шумела река. Между камней появилось стадо диких кабанов, которые, видимо, спешили на водопой...

Минаков махнул рукой. Казачи схватили попа за руки и ноги, поднесли к обрыву и, раскачав, бросили в бездну. Дикий вопль огласил молчаливые горы, и Забелин, распластавшись в воздухе, быстро уменьшаясь, полетел вниз, на острые зубья камней.

XXVII

Над Краснодаром бродили тяжелые дождевые тучи. У кинотеатра «Мон-Плезир» собралась огромная толпа граждан. Здесь, в зрительном зале, уже второй день шел судебный процесс по делу о контрреволюционной деятельности большой группы кубанского духовенства, во главе которой стоял Евсевий Рождественский. Толпа гудела. Все с нетерпением ждали, когда по улице Красной поведут подсудимых. На тротуарах цепью стояли милиционеры, сдерживали натиск собравшихся.

Наконец у Белого собора под конвоем чекистов появилась небольшая группа священников в черных рясах. Она медленно приближалась к кинотеатру. То там,

то здесь старухи падали на колени, били земные поклоны, истово молились. Из толпы неслись выкрики:

— Почто владыку на Голгофу ведете?

Впереди подсудимых, как строевой конь, вышагивал Евсевий. За ним следовали Сосько и Ратмиров, Голубицкий и Битин...

Толпа все сильнее напирала на милиционеров, которые уже с трудом сдерживали ее. У самого кинотеатра бабы все же прорвались на мостовую, кинулись к Евсевию и, упав перед ним на колени, припали лбами к брусчатке. Евсевий осенил их крестом, свернул на тротуар. Бабы погнались за ним, начали целовать полы и рукава его рясы.

В просторном зале перед экраном стояли столы, накрытые красными полотнищами. В стороне от них возвышался решетчатый барьер: место для подсудимых.

Народ устремился в распахнутую дверь и, теснясь в узких проходах, быстро растекался по залу.

Попы прошли за барьерчик, сели. Среди них находилась и генеральская вдова Пышная.

Вскоре за столом появились и судьи. Место секретаря заняла Елена Михайловна. В зале наступила тишина. Председатель суда Дроздов объявил очередное судебное заседание открытым.

Председательствующий обратился к бывшему делопроизводителю епархии:

— Подсудимый Греков, расскажите суду, за что был избит член комиссии по изъятию церковных ценностей.

Поднялся молодой мужчина с заросшим лицом и длинным красным носом. Некоторое время он молча переминался с ноги на ногу, затем вяло начал:

— Пятого декабря прошлого года печник перекладывал у меня печку. Я в перерыв пошел домой посмотреть на его работу. А тут набат, бежит народ. Я свернул на площадь...

— Ну, а члена-то комиссии за что избил? — перебил его судья.

— Крест у него в кармане нашли, — неуверенно заявил Греков. — Вот и пошла драчка.

— И действительно нашли этот крест у члена комиссии? — спросил прокурор.

— Слухи такие распространились, — ответил Греков.

— Кто же распустил эти слухи?

Подсудимый молчал. Из зала донесся чей-то голос:

— Говорят, слух этот пустили Пышная и поп Забелин, ныне бежавший в банду!

— Ну, а кто же утверждал, что крест найден у члена комиссии? — спросил Дроздов.

Греков засопел, затем промолвил тихо:

— Поп Ратмиров показал крест народу...

В процессе судебного следствия выяснилось, что Греков — уроженец станицы Новочеркасской Донской области. В 1918 году он добровольно вступил в ряды Красной гвардии, прослужил там два месяца, а потом стал писцом в контрольной палате у белых.

Помощник прокурора Белоусов спросил:

— А не приходится ли вам родственником знаменитый своей жестокостью белогвардейский тиран Греков, известный под кличкой «Белый дьявол»?

— Такого не знаю, — ответил Греков.

Следующим допрашивался домовладелец и торговец Лопатин.

— Я считаю, — певучим басом сказал подсудимый, — что обвинять меня в какой-то контрреволюции и срыве кампании по изъятию церковных ценностей нет ни малейшего основания. Это месть, злой умысел протоиерея Делавериди, который взял из собора архиерейскую одежду, чтобы не дать ее епископу Евсевию. А я в осерчании возьми да и скажи ему: «Иск, — говорю, — предъявим на тебя всем церковным советом». Вот он теперь и мстит, всячески клеветает на меня.

— Расскажите суду, подсудимый, как епископ Евсей стал настоятелем собора, — обратился к нему Дроздов. — Ведь его никто не назначал на эту должность.

Подумав немного, Лопатин сказал:

— После смерти епископа Иоанна Евсейев заявил нам на церковном совете: «Я настоятель собора». А отец Делавериди и спрашивает у него: «А я кто?» Евсейев ответил ему: «Протоиерей кафедральный».

Из дальнейших опросов выяснилось, что убеленный сединами купец значительно преумножил свои богатства за счет церкви, аккуратно молился и среди попов слыл набожным человеком. В действительности его внешняя набожность была направлена на то, чтобы извлечь побольше материальных выгод для себя. Приказал, например, ему епископ устроить в соборе настоятельское место, он и устроил.

— А полагается ли это по канонам? — спросил прокурор.

— Не знаю, — пожал плечами Лопатин. — С Евсевием разговоры у нас были официальные, служебные: по делам денежным и церковным оборотам.

— То есть вы смотрели на церковь как на торговое предприятие, что ли? — заметил прокурор.

— Выходит, так, — ответил Лопатин.

Начался допрос обвиняемого Назаренко. Седоусый, взъерошенный, нервно подергивая воротник изрядно поношенного кожушка, он робко огляделся по сторонам и рассказал суду, как спорили святые отцы за право владеть ключами от собора после смерти епископа Иоанна.

— Почему же священники так рьяно боролись за это право? — спросил у него Дроздов.

Назаренко молча развел руками.

— А кто заводил споры? — добавил Белоусов.

— Известно кто: поп Ратмиров. Уж он так говорил, так говорил, инда на глазах слезы выступали.

— О чем же он говорил?

— О сотворении мира, близком конце света, об антихристах...

Его прервал прокурор:

— Почему же попы сначала верили Ратмирову, а потом пошли против него?

Назаренко почесал затылок:

— А чума их знает! Они с высшим образованием, а я три класса низшей школы не окончил!

— Каноны знаете?

— Никогда и не читал.

— Православный вы?

— Родители были православными, и я по их вере. — Назаренко снова почесал затылок, добавил невнятно: — Толком не ведаю, православный я или раскольник. Ничего не ведаю, темные мы люди.

Председатель суда вызывает следующего подсудимого. Со скамьи поднимается парень в дедовском рваном кожухе.

— Обвиняемый Савченко, расскажите суду: какая у вас была связь с епископом Евсевием? — спросил Дроздов.

Парень смахнул пот со лба, начал, заикаясь.

— Да я ото... жена у меня крутила... баловалась с другими мужиками... Ну, мне ее и не надо... Я подыскал

себе другую. Решил развестись. Пошел к одному попу, чтобы нас по закону, как следует, развели, а они — сегодня-завтра приходи. Я тогда пошел до епископа и говорю ему: так и так, разведи нас, владыка. Ну, знаете, несмелый я. Для храбрости взял да и выпил, чтобы не робеть перед ним. — Он указал глазами на Евсевия, сидевшего за барьерчиком с потупленной головой, шмыгнул носом и продолжал: — А он тоже... не спешил... Потом стал мне поручения всякие давать: пойдн то туда, то сюда. Я и ходил.

Из его дальнейших показаний выяснилось, что в набат бил сын Голубятникова, домовладельца, у которого Советская власть отобрала самый лучший дом в Краснодаре, и что на члена комиссии по изъятию церковных ценностей первым набросился Романенко.

— А вы знаете Романенко? — задал вопрос судья.

— Как же не знать, — усмехнулся Савченко. — Известный богач. На Кубани он, почитай, главный лесопромышленник.

После допроса некоторых свидетелей дневное заседание областного суда закончилось.

XXVIII

Вечернее заседание суда над кубанскими тихоновцами началось с допроса члена церковного совета Лиманского, долгое время находившегося под влиянием религиозного дурмана. Отвечая на вопросы судей, он сказал:

— Объявив себя кубано-черноморским епископом, отец Евсевий решил принимать священников по анкете. А те взбунтовались, начали говорить, что если они подпишут эту анкету, то для них будет смерть... В конце концов я увидел, что суть дела не в старой и новой церкви, а лишь в коммерческом расчете. Многое мне стало понятным. Почему, например, дьявола рисуют с хвостом, когда бес — лишь отвлеченное понятие о злом начале.

В зале раздался смех.

— Да, многое открылось мне в бытность мою членом церковного совета, — продолжал Лиманский. — Святые отцы далеко не святые! Сколько среди них пьяниц, стяжателей, развратников! Занимаются сплетнями, интригами, доносами. Все это пошатнуло мою прежнюю горячую веру в бога.

— Что же дает религия трудящимся? — спросил у него Белоусов.

— Кроме зла — ничего, — ответил Лиманский.

— И все же люди верят.

— Верят потому, что не знают правды. А вот окунулся я в гушу церковной клоаки, увидел, что творится там, и «поломался» в вере.

Председательствующий вызвал Пышную. На вопрос, чем объясняются ее частые визиты к епископу Евсевию, она ответила:

— Чисто деловые связи.

— Только ли деловые? — поинтересовался прокурор. Лицо подсудимой пошло красными пятнами.

— Для меня епископ — служитель бога, и я преклонялась перед ним, как перед святыней, — продолжала она дрожащим голосом.

— А вот говорят, что Евсей водил к себе любовниц, — заметил член суда. — Правда это?

— Говорить можно что угодно, — дернула плечом Пышная. — Клевета это.

— Уж не считаете ли вы, что и обвинение епископа в контрреволюционной деятельности — тоже клевета? — спросил прокурор.

— Владыка всегда призывал верующих молиться за Советскую власть, — ответила Пышная.

По залу пронесся сдержанный смех.

— В проповедях и частных беседах он говорил, что нет власти еще не от бога, — продолжала Пышная. — Следовательно, и Советская власть послана богом.

— А не добавлял ли он при этом, что послана она в наказание божие? — спросил Белоусов.

Пышная промолчала.

— Вот ваш супруг — генерал, помогал белым, а так как Советская власть от бога, то выходит, что ваш муж шел против бога, — сказал Дроздов.

— И вовсе нет! — категорически возразила Пышная. — И белая, и красная армии были созданы по воле бога.

— Значит, и реки крови пролиты по воле божьей? — усмехнулся Дроздов. — Не знаете, для чего это нужно богу?

Пышная, попав впросак, ответила дерзко:

— Об этом спрашивайте у самого господина бога! Зал огласился взрывом громкого хохота.

— Ну, а зачем вы распространяли заведомо ложные слухи о том, что член комиссии якобы похитил золотой

крест во время изъятия церковных ценностей? — спросил прокурор.

— Все говорили об этом. И я тоже, — раздраженно бросила Пышная.

Начался допрос подсудимого — учителя Зайцева, который ездил в Москву по поручению общества церковей Краснодара и возил туда доклад епископа Евсевия для передачи патриарху Тихону. Доклад не был вручен патриарху.

— Что же помешало вам сделать это? — поинтересовался прокурор.

— Один какой-то рыжий московский поп предупредил меня, — заявил Зайцев, — чтобы я не обращался в еретическое Высшее церковное управление, поскольку там я мог влипнуть с этим посланием и попасть под арест. Тихон-то ведь был уже арестован. Ну, я и того... уничтожил доклад.

* * *

«Мон-Плезир», как и в предыдущие дни процесса, набит до отказа. Все так же у кинотеатра не смолкает шум толпы. Красноармейцам и милиционерам стоило огромного труда сдерживать ее натиск. Страсти накалены до предела: сегодня перед судом держит ответ глава кубанского духовенства — епископ Евсевий. В сторожке тишине зала громко звучит голос председательствующего:

— Подсудимый Евсевий Рождественский, что вы можете сказать по предъявленным вам обвинениям?

Евсевий медленно, с достоинством поднимается со скамьи. Бледное лицо обрамлено каштановыми волосами. На голове — черная бархатная скуфейка. Он приложил руку к уху и осторожно попросил:

— Повторите.

Дроздов повторил вопрос. Всхлипывают, крестятся мещанки, не сводя скорбных взглядов с владыки. Из глубины зала доносится горестный вздох:

— Всеблагочестивый страдалец!

Евсевий не торопится с ответом. С минуту он молча, вызывающе смотрит на судей, затем произносит твердо:

— Виноватым себя не признаю.

— Когда вы приехали на Кубань? — спрашивает прокурор.

— В 1921 году постановлением святейшего синода я был переведен в Краснодар, — спокойно и четко отвечает Евсевий и после небольшой паузы добавляет: — Еще в

Москве я был достаточно осведомлен о делах Кубанской епархии, отнюдь не блестящих, и по приезде в Краснодар получил от епископа Иоанна указание о наведении порядка в епархии. Я немедленно приступил к выполнению указания. Но на моем пути стал вот этот человек...— Евсевий указал на Делавериди.— Он сразу же стал мне в оппозицию. А после смерти епископа Иоанна, когда все духовенство Кубано-Черноморской области уже фактически находилось в моем подчинении, он, Делавериди, повел против меня недозволительную агитацию. Борьба, по сути дела, разгорелась из-за епископской кафедры, на которую отец Делавериди имел поползновение.

— В материалах следствия есть заявление, что вы самолично объявили себя кубано-черноморским епископом,— сказал Дроздов.

— Видите, это вопрос сложный,— замялся Евсевий.— Позвольте мне кратко остановиться на том, как все это произошло.

— Пожалуйста,— сказал Дроздов.

— По проискам Делавериди,— продолжал Евсевий,— краснодарский епископат был закрыт, и закрыт незаконно, в смысле церковных канонов. Вопрос этот должен был разбираться на собрании благочинных. Собрание состоялось, но меня на него не пригласили. Отсутствие денежных средств никак не могло явиться причиной закрытия епископата. И я счел решение собрания незаконным.

— Почему? — спросил член суда.

— Потому, что в церкви существует преемственность,— заявил Евсевий.— Так, патриарх Тихон, отстраненный от власти лишь группой духовенства и затем арестованный за контрреволюционную деятельность, должен был передать власть ярославскому митрополиту Агафангелу.

— Говорите по существу дела,— заметил Дроздов.— В частности, о своем сопротивлении изъятию церковных ценностей.

— Против изъятия церковных ценностей я не шел.

— А бунты, прошедшие на Кубани в связи с этой кампанией, кто организовал?

— Не знаю...— Евсевий широко взмахнул руками.— Видимо, сами по себе возникали.

— А что вы можете сказать о поездке Зайцева в

Москву? — спросил Белоусов. — Какое поручение вы давали ему?

— Я всего-навсего воспользовался его поездкой, — ответил Евсей, — и так же, как и миряне, дал ему аналогичное ходатайство на имя патриарха Тихона.

— Но ведь патриарх Тихон к тому времени был уже арестован.

— Я не знал об этом.

— А вам известно, что Зайцев изорвал ваше послание к патриарху? — спросил прокурор.

— Да, известно.

— И как вы реагировали на это?

— Никак.

— А вы читали в газетах статью о послании Агафангела, которое привез вам Зайцев из Москвы?

— Да... читал...

— Эта статья не только сообщала факт появления данного послания, но и делала из него некоторые политические выводы.

— Политика меня не интересовала.

Из дальнейших перекрестных допросов полностью выяснилось, что главным виновником бунтов в Краснодаре и целом ряде кубанских станиц является Евсей.

Для дачи свидетельских показаний председатель суда вызывает священника Делавериди. Тот обстоятельно рассказывает суду о том, как создавалась контрреволюционная организация среди духовенства на юге России, и о деятельности этой организации.

— Во времена Деникина сюда, на Кубань, стекалось черносотенное духовенство, — сказал он. — В Ставрополе под предводительством попа Шавильского был созван знаменитый Южно-Русский церковный собор, который открыл генерал Деникин. На этом соборе было принято решение вести непримиримую борьбу с Советской властью. После разгрома деникинщины контрреволюционное духовенство юга России связало себя черной нитью с патриаршим двором в Москве.

Дальше Делавериди показал, как ему, благодаря рекомендательному письму, удалось войти в доверие контрреволюционно настроенных священников, которые, скорбя о неудаче авантюры барона Врангеля, делали все, чтобы подорвать устои Советской власти. Они призывали епископа Иоанна действовать заодно с ними, неукоснительно выполнять указания патриарха Тихона,

но Иоанн не пошел на это, чем навлек на себя гнев и немилость святейшего синода. И тогда-то на Кубань был послан Евсевий Рождественский с заданием вырвать власть из рук Иоанна и подчинить кубанское духовенство патриарху Тихону.

— С этой целью Евсевий и прибрал епархию к своим рукам, — сказал в заключение Делавериди.

— Это ложь! — бросил с места Евсевий.

— Нет, не ложь! — гневно возразил Делавериди. — Разве не вы говорили мне в Ростове, что Советская власть послана нам в наказание божие?

— А что вы можете сказать о Рождественском как о человеке? — обратился к свидетелю прокурор.

Делавериди пожал плечами:

— Умен. Хитер. Недурен собой. Пользуется успехом у женщин.

По залу пронесся смех.

Евсевий попросил слова и задал свидетелю ряд вопросов, стараясь уличить Делавериди в противоречии, но последний аргументированно парировал все наскоки. На помощь Евсевию пришел поп Сосько. Он спросил Делавериди:

— Почему же вы, причисляющий себя к обновленческому духовенству, держали в церкви станицы Щербиновской контрреволюционного попа Пособило?

— Мы держали многих бандитов и контрреволюционеров вроде сидящих здесь, на скамье подсудимых, с надеждой, что они исправятся, — заявил Делавериди.

— А почему из краснодарского духовенства вы называли лишь двух либеральных лиц: Гангесона и Столяревского? — не унимался Сосько. — Вы говорите суду правду!

— Если я назвал лишь два лица, то потому только, что у нас в среде духовенства мало людей, лояльных Советской власти, — ответил Делавериди. — Но это не значит, что я считаю всех остальных контрреволюционерами. На только что закончившемся епархиальном съезде майкопский благочинный со слезами на глазах поведал, что послания Евсевия привели и самого благочинного, и подвластное ему духовенство к разброду и беспорядкам.

Суд выслушивает свидетельские показания священника Столяревского.

— Евсевий — не отец кубанского духовенства, а ти-

ран и деспот,— заявил он.— Захватив власть, владыка-самозванец начал допрашивать всех священников поодиночке, кричал на них, стучал кулаком по столу, оскорблял. А однажды во время такого «приема» он, так же как и с отца Делавериди, сорвал крест со священника Виноградова.

Столяревский обвинил Евсевия в стяжательстве.

— Львиную долю доходов он присваивал себе. Тут и выручка от продажи свеч, и сборы на тарелочку, и подношения в виде пирогов и кренделей. Как-то был устроен обед для епископа, но он не пришел, и тогда решили все продукты отдать в приют для голодающих детей. Однако продукты попали не в приют, а к членам соборного совета. Так распорядился сам Евсевий.

Евсевий не выдержал и громко закричал, позеленев от злости:

— Вы лжете, негодяй!

— А вы — рыжий дьявол! — бросил ему Столяревский и, смахнув ладонью испарину со лба, добавил: — Вовремя вас арестовали, а не то был бы в Краснодаре мятеж.

XXIX

Если до начала судебного процесса над кубанскими тихоновцами и в первые дни слушания их дела многие верующие смотрели на Евсевия как на страдальца, безвинно попавшего на скамью подсудимых, то в ходе дальнейшего судебного разбирательства этот «страдалец» был изобличен как матерый враг Советской власти и трудового народа. Нимб «святого великомученика» тускнел. В толпах, по-прежнему собиравшихся у «Мон-Плезира», все реже и реже шли разговоры о Голгофе, об «иродах-большевиках», решивших «распять владыку ясного, яко Иисуса Христа». Теперь в адрес Рождественского то и дело летели такие слова, как «контра», «прелюбодей», «корыстолюбец», «паук-крестовик», и тому подобное.

Накануне заключительного дня процесса в газетах был опубликован «Обвинительный акт Тихону», который не оставлял никаких сомнений по поводу глубоко контрреволюционной сущности тихоновщины.

В «Обвинительном акте» приводилось признание бывшего патриарха всея Руси Тихона Белавина о его

контрреволюционной подрывной деятельности против народной власти.

Именно с этого акта и начал прокурор Белоусов свою обвинительную речь на процессе кубанских тихоновцев 13 апреля 1923 года.

Перейдя затем к деятельности Евсевия Рождественского, прочно связанного с патриархом Тихоном, прокурор сказал:

— Обвиняемый Рождественский, обнаруживший на суде изумительную выдержку, необычайную осторожность в выборе каждого слова, проявивший большие способности прекрасно разбираться во всех процессуальных тонкостях, почему-то оказался легкомысленным, доверчивым, сразу давшим веру анонимным листкам, полученным, по заявлению Зайцева, неизвестно где, неизвестно от кого: «Не то у Иверской дали мне, не то в церкви у Николаевского вокзала. Кажется, дал какой-то рыжий священник, а может быть, и кто другой».

В переполненном зрительном зале кинотеатра стояла полнейшая тишина.

— Итак, инструкции получены,— продолжал Белоусов.— Повторяю, Рождественский умный и осторожный человек. Это не контрреволюционный медведь — это контрреволюционная лиса, ловко заметающая следы, умеющая делать хитрые петли на ходу. Для него слишком ясно, что лобовой атакой на советские твердыни идти нельзя, и он разрабатывает продуманный и осторожный план, ведет работу тихой сапой. В Краснодаре Рождественский организывает свои опорные пункты, так сказать контръячейки. В коммунхозе у него Попов — юрисконсульт и вместе с тем кандидат богословия, в исполкоме — Лисунова и другие, в кооперации — Соколова, на почте — два агента, в станции Щербиновской — священник Пособило, связанный с бандой Рябоконя. На службе у Евсевия образованные агитаторы, в церковно-приходских советах — шубники, торговцы и прочее кулачье. Кроме того, «бывший владыка» окружает себя преданными ему поклонниками.

Зал оживился. Некоторые дамочки, умиленно и со-страдательно поглядывавшие до этого на Евсевия, за-пунцовели, сжались под насмешливыми взглядами.

— Когда обвиняемый Рождественский,— продолжал Белоусов,— вел своих подчиненных за Тихоном, он делал определенное контрреволюционное дело.

Некоторые обвиняемые и защита пытались создать впечатление, будто бы тут судят старую церковь в угоду обновленческой. Это не так! Здесь судят за контрреволюцию, за сопротивление изъятию церковных ценностей в пользу голодающих, за черную услугу, которую внес Рождественский и его присные в жизнь Краснодара и всей Кубани.

* * *

В последний день процесса Елена Михайловна вернулась домой поздно вечером и застала мужа в обществе Соловьева.

— Ну, как там у вас на суде? — спросил Николай Николаевич. — Скоро вынесут приговор?

— Уже вынесли, — устало ответила Елена Михайловна. — Евсей Рождественский приговорен к семи годам тюремного заключения.

— Еще легко отделался, — с усмешкой сказал Соловьев. — Ведь этот Евсей и его сообщники — прямые подстрекатели вооруженных банд на Кубани. По сути дела, он и такие, как Рябоконе, одного поля ягоды. Разница только в том, что за Рябоконе не станут заступаться английские архиепископы, которые прислали Советскому правительству протест по поводу ареста Тихона.

— А что слышно о Рябоконе? — спросил Николай Николаевич.

— Нашим все еще никак не удастся покончить с ним, — сказал Соловьев. — На прошлой неделе он сделал налет на Степную, ограбил жителей, разгромил исполком, забрал в ЕПО сорок тысяч аршин мануфактуры. Узнав, что председатель Совета товарищ Гай находится в театре, он окружил и поджег театр. Люди в панике начали выскакивать из окон. К счастью, товарищу Гаю удалось уйти.

Николай Николаевич сказал:

— А в Баталпашинске мы потеряли товарища Карашева.

— Да вы что, Николай Николаевич! — воскликнул Соловьев.

— Убит, — кивнул Жебрак, — князем Дудовым.

— А убийцу поймали?

— Уничтожен во время перестрелки.

Станица Краснодольская сверкала в утренних лучах майского солнца. Во дворе станичного Совета тыждневые возились с лошадьми: чистили их, купали у водопойного корыта. Демка Вьюн, не торопясь, сошел вниз по ступенькам высокого крыльца, вынул из нагрудного карманчика гимнастерки часы на цепочке, открыл крышку: стрелки показывали семь.

«Можно теперь и домой отправляться», — решил Демка.

По дороге на коне проскакал Норкин, приветливо крикнул ему:

— Здорово, Дема! Отдежурил?

— Да, — вяло ответил Вьюн. — Теперь твой черед! Ко двору подошел Лаврентий Левицкий.

— Ну шо, Демушка? — спросил председатель. — Как прошло дежурство?

— Порядок, дядько Лавро, — доложил Вьюн, с трудом сдерживая зевоту. — Спать сильно хочется.

— Ну иди, иди домой, — сказал Лаврентий и, лукаво подмигнув, добавил: — А то молодая жена ешо заскучает без тебя. Факт на лице.

В улице показалась легковая машина. Обогнув церковную площадь, она покатила к стансовету. Лаврентий поглядел на нее из-под руки, промолвил:

— Кажись, к нам какое-то начальство едет.

Машина остановилась у ворот стансовета. Из нее вышел Жебрак. Поздоровавшись с Лаврентием и Вьюном, он сказал:

— Ну, Лаврентий Никифорович, Краснодольской выпала большая честь. Командование решило провести здесь девятнадцатого мая парад и учение 1-й Конной армии. Так что готовься к приему конников.

Услышав это, Вьюн просиял от радости.

— Вот это да!

Жебрак похлопал его по плечу.

— А ты, товарищ Вьюн, со своей комсомолией возглавишь эту работу.

— Есть возглавить, Николай Николаевич! — весело откликнулся Вьюн.

— Когда же войско ждать? — спросил озабоченно Лаврентий.

— Числа семнадцатого, — ответил Жебрак.

17 мая в Краснодольскую начали прибывать части 1-й Конной армии. Они размещались в казачьих дворах, на церковной площади, за станицей, в брезентовых темно-зеленых палатках. Над станицей не умолкали песни, звучала музыка духовых оркестров. Вездесущий Гришатка Ропот во главе ребячьей «конницы» носился верхом на лозине из края в край станицы, пристраивался к колоннам буденновцев и вместе со своим «войском» подпевал им:

Мы красные солдаты,
За бедный люд стоим,
Свои поля и хаты
Мы в битвах отстоим.

Вьюн с комсомольцами помогал бойцам расквартировываться по хатам. Станичники, словно перед большим праздником, приводили в порядок дворы, подбеливали хаты, чинили заборы. Давно Краснодольская не знала такого оживления.

Так продолжалось два дня.

А 19 мая, едва загорелось утро, за околицей начали собираться празднично одетые станичники.

У двора Левицкого на скамейке сидели Мироновна, Фекла и Денисовна. Они говорили о предстоящем параде, грызли семечки.

К ним подкатила открытая легковая машина. С подножки соскочил Жебрак, помог Соне выйти из машины. Елена Михайловна подала ей сына Толю. Увидев дочь, Денисовна радостно всплеснула руками, подбежала к ней, взяла мальчика и, целуя его, проговорила радостно:

— Внучек мой!

Мироновна тоже припала к мальчику, чмокнула его в лоб:

— Родименький!

Николай Николаевич и Елена Михайловна с почтением пожали руки женщинам.

— Вы все же не забываете нас,— приветливо улыбаясь, обратилась к ним Белозерова.

— Как можно! — воскликнул Николай Николаевич. — По старой памяти, как по грамоте.

— Ну, а вы не скучаете? — Мироновна подняла глаза на Елену Михайловну.

— Скучаю, конечно,— ответила та, переглянувшись с мужем.

— Ну, вы извините, мне пора, — сказал Николай Николаевич, сел в машину, поехал к курганам.

К Соне подбежали Галина и Клавдия и, смеясь, осыпали ее лицо поцелуями, затем принялись шутливо торжествовать Толю.

* * *

Два полка под командованием Воронова, прибывшие в Краснодарскую для участия в параде по случаю четырехлетия 4-й кавдивизии и 1-й Конной армии, расположились неподалеку от братской могилы, против курганов Калры и Лезницы. А через некоторое время к ним присоединились и курсанты Нацкавшколы под командованием Левицкого. Виктор взглянул на длинный холм, украшенный живыми цветами, на обелиск, на котором золотыми буквами были высечены имена тех, кто спал вечным сном под этим холмом, увидел среди знакомых имен и имя своего деда. Сердце сжалось от боли, и он снял фуражку. За ним обнажили головы и все курсанты.

Весь день кавалеристы готовились к параду, а на следующее утро, вскоре после восхода солнца, вся 1-я Конная армия выстроилась в каре в четырех верстах от станицы, на широком степном просторе. По обеим сторонам каре сгруппировалось по нескольку дивизий, и этот боевой порядок представлял собой грандиозную, необыкновенно впечатляющую картину.

Командование и представители областных партийных организаций находились на кургане Калры. Черный, Полуян, Левандовский, Балышеев, Воронов наблюдали за четким передвижением конников. На ярком солнце блестели пики, штыки, сабли. Ржали лошади, с грохотом проносились пулеметные тачанки. Над степью плыли звуки духовых оркестров.

Но вот все умолкло и в тишине громко пронеслась команда:

— Смирно! Равнение на середину!

На тонконогом буланом дончаке, в сопровождении адъютантов, на поле выехал командующий 1-й Конной армией Буденный. Он обратился к войскам с приветствием:

— Здравствуйтесь, чонгарцы!

В ответ дружно прозвучало:

— Здравия желаем!

Потом над степью покатилося:

— Урррр-рр-аа! Урррр-рр-аа! Урррр-рр-аа!

— Здравствуйте, славные петроградцы-пулеметчики! — выкрикнул Буденный.

Снова и снова гремело могучее «ура».

Наконец объезд войск закончился.

Из станицы выехала автомашина, помчалась по дороге к войскам. В ней стояли Калинин — шеф 1-й Конной армии, Орджоникидзе и Ковтюх. Объезжая фронт, они приветствовали конногвардейцев. В ответ неслось несмолкаемое «ура».

Калинин, Орджоникидзе, Ковтюх и Буденный поднялись на курган Калры.

Началось дивизионное учение. Конница развернулась в лавы, во взаимодействии с остальными родами войск пошла в наступление на условного противника. С кургана открылась величественная панорама боя. Черный воскликнул восхищенно:

— Какая сила!

Калинин внимательно обозревал в бинокль бескрайнюю степь, пересеченную буераками и ложбинами, на которой развернулись маневры 1-й Конной армии. Его острая борода и усы серебрились сединой.

Виктор то и дело останавливал взгляд на Буденном, которого увидел впервые, приглядывался к его роскошным усам, немного скуластому загорелому лицу, к орденам Красного Знамени, сиявшим на груди. И Буденный, и Калинин, и Орджоникидзе держались просто, хотя имена их уже были овеяны славой. Эта простота и скромность особенно нравились Виктору.

Под Краснодарской стояли толпы станичников, наблюдавших за парадом и военными учениями...

Между тем южный небосклон начал быстро темнеть, покрываться иссиня-черными тучами. Время от времени белые стрелы молний пронизывали их, погромыхивал гром.

Дивизионное учение в два часа сменилось джигитовкой, скачками... Потом оркестр заиграл «Интернационал».

Председатель ВЦИК Калинин вручил 1-й Конной армии шефское Красное знамя. Буденный прикрепил древко знамени к стремям и в сопровождении почетного эскорта полным карьером проскакал по фронту,

поздравляя бойцов с получением высокой правительственной награды. А в ответ, перекатываясь от одной части к другой, несло «ура».

Ветер подул с юго-востока. Вдали над Кубанью уже висела синяя пелена проливного дождя.

Буденный отдал приказ войскам двигаться в станцию. Полк за полком понеслись по полю. А тучи все быстрее летели навстречу коннице. Сорвались первые крупные капли, затем сразу хлынул ливень. Поле превратилось в бурное месиво, покрылось мутными лужами. В оврагах зашумела вода. Молнии, грозовые раскаты, покрытый тучами небосклон и скачущая во весь опор кавалерия олицетворяли собой слияние могучих сил природы с несокрушимыми лавинами 1-й Конной армии.

* * *

Вечером в станичном клубе с участием Сони готовился концерт для красноармейцев и командного состава 1-й Конной армии.

На площади собралась огромная толпа станичников вперемежку с красноармейцами, желавшими послушать молодую певицу хоть через открытые окна клуба, так как билеты были выданы только определенному числу желающих попасть на концерт.

В зрительном зале все скамейки были уже заняты. В первом ряду сидели Орджоникидзе, Левандовский, Жебрак с женой, Полуян, Ковтюх, Воронов, Южанин, Лаврентий Левицкий с Мироновной и сыном, Черный. К ним присоединились Юдин, Батракова и Мечев с Аминет.

Демка Вьун, пробиравшийся вдоль стены с Леонидом Градовым, указал на последних:

— Слышал? Гаврила и Аня свадьбу собираются гулять. Говорят, адыгейцы из аулов приедут.

— Не приедут,— мотнул головой Леонид.— Черкесы — магометане, а Аминет за русского выходит.

— Свадьбу без попов и без муллы справлять будут,— сказал Вьун.— По-новому...

Денисовна с Толей на руках занимала стул в дальнем углу зала и все баюкала мальчика, но он и не думал смыкать глаза, с любопытством рассматривал публику.

На авансцене появилась Авсеньева, сказала:

— Уважаемые товарищи бойцы и командиры 1-й

Конной армии, сейчас перед вами выступит певица — наша землячка, Софья Яковлевна Левицкая!

Занавес раздвинулся, и перед зрителями открылась ярко освещенная сцена. Из-за кулис вышла Соня в длинном черном платье, стройная, тонкая, лишь отдаленно напоминавшая ту Соню, которую знала станица. У пианино заняла место пожилая аккомпаниаторша. Авсеньева объявила:

— Русская народная песня «Как пойду я на быструю речку».

Соня чуть вскинула голову с пышными волнистыми волосами, скрестила руки на груди и запела свободно, легко, по-соловьинному залиvisto:

Как пойду я на быструю речку,
Сяду я да на крут бережок,
Посмотрю на родную сторонку,
На зеленый приветный лужок...

Жебраку, сидевшему в первом ряду, передали, что его просят выйти. Он быстро направился в фойе, увидел там уполномоченного Кубчеротдела ОГПУ, приехавшего из Краснодара, спросил:

— Что случилось?

— В ночь с девятнадцатого на двадцатое мая банда Рябокonia опять совершила налет на станицу Староджерелневскую, — сказал уполномоченный. — Бандиты ограбили мирных граждан, хотели уничтожить Михея Шевченко за то, что тот добровольно явился из банды Рябокonia к Демусу и помогал ему вылавливать скрывавшихся в камышах бандитов. Рябокoneвцы окружили дом Шевченко, но самого Шевченко не захватили. Тогда Рябоконь приказал сжечь дом. Когда начался пожар, жители, не зная, кто поджег дом, бросились тушить его. Бандиты открыли огонь по ним. Забрав награбленное продовольствие, они скрылись в камышах.

— А о Кубраке ничего не передавали? — поинтересовался Жебрак.

— С ним покончили, — сказал уполномоченный. — Селишвили сообщил вчера из Славянской, что отряд Кубрака разгромлен в районе Курчанского лимана, а сам Кубрак убит в бою.

— Ясно, — сказал Жебрак. — Пойдемте послушаем концерт а потом поедем.

Соня, с громадным букетом цветов, сопровождаемая родными и знакомыми, не без труда пробралась сквозь толпу станичников, ждавших ее у выхода. Они горячо благодарили за ту радость, которую она доставила им своим пением. Наконец Левицкие распрощались со всеми, направились домой. Виктор нес на руках спящего сынишку.

Мироновна отперла дверь, зажгла в кухне свет. Лаврентий достал из-за казачьего пояса свернутую газету «Красное знамя» и, присаживаясь к столу, промолвил:

— А ну-ка, шо тут пишут? — Остановил взгляд на заголовке: «Бандиты на Кубани». — Цю статью треба почитать, — сказал он и протянул газету сыну. — Читай в голос, у тебя очи лучше.

Виктор подсел к лампе, прочел:

Политический, так называемый бело-зеленый, бандитизм на Кубани не существует уже более полугода...

— Погодь, погодь. — Отец поднял руку. — Как же так? Банды у нас в горах бродят и в плавнях скрываются.

— Но это теперь мелкие, разрозненные банды, — ответил Виктор.

— Оно хоть и мелкие, а все ж банды, — буркнул Лаврентий.

Виктор читал дальше:

Последнее время остались в основном уголовные бандиты, промышляющие на больших дорогах. Эти банды перестали даже прикрываться бело-зелеными лозунгами. Среди оставшихся бандитов много бывших участников бело-зеленого движения, есть даже казачьи офицеры.

Органы ГПУ, блестяще ликвидировавшие в 1920—1921 и 1922 годах контрреволюционные выступления кубанского кулачества и оставшейся здесь белогвардейщины, уничтожают с корнем и эти уголовные отпрыски бело-зеленых банд.

За последние месяцы 80 процентов бандитов выловлено, остальные преследуются и в ближайшее время будут уничтожены. За 1923 год на Кубани ликвидировано 35 бело-зеленых, главным образом уголовных, банд. На днях получено сообщение, что самая большая шайка известного бандита Огорокова в Армавирском отделе уничтожена целиком: убито 12 грабителей, в том числе и их главарь. Недавно ликвидирована в Ейском отделе банда хорунжего Дробота, терроризировавшая хлеборобов. На Черноморском побережье (Новороссийский округ) нет ни одного бандита.

Все добровольно явившиеся бело-зеленые мирно трудятся у себя в родных станицах, никаким преследованиям со стороны как органов

ГПУ, так и других советских учреждений не подвергаются и подвергаться не будут.

Не арестовываются и бандиты, самостоятельно явившиеся теперь. С мест ежедневно поступают сведения о добровольных явках бело-зеленых в наши органы власти.

— Так, так... — задумчиво промолвил Лаврентий, подкручивая усики. — Значит, О कोरोкову как. Добрыкался, бандюга.

— То самое и Рябокошу будет, — сказал Виктор.

Мать сняла с себя фартук и, вешая его на гвоздик у печки, объявила:

— Вечеря готова, мойте руки.

XXXI

Наступил 1924 год. Борьба с бандами усилилась. Теперь против них активно начали действовать два полка под командованием Воронова, курсанты Нацкавшколы и отряды войск ОГПУ.

Вскоре банды Сапожкова, Шушкова, Белова и других были разгромлены. Сапожков и Белов во время боя были убиты. Остальные бандиты рассыпались по горам, влились в банды Ковалева, Волошко и Козлова.

Бело-зеленые боялись покидать горы, заваленные глубоким снегом, и концентрировались в самых недоступных местах, отсиживались в знаменитой Измайловской пещере.

Жадин с небольшим отрядом войск ОГПУ прибыл в Преградную, встретился с Жебраком. Вызвав к себе Минакова, начальника милиции станции Передовой, Жебрак спросил:

— Ну как, товарищ Минаков, вы чувствуете себя на новой работе? — И, не дожидаясь ответа, перевел глаза на заместителя начальника ОГПУ Баталпашинского отдела, поинтересовался: — Вы довольны им, товарищ Жадин?

Тот улыбнулся и ответил в полушутливом тоне:

— У нас имеются сведения, что он любит хвастаться перед казаками: мол-де, я и раньше, при царе, был у власти и теперь, при Советах, в начальниках хожу.

— Да вы что, Артем Маркович! — возразил Минаков срывающимся голосом. — Такого что-то я не помню.

— Правда это, Наум Трофимович? — Жебрак обратился к председателю Совета.

— Грешок за ним есть такой, но он исправится,— глядя из-под вихрастых бровей, ответил Оглобля.

-- Ясно...-- многозначительно протянул Жебрак и снова поднял взгляд на начальника милиции.-- Вы знаете, где находится банда братьев Крым-Шамхаловых?

— Знаю.— Минаков оживился.— В балке Черемухе скрывается. На Архызе, близ Марухского перевала.

— Далеко отсюда?

— Порядком... Верст семьдесят по прямой, а по горам и в сто пятьдесят не уберешь.

Жебрак обвел всех глазами, объявил:

— Нам надо немедленно проникнуть туда, товарищи, и ликвидировать эту банду во что бы то ни стало.

Позвонили в Карачаевское ОГПУ о своем решении, снарядили коней.— и в путь. На третьи сутки в Бахмуте повстречались с отрядом карачаевцев, в котором насчитывалось тридцать три человека. Отрядом командовал Кочатуров — высокий, стройный карачаевец с тонкими черными усиками.

— Вот что, дорогой друг,— сказал ему Жебрак.— Мы даем вам этих двух проводников.— Он указал на Шкрумова и Минакова.— Они знают, куда держать путь.

Кочатуров недоверчиво усмехнулся.

— Зимой бандита ловить трудно,— проговорил он с сильным кавказским акцентом.— Ми сама три года уже искай бандита Крым-Шамхалов и никак не могла найти.

На следующее утро оседлали коней и двинулись дальше. Пробирались по глубокому снегу несколько суток. Нигде ни зверя, ни человека. В завьюженной дали лишь безмолвно поднимались исполины горы в грозно надвинутых снежных папах да потрескивали на морозе гиганты деревьев. Все это выглядело сказочным, волшебным. Впереди ехали Шкрумов и Минаков, за ними — Кочатуров со своими чекистами, а Жебрак и Жадин с отрядом войск ОГПУ, провожая карачаевцев до места назначения, следовали позади. В самом хвосте тянулись три подводы, нагруженные продовольствием. Над лошадьми, покрытыми инеем, клубился пар.

Наконец поднялись к верховью Урупа, заночевали в балке Черемухе. На рассвете Жебрак послал Кочатурова и Шкрумова с группой бойцов в разведку с заданием определить местонахождение банды, а сам, зная теперь, где расположился его отряд, с несколькими оперативными работниками возвратился в Преградную, куда

должен был прибыть Виктор Левницкий с курсантами Нацкавшколы.

Разведчики в пешем порядке взобрались скрытой местностью на высокую гору и, засев среди сосен, на третьей сутки увидели во второй очазде 16 пасущихся лошадей. Была солнечная морозная погода. Ослепительно сверкал снег. Разведчики просидели там еще несколько дней, но никого не увидели. Лошади оставались в балке... Но вот наконец, на шестой день, около полудня, из елового, запущенного снегом леса вышли два азиата в черных папахах и бурках, с карабинами за плечами. Внимательно оглядев в бинокли местность, они простлали на снегу бурки, стали на колени и, поднимая и опуская руки, принялись молиться. Шкрумов послал связного к Жадину, и к ночи отряд перебрался из балки Черемухи к разведчикам на гору. Утром туда же прибыл Жебрак с курсантами Левницкого.

Еще прошел день. Лошади по-прежнему находились в балке, и снова в полдень к ним пришли те же азиаты. Пересчитав и осмотрев лошадей, они вскоре скрылись.

— Надо брать этих двоих, — предложил уполномоченный ОГПУ Кривошеев.

На следующий день те же самые бандиты вышли к лошадям. Разглядев их в бинокль, Минаков воскликнул:

— Да это же мои старые знакомые! Баксанук и Дауд Крым-Шамхаловы, братья.

— Главное, не спугнуть их, — сказал Жебрак. — Если они заметят что-нибудь подозрительное, то вся банда немедленно покинет эти места. Надо действовать крайне осторожно.

Минула еще одна ночь. На рассвете, после небольшого совещания, Жебрак принял решение идти в горы по следу, протоптанному Крым-Шамхаловыми. Он был уверен, что этот след приведет в логово.

Его расчеты подтвердились. Тропа, связывавшая балку с вершиной горы, привела к зимовью банды. Видимо чувствуя себя здесь в полной безопасности, бандиты даже не выставили дозорных. Зорька только начала загораться. В горах царил тишина.

Шкрумов, Кочатуров и Кривошеев первыми очутились перед балаганами, залегли в снегу. Вскоре, обогнув вершину горы, с другой стороны подползли с бойцами Минаков и Левницкий. В балаганы полетели гранаты. Их взрывы сменялись с криками застигнутых врасплох

бандитов. Полураздетые, они выбегали наружу, яростно отстреливались и отходили к вершине горы. Кто-то из них узнал Минакова, крикнул:

— Подъесаул — предатель! Бейте его, хлопцы!

Перед Минаковым, словно из-под земли, вырос белоказак, с черной бородой, в одних исподниках, босой, и, сбив его с ног, рванулся в глубь леса по глубокому снегу. Минаков выстрелил ему вслед, но промахнулся. Белоказак, устремляясь на перевал, закричал своим:

— Дайте мне карабин! Дайте мне карабин!

— Надо догоняй его! — сказал Кочатуров.

Минаков махнул рукой:

— Черт с ним! Сам издохнет на таком морозе. Голый ведь. Далеко не уйдет...

Перестрелка продолжалась не более четверти часа. Большинство бандитов было перебито, около двух десятков сдалось в плен.

От пленных Минаков узнал, что убежавший к перевалу белоказак был Андрей Матяш.

— Жаль, что я его не пристрелил! — с досадой сказал Минаков.

Жадин поручил ему отправить пленных в балку Черемуху.

* * *

Минаков прибыл в назначенное место позже всех, но без пленных.

— А где же сдавшиеся? — спросил Жебрак.

— Пришлось расстрелять, товарищ начальник, — ответил Минаков.

— Кто дал вам право?! — возмутился Жебрак.

Минаков скривил рот.

— Это чего же бандитов жалеть? Они пытались бежать, вот я и применил оружие. Конвойные могут подтвердить.

Четыре милиционера, сопровождавшие пленных, подтвердили сказанное. И все же Жебрак не совсем поверил в их свидетельство: уж слишком они опасливо поглядывали на Минакова.

Кочатурову удалось схватить раненых братьев Крым-Шамхаловых, но Кочатуров прибыл в балку Черемуху без них. Когда же он вытряхнул головы Баксанука и Дауда из мешка на снег, карачаевцы начали плакать.

Подошли Жебрак, Кривошеев с товарищами. Кочату-

ров, указав на головы, затем на карачаевцев, недоуменно пожал плечами:

— Ми бандита секим башка, а дурной плачет!

К Жебраку подошел Виктор Левицкий, сказал:

— Николай Николаевич! Матяш Андрей во время боя убежал в горы... В одном исподнем белье. Разрешите мне найти его. Он ведь пропадет, замерзнет.

— Эх, гада какого пожалел! — бросил Минаков. — Я его нарочно отпустил, пусть заковнеет, пес паршивый.

Виктор метнул на него гневный взгляд и снова обратился к Жебраку:

— Разрешите! Может, человек одумается...

— Вряд ли, — сказал Жебрак, но, помедлив немного, согласился: — Ну что ж, попробуй.

Виктор с тремя курсантами отправился к перевалу, но Матяша так и не нашел.

Переночевав в горах, Жебрак с отрядом Жадина и курсантами Левицкого направился в Загедан, на Большую Лабу, где действовала банда подъесаула Козлова, а Кочатуров со своим отрядом двинулся в Карачай, на Архыз.

Но Кочатуров не вернулся домой. В одном из ущелий карачаевцы, мстя за смерть братьев Крым-Шамхаловых, взбунтовались и убили начальника уголовного розыска. По прибытии в Карачай они сообщили в ОГПУ, что в горах на них напала банда, в результате чего Кочатуров и погиб. Однако вскоре эта ложь была разоблачена.

Неделю спустя после операции у балки Черемухи Левицкий со своими курсантами разгромил банду Козлова. В одной из схваток он взял в плен Барейшу и направил ее в Преградную. Курсант, конвоировавший ее, ехал верхом, а бандитка шла пешком. Во время отдыха она стала приводить себя в порядок и, поправляя платье, попросила конвоира отвернуться. Тот, не подозревая ничего, исполнил ее просьбу. Барейша мгновенно извлекла спрятанный в волосах дамский браунинг, два раза выстрелила в спину конвоира, забрала карабин, продовольствие и, сев на коня, ускакала в горы.

XXXII

В ту зиму — морозную, выжнюю — советский народ понес тягчайшую утрату: 21 января умер Владимир

Ильич Ленин. Вся страна была охвачена глубокой скорбью.

Ленин и смерть! Эти слова как-то не укладывались в сознании тех, кто знал Ленина, кто шел за ним в дни Октября семнадцатого года, кто громил белогвардейцев, интервентов и всегда побеждал.

Долго шел Соловьев домой с траурного собрания, состоявшегося в Зимнем театре. На Красной было многолюдно, но стояла необычайная тишина. Казалось, люди боялись нарушить ее, говорили вполголоса.

На лицах прохожих Геннадий Иннокентьевич видел слезы и сам испытывал неумемную душевную боль.

Дома он застал Назара Борисовича и Любочку. Они стояли перед портретом Ленина, и Назар Борисович рассказывал приемной дочурке, каким хорошим и добрым был дедушка Ильич. Девочка слушала внимательно, не отрывая взгляда от Ленина. Но вот она взглянула на Назара Борисовича, увидела в его глазах слезы и, всхлипнув, расплакалась.

— Любочка, успокойся,— сказал ей Геннадий Иннокентьевич.— Дедушка Ленин не любил плаксивых.

Любочка затихла, вытерла кулачками глаза.

На веранде скрипнула дверь, и в комнату вошли Екатерина Нестеровна и Аннушка.

— Никогда еще я не видела такой всенародной печали,— тяжело вздохнула Екатерина Нестеровна.— Что теперь будет?

* * *

Буйно кипела жизнь, в станицах советской Кубани. Все богаче становилась краснодольская коммуна, спаянная крепкой дружбой. Осуществлялась заветная мечта председателя коммуны Доронина: на степном раздолье раскинулся молодой сад.

Богатый урожай хлебов собрали краснодольцы в этом году. В станице выстроили новую школу, просторный кинотеатр.

Последние банды, действовавшие в горах, были или полностью уничтожены, или прятались в лесных чащобах и глухих местах, уже не рискуя нападать на хутора и станицы.

В августе выездная сессия областного суда приступила в городе Армавире к слушанию дела 69 контрреволюционеров, оперировавших главным образом в Армавирском и Баталпашинском отделах.

Весть об этом судебном процессе быстро облетела всю Кубань. Жители станиц, хуторов и аулов с нетерпением ожидали свежих номеров областной газеты «Красное знамя», где регулярно печатались материалы о процессе.

11 августа Краснодарская, как обычно, проснулась на рассвете. Загудели барабаны паровых молотилок, застучали конные катки вокруг ворохов намолоченного хлеба, зашумели веялки...

Калита молотил катком пшеницу у себя во дворе. У ворот остановился верховой почтальон, вынул из туго набитой сумки газету, крикнул:

— Возьмите!

Калита оставил лошадь, взял газету и на обратном пути, пробежав заголовки глазами, обратился к старухе:

— А ну-ка, гукни Ваську, хай почитает, а то я мелких букв не бачу.

— Отчепысь! — недовольно мотнула головой Денисовна. — Молотить треба, а не бог знает чем заниматься!

— И чего ты злуешь? — промолвил Калита и присел на колоду.

В калитке показался Норкин. К нему, повиливая хвостом, выбежала из сада Докука. Калита привстал, воскликнул:

— Ага! Вот и Васька. Легкий на помине.

Вслед за Норкиным во двор вошли Галина с Феклой Белозеровой и еще двумя женщинами. Потом прибежали Демка и Клава Вьюн. К плетню подошла Василиса, а вскоре собрались и другие соседи.

Норкин стал в круг, предупредил:

— Только вы не шумите, а то я грамотей не дуже шибкий.

— Да ты читай! — нетерпеливо зашумели казаки.

Норкин развернул газету, не спеша начал:

Утреннее заседание 10 августа.

Заседание суда открывается в театре имени Луначарского

Председатель Дроздов. Народные заседатели: Беляев, Зявкин. Государственные обвинители: по Краснодарскому отделу — Лесовой, по Армавирскому — Рязанцев.

Общественные обвинители: Аникин, Каргашилов и Кучинский.
Защитники: Полнев, Дюмин, Соколов, Федоров, Федуленко,
Кузьменко, Ярошенко, Крижевский.

Секретарь суда — Жебрак.

— Та это же Елена Михайловна! — заметил кто-то. —

Наша станичница.

— Тише вы!.. — прикрикнул Калита.

Норкин надвинул на лоб бриль, продолжал читать:

В зал заседания вводят подсудимых. Идут седебородые кулаки, идут пронырливые людишки типа станичных лавочников, идет молодежь с резко выраженными чертами удалых гуляк на больших дорогах.

Среди всех резко выделяется Антонина Демьяшкевич. Ей всего восемнадцать лет. Одета она в серое платье с черным фартуком ученицы. Лицо умное, с красивыми темно-серыми глазами под аркой черных бровей. Темно-каштановые волосы причесаны гладко, в широкой косе — черный бант, в волосах блестящая гребенка.

«Надежда Улагая» — Орлов — человек из типа малоразвитых канцелярских чиновников. У Козликина серые холодные глаза смотрят из-под рыжих насупленных бровей. Крутит Козликин длинные, закопченные табачным дымом усы, спускающиеся над бритым подбородком.

Лаштбега — типичный старшина и в то же время типичный офицер старой царской армии. Типов, подобных Лаштбеге, можно было встретить среди белых интендантов — на лице четко написано: «Доверять нужно с оглядкой — продаст родную мать».

Суд приступает к опросу подсудимых.

Первым опрашивается бывший полковник Орлов. Он заявляет суду, что окончил вышеназначенное училище и служил в казначействе чиновником, затем, во время войны, сдал на вольноопределяющегося 2-го разряда. Полковником стал у белых.

Подсудимый прикидывается наивным, плохо разбирающимся в политических вопросах. Он заявляет, что Улагай послал его узнать, как живут в Советской России рабочие и крестьяне, узнать об условиях их труда.

— А об условиях жизни буржуазии вас Улагай не просил спроситься? — спрашивает Дроздов.

В ответ Орлов улыбнулся.

Рисуя заграничную информацию о Советской России, он между прочим подчеркнул, что там, то есть на лесных разработках Улагая и в Константинопольском белогвардейском центре, думали о Красной Армии как о «наемной».

— Сказано, буржун, — усмехнулся Вьюн. — Они думают, что все продается!

Норкин присел на колоду, кашлянул и снова углубился в чтение:

О жизни на Кубани у заграничной белой эмиграции тоже оригинальное представление: на Кубани-де есть какие-то бродячие станицы, которые живут в лесах и горных пещерах.

И вдруг неожиданно Орлов заявляет, что он послан был на Кубань сказать этим станицам, чтобы они возвратились домой.

— Значит, помогать Советской власти приехали? — иронически замечает Зявкин.

Хитрая белогвардейская лисица попадает в переплет вопросов и вертится, то делая реверансы перед Советской властью, то показывая свою нарочитую темноту.

Денисовна тоже начала внимательно прислушиваться к голосу зятя. Клава наклонилась к матери, шепнула ей на ухо что-то, но та толкнула ее в бок, мол-де, не мешай слушать.

Орлов на Кубани из бесед с жителями убедился, — читал Норкин дальше, — что Советская власть пришлась населению по душе. Заграничные белогвардейцы нагнали обо всем Орлову. О жизни белогвардейской эмиграции он говорит так: все живут бедно, и все грузчиками работают.

— А как живет генерал Улагай? — спросил Зявкин.

— Незавидно, — отвечает Орлов.

— Работает он?

— Нет, не работает.

— На чьи же средства живет?

— Не знаю, — пожимает плечами Орлов.

А минуту тому назад тот же Орлов говорил, что турок, богатый коммерсант, приехав от Улагая, помог ему перебраться вместе с десантной группой из Трапезунда в Советскую Россию.

Рязанцев напоминает Орлову, что брат Улагая имел около Константинополя лесные разработки и что на этих разработках белые офицеры работали в качестве чернорабочих.

Орлов подтверждает это и говорит о белогвардейско-политической школе, которая действовала на лесных разработках Улагая. Читали в этой школе лекции о шпионаже в Советской России некто Думский и еще некоторые лица.

О своем житье-бытье в бандах повествует с голубиной наивностью. Мол-де, не знал, каким путем бандиты добывают одежду и пропитание, и полагал, что все это им дают люди, у которых глубоко «человеческое чувство».

— Вишь, какого дурака валяет! — усмехнулся фронтвик в полинялой рубашке. — Туману напускает.

— Овечкой прикинулся! — загудел басом его сосед.

— Токо в волчьей шкуре! — добавил Вьюн.

— Да тише вы! — шикнул на них Калита. — Мешаете ведь. Бачите, что человек читает с трудностями, то и проче...

Норкин бросил на него взгляд, улыбнулся и после небольшой паузы продолжал:

Дроздов спрашивает у обвиняемых:

— Подсудимые, кто желает задать вопрос Орлову?

— Я! — поднимается Антонина Демьяшkevич и ставит перед Орловым роковые вопросы: — Почему вы, Евдоким Харитонович, уверовавшись в бесполезности затеянного вами дела, не предупредили Ковалева и Козлика об оставлении вами своей контрреволюцион-

ной работы? Желая уйти в станцию на мирную жизнь, вы не сказали другим о том, чтобы они сделали то же самое?

— Некогда было, не успел,— ответил Орлов.

На этом оканчивалось очередное сообщение о процессе. Норкин передал газету тестю, станционники загудели, в воздухе потянуло табачным дымом.

В калитке показалась Мироновна с внуком на руках. Калита, широко улыбаясь, пошел ей навстречу, протянул руки к мальчику.

— Захотелось к бабе Дуне,— сказала Мироновна.— Пришлось бросать молотьбу и цурганиться с «их величеством» через всю станцию.

Калита взял внука на руки, поднял над головой и, обращаясь к собравшимся, воскликнул:

— Вот новый, советский человек!

XXXIII

Жебрак после долгой отлучки возвратился в город и в тот же день вышел на работу. К нему явился Селиашвили, крепко пожал руку.

— Ну что у вас нового, Иван Андреевич? — спросил Жебрак и пригласил садиться.

— Много нового, Николай Николаевич,— опускаясь на стул, сказал Селиашвили с горским акцентом.— Есть возможность поймать Рябоконея.

— Так в чем же дело? — воскликнул Жебрак.— Ловите! Мы и так слишком долго с ним возимся.

— Да тут, понимаешь, нельзя с бухты-баракты,— перебил его Селиашвили.— Надо действовать очень осторожно. Понимаешь, Рябоконец со своим помощником Ковалевым, по кличке Астраханец, и адъютантом Дудником завели любовные шашни на хуторе Водоморивке: Рябоконец с учительницей Семеновой, Ковалев с вдовой Чернышовзой, а Дудник с женой Зеленского. Они очень часто начали туда ходить. Вот тут-то и схватить бы их, понимаешь.

— Я в курсе этого дела,— входя в кабинет, вставил Соловьев.— Времени действительно нельзя терять.

Жебрак подумал немного, потом сказал решительно:

— Поручаю вам, Геннадий Иннокентьевич, сейчас же подобрать людей для операции, и мы ночью отправимся.

В районе станицы Гривенской в плавневых зарослях затерялся захолустный хуторок, получивший название из-за отсутствия питьевой воды «Водоморивка». В хуторе живут рыбаки.

Черная ночь. Вокруг хутора зловеще шепчутся непроходимые камыши да изредка пугливо покрякивают дикие птицы.

На окраине хутора приютился домик Зеленской. В щели закрытых ставен пробивается свет. Из трубы пахнет дымком.

Но вот во дворе раздался осторожный женский голос, и у двери остановились две темные фигуры. Постучали в ставню. Дверь тихонько отворилась, и фигуры скрылись в домике, и опять тишина.

Проходит полчаса, час... Где-то в камышах стукнули весла о борта лодки, захлюпала вода, и на тропинке, протоптанной в высоком чакане к берегу лимана, замаячили в темноте три силуэта. На пороге домика показалась женщина, встретила ночных гостей и, молча пропустив их вперед, снова заперла дверь.

В комнату вошли Рябокоть с Ковалевым и Дудником. Здесь был уже накрыт стол — с выпивкой и закуской. Семенова стояла перед зеркалом и, не обращая внимания на мужчин, пудрилась. Рябокоть через плечо заглянул ей в лицо, проговорил:

— А ты сегодня еще лучше стала.

Семенова повернула к нему лицо, улыбнулась.

Ковалев болтал с вдовой Чернышовой, смеялся тоненьким голоском. Дудник сел на кровати и, закулив cigarку, обратился к хозяйке:

— Когда же твой чоловік вернется с рыбалки?

— В воскресенье обещал,— ответила Зеленская, вытирая руки фартуком.

— Ну, хай ловит рыбу,— подмигнул ей Дудник,— мы ему мешать не будем.

Рябокоть положил руку на плечо Семеновой, спросил:

— Газету принесла?

— Конечно! — ответила она.— Вон на угольнике лежит.

Рябокоть взял газету, поднес к лампе.

— Кто же тут следующий? Ага, Козликин и есаул Лаштбега! — Он занял стул у накрытого стола, с раздражением бросил: — Дураки! Далась в руки.

— Может, почитать вслух? — предложила Семенова.
— Почитай! — Рябокоть передал ей газету.
Семенова придвинулась поближе к столу, начала:

Вечернее заседание 11 августа.

— Подсудимый Козликин, что вы можете сказать по предъявленному вам обвинению? — задал вопрос Дроздов.

Со скамьи поднимается высокий, костистый человек, напускает на себя елейно-лакейский вид. Он говорит, как жилось за границей «генеральской братии».

— Они, — почтительно отзывается Козликин об Улагае, — не нуждались, чтобы их поддерживали иностранцы.

Своих же «лихих рубак» Улагай заставлял рубить турецкий лес.

— Платил он вам? — спрашивает народный заседатель Беляев.

— Какой там платил! — восклицает Козликин и с грустной миной добавляет: — Кормил только.

— Эксплуатировал, значит, своих офицеров, — слышится в зале.

О целях и задачах своих «хозяев» Козликин, как он утверждает, ничего не знал. Свою позицию на Кубани объясняет так:

— Разузнать хотели, как живут... и возвратиться домой.

Дроздов напоминает, что многие врангелевские офицеры по призыву Советской власти вернулись домой и живут теперь мирно, занимаются честным трудом.

— Почему вы так не сделали? — спросил он.

— Боялся расстрела, — угрюмо ответил Козликин.

Неожиданно он заявляет, что воззвание писали не офицеры, а поп Забелин.

— Ого, — раздаются возгласы среди публики. — Хороши пастиры!

Все старается доказать Козликин, что «ничегошеньки не делал», а обманывал Улагая, обманывал Ковалева, лгал в дневнике.

Он, впрочем, сознается, что участвовал в трех грабительских налетах. Но как участвовал: «по-козликински». Винтовочный обрез взял без мушки и, придав себе бандитско-храбрый вид, надул простодушных бандитов и ехал... Он снова взмахнул рукой и с досадой воскликнул:

— Эх, какой там ехал, плелся позади!

— Тварь трусливая! — презрительно бросил Рябокоть. — Лижет пятки красным, думает, помилуют.

— Каждому жить хочется, — вздохнула Зеленская.
Семенова молча взглянула на Рябокотю.

— Ты читай, читай! — кивнул он.

Семенова снова склонилась над газетой.

Утреннее заседание 13 августа.

Показания дает подсудимый Лаштбега. В Константинополь он был вызван из Сербии полковником Думским, который предложил ему работу на лесной даче «Мандре», а затем посоветовал принять участие в поездке на Кубань в числе восемнадцати «аргонавтов», пообещав дать 20 рублей командировочных и обмундирование. Эти условия не устроили Лаштбегу.

— Двадцать рублей! Это же насмешка, — заявил он Думскому.

Произошел торг, и Лаштбега с полковником Черемневым и фельдшером Комовым не вошли в группу. Тогда Лаштбега поступил к англичанам мыть полы на пароходе, но те скоро его выгнали, наверно убедившись, что белогвардейские офицеры и в поломойки не годятся.

— Брехня! — Рябокось резко взмахнул рукой.

— Нашего брата там сейчас — хоть греблю гати! — дернул плечом Дудник.

Рябокось недовольно поморщился, но промолчал. Семенова продолжала:

Лаштбега рисует жизнь Улагая так: «Пришел я к нему голодный. Прежде всего бросился мне в глаза стол, уставленный яствами и питиями».

Но когда верный раб, проливавший кровь за Улагая, Врангеля и прочую генеральскую свору, попросил у генерала Улагая на бедность пять пиастров, то получил в ответ: «Бог вам подаст, не прогневайтесь».

Дудник с особым вниманием слушал статью. В его серых затуманенных глазах поблескивали скорбные искорки, будто отражавшие новые, никогда ранее не приходившие ему в голову мысли. Казалось, что он только сейчас начал понимать свою обреченность, что пора кончать с этой безнадежной и опасной игрой и сдаваться на милость Советской власти, как это уже сделали Загуби-Батько и другие казаки, которые теперь живут спокойно, не думают, что с ними будет завтра.

Ковалев сидел с потупленной головой на табуретке, опершись локтем о крышку сундука. Женщины также присмирели, и в комнате громко звучал голос Семеновой:

Наконец Лаштбега встретил полковника Кравченко, и тот уговорил его поехать на Кубань, сказав, что там работа будет очень легкая.

И здесь Лаштбега выясняет характерную для заграничной белогвардейщины деталь: «спасители отечества» заботятся сильно о своих карманах. Так, ассигновано было на каждого ехавшего на Кубань по 100 рублей, а выдали только по 20. Разницу положили себе в карманы в соответствующих инстанциях.

Обмундирование для отъезжающих купили у константинопольских барахольщиков.

В «Казачьем совете» у лихих терских атаманов, по словам Лаштбеги, денег много. Оказывается, они сдали в аренду американским буржуам на 10 лет Грозненские нефтяные промыслы и живут припеваючи.

— Что ж, получили нефть арендаторы? — спрашивает Зявкин.

— Как же получишь, когда промыслы в руках Советской России, — улыбается Лаштбега.

— Так что же, за воздух, что ли, платят буржуи аренду? — снова интересуется Зявкин.

— Не знаю, а вот — платят, — отвечает Лаштбега.

Что касается предательства на польском фронте, то, по словам Лаштбеги, не он сдал полякам часть армии, а командир бригады, он же, Лаштбега, командир полка, подчинился этому приказу.

Но через десять минут подсудимый признался, что к полякам перешел добровольно...

Вблизи дома послышались глухие торопливые шаги. Ковалев и Дудник выхватили револьверы.

— Свет! — шепнул Рябокоть и метнулся к дверям, прислушался.

Семенова погасила лампу. Чернышова и Зеленская прижались друг к другу у печки.

Ковалев и Дудник припали к окнам, выходящим в небольшой палисадник, замерли.

«Что же делать? — лихорадочно думал Рябокоть. — Куда деваться? Через крышу нельзя. Там железо».

А в это время чоновцы, человек двадцать, оцепив дом, стояли уже наготове.

Жебрак, Селиашвили и командир Гривенского ЧОНа Кислица подошли к дому, постучали в дверь.

— Откройте! — раздался в темноте требовательный голос Жебрака.

Но в доме стояла тишина. Жебрак снова окликнул хозяйку. Вдруг в окна изнутри начали сильно стучать. Казалось, что их собираются выломать. Все чоновцы бросились на стук, притаились в палисаднике.

Стук прекратился. Вскоре дверь открылась, и чоновцы ворвались в комнату, но бандитов в ней уже не было.

— Где Рябокоть? — спросил Кислица у женщин.

— А он с Ковалевым и Дудником ушел через коношню, — дрожа от страха, ответила Зеленская. — Там есть свинячий лаз...

— А кто стучал в окна? — обратился к ней Селиашвили.

— Я и вот Чернышова, — сказала Зеленская. — Нас заставил Рябокоть. Ну, мы и стучали.

— Ясно... — Жебрак покрутил головой. — Хитро придумал.

XXXIV

В первых числах апреля на Лебедях фронтовиками и мобилизованными красноармейцами на общем собрании хуторян был поднят вопрос о землеустройстве, и по их настоятельному требованию, несмотря на сопротив-

ление местного кулачества, была избрана землеустроительная комиссия.

С приближением осени комиссия приступила наконец к переделу земли, намереваясь лучшие пахотные и сенокосные угодья отдать беднякам и демобилизованным красноармейцам. Рябоконь, получив об этом известие от своих пособников, решил действовать.

Как-то вечером, еще до захода солнца, в хутор въехала пароконная линейка. На ней сидел бедняк-фронтовик Киселев с каким-то нехуторским мужчиной. Здесь же, на улице, он встретил Погорелова, председателя землеустроительной комиссии, демобилизованного красноармейца и бывшего председателя исполкома хутора Лебеди. Киселев остановил лошадей и, указав на приезжего, сказал:

— Василий Кириллович, вот товарищ Иванов из Славянской, наш землемер. Ты возьми его к себе на постой, а то у меня хата тесная, детишки.

Погорелов, добродушный молодой казак в белой курпейчатой высокой папахе, улыбнулся землемеру, протянул ему жилистую руку:

— Будем знакомы.

Иванов поздоровался с ним, спрыгнул с линейки. Киселев повернул коней назад, поехал в сельский Совет. К Погорелову и Иванову подошли демобилизованные красноармейцы Зайцев и Бирюк, члены землеустроительной комиссии, пожали руку землемеру и вместе с ними направились по улице ко двору Погорелова.

Хозяин пригласил гостей в дом.

Вскоре солнце скрылось в серебристых волнах плавневых камышей, начало смеркаться. Жена Погорелова развела у крылечка самовар, стала готовить ужин.

В Лебеди приехал Черненко, председатель Совета хутора Могуковоро-Гречаного, коммунист, и вместе с Киселевым пришел к Погорелову за землемером, но так как время было уже позднее, то ему посоветовали заночевать в Лебедях.

Зашел к Погорелову и Моренко, член землеустроительной комиссии, мужчина лет сорока двух, со впалыми щеками и заостренным носом. Он приподнял солдатскую фуражку с лакированным козырьком, на околышке которой все еще виднелось место, где когда-то была приколотая кокарда, слегка поклонился товарищам.

Хозяйка с дочерью накрывали на стол.

Тем временем Погорелов взял трехрядку, вскинул ремень на плечо, присел на сундучок и, положив голову на гармонь, пробежал не совсем послушными пальцами по клавишам, затем бережно поставил гармонь на сундучок.

— Да ты сыграй что-нибудь... — попросил землемер.

— Не играется... — вздохнул Погорелов. — На душе что-то мутно.

— Отчего бы это?

— Кто его знает. А вот тревожно, и все. Вроде беду какую сердце чувствует...

Хозяйка внесла в комнату горячий самовар, поставила на стол. Погорелов натужно улыбнулся:

— Попьем чайку, разгоним тревогу и тоску.

В этот момент во дворе громко залаяли собаки. Погорелов послал дочку узнать, кто там. Девочка вышла, и тотчас в комнату ворвались бандиты. Раздалась команда:

— Ни с места!

Ковалев обратился к хозяину дома:

— Что это за люди?

Черненко, опередив Погорелова, поспешно ответил:

— Это землемер и его рабочие.

— Руки вверх! — выкрикнул Ковалев. — Вылазь из-за стола и ложись.

Все сидевшие повиновались приказанию. Черненко незаметно спрятал под сундук наган, печать сельского Совета, воинский и партийный билеты. Бандиты начали вязать руки лежавшим на полу. Ковалев стоял у порога с наганом в руке.

Вошел Рябокось, злобно бросил лежащим:

— Ага, вот когда вы мне попались! Сейчас мы покажем вам Советы и как казацкие земли делить!

По его знаку бандиты начали зверски избивать членов комиссии, обзывая их грабителями. Жена Погорелова с дочерью забрались на печку, подняли крик. Ковалев пригрозил им револьвером, и они затихли. Рябокось приказал снять с землемера новенький френч, сапоги и брюки.

Киселев стал просить пощады и, заикаясь от волнения, сказал неосторожно:

— Вы называете нас грабителями, а почему-то мы носим саморучные костюмы, а на вас вон какие... сняли хороший костюм с землемера, а моего не захотели.

Рябокось заорал:

— Давай бечеву!

Киселеву первому накинули петлю на шею и удушили его. Та же участь постигла Иванова, Погорелова, Моренко, Зайцева и Бирюка. Очередь дошла до Черненко. Тот начал вымалывать жизнь, ссылаясь на то, что он казак и служил в белой армии. Рябokonь выслушал его, сказал бандитам:

--- Бросьте, не душите... Возьмем его в камыши и вынесем, правду говорит или брешет.

После расправы Рябokonь велел жене Погорелова подогреть остывший самовар и, оставив для охраны Черненко одного бандита на пороге комнаты, с остальными принялся шарить в кладовой, сарае, клуне.

Черненко был в отчаянии. В камышах ему нельзя показываться, так как он два года был помощником рыбнадзора и все рыбаки хорошо знали его. Сидя на табурете со связанными руками, он глазами указал Погореловой, чтобы та развязала ему руки. Женщина слезла с печки, незаметно выполнила его просьбу. Черненко вынул из-под сундука наган и бросился на часового. Тот метнулся в сенцы. Черненко выпрыгнул через окно во двор. По нему стали стрелять, но было темно, и он скрылся.

В этот момент пришел в себя Киселев, подумал: «Где я?» Потом услышал выстрелы, говор и вспомнил, что с ним произошло. Увидел, что лежит во дворе. Рядом с ним Погорелов, Иванов...

Самовар закипел. Бандиты уселись за стол, напились чаю. Ограбив ближайших соседей Погорелова, они покинули хутор Лебеди и ушли в плавни.

Киселев слышал лай собак, провожавших банду до камышей, и, когда наступила тишина, начал развязывать бечеву. Наконец ему удалось снять петлю с шеи. Очнувшись еще двое: Иванов и Моренко. Остальные погибли.

* * *

Весть о расправе над землеустроительной комиссией в Лебедях облетела все Приазовье. Жебрак прибыл с оперативной группой на место происшествия, составил акты о погибших Погорелове, Зайцеве и Бирюке. Вскоре туда же приехал и Селиашвили. Он доложил Жебраку, что в Гривенской Дудник добровольно сдался Демусу в плен.

Опергруппа на трех автомашинах направилась в Гривенскую.

Через полчаса грузовики въехали в кривую улицу и, прыгая на ухабах, проследовали по площади, остановились у церковной ограды. В станичном Совете Жебрака встретили Демус и председатель Совета Андрияш.

— Надо срочно вызвать сюда Дудника и Загуби-Батько, — сказал Жебрак. — У меня есть разговор к ним. И Загуби-Батько, и Дудник явились в Совет без промедления.

Жебрак спросил их:

— Поможете нам поймать Рябокonia?

Дудник и Загуби-Батько переглянулись.

— Попытаться можно, — ответил Загуби-Батько и снова взглянул на Дудника. — Как, по-твоему, Пантелей?

— Хитрючий он, — заметил тот. — Взять его не так просто.

— А вы знаете, где он сейчас находится? — спросил Селиашвили.

— Да где же? — дернул плечом Дудник. — Мабусть, на Круглом лимане...

XXXV

Солнце было уже на закате. Над лиманом Орешин не смолкало густое лягушачье кваканье, носились тучи комаров. У шалаша на чаканке дремал Рябокonia. Его шалаш стоял особняком от других. Вокруг камыши с многочисленными лазами.

Невдалеке послышались глухие шаги и шорох сухой болотной травы. Рябокonia открыл глаза, поглядел на тропу, увидел Ковалева.

— Ну, принес? — спросил его Рябокonia, приподнявшись на локте.

— Нет, не принес, Василий Федорович, — ответил Ковалев и присел на край чаканки. — Не смог достать.

— Жаль... — буркнул Рябокonia. — Хотелось узнать, что там в Армавире, на суде.

— Завтра постараюсь достать газету, — пообещал Ковалев, вставая.

Рябокonia сказал:

— Ну, добре, иди отдыхать, а как стемнеет, еще раз проверь сигнальные обрезы.

Ковалев закурил сигарку, ушел к себе в шалаш. Рябокonia снова лег на спину, задумался. В голову лезли думы о Дуднике, сдавшемся Советской власти, о том,

что в отряде осталось совсем мало людей. От этих мыслей мрачно было на душе. Он уже боялся доверять кому-нибудь. Примеру Дудника могли последовать другие, и тогда придется ему остаться в страшном одиночестве, как загнанному волку. Постепенно мысли начали путаться, и он заснул, тихонько захрапев. Но тут же вздрогнул от внезапно привидевшегося кошмара, широко раскрыв глаза.

Перед ним стояли с наганами в руках Загуби-Батько и Дудник. Рябокось не сразу понял, в чем дело, подумал, что это продолжение кошмарного сна, затем, осознав вдруг, что это явь, быстро сунул руку под подушку. Загуби-Батько двумя выстрелами ранил ему обе руки.

Чоновцы рассыпались по лазам, но в курнях, находившихся поблизости, уже никого не было.

Пришли Жебрак и Селиашвили. Загуби-Батько и Дудник перевязали Рябокось простреленные руки.

— Ну, вот и пойман неуловимый! — бросил Селиашвили.

Рябокось презрительно усмехнулся:

— Дружки выдали! Сегодня меня предали, а завтра, в случае чего, и вас предадут.

В шалашах произвели обыск. Рябокось отправили в Славянскую.

Жители станицы высыпали на улицу, по которой вели Рябокось. Одни выражали радость, другие молча глядели на него со скорбью и сожалением.

На пристани, около пакгауза, забитого мешками, толпились грузчики, рыбаки. Они бойко о чем-то спорили, размахивали руками. Из конторы вышел полный мужчина в очках с газетой в руке, сел на пустом ящике в кругу собравшихся и хотел уже начать чтение, но тут кто-то сказал:

— Смотрите, Рябокось ведут.

Все повернули головы в сторону Рябокось, затихли. Конвойные расположились с арестованным тут же, возле пакгауза. Рябокось опустил на весы и отвернулся лицом в сторону реки.

— Ну, читай, — пробасил грузчик, обращаясь к полному мужчине, и указал на Рябокось: — Пусть и Василий Федорович послушает, как народ судит бандитов.

Конторщик поправил очки, начал читать:

Вечернее заседание 14 августа.

Допрашиваются главари бандитов — Зосимов, Коренев. Окорков, Стороженко, Демиденко.

Причины их ухода в банды для всех типичны и однообразны: жить-де не давали, притесняли. И вот не стерпел, и... здравствуй, лес зеленый, темная ночка, большая дорога и острый нож.

— Значит, грабежами жили? — спрашивает Дроздов.

— Нет, мы без грабежов, — отвечает Зосимов и корчит такую умильно-наивную рожу, словно какой-то «лесной святой».

— Чем же жили?

— А это... выйдешь на дорогу или по хатам пойдешь и просишь.

— А за спиной, чай, винтовка была? — задает вопрос Зявкин.

— Винтовка... — утвердительно кивает подсудимый.

— С винтовкой-то, чай, лучше давали? — продолжает Зявкин.

— Оно конечно... — соглашается бандит.

В зале смех.

Рябокоть прислушивался к голосу конторщика, сидел хмурый и с презрением думал о главарях банд, трусливо юливших перед судом. В эти минуты он проклинал себя за то, что дался живым, не успел пустить себе пулю в лоб.

К причалу подошел небольшой пароход. Пассажиры гурьбой повалили по трапу на палубу. Рябокотю поместили в отдельную каюту. Вскоре над рекой прогудел сиплый гудок, и пароход двинулся в сторону Краснодара.

* * *

Над Успенской пустынью в темном небе висела ущербленная луна, заливала серебристым светом двор, постройки, сад. На гладком зеркале пруда покоились белые хлопья ночного тумана.

В монашеском общежитии кто-то прошел по узкому длинному коридору, шаркая подошвами чувяк о каменные плитки пола, и снова все утихло.

Мать Иоанна лежала вверх лицом на широкой кровати у себя в спальне, тяжело дышала и, что-то бормоча, мычала во сне и никак не могла проснуться. Наконец вздрогнула, открыла глаза и громко выкрикнула:

— Га?

Вскочила с постели, посидела минуту в каком-то оцепенении, тяжело перевела дух и, осенив себя крестом, промолвила:

— Господи Иисусе, что же это за наваждение?

Она кликнула мать Сергию и, когда та явилась к ней с низким поклоном, в слезах спросила:

— Матушка, что со мной творится? Уже третью ночь кто-то душит меня во сне и за окном зовет мать Рафаила... Вот и сейчас позвала. Да еще как позвала! Крикнула: «Ио!..»

— Это антихрист нечистый вами завладел, матуш-

ка, — пояснила мать Сергия. — Вам надо было бы спросить у него: «Зачем зовешь? На худо или на добро?» Но только других слов наперед не говорить. Он бы и ответил, зачем вас зовет.

Мать Иоанна легла на пуховики, пробормотала:

— Ну, иди...

— Спите, мать игуменя, с богом спите, — сказала мать Сергия. — До света еще далеко. Вот я вас свяченой водой взбрызну. — Она налила из графина в стакан воды, набрала в рот и, брызнув на игуменя, перекрестила ее, воскликнула: — Изыди, сгишь, нечистый дух!

Мать Иоанна легонько свистнула носом и тут же захрапела. Теперь ей пригрезился другой сон: будто бы из прихожей к ней в спальню вошел неопикуемой красоты херувимчик с золотыми вьющимися кудрями и румяными щечками, порхнул, как мотылек, в воздухе и пустился в пляс по спальне. И вдруг он превратился в страшное чудовище с крючковатым носом и одним глазом во лбу. Мать Иоанна снова замерла от страха, лежала ни жива ни мертва. Чудовище повисло над ней и в самое ухо глухо прорычало: «Что, не узнаешь? Я же мать Рафаила». За окном опять послышался голос: «Ио!..» Мать Иоанна открыла глаза, спросила:

— Зачем ты меня зовешь? На худо иль на добро?

Из-под камина донесся глухой, замогильный бас:

— Красной бричкой поедешь...

Мать Иоанна тщетно пыталась разгадать, к чему были сказаны загадочные слова, однако почувствовала в них что-то недоброе, трижды осенила себя крестом и пролежала уже до самого утра, не смыкая глаз.

С восходом солнца к ней в келью снова явилась мать Сергия, спросила, как спалось. Мать Иоанна рассказала ей о зловещем сне и о том, что ей ответил нечистый на вопрос. Мать Сергия задумалась, покачала головой.

— Чудо какое-то, матушка. И отгадать нельзя бесовский ответ. «Красной бричкой поедешь...» Не понимаю.

— Вот и у меня полное затмение, — простонала мать Иоанна. — Видимо, бес решил шутку надо мной подшутить.

В башне на совет собрались все мантийные монахини, и отец Макарий, сотворив крестное знамение, произнес молитву.

Затем они принялись обсуждать сон игуменьи и ответ

нечестивого. В результате долгих словопрений все пришли к общему мнению, что надо отслужить молебен, и молебен немедленно было совершено.

А перед самым закатом солнца, когда в монастыре закончилась вечерняя трапеза и игуменья была доставлена свежая почта с газетами, мать Иоанна, горя желанием узнать, что происходит на суде в Армавире, уединилась в башне со священником и мантийными монахинями. Отец Макарий развернул перед собой на столе газету «Красное знамя» и начал читать певучим голосом:

Показания Антонины Демьяшкевич.

В лице Демьяшкевич пролетарскому суду пришлось судить людей в футлярах — учителей старой школы, хитрого фарисея, попа, царско-полицейский строй — все то, что из детей народа создает палачей и тюремщиков.

Отец Макарий приподнял глаза на икону, трижды взмахнул рукой, кладя на себя кресты и шепча молитву:

— Моли бога о мне, святая угодница божья, Мария-богородица...

Монахини также начали креститься.

Мать Иоанна с помощью казначеи и еще двух инокинь пересела на диван и вытерла слезу, повисшую на реснице. Отец Макарий придвинул к себе старинный позолоченный трехпарный шандал с горящими витыми свечами, продолжал чтение:

Одно достоинство у Демьяшкевич: она не вилает и не лжет. Демьяшкевич выкладывает перед судом всю грязь бандитского контрреволюционного быта. Хитро-подлое белогвардейское офицерье воспользовалось молодостью и неопытностью Демьяшкевич и дало ей хорошую школу подлости, обмана и шпионажа.

Встав на скользкую дорожку, она покатилась по наклонной плоскости и с 20-го года кочевала по белогвардейским бандам.

— Были ли в банде у вас попы? — задает вопрос Дроздов.

— Были, — говорит Демьяшкевич и поясняет под громкий смех публики: — Подвяжут косички и тоже на конях ездят.

— Святой угодник, спаси и помилуй нас! — еще истовее взмолилась мать Сергия.

Зашипели, закрестились и другие монахини. Отец Макарий, высоко подняв руку, также осенил чело крестным знаменем и снова забубнил:

В предгорных районах Армавирского и Баталпашинского отделов Демьяшкевич стала известна под кличкой «Лесовичка».

Однажды она задумалась над своей жизнью и кинулась было к богу.

— Я хотела уйти в Свято-Михайло-Афонскую пустынь, — заявила суду Демьяшкевич.

— Почему же не ушли? — спрашивает Зявкин.

— Увидела, что монашки живут тоже нехорошо,— ответила подсудимая,— варят араку и...

В публике смех.

— Да покарай всевышний эту скверную девчонку за клевету! — воскликнула мать Иоанна.

— Прислужница сатаны! — добавила казначея.

Монахини заерзали на скамьях, будто сидели на иглоках. Отец Макарий читал дальше:

От бандитов Демьяшкевич получала пай из награбленного. Ей были известны и планы Ковалева, и заграничной белогвардейщины. В общем, во всех предьявленных преступлениях Демьяшкевич признается открыто. Дочь бедного ветеринарного фельдшера оказалась мужественней воспитывавших ее офицеров белой армии.

— Виновата во всем,— говорит она.

Отец Макарий перевел дух и только хотел было продолжать чтение, как вдруг окна приемной ярко осветились зловещим багряным светом и со двора монастыря долетели истошные голоса:

— Горим! Горим!

Мать Иоанна бросилась к окну и, увидев, что два самых больших купола церкви были уже охвачены огнем, упала в обморок.

Монахини с плачем и воплями бросились из башни.

XXXVI

Утром в монастырь приехали Юдин, Батракова, Левицкий и Ропот. Они поглядели на пожарище, на обгорелые стены зданий, над которыми торчали долговязые печные трубы, заглянули в уцелевшие подсобные помещения. Там было несколько монахинь. Одни из них молились и плакали, другие сидели молча, точно окаменелые.

— Отчего начался пожар? — спросил у них Юдин.

— Господь ведает,— ответили вразнобой монашки.— Никто ничего не знает.

— А игуменья Иоанна где? — спросила Батракова.

— Она ночью скончалась,— прослезилась мать Сергия.— Должно быть, от разрыва сердца.

— А где Захарыч? — поинтересовался Левицкий.

— Его тоже нет,— ответила мать Сергия, вытирая слезы.— Он еще с вечера как в воду канул.

— Повздорил он наемни с матерью игуменьей,— добавила из угла сухая монахиня.— Вот и ушел. Обидела она его ни за что ни про что.

Кубань облетела весть о попытке бандитов сорвать судебный процесс в Армавире. В газете сообщалось:

22 августа, в 7 часов 50 минут вечера, в переполненном зале судебного заседания внезапно погас свет.

Комендант суда предложил находящимся в зале судебного заседания сохранять порядок и не двигаться.

В ответ в задних рядах публики раздались револьверные выстрелы, направленные на сцену, где заседал суд, а также в конвой и в взволнованную толпу.

Охранявший обвиняемых конвой, в целях предотвращения побега важных преступников, сделал предупреждающие выстрелы из винтовок.

Свет отсутствовал 3 минуты, и к моменту включения его оказались ранеными красноармеец из конвоя, милиционер и член коллегии защитников.

Из обвиняемых 3 убито и 7 ранено.

Показаниями как самих подсудимых, так и присутствующей публики подтверждается, что первые выстрелы раздались с балконов театра и из задних рядов партера.

Это также подтверждено револьверными ранениями в спину милиционера и конвойного красноармейца. Предварительное следствие установило явно провокационный характер стрельбы, направленной на срыв судебного заседания, убийство членов суда и освобождение арестованных.

* * *

День был солнечный, жаркий. У двора Левицких собралась толпа станичников. Подъехала линейка. На ней сидели Лаврентий с сыном и невесткой. С подножки соскочил Виктор, открыл ворота, и линейка въехала во двор. Толя бросился к матери, закричал:

— Мамочка, родненькая!

И вдруг громко заплакал. Соня взяла его на руки и, прижав к груди, чмокнула в щечку. Он обвил руками ее шею и стал целовать.

Лаврентий бросил вожжи на линейку и вместе с Виктором принялся выпрягать лошадей.

Галина взяла Соню под руку, сказала:

— А ты знаешь, что Успенская пустынь сгорела?

— Батя рассказывали, — ответила Соня.

— Грешат на Мирона, но толком никто ничего не знает.

— На Захарыча? — удивилась Соня. — Что-то не верится. Он ведь хороший человек!

— Оттого, что хороший, и не выдержал, не стерпел.

Виктор привязал Ратника к корыту, ласково потрепал по холке, с грустью проговорил:

— Ну, дружок, придется нам расстаться навсегда. Конь положил голову ему на плечо, притих. Виктор приготовил в корыте мешку, насыпал ее обильно отрубями.

— Ешь, боевой друг, поправляйся,— он погладил Ратника по шее и вышел из конюшни.

Мионовна пригласила родственников и сватов в хату, но тут вбежал во двор Гришатка Ропот, подал Лаврентию газету. В ней сообщался приговор суда.

— Читай, сынок, послушаем,— сказал Лаврентий.

Большинство белогвардейских лазутчиков, переброшенных Улагаем из-за границы на Кубань, и главарей банд было приговорено к расстрелу, остальные к различным срокам тюремного заключения.

Демьяшкевич получила пять лет тюрьмы, но ввиду ее несовершеннолетия и чистосердечного признания суд решил войти с ходатайством в ЦИК о ее освобождении.

Внимательно выслушав список приговоренных и меры наказания в отношении каждого, Лаврентий сказал:

— Так им и треба, собакам!

— А что с Рябоконею? — поинтересовался Норкин. — Я слышал, что он якобы арестован.

— Да,— подтвердил Виктор. — Его недавно отправили в Москву по требованию Дзержинского.

— Ну, а Жукова почему до сих пор не судят? — спросил Ропот.

— Он в домзаке умер,— ответил Виктор,— то ли от болезни, то ли от страха перед возмездием.

Ропот поскреб багровый рубец на шее и, облегченно вздохнув, промолвил:

— Словом, конец черному воронью. Теперь на Кубани наступит мирная жизнь. Вот.

* * *

Утром Виктор и Соня начали готовиться к отъезду в Москву: он поступать в Военную академию РККА имени Фрунзе, а она — в консерваторию.

На проводы у двора Левицких собралось много родственников, станичников, коммунаров.

И вот настал час прощания. Юдин обнял Виктора и Соню, поцеловал их и сказал напутственно:

— Перед вами теперь открыта широкая дорога. Идите по ней уверенно вперед и вперед! — Вскинув руку, он громко воскликнул: — Шире шаг, друзья!

Станичники поздравляли Виктора и Сою, шептались меж собой:

— Бач, як наши краснодольцы пошли в гору!

— Молодцы!

— Счастливики!

Виктор и Соня ни с кем не забыли проститься и наконец подошли к сыну, сидевшему на руках у Мироновны. Соня долго целовала его и, не сдержав слез, заплакала. Виктор поднял сына над головой.

— Держись, богатырь! — сказал он, улыбаясь. — Не горюй, дождайся нас. А вырастешь — все на земле твоим будет! — И передал его Денисовне.

Соня еще раз поцеловала сына, села на линейку. Виктор занял место рядом с ней.

Толя, словно поняв наказ отца, не плакал.

Лаврентий дернул вожжамы, и лошади тронулись со двора.

Денисовна посадила внука на плечо, замахала рукой. Толя тоже начал махать ручонками, прощался с отцом и матерью на долгое время.

Линейка минула последнюю хату, покатилась по ровной дороге, залитой яркими лучами утреннего солнца.

Конец

Оглавление

ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ	3
ЧАСТЬ ВОСЬМАЯ	149
ЧАСТЬ ДЕВЯТАЯ	250

Петр Павлович Радченко

НА ЗАРЕ

Роман. Книга третья

Редактор **Н. Г. Семенова**

Художественный редактор **С. В. Тараник**

Технический редактор **Л. В. Терещенко**

Корректоры **З. И. Нестерова, Т. Ю. Федина**

ИБ № 1804

Сдано в набор 10.07.89. Подписано в печать 03.11.89.
Формат бумаги 84×108/32. Бумага офсетная № 2. Гар-
нитура шрифта литературная. Высокая печать. Усл.
печ. л. 21,84. Усл. кр.-отт 22,47. Учетно-изд. л. 23,46.
Тираж 30 000. Заказ 0228. Цена 1 р. 60 к. Краснодар-
ское книжное издательство. 350063, Краснодар, ул. Ки-
рова, 3. Адыгблполиграфобъединение управления изда-
тельств, полиграфии и книжной торговли Краснодарско-
го крайисполкома. 352700, Майкоп, ул. Пионерская, 268

Художник П. Е. Анидалов

Радченко П. П.

P 15 На заре: Роман.— 3-е изд.— Краснодар:
Кн. изд-во.

Кн. 3. Под красным стягом.— 1989.— 416 с.
ISBN 5-7561-0154-3

«Под красным стягом» — заключительная, третья книга трилогии «На заре». В этой части рассказывается о завершающем этапе гражданской войны на юге России, о разгроме генерала Улагая и других белогвардейских войск, многочисленных банд бело-зеленых, действовавших на Кубани.

P 4702010201-55 154-89
M146(03)-89

P 2

ISBN 5-7561-0154-3

© Краснодарское книжное издательство, 1981